ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

Научный журнал

2019 № 57

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-29496 от 27 сентября 2007 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Индексируется в БД Scopus и Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index

Учредитель - Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Редакционная коллегия журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Т.А. Демешкина (Томск, Россия) – главный редактор

И.А. Айзикова (Томск, Россия) зам. главного редактора

Ю.М. Ершов (Томск, Россия) – зам. главного редактора

Д.А. Катунин (Томск, Россия) – отв. секретарь

П.П. Каминский (Томск, Россия) – зам. отв. секретаря

К.В. Анисимов (Красноярск, Россия) **Е.В. Иванцова** (Томск, Россия)

В.С. Киселев (Томск, Россия)

Т.Л. Рыбальченко (Томск, Россия)

В.А. Суханов (Томск, Россия)

Editorial Board of the Tomsk State University Journal of Philology

T.A. Demeshkina (Tomsk, Russia) -

Editor-in-Chief

I.A. Aizikova (Tomsk, Russia) -

Deputy Editor-in-Chief

Yu.M. Yershov (Tomsk, Russia) -

Deputy Editor-in-Chief

D.A. Katunin (Tomsk, Russia) -

Executive Editor

P.P. Kaminskiy (Tomsk, Russia) -

Deputy Executive Editor

K.V. Anisimov (Krasnoyarsk, Russia)

Ye.V. Ivantsova (Tomsk, Russia)

V.S. Kiselev (Tomsk, Russia)

T.L. Rybalchenko (Tomsk, Russia)

V.A. Sukhanov (Tomsk, Russia)

Редакционный совет журнала «Вестник Томского государственного университета. Филология»

Дж.Ф. Бейлин (Стоуни-Брук, США)

Е.Л. Березович (Екатеринбург, Россия)

Е.Л. Вартанова (Москва, Россия)

Н.Д. Голев (Кемерово, Россия)

Е.А. Добренко (Шеффилд, Великобритания)

М.Н. Липовецкий (Боулдер, США)

3.И. Резанова (Томск, Россия)

И.В. Силантьев (Новосибирск, Россия)

А.Н. Соболев (Санкт-Петербург, Россия)

С.Л. Фрэнкс (Блумингтон, США)

Т.В. Шмелева (Великий Новгород, Россия)

Editorial Council of the Tomsk State University Journal of Philology

J.F. Bailyn (Stony Brook, US)

E.L. Berezovich (Yekaterinburg, Russia)

Ye.L. Vartanova (Moscow, Russia)

N.D. Golev (Kemerovo, Russia)

E.A. Dobrenko (Sheffield, UK)

M.N. Lipovetsky (Boulder, US)

Z.I. Rezanova (Tomsk, Russia)

I.V. Silantev (Novosibirsk, Russia)

A.N. Sobolev (Saint Petersburg, Russia)

S.L. Franks (Bloomington, US)

T.V. Shmeleva (Veliky Novgorod, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Аксарина Н.А., Басова Л.В. Лексикографическое описание предлога в части
в разговорно-деловой речи
Батюшкина М.В. К вопросу о формировании представления о русском языке
как государственном в досоветский и советский периоды
Ким Л.Г., Беляева Е.С. Дотекстовые ожидания адресата как фактор вариативности
интерпретации политического текста 48
Кузнецова Н.В., Почтарёва О.В. Служебная единица в смысле в союзной
функции
Молодыченко Е.Н. Коммуникативно-прагматические особенности
«лайфстайл-инструкции» как интернет-жанра в культуре потребления
Некрасова Е.Д., Резанова З.И., Палий В.Е. Влияние родного языка (L1)
на когнитивную обработку грамматической категории рода существительных
русского языка (L2) русско-тюркскими билингвами
Осокина Н.Ю., Дектерев С.Б. Интенциональный семантический сдвиг
градуальность otherpadуальность как источник скрытых смыслов
в произведениях современных англоязычных авторов
Петрухина Е.В., Дедова О.В. Интернет как источник лингвистической информации
(для изучения динамики русского словообразования)
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Бутенина Е.М. Филологическая дилогия Элиф Батуман (метод «остранения»)
Гаврилов В.В. Мотивы мифа об Орфее и Эвридике в романе М.А. Булгакова
«Мастер и Маргарита» 172
Задорина А.О. Ранний традиционализм и соцреализм: проблема художественного
взаимодействия в романе Л. Леонова «Русский лес» 182
Киселев В.С. Сценарии революционного объединения Германии в осмыслении
В.А. Жуковского (по материалам публицистики и эпистолярия 1848–1850 гг.)
Красина Е.А., Чеснокова О.С. «Сюжет» Х.Л. Борхеса: опыт интертекстуального
прочтения 206
Крылов В.Н. Становление литературной репутации К.Д. Бальмонта
Tikhomirova Yu.A. Translating a Fact, Creating a Myth: Rosa Newmarch's Images
of Russia
ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
Леушина Л.Т. Профессор Л.Д. Тарасов о преподавании древних языков
в итальянской средней классической школе
• **
РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ
Карпухина В.Н. Немецкий текст в творчестве В.А. Жуковского. Рецензия на книгу:
Собрание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского / Gesammelte
deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij
·
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

CONTENTS

LINGUISTICS

in Business Discourse	5
Batyushkina M.V. On the Formation of the Idea of the Russian Language	
as a State Language in the Pre-Soviet and Soviet Periods	27
Kim L.G., Belyaeva E.S. Recipient's Pre-Text Expectations as a Factor	
of Various Interpretations of Political Discourse	48
Kuznetsova N.V., Pochtareva O.V. The Function Unit 'V Smysle' as a Conjunction	63
Molodychenko E.N. "Lifestyle Instruction" as an Internet Genre in Consumer Culture: A Communicative-Pragmatic Perspective	79
Nekrasova E.D., Rezanova Z.I., Paliy V.E. The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals	103
Osokina N.Yu., Dekterev S.B. The Intentional Semantic Shift <i>Gradable</i> →	
Non-Gradable as a Means of Creating Ambiguity and Implication in a Literary Text	124
Petrukhina E.V., Dedova O.V. The Internet as a Source of Linguistic Information (for Studying the Dynamics of Russian Word Formation)	137
LITERATURE STUDIES	
Butenina E.M. The Defamiliarizing Method in Elif Batuman's Academic Dilogy	160
Gavrilov V.V. The Motives of the Myth of Orpheus and Eurydice in Mikhail Bulgakov's The Master and Margarita	172
Zadorina A.O. Early Traditionalism and Socialist Realism: The Problem of Artistic Interaction in Leonid Leonov's <i>The Russian Forest</i>	182
Kiselev V.S. Scenarios of the Revolutionary Unification of Germany in Vasily Zhukovsky's Reflection (on the Material of Journalistic and Epistolary Works of 1848–1850)	191
of Intertextual Interpretation	206
Krylov V.N. Establisment of Konstantin Balmont's Literary Reputation	224
Tikhomirova Yu.A. Translating a Fact, Creating a Myth: Rosa Newmarch's Images of Russia	253
PHILOLOGICAL EDUCATION: HISTORY AND TODAY	
Leushina L.T. Professor Lev D. Tarasov on the Teaching of Ancient Languages in the Italian Secondary Classical School	266
REVIEWS, CRITIQUES, BIBLIOGRAPHY	
Karpukhina V.N. German Text in the Works of Vasily Zhukovsky. Book Review: Nikonova, N.E. (ed.) (2018) Sobranie Nemetskikh Sochineniy i Avtoperevodov V.A. Zhukovskogo / Gesammelte Deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij [Collection of German Works and Self-Translations of V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University	273
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	277

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1.'374.3 DOI: 10.17223/19986645/57/1

Н.А. Аксарина, Л.В. Басова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ПРЕДЛОГА *В ЧАСТИ* В РАЗГОВОРНО-ДЕЛОВОЙ РЕЧИ

Устанавливаются актуальные в современной деловой речи значения отыменного предлога в части, предлагается его лексикографическое описание. Семантические варианты предлога в части определяются посредством контекстного анализа с учетом типичных валентностей и синонимических отношений. Устанавливаются семантические признаки, наследуемые данным предлогом из семантики производящего существительного. Делается вывод о расширении состава значений исследуемой единицы в деловом дискурсе.

Ключевые слова: мотивирующее значение, отыменный предлог, семантизация, семантический вариант, семантический идентификатор.

Предлоги русского языка как предмет лексикографического описания на протяжении десятилетий остаются одним из актуальных объектов изучения отечественной лингвистики. Проблемными и сегодня являются следующие вопросы: соотношение лексического и грамматического значения предлога (В.В. Виноградов, Ю.И. Леденев, О.Н. Селиверстова, Ю.Г. Скиба, В.Г. Адмони, А.И. Смирницкий, Б.А. Ильин, А.В. Юрин, О.В. Куныгина, Х.В. Султанбаева и др.); отношение между предлогами и предложными формами (Р.П. Рогожникова, А.М. Комарова, Г.Е. Крейдлин и А.К. Поливанова, Е.Т. Черкасова, О.Н. Селиверстова, М.В. Ляпон, С.П. Петрунина, Е.Г. Борисова, Е.А. Стародумова, Г.А. Шиганова, Е.С. Шереметьева и др.); изучение функционирования предлогов в конкретных стилистических условиях (Е.Т. Черкасова, О.В. Трофимова, Е.В. Шестакова). Кроме того, в современных словарях-справочниках служебных слов лексикографированы отнюдь не все производные предлоги. Анализ одной из таких языковых единиц – отыменного предлога в части – представлен в данной статье.

Вопрос о грамматической квалификации единицы в части в служебной – предложной – функции остаётся до конца не решенным.

Впервые в лингвистической науке языковая единица *в части* упоминается как предлог в 1947 г. В.В. Виноградовым в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове». Выдающийся филолог в параграфе «Морфологический состав предлогов» раздела «Предлоги, их морфологические разряды и синтаксические функции» определяет *в части* как отыменный предлог с пометой «новообразование» [1. С. 682].

В то время различное отношение лингвистов к значимости отдельных признаков и свойств предлогов, например неоднозначное решение вопроса о наличии либо отсутствии у предлога лексического значения, обусловило и различия в квалификации служебных отыменных образований. Так, Е.С. Шереметьева использует термин «отыменные релятивы» по отношению к единицам, мотивированным существительным и выполняющим функцию, близкую к функции предлога. При этом ученый среди отыменных релятивов различает единицы, уже перешедшие в класс предлогов (к ним Е.С. Шереметьева причисляет, например, по поводу, в целях, в случае), и единицы, процесс опредложивания которых, по мнению лингвиста, не завершился, в том числе в части, в адрес, по примеру, в форме [2. С. 136]. Основным критерием предложности при этом является способность единицы функционировать в определенных синтаксических позициях, свойственных собственно предлогам, а значение устанавливается посредством синтаксической сочетаемости с «левым» и «правым» компонентом [Там же. С. 137].

Подобного мнения придерживается и Х.В. Султанбаева, отмечая, что «весь спектр значений служебных слов <...> раскрывается главным образом в контексте, то есть на синтаксическом уровне» [3. С. 554]. При этом ученый отмечает, что на собственно лексемном уровне значение служебных слов действительно «...трудно поддается кратким и емким, легко приложимым определениям», что, однако, не означает отсутствия у них лексического значения [Там же].

Схожую точку зрения имеет О.В. Куныгина: сопоставляя и обобщая существующие лингвистические подходы к осмыслению лексического и грамматического значений служебных слов, она еще раз подчеркивает вза-имозависимость и нераздельность лексической и грамматической семантики в служебном слове [4. С. 66].

А.М. Комарова, говоря об условности границы между лексической и грамматической частью значения, уделяет особое внимание описанию импликативного компонента, определяющего и прогнозирующего валентностные возможности единицы. Выстраивая семную структуру предлога, лингвист приходит к выводу, что импликативный компонент в предлогах может работать так же, как в знаменательных словах, и это обеспечивает двоякость роли предлога в словосочетании: «Если точка отсчета – сам предлог, то у него обобщенное векторное значение (направление, локальность и т.д.), и его аргументы (существительные, прилагательные, глаголы) реализуют, детализируют его импликативность. Если же отталкиваться от аргументов предлога как предиката, то возможность постановок разных предлогов в трехчленные предложные словосочетания представляет предлог в качестве детализатора» [5. С. 149]. Исследователь отмечает также, что в семантизации словосочетаний предлоги имеют свойство метафоризации, присущее знаменательным словам. Кроме того, они располагают возможностью полисемии И синонимии. Bcë указанное А.М. Комаровой основание утверждать обособленность, функциональную промежуточность предлога как части речи, его среднюю позицию между

знаменательными и собственно служебными словами [5. С. 149–150]. По утверждению М.В. Раевской, особую трудность представляет изучение «развития предлогов в стилистически определенных пластах языка — в деловой речи» [6. С. 22].

В «Словаре современного русского литературного языка» в 17 т. в словарной статье существительного *часть*, во втором значении данного слова — «составная единица, элемент целого», дается сочетание «в части чегонибудь. В отношении чегонибудь. Народ наш в части языкового творчества очень талантливый народ (М. Горький. Наша литература — влиятельнейшая литература в мире); В части выбора тем для рефератов я считаю целесообразным такой принцип (Ю. Трифонов. Студенты)» [7. С. 787].

В Малом академическом словаре также после объяснения всех значений слова *часты* приводится значение сочетания *в части* — «в отношении чеголибо» [8. С. 656]. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова в статье о слове *часты* представлено сочетание *в части* «в зн. предлога. Разг. В отношении чего-л. *В части* автодела кто-л. ничего не понимает. Знающий человек *в части* огородничества» [9. С. 1468].

В «Большом толковом словаре правильной русской речи» Л.И. Скворцова, выполненном в жанре нормативно-стилистического пособия и включающем трудные случаи, варианты и колебания литературной нормы в области произношения, ударения, словообразования, грамматики, употребления слов и фразеологических выражений, в статье о слове часть зафиксировано следующее: «ЧАСТЬ 2: в части, предл. В отношении чего-н., по поводу чего-н. Предлог в части (чего-н.) возник в официально-деловой, канцелярской речи. См., например: в части внедрения новых методов; в части компьютеризации; в части ремонтных работ; в части поставок и взаимных расчётов и т.п.» [10. С. 98]. В статье есть указание на стилистическую принадлежность предлога к официально-деловому стилю и замечание о том, что «конструкции с предлогом в части превращаются в назойливый штамп, речевой стандарт», проникая «в общелитературную устную и письменную речь» [Там же]. Кроме того, предлагается синонимический ряд: «...предлог в части универсально заменяет такие разнообразные по смысловым оттенкам предлоги, как в связи (с чем-н.), из-за (чего-н.), по поводу (чего-н.), в отношении (чего-н.) и т.п.» [Там же].

В «Большом русском словаре-справочнике синонимов (близких по смыслу слов)» В.Н. Тришина предлагается статья, в которой представлены следующие синонимы предлога в части: по отношению, что до, в рассуждении, что касается, о, по части, в отношении [11].

Во «Фразеологическом словаре русского литературного язык» А.И. Фёдорова *в части* описывается как фразеологическая единица. Словарь содержит около 13 000 фразеологических единиц, часто используемых в современной коммуникации, и примеров их употреблений в произведениях русской классической литературы. *В части* приводится с пометой «разговорное» в единственном значении — «в отношении кого-либо или чеголибо», например: Народ наш *в части* языкового творчества очень талант-

ливый народ (М. Горький. Наша литература — влиятельнейшая литература в мире); *В части* выбора тем для рефератов я считаю целесообразным такой принцип (Ю. Трифонов. Студенты) [12. С. 247]. Словарная статья опирается на материалы «Словаря современного русского языка» в 17 т.

Необходимо подчеркнуть, что последние десятилетия служебные слова русского языка активно изучаются, издаются специализированные словари служебных слов. Так, в 2001 г. коллективом авторов Дальневосточного государственного университета был создан «Словарь служебных слов русского языка», который содержит 50 словарных статей слов разных классов: союзов, частиц и так называемых слов-гибридов — лексикализованных предложно-падежных словоформ в служебной функции. Однако в части как служебная (предложная) единица не рассматривается ни в одном разделе словаря [13].

В 2001 г. Т.Ф. Ефремовой издан первый в лексикографии «Толковый словарь служебных частей речи русского языка». В справочнике проанализированы 22 000 семантических единиц в 15 000 словарных статей, в которых описаны не только собственно служебные части речи (предлоги, союзы, частицы, междометия), но также наречия и предикативы. Единицами Словаря являются отдельные слова, предложно-падежные конструкции в функции перечисленных частей речи и единицы, состоящие из более чем одного слова, но семантически эквивалентные ему. В словаре Т.Ф. Ефремовой также не представлен предлог в части [14].

Отыменный предлог *в части* не вошел и в «Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой. Словарь издан в 2003 г. и включает словосочетания, выполняющие функции служебных и модальных слов, наречий, частиц, местоимений [15].

В «Объяснительном словаре русского языка», созданном коллективом авторов Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина и изданном в 2003 г., дано развернутое толкование и названы особенности употребления 1200 структурных единиц русского языка: предлогов, союзов, частиц, междометий, вводных слов, местоимений, числительных, связочных глаголов, но единица в части в её предложном употреблении не описана [16].

В изданный в 2010 г. «Словарь наречий и служебных слов русского языка» В.В. Бурцевой предлог *в части* также не включен [17].

Проведенный анализ словарных статей показывает, что предлог *в части* не зафиксирован ни в одном из ныне существующих словарей служебных слов. Важно, что лишь в трех словарях из двенадцати представленных указана морфологическая принадлежность данной словоформы. Однако материалы Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) свидетельствуют о высокой частотности этой единицы. Отражение *в части* в именном и предложном употреблении выявлялось в текстах разных функциональных стилей, размещенных в НКРЯ [18]. Результаты представлены в таблице.

Фиксация языковой единицы в части в НКРЯ						
Функциональный стиль	Официально- деловой	Учебно- научный	Публицисти- ческий	Художе- ственный	Обиходно- бытовой	
Общее количество документов	2 886	6 788	8 9995	8 332	2 838	
Кол-во документов, в которых зафиксирована словоформа в части	123 (4,3%)	292 (4,3%)	757 (0,8%)	190 (2,3%)	17 (0,6%)	
Кол-во вхождений	553	508	939	271	24	

В проанализированных шестнадцати стенограммах заседаний Тюменской областной Думы за 2016 и 2017 гг. (общий объем которых составил 1108 страниц) выявлено 111 употреблений в части, из них 98 предложных, 12 именных и 1 наречное. Производные предлоги, типичные для текстов разных жанров официально-делового стиля, встречаются реже: например, отыменный предлог в течение использован в стенограммах 73 раза, наречный согласно – 85 раз [19].

Стенограммы заседаний Тюменской областной Думы представляют собой смешение официально-делового и разговорного стилей (разговорноделовой подстиль делового стиля с признаками разговорной речи). При этом в стенограммах активно представлены и официально-документальная, и обиходно-деловая разновидности официально-делового стиля. Законодательные документы, связанные с деятельностью государственных органов, являются приоритетными в обсуждениях. Однако по тематике и разнообразию жанров для рассмотрения участникам заседаний предлагается огромное количество иных документов. Хотя большинство документов (проекты законов, протоколы заседаний комитетов и т.д.) заранее подготовлены и имеют письменную форму, дискуссия по тем или иным вопросам проходит в устной форме, спонтанной и достаточно эмоциональной. Поэтому, учитывая цели и форму коммуникации, подчеркнем, что стенограммы заседаний Тюменской областной Думы представляют собой сложное коммуникативное явление, включающее динамический процесс языковой деятельности участников заседаний, вписанной в ее социальный, характерный для политико-правовой культуры современной России контекст, и ее результат (т.е. текст). Предполагается, что словарная статья, описывающая предлог в части в тюменской деловой коммуникации, войдет в контент будущего «Словаря служебных и дискурсивных слов современной деловой речи», сбор материалов к которому начат лингвистами Тюменского государственного университета.

Структура лексикографического описания, принятая в современных толковых и синонимических словарях, учитывает разнообразные проявления системности языка (в том числе системность деривационносемантических связей отыменных предлогов и производящих существительных) и позволяет описать любую новую языковую единицу в контек-

сте её системных отношений. Так, семантические варианты предлога в части определяются посредством контекстного анализа с учетом типичных валентностей и синонимических отношений. Предлог в части, практически не представленный в современных лексикографических источниках, но проявляющий высокую активность в различных лингвистических условиях, может быть описан в его регулярных контекстных связях с учетом синонимических отношений слов, указанных как синонимы к в части лишь в немногих словарях (например, в словаре В.Н. Тришина). Однако эти слова широко представлены в разных лексикографических источниках в разнообразных синонимических связях — даже в синонимических дефинициях в толковых словарях, и это позволяет расширить представления о синонимических связях и предлога в части.

Использование синонимических отношений при семантизации предлога считаем методологически оправданным, поскольку в служебной единице, в отличие от знаменательной, невозможно, по убеждению современных исследователей, отделить лексическую часть семантики от грамматической. В современной лексикографической традиции производные предлоги описываются преимущественно посредством синонимических дефиниций. Например, производные предлоги с целью, в сфере, в области, согласно, касательно, относительно, в отношении, насчёт, по поводу и др. толкуются в современных словарях через значение их синонимов. Именно поэтому в предложенном анализе семантики отыменного предлога в части в равной мере учитывались и контекстные отношения, и валентность, и данные лексикографических источников.

Признавая наличие у предлогов лексического значения, их способность к полисемии и синонимическим отношениям, считаем целесообразным предложить одну из возможных технологий описания системы значений производного предлога – на примере предлога в части.

Описание исследования

В ходе контекстного анализа семантики предлога в части, а также в соответствии с данными современных синонимических словарей был определён круг его ближайших синонимов. Состав и условия реализации значений синонимичных предлогов устанавливались по толковым словарям.

Материалы словарей синонимов и состав синонимических дефиниций в толковых словарях позволяют заключить, что в большинстве изученных контекстов единица в части выступает в качестве предлога с родительным падежом и в разной степени синонимична как непроизводным, так и производным (в большинстве случаев) предлогам с родительным, дательным либо предложным падежом. Так, «Большой русский словарь-справочник синонимов (близких по смыслу слов)» для предлога в части приводит ряд синонимов-предлогов: в отношении, в рассуждении, о, по отношению, по части, что до, что касается. Таким образом, предлог в части можно семантизировать, исходя из синонимических отношений и дефиниций пере-

численных предлогов, описанных и в других лексикографических источниках, в том числе в основных однотомных толковых словарях. Мы в качестве такого лексикографического источника избрали «Словарь русского языка» С.И. Ожегова 1991 г.

Многозначность предлога *в части* обусловлена семантическим наследием полисемии производящей базы: в разных контекстах обнаруживается сохранение в значении предлога ярких семантических признаков разных значений производящего существительного *часть*. Поэтому считаем целесообразным выделить компоненты, наследуемые актуальными значениями предлога *в части* из мотивирующих значений производящей единицы.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова зарегистрировано 10 значений существительного *часть*, два из которых определяют семантический диапазон производного предлога. Заметим, что существительное *часть* в обоих значениях, мотивирующих предлог *в части*, преимущественно валентно либо только абстрактным, либо в равной мере конкретным, абстрактным и собирательным существительным.

1. В исследуемых текстах предлог в части наиболее регулярно мотивируется значением 5 (в указанном словаре) существительного часть: «Область какой-н. деятельности, специальность (разг.). Работать по финансовой части. Это не по моей (твоей и т.д.) части» [20. С. 875]. Однако при этом актуализируются разные компоненты и семантические варианты мотивирующего значения, что приводит к появлению у предлога в части разных значений при общей мотивирующей базе. Такая многозначность обусловливается исходным семантическим потенциалом мотивирующего значения и наглядно выявляется в отношениях синонимии: предлогисинонимы в этом случае выступают удобными семантическими идентификаторами.

Например, в контексте *В 2016 году за счет средств областного бюджета в рамках реализации мероприятий в части недропользования было освоено 14 млн 641 тыс. руб.* (Стенограмма № 6 от 09.02.2017, с. 48; здесь и далее выделено нами. – *Н.А., Л.Б.*) предлог в части близко синонимичен предлогам в сфере и в области, употребляющихся с родительным падежом абстрактных неодушевлённых существительных: в сфере / в области чего-н. [Там же. С. 427, 780].

Заметим, что словарь отражает вариативность единственного значения каждого из этих предлогов-синонимов. Так, в примерах к словарной дефиниции предлога в области явно определяются два семантических варианта одного значения: «В области чего, предлог с род. п. – в чем-н., в сфере чего-н. Специалист в области математики. Работать в области народного образования» [Там же. С. 427]. Приведенные курсивом примеры демонстрируют различия в семантических вариантах: в первом случае предлог в области семантически особенно близок (позволяет свободную замену) предлогу по (в 4-м значении: Указывает круг, вид деятельности или область распространения деятельности [Там же. С. 524]); ср.: специалист по математике), а также оборотам в том, что касается / касающегося и в

том, что связано с... / связанного с...; во втором случае налицо близкое субстантивному употребление, ср.: работать в сфере образования и работать в образовательной сфере (то же, что работать в образовании). В анализируемом фрагменте стенограммы предлог в части реализован в значении, соответствующем первому семантическому варианту предлога в области, где он синонимичен по и пр., ср.: мероприятий в части недропользования / мероприятий по недропользованию / мероприятий, касающихся недропользования / мероприятий, связанных с недропользованием. Заметим, что из названных предлогов в качестве синонима к предлогу в части в «Словаре синонимов» В.Н. Тришина зафиксирован только предлог по, а предлоги в сфере и в области — нет.

Разные варианты значения предлога в сфере определяются в его словарной дефиниции и иллюстрирующих её примерах: « В сфере чего, предлог с род. п. (книж.) – в деле (во 2 знач.), в области чего-н.; в кругу чьей-н. деятельности. Хорошо осведомлён в сфере судопроизводства. Успехи в сфере науки» [20. С. 780]. В том же источнике: «ДЕЛО, -а, мн. дела́, дел, дела́ми, ср. 2. кого-чего. Круг ве́дения; то, что непосредственно относится к кому-н., входит в чьи-н. задачи. Воспитание молодёжи – д. всего народа» [Там же. С. 162]. Из представленных толкований можно выявить следующие семантические варианты значения предлога в сфере: 1) «в круге, области ведения (знания и ответственности); в том, что касается ве́дения» (ср.: Хорошо осведомлён в сфере судопроизводства / Хорошо знает делопроизводство – здесь в сфере вообще не нуждается в замене эквивалентом); 2) «в круге деятельности; в том, что касается деятельности» (ср.: Успехи в сфере науки / Успехи в научной деятельности). В анализируемом фрагменте стенограммы предлог в части семантически близок второму семантическому варианту предлога в сфере, ср.: мероприятий в части недропользования / мероприятий в деятельности по использованию недр /...в недропользовательской деятельности. Впрочем, выделенные варианты могут быть рассмотрены и как самостоятельные значения.

Таким образом, изучение словарных дефиниций ближайших синонимов к в части позволяет уточнить семантический диапазон этого предлога в исследуемом фрагменте текста. В анализируемом контексте в части выступает как предлог род. п. с неодушевленными существительными. В значении обращает на себя внимание сема «деятельность», актуализированная в семантических вариантах обоих ближайших синонимов предлога в части и эксплицитная в мотивирующем значении существительного часть. Построим толкование:

В ЧАСТИ *чего-н.*, предлог с род. п. **1.** В области, в сфере чего-н., по чему-н. (в 4 знач.); в том, что касается чего-н., связано с чем-н.; в круге какой-л. деятельности; в том, что касается какой-л. деятельности. В 2016 году за счет средств областного бюджета в рамках реализации мероприятий в части недропользования было освоено 14 млн 641 тыс. руб.

Подобное значение предлога в части обнаруживается также в следующих контекстах: Областной законопроект разработан в связи с изменениями федерального законодательства и предусматривает расширение перечня полномочий исполнительных органов госвласти Тюменской области в части анализа востребованности профессий (Стенограмма № 6 от 09.02.2017, с. 29), На новый уровень вышла работа Правительства области в части импортозамещения и взаимодействия с крупными заказчиками (Стенограмма № 7 от 16.03.2017, с. 9) и др.

Всего в изученном материале зафиксировано 15 употреблений предлога *в части* в этом значении.

Заметим, что употребление предлога в части в указанном значении нередко встречается в конструкциях с анормативным метонимическим стяжением, вследствие чего в части, синонимичное в области, в сфере, оказывается в дефектной валентности. Таково, например, употребление предлога в части в следующем контексте: Поэтому Уполномоченному по правам предпринимателей Ларисе Кирилловне, я думаю, год от года работа будет у Вас только прибавляться в части обращений и жалоб, ну и самое главное пожелание, чтобы эти жалобы, эти обращения удавалось качественно решать (Стенограмма № 6 от 09.02.2017, с. 13), ср. допустимые варианты: в части анализа / рассмотрения / изучения / удовлетворения обращений и жалоб, в части отзыва / отклика / реагирования на обращения и жалобы. Важно, что все лексемы, восстанавливающие дефектную метонимию, имеют процессуальную семантику и содержат компонент «активная деятельность» (см. предложенную выше формулировку значения предлога в части).

2. Еще одно значение предлога *в части* также оказывается синонимичным предлогам *в области* и *в сфере*, но только уже в том семантическом варианте, в котором их употребление близко субстантивному (см. выше): С 2017 года функции администрирования переданы Федеральной налоговой службе, это не означает, что Пенсионный фонд прекращает взаимодействие с работодателями, за нами остаётся в части администрирования ряд функций... (Стенограмма № 8 от 20.04.2017, с. 34).

В данном случае конструкция может быть преобразована в равнозначную по смыслу, где вместо в части будет выступать субстантив, ср.: за нами остаётся в части / в сфере / в области / администрирования ряд функций и за нами остаётся ряд функций в административной сфере / области. Как отмечалось выше, в таком варианте предлоги в сфере и в области близки предлогу в во 2-м значении (І. с вин. и предл. п.): «2. Употр. при обозначении явлений, представляющих собой область деятельности, состояние кого-н. Вовлечь в работу. Весь день в работе. Впасть в сомнение. Погрузиться в глубокое раздумье» [20. С. 71]. Таким образом, предлог в части, допускающий в подобных контекстных условиях замену предлогами в сфере и в области, допускает и замену предлогом в, ср.: за нами остаётся в части / в области / в сфере администрирования ряд функций и за нами остаётся в администрировании ряд функций.

Заметим, что в этом значении в части близко синонимично в деле, ср.: ряд функций в части администрирования и ряд функций в деле администрирования. Есть контексты, в которых возможность такой синонимии выражена наиболее ярко: Хочу напомнить, что когда мы формировали с вами бюджет на 2017 год, мы обсуждали в том числе и необходимость заведения госгарантий в части поддержки «Бената» (Стенограмма № 7 от 16.03.2017, с. 38), ср.: в деле поддержки «Бената» / при поддержке «Бената». При этом в деле — предлог с род. п.: «в чём-н., в сфере, в области чего-н. (книж.). Успехи в деле просвещения» [20. С. 162]. Стоит обратить внимание на то, что предлог в деле (следовательно, и в части тоже) выступает синонимом не только к предлогам в сфере и в области, но и к предлогу в (первая часть дефиниции), что свидетельствует о несовпадении значения предлога в части со значением, описанным выше под № 1.

Кроме того, если первое значение предлога в части (как и его синонимов в сфере и в области) было отчасти мотивировано компонентами 2-го значения существительного дело (см. выше), то предлог в деле, синонимичный в части в данном значении, мотивирован уже не вторым, а первым значением производящего существительного: «1. Работа, занятие, деятельность. Занят важным делом. Привычное д. Текущие дела. Быть без дела. По делам службы» [Там же].

Таким образом, мы наблюдаем значение, в котором также выражен компонент «деятельность», однако эта деятельность понимается уже как конкретная, узконаправленная работа, а не как область (поле).

Сказанное позволяет установить следующее значение предлога в части:

В ЧАСТИ *чего-н*., предлог с род. п. **2.** То же, что предлог ε в значении I. 2. с вин. и предл. п.; для указания на явления, представляющие собой область, направление или вид деятельности. <...> за нами остаётся ε части администрирования ряд функций.

Важно заметить, что это значение хоть и близко, но не тождественно выделенному ранее, поскольку имеет отличные от него средства синонимической замены — как на уровне отдельных единиц, так и на уровне конструкции: первое значение вообще не допускает конструктивных трансформаций, подобных тем, какие допускает данное значение.

В исследуемом материале найдено восемь примеров такого употребления предлога в части. Кроме того, отмечен один случай употребления в части в особом варианте данного значения в конструкции с соотносительным местоимением: Сергей Евгеньевич, я хочу поддержать своих коллег в части того, что нам приводят в качестве аргумента, что не хватает доходности и прибыли у автозаправочных станций, чтобы содержать заправки (Стенограмма № 7 от 16.03.2017, с. 82), ср.: ...хочу поддержать своих коллег в том, что нам приводят... Говорить об отдельном варианте 2-го значения в этом случае позволяет более слабо выраженная семантика деятельности, в силу чего предлог в части оказывается явно синонимичен только предлогу в, но не допускает замены предлогом в деле.

3. Рассмотрим пример реализации другого значения предлога в части, мотивированного тем же указанным выше 5-м значением существительного часть, но уже другим вариантом этого значения: Федеральным законом № 505 от 28 декабря 2016 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части определения понятия «иностранные финансовые инструменты» установлено, что понятие «иностранные финансовые инструменты» должно использоваться в значении, определенном указанным федеральным законом (Стенограмма № 6 от 09.02.2017, с. 25).

При этом актуализируется уже не эксплицитный, а имплицитный компонент мотивирующего значения слова *часть* — «нечто, что имеет отношение к чему-л.» (он выявляется ступенчатой идентификацией из экспликации). Наиболее корректными синонимами к предлогу в части с тем же выраженным компонентом в этом случае будут предлоги в отношении (чего-л. — с род. п.; как синоним предлога в части зафиксирован в «Словаре синонимов» В.Н. Тришина), относительно, касательно (в том, что касается — также зафиксирован в «Словаре синонимов» В.Н. Тришина в варианте что касается), ср.: в части / в отношении / относительно / касательно определения понятий установлено.

В словарных дефинициях названных предлогов-синонимов содержатся компоненты, соответствующие данному употреблению предлога *в части*. Так, словарь отражает следующее значение предлога *касательно* (устар.): «Насчёт, относительно кого-чего-н. *Осведомиться к. принятого решения*» [20. С. 269]. Предлог мотивирован глаголом *касаться* в 3-м значении: «Иметь отношение к кому-чему-н. *Это тебя не касается*» [Там же] с эксплицитной семой «отношение».

Предлог в отношении (кого-чего, с род. п.) толкуется подобным же образом: «относительно, касательно, насчёт чего-н. Справедлив в отношении подчиненных» [Там же. С. 473]. Схожее толкование и у предлога относительно (кого-чего-н., с род. п.): «Насчёт, по поводу кого-чего-н. Справиться относительно расписания» (книж.) [Там же]. При этом оба предлога наследуют компоненты не ближайшей мотивационной базы, а более раннего глагольного звена словообразовательной цепи — глагола относиться во 2-м значении: «Иметь касательство к кому-чему-н. Вопрос относится непосредственно к теме» [Там же].

Всё указанное позволяет сформулировать ещё одно значение предлога ϵ *части*, мотивированное 5-м значением существительного *часть*, — но уже за счёт актуализации не эксплицитной, а имплицитной семы:

В ЧАСТИ чего-н., предлог с род. п. 3. В отношении, относительно, касательно кого-чего-н.; о том, что относится (во 2 знач.) к кому-чему-н. Федеральным законом № 505 от 28 декабря 2016 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части определения понятия «иностранные финансовые инструменты» установлено, что понятие «иностранные финансовые инструменты»

должно использоваться в значении, определенном указанным федеральным законом.

Всего в изученных текстах обнаружено 28 случаев употребления предлога *в части* в этом значении.

Важно, что словарные толкования предлогов, синонимичных в этом значении предлогу в части, содержат компоненты насчёт и по поводу, близкие по семантике предлогу о в объектном значении и также употребляемые с род. п. (предлог о указан как синоним к в части в «Большом русском словаре-справочнике синонимов (близких по смыслу слов)» В.Н. Тришина, а предлоги насчёт и по поводу — нет). Однако в анализируемом фрагменте стенограммы предлог в части не может быть заменён предлогами насчёт и по поводу по причинам лексико-грамматического характера, ср.: в части / относительно / касательно определения понятий установлено и насчёт / по поводу определения понятий установлено. Очевидно, что при попытке подобной замены в редактируемой части высказывания, во-первых, деактуализируется семантика отношения и эксплицируется слабая в исходной конструкции объектная семантика; во-вторых, образуется дефектная грамматическая валентность установлено насчёт / по поводу чего-н.

Сказанное позволяет заключить, что в основе этого (третьего) значения предлога *в части*, как и в случае с его первым значением, лежит только один из возможных семантических вариантов мотивирующей базы. В данном значении предлог *в части*, в отличие от первого значения, не требует сочетаемости с существительными с процессуальной семантикой, компонент «деятельность» в нём не выражен.

4. Заметим, что при той же мотивирующей базе в других контекстных условиях объектное значение становится для предлога в части столь же значимым, что и значение отношения: Проектом закона «О внесении изменения в статью 24 Закона Тюменской области «Об основах организации и деятельности Тюменской областной Думы» вносится дополнение в части расширения перечня субъектов права законодательной инициативы, аналогичное рассмотренному только что по внесению изменения в Устав Тюменской области (Стенограмма № 6 от 09.02.2017, с. 22).

В приведённом фрагменте стенограммы предлог в части прежде всего служит средством указания на характер вносимого дополнения. Следовательно, предлог в части в этих условиях употребления более всего семантически близок предлогу о, ср.: вносится дополнение в части расширения перечня... и вносится дополнение о расширении перечня. В объектном значении предлог в части близок и предлогам насчёт и по поводу, ср.: вносится дополнение / насчёт / по поводу расширения перечня.

Таким образом, считаем возможным сформулировать четвёртое значение предлога *в части*, реализуемое в изучаемых текстах:

В ЧАСТИ *чего-н.*, предлог с род. п. **4.** Для указания на объект; близко к *о* (во 2 знач.); насчёт, по поводу. <...> вносится дополнение в части расширения перечня субъектов права законодательной инициативы.

В таком же значении предлог в части реализуется, например, в следующем контексте: И в части многодетных, ну я напомню, что в прошлом году областным законом мы ввели первоочередность по предоставлению многодетным семьям, в составе которых есть либо ребенок-инвалид, либо папа-инвалид, значит, я скажу так, что по Тюмени порядка где-то от 80 до 100 семей таких, было предоставлено, и в первом полугодии такие семьи полностью будут обеспечены земельными участками из числа многодетных (Стенограмма $\mathbb{N} 247$ от 25.04.2016, с. 67; грамматика источника), ср.: И о / насчет / по поводу многодетных...

В анализируемых фрагментах стенограмм выявлено 9 примеров реализации предлога ϵ *части* в этом значении.

5. В изучаемом материале нередко обнаруживаются такие случаи употребления предлога в части, где наиболее явно наследуются компоненты основного значения мотивирующего существительного часть: «1. Доля, отдельная единица, на которые подразделяется целое. Разделять на части. Ч. Заработка. Ч. Публики. Ч. Яблока» [20. С. 875].

Рассмотрим следующий пример: Уважаемые коллеги, в соответствии с планом работы рассматривается информация о выполнении программы «Сотрудничество» в части организации специализированной медицинской помощи в областных учреждениях и организациях (Стенограмма № 8 от 20.04.2017, с. 66). Из контекста следует, что речь идет о выполнении не всей программы «Сотрудничество», а лишь о той её составляющей (доле, части), которая связана с организацией специализированной медицинской помощи. В этих контекстных условиях предлог в части имеет значение, наиболее близкое субстантивному, т.е. указывает на неполный объект, выделяет определенную его составляющую, подчёркивает её: обсуждение касается только одной части целого. Таким образом, из семантики мотивирующей базы наследуется эксплицитный компонент «отдельная единица от целого».

Близость этого употребления предлога в части субстантивному обнаруживается при нормативной правке конструкции с устранением неполноты высказывания, ср.: <...> рассматривается информация о выполнении программы «Сотрудничество» лишь / именно в той её части, которая касается / лишь / именно в том, что касается / лишь / именно в организации специализированной медицинской помощи в областных учреждениях и организациях.

Сказанное даёт основания сформулировать ещё одно значение предлога в части:

В ЧАСТИ *чего-н.*, предлог с род. п. **5.** Для указания на неполноту, часть объекта; для выделения этой части из целого, подчеркивания её: близко лишь / именно в том, что касается. Уважаемые коллеги, в соответствии с планом работы рассматривается информация о выполнении программы «Сотрудничество» в части организации специализированной медицинской помощи в областных учреждениях и организациях.

Это же значение представлено, например, в следующем контексте: Уважаемые коллеги, в ст. 17 Федерального закона «О добровольной пожарной охране» внесены изменения, в соответствии с которыми меры по защите добровольных пожарных территориальных подразделений добровольной пожарной охраны в части личного страхования распространены на всех добровольных пожарных подразделений добровольной пожарной охраны (Стенограмма № 8 от 20.04.2017, с. 53; грамматика источника). Здесь предлог в части служит средством акцентирования внимания адресата на том, что речь идёт лишь о личном страховании пожарных (а не о страховании, например, имущества пожарной охраны).

Всего выявлено 27 случаев такого употребления предлога в части.

Нередко употребление предлога в части в этом значении является коммуникативно лишним, избыточным, ненужным для понимания сообщаемого: ...от общих затрат приобретались материальные ценности, но по минимуму, только в части технологического оборудования, прежде всего кабины для голосования... (Стенограмма Ne 6 от 9.02.2017, с. 16), ср.: только технологическое оборудование. Подобные ошибки наблюдаются при сочетании с существительными с предметной семантикой.

6. Следует заметить, что в анализируемом материале зарегистрировано семь неоднозначных случаев использования единицы в части, где она в равной, как нам представляется, мере может быть рассмотрена и как предлог, и как существительное в варианте 3-го значения: «3. Раздел, подраздел произведения. Роман в трёх частях. Части симфонии» [20. С. 875]. Такая неоднозначность наблюдается в контекстах, где в части со следующим за этой единицей фрагментом конструкции можно истолковать как обозначение (название) действительно части текста документа: Кроме того, предлагается внести изменения в статью 1 закона в части уточнения верхнего предела государственного внутреннего долга Тюменской области и предельного объёма государственного внутреннего долга (Стенограмма № 7 от 16.03.2017, с. 37).

Такого рода неоднозначность обусловлена принципиальной некорректностью (с точки зрения действующих лексических норм) семантизации и смысловой валентности единицы в части.

Так, данный отрывок текста допускает субстантивное прочтение: внести изменения в статью l закона в той её части, в которой уточняется верхний предел...

В то же время есть основания для толкования единицы в части в подобных контекстных условиях как предлога с целевой семантикой, синонимичного с целью (в целях) и для, ср.: ...внести изменения в статью 1 закона в части / с целью / для уточнения верхнего предела государственного внутреннего долга. Основанием для такого толкования является не только общая семантика контекста (изменения вносятся, чтобы что-то уточнить) – в 5-м значении производящего существительного часть (см. выше) содержится имплицитная сема «цель», выявляемая на четвёртой ступени идентификации в цепочке «область деятельности» — «деятельность» — «труд, занятие» — «целесообразная, направленная деятельность» — «цель» [20].

Другой пример: В частности, предлагается внести изменения в статью 14 областного Закона «О защите прав ребёнка» в части уточнения полномочий исполнительных органов госвласти, органов местного самоуправления в сфере организации отдыха и оздоровления детей (Стенограмма № 7 от 16.03.2017, с. 51), ср.: внести изменения в статью14 областного Закона «О защите прав ребёнка» в части / с целью / для уточнения полномочий исполнительных органов госвласти.

Полагаем, что сказанное даёт основания для выделения еще одного (шестого) значения предлога *в части*:

В ЧАСТИ *чего-н.*, предлог с род. п. **6.** То же, что с целью, в целях, для чего-н. <...> внести изменения в статью 1 закона в части уточнения верхнего предела государственного внутреннего долга Тюменской области.

Всего выявлено семь случаев употребления в части в этом значении.

Таким образом, все сформулированные выше шесть значений предлога ϵ *части* являются достаточно регулярными для того, чтобы их можно было рассматривать именно как системные значения, а не отдельные употребления.

В то же время наблюдаются отдельные случаи уникального употребления в части, хотя, несомненно, в предложной функции. Однако сама очевидность возможности строить конструкции по синтаксическим моделям с подобными предложными употреблениями даёт достаточно оснований говорить о них как о потенциальных значениях предлога в части.

7. Так, отмечены два случая употребления предлога в части в значении, близком предлогу среди: Решение связано с тем, что на территории Тюменской области в части предприятий ІТ-индустрии в текущем году заходит ряд налогоплательщиков, которые регистрируются на территории Тюменской области, и с момента регистрации планируют получать налоговые льготы, т.е. это одно из условий вхождения потенциальных инвесторов — налогоплательщиков на территорию Тюменской области (Стенограмма № 10 от 22.06.2017, с. 14; грамматика источника), ср.: на территории Тюменской области в части / среди предприятий ІТ-индустрии в текущем году заходит ряд налогоплательщиков. Предлог среди при этом понимается в 3-м значении: «кого-чего. В числе других предметов, лиц, явлений. Первый среди равных» [20. С. 758]. Заметим, что предметом обсуждения в ходе заседания Тюменской областной Думы в этом случае действительно было появление новых налогоплательщиков среди или из числа предприятий ІТ-индустрии.

Частично синонимичен предлогу в части в этом значении и предлог из во 2-м значении (= из числа): «2. Обозначает выделение части целого, вычленение из целого. Одно из двух. Лучший из всех» [Там же. С. 240].

Употребление предлога *в части* в значении, близком указанным значениям предлогов *среди* и *из* (*из числа*), мотивировано эксплицитными компонентами основного значения производящего существительного *часть* (см. выше). На основании сказанного можно предложить следующую формулировку потенциального значения предлога *в части*:

В ЧАСТИ *чего-н.*, предлог с род. п. **7.** То же, что среди (в 3 знач.): в числе других лиц, предметов, явлений; близко из (во 2 знач.). На территории Тюменской области в части предприятий ІТ-индустрии в текущем году заходит ряд налогоплательщиков.

Таким образом, все установленные значения предлога *в части* связаны общим семантическим признаком указания на отнесенность к какой-либо области, группе, разновидности объектов, к какому-либо их классу, типу. Этот признак унаследован из семантики мотивирующей базы: он выражен во всех значениях и вариантах значений существительного *часть*, которыми мотивированы значения предлога *в части*. Существующие словари описывают этот наиболее абстрактный признак в синонимии предлога *в части* с предлогом *что касается*. Однако проведенный анализ позволяет убедиться, что в разных контекстных условиях предлог *в части*, будучи в целом соотносимым со *что касается*, вступает в синонимические отношения не с одними и теми же, а с разными предлогами (или их разными вариантами).

Другой подобный пример: ...нам бы вот такую свою компанию, которая бы укрупняла бизнес именно в части сельхозпроизводителей, потому что крупные федеральные сети, конечно, они предпочитают работать с крупными хозяйствами, им не интересно мельчить (Стенограмма № 46 от 17.03.2016, С. 74), ср.: укрупняла бы бизнес именно среди сельхозпроизводителей.

8. Единожды встретилось употребление в части в значении, указывающем на соответствие, согласованность объекта или действия с другим объектом или действием: В 2015 году по поручению Губернатора нами совместно с представителями бизнеса были проведены независимые процедуры оценки качества госуслуг в части показателей национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ (Стенограмма № 45 от 11.02.2016, с. 9), ср.: процедуры оценки качества госуслуг по показателям национального рейтинга.

Здесь употребление *в части* близко синонимично предлогу **по** в значении І. 6: «В соответствии, согласно с чем-н., на основании чего-н. *Поступать по закону. Отвечать по уставу*» [20. С. 524]. Формулировка данного потенциального значения предлога *в части* может быть такой:

- **В ЧАСТИ** *чего-н.*, предлог с род. п. **8.** То же, что по I. (в 6 знач.): в соответствии с чем-н., согласно с чем-н., на основании чего-н. <...> были проведены независимые процедуры оценки качества госуслуг в части показателей национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах $P\Phi$.
- 9. Также единично употребление в части в причинном значении: Сейчас модно, так сказать, ругать наши региональные или федеральные сети в части того, что они вытесняют малый бизнес из торговых, так скажем, точек (Стенограмма N 46 от 17.03.2016, с. 74), ср.: ругать региональные или федеральные сети по поводу того / из-за того, что; за то, что.

В этих контекстных условиях *в части* очень близко предлогу *по поводу* в причинном значении: «2) *чего*, из-за чего-н., по случаю чего-н., имея повод, основание для чего-н. *Вечеринка по поводу встречи друзей*» [20. С. 527].

Полагаем, что связанное с этим употреблением потенциальное значение предлога *в части* можно сформулировать следующим образом:

В ЧАСТИ *чего-н.*, предлог с род. п. **9.** То же, что *по поводу* (во 2 знач.); по причине чего-н., из-за чего-н.; за что-н. <...> модно ругать наши региональные или федеральные сети в части того, что они вытесняют малый бизнес из торговых, так скажем, точек.

Заметим, что в анализируемых текстах встречаются и собственно субстантивные употребления единицы в части. Как правило, при этом существительное часть в предл. п. с предлогом в имеет в предложении согласованное определение: Уважаемые депутаты, комитет рассмотрел обращение Тюменской областной Думы к Министру промышленности и торговли РФ Мантурову, Министру финансов РФ Силуанову о внесении изменений в налоговое законодательство РФ, предусматривающих установление льготы по налогу на прибыль в части, поступающей в федеральный бюджет, для предприятий, приобретающих инновационную продукцию для производственных нужд, а также о разработке мер по стимулированию производства инновационной продукции (Стенограмма № 8 от 20.04.2017, с. 56). Всего зафиксировано 12 подобных употреблений.

Кроме того, отмечено одно ненормативное (дефектное) наречное употребление в части в значении по частям: Михаил Валерьевич, получается, вот эти вот предприятия, которые зайдут, они уже торгуют готовыми энергетическими этими установками, да, т.е. я так понимаю, рабочие места создаваться там не будут в части, т.е. это готовое уже производство, они будут просто торговать ими (Стенограмма № 3 от 24.11.2016, с. 36; грамматика источника).

Результаты исследования

Таким образом, в ходе анализа собранного материала выявлено 6 системных значений *в части* в предложном употреблении, в разной степени востребованных в современной первичной (устной) и вторичной (письменной в стенографической записи) разговорно-деловой речи, и 3 потенциальных значения. Их можно отразить в следующей словарной статье:

В ЧАСТИ *чего-н.*, предлог с род. п. **1.** В области, в сфере чего-н., по чему-н. (в 4 знач.); в том, что касается чего-н., связано с чем-н.; в круге какой-л. деятельности; в том, что касается какой-л. деятельности. В 2016 году за счет средств областного бюджета в рамках реализации мероприятий в части недропользования было освоено 14 млн 641 тыс. руб. **2.** То же, что предлог в в значении I. 2. с вин. и предл. п.; для указания на явления, представляющие собой область, направление или вид

деятельности. <...> за нами остаётся в части администрирования ряд функций. 3. В отношении, относительно, касательно кого-чего-н.; о том, что относится (во 2 знач.) к кому-чему-н. Φ едеральным законом № 505 от 28 декабря 2016 года «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части определения понятия «иностранные финансовые инструменты» установлено, что понятие «иностранные финансовые инструменты» должно использоваться в значении, определенном указанным федеральным законом. 4. Для указания на объект; близко к o (во 2 знач.); насчёт, по поводу. <...> вносится дополнение в части расширения перечня субъектов права законодательной инициативы. 5. Для указания на неполноту, часть объекта; для выделения этой части из целого, подчеркивания её: близко лишь / именно в том, что касается. Уважаемые коллеги, в соответствии с планом работы рассматривается информация о выполнении программы «Сотрудничество» в части организации специализированной медииинской помощи в областных учреждениях и организациях. 6. То же, что с целью, в целях, для чего-н. ...внести изменения в статью 1 закона в части уточнения верхнего предела государственного внутреннего долга Тюменской области. || 7. То же, что среди (в 3 знач.): в числе других лиц, предметов, явлений; близко из (во 2 знач.). На территории Тюменской области в части предприятий ІТ-индустрии в текущем году заходит ряд налогоплательщиков. **8.** То же, что по I (в 6 знач.): в соответствии с чем-н., согласно с чем-н., на основании чего-н. <...> были проведены независимые процедуры оценки качества госуслуг в части показателей национального рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах $P\Phi$. **9.** То же, что по поводу (во 2 знач.); по причине чего-н., из-за чего-н.; за что-н. <...> модно ругать наши региональные или федеральные сети в части того, что они вытесняют малый бизнес из торговых, так скажем, точек.

Из 111 употреблений единицы в части значению 1 в функции предлога соответствуют 15 примеров, значению 2-8 примеров, значению 3-28 примеров, значению 4-9 примеров, значению 5-27 примеров, значению 6-7 примеров; потенциальному значению 7 соответствуют 2 примера, а потенциальным значениям 8 и 9- по одному примеру. Отмечено также 12 субстантивных употреблений и 1 наречное.

Предлог в части во всех указанных значениях:

- 1) вступает в синонимические отношения как с непроизводными, так и с другими производными предлогами родительного падежа и может быть семантически идентифицирован в контекстных связях;
- 2) мотивируется 1-м и 5-м значениями производящего существительного *часть* в их различных вариантах;
- 3) мотивируется либо эксплицитными, либо имплицитными, выявляемыми на 2–4-й ступенях идентификации компонентами семантики производящего существительного;

4) сохраняет связь с общим семантическим признаком указания на отнесенность к какой-либо области, группе, разновидности объектов, к какому-либо их классу, типу, унаследованным из семантики мотивирующего существительного *часть*.

Все употребления *в части* в предложной функции, соответствующие выделенным значениям 1–6, отмечаются в текстах разных стенограмм и принадлежат разным коммуникантам, что позволяет говорить об их системности в современном устном деловом общении.

Нередко употребление предлога *в части* в любом из выявленных значений противоречит действующей языковой норме. Иногда анормативное употребление *в части* создаёт нежелательную антанаклазу — позволяет усмотреть в одном употреблении этой единицы два и более значения одновременно.

Важнейшим для нас является вывод о том, что в практике современной живой разговорно-деловой речи спектр значений предлога *в части* оказался значительно богаче представленного в лексикографических источниках.

Несомненно, расширение состава значений производных служебных единиц в повседневной речевой практике в активных дискурсах (в том числе разговорно-деловом) отражает актуальные общеязыковые семантические процессы и нуждается в более тщательном изучении.

Литература

- 1. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
- 2. *Шереметьева Е.С.* Проблемы лексикографического представления предложных новообразований // Гуманитарные и социальные науки. Филология. 2011. № 4. С. 133–141.
- 3. Султанбаева Х.В. К проблеме служебных частей речи в лингвистике // Вестник Башкирского университета. Филология и искусствоведение. 2012. Т. 17, № 1 (1). С 554–555
- 4. *Куныгина О.В.* О лексическом и грамматическом значении служебных слов: теоретический аспект // Гуманитарные исследования. Язык. Коммуникации. 2012. № 4 (44). С. 63–67.
- 5. Комарова А.М. Еще раз о статусе предлога // Ученые записки Орловского государственного университета. 2015. № 6 (69). С. 147–151.
- 6. *Раевская М.В.* Теоретические проблемы изучения предлогов в отечественной лингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2014. № 2. С. 21–24.
- 7. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. : Изд-во АН СССР, 1950. Т. 17. 2126 стб.
- 8. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. М. : Рус. яз., 1984. Т. 4: С–Я. 794 с.
- 9. *Большой* толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002. 1536 с.
- 10. Скворцов Л.И. Большой толковый словарь правильной русской речи: 8000 слов и выражений. М.: Оникс: Мир и Образование, 2009. 1104 с.
- 11. *Большой* русский словарь-справочник синонимов (близких по смыслу слов) системы ASIS / В.Н. Тришин. 2013. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/13830/v (дата обращения: 28.11.2017).

- 12. *Фразеологический* словарь русского литературного языка конца XVIII–XX в. : в 2 т. / под ред. А.И. Фёдорова. Новосибирск : Наука, 1991. Т. 2: О–Я. 274 с.
- 13. Словарь служебных слов русского языка / отв. ред. Е.А. Стародумова. Владивосток : Изд-во ДВГУ, 2001. 363 с.
- 14. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М. : Рус. яз., 2001. 863 с.
- 15. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1500 устойчивых сочетаний рус. яз. М.: АСТ, 2003. 416 с.
- 16. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: ок. 12000 единиц / Гос. Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2003. 421 с.
- 17. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. 3-е изд., стер. М.: Рус. яз. Медиа; Дрофа, 2010. 750 с.
  - 18. Национальный корпус русского языка. URL: http://www.ruscorpora.ru
- 19. Стенограммы заседаний Тюменской областной Думы. URL: www.duma72.ru/doc/.pdf (дата обращения: 28.11.2017).
- 20. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1991. 917 с.

Lexicographic Description of the Preposition 'V Chasti' in Business Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 5–26. DOI: 10.17223/19986645/57/1

Natalya A. Aksarina, Larisa V. Basova, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ctvfynbr@yandex.ru / l.v.basova@utmn.ru

Keywords: motivating meaning, denominal preposition, semantization, semantic variant, semantic identifier.

This article aims to both identify the system of relevant meanings of the preposition v *chasti* in business discourse and provide its lexicographic description. The denominal preposition v *chasti*, active in Russian business communication nowadays, has not yet been fully described in linguistic dictionaries. The material researched included 16 shorthand notes of the Tyumen Oblast Duma proceedings in 2016–2017 of a total estimated 1108 pages.

The componential and contextual analyses as well as the data of modern synonymic dictionaries helped to identify the semantics of the preposition v chasti and the set of its near-synonyms; its common semes have been found equally actualized in contexts and valencies of the same type. The composition and conditions for the realization of the synonymous prepositional meanings were established from explanatory dictionaries. The complex usage of contextual and componential analyses made it possible to reveal the semes inherited by the actual meanings of the preposition v chasti from the motivating meanings of the noun chast' (part) and to determine its semantic range.

It has been found that the polysemy of the preposition v chasti is predetermined by the inherited polysemy of its word base. Six systemic meanings of the preposition v chasti have been discovered in the primary (oral) and secondary (shorthand notes) official speech as well as three potential meanings, then their typical valency has been determined.

The results of the research allow concluding that the preposition *v chasti* in all its meanings functions as follows: 1) enters into synonymous relations with non-derivative and with other derived prepositions of the genitive case and is semantically identified in this synonymy; 2) is motivated by meanings 1 and 5 of the nominal base *chast'* in their polysemous diversity; 3) is motivated by either explicit or implicit semantic components of the nominal base which are determined at identification levels 2–4; 4) retains the connection with the general semantic feature indicating the correlation to some sphere, group, variety of objects, to some of their classes and to the inherited semantics of the motivating noun *chast*.

Thus, the sphere of usage of the preposition v *chasti* in informal and formal business speech appears to be much richer than that indicated by lexicographic sources. This extension of the meanings of the function word derivatives in active discourses reflects the current general semantic processes and deserves a more thorough study.

References

- 1. Vinogradov, V.V. (1947) Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove [The Russian language. A grammatical doctrine of the word]. Moscow: Uchpedgiz.
- 2. Sheremet'eva, E.S. (2011) Problemy leksikograficheskogo predstavleniya predlozhnykh novoobrazovaniy [Problems of lexicographic representation of prepositional new formations]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. Filologiya.* 4. pp. 133–141.
- 3. Sultanbaeva, Kh.V. (2012) K probleme sluzhebnykh chastey rechi v lingvistike [To the problem of functional parts of speech in linguistics]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. *Filologiya i iskusstvovedenie Bulletin of Bashkir University*. 17:1(1). pp. 554–555.
- 4. Kunygina, O.V. (2012) On the lexical and grammatical meaning of function words: theoretical aspect. *Gumanitarnye issledovaniya. Yazyk. Kommunikatsii*. 4 (44). pp. 63–67. (In Russian).
- 5. Komarova, A.M. (2015) Once again on the status of the preposition. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6 (69). pp. 147–151. (In Russian).
- 6. Raevskaya, M.V. (2014) Theoretical problems in studying prepositions in Russian linguistics. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika Bulletin of the South Ural State University. Series "Linguistics"*. 2. pp. 21–24. (In Russian).
- 7. Chernyshev, V.I. (ed.) (1950) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomakh* [Dictionary of the modern Russian literary language. In 17 volumes]. Vol. 17. Moscow: USSR AS. Column 2126.
- 8. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
- 9. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2002) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg: Norint.
- 10. Skvortsov, L.I. (2009) *Bol'shoy tolkovyy slovar' pravil'noy russkoy rechi: 8000 slov i vyrazheniy* [Big Explanatory Dictionary of Correct Russian Speech: 8000 Words and Expressions]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo Oniks": OOO "Izdatel'stvo "Mir i Obrazovanie".
- 11. Trishin. V.N. (2013) *Bol'shoy russkiy slovar'-spravochnik sinonimov (blizkikh po smyslu slov) ASIS* [Big Russian Reference Dictionary of Synonyms (related words) ASIS]. [Online] Available from: dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/13830/v. (Accessed: 28.11.2017).
- 12. Fedorov, A.I. (ed.) (1991) *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII–XX v.: V 2 t.* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language of the end of the 18th–20th centuries: In 2 Vols]. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka.
- 13. Starodumova, E.A. (ed.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Functional Words of the Russian Language]. Vladivostok: FESU.
- 14. Efremova, T.F. (2001) *Tolkovyy slovar' sluzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of Functional Parts of Speech of Russian]. Moscow: Rus. yaz.
- 15. Rogozhnikova, R.P. (2003) *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu: Ok.* 1500 ustoychivykh sochetaniy rus. yaz. [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word: C. 1500 fixed phrases of Russian]. Moscow: AST.
- 16. Morkovkin, V.V. (ed.) (2003) Ob'yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly: Ok. 12000 edinits [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words: Prepositions, Conjunctions, Particles, Interjections, Introductory Words, Pronouns, Numerals, Link Verbs: C. 12,000 Units]. 2nd ed. Moscow: OOO "Izdatel'stvo Astrel'": OOO "Izdatel'stvo AST".

- 17. Burtsev, V.V. (ed.) (2010) *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of Adverbs and Official Words of the Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Rus. yaz. Media; Drofa.
- 18. Russian National Corpus. [Online] Available from: http://www.ruscorpora.ru. (In Russian).
- 19. Tyumen Region Duma. (n.d.) *Stenogrammy zasedaniy Tyumenskoy oblastnoy Dumy* [Transcripts of meetings of the Tyumen Region Duma]. [Online] Available from: www.duma72.ru/doc/.pdf. (Accessed: 28.11.2017).
- 20. Ozhegov, S.I. (1991) *Slovar' russkogo yazyka: 70 000 slov* [Dictionary of the Russian Language: 70,000 words]. 23rd ed. Moscow: Rus. yaz.

УДК 81272+342.725

DOI: 10.17223/19986645/57/2

М.В. Батюшкина

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАК ГОСУДАРСТВЕННОМ В ДОСОВЕТСКИЙ И СОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

На основе корреляции лингвистических и государственно-правовых категорий рассматриваются некоторые вопросы формирования представления о русском языке как государственном в течение XX в. Приводятся группы понятий, которые использовались в процессе «языкового строительства» для обозначения статусов языков. В качестве источников выступают правовые тексты, в которых отражены вопросы языковой политики. В связи с проведенным анализом делаются обобщения и выводы, намечаются перспективы дальнейшего исследования государственного языка.

Ключевые слова: язык и право, функции языка, государственный язык, официальный язык, родной язык.

Вводные замечания

Язык – необходимое условие существования правовой культуры. С помощью языка отражаются особенности правового мировоззрения, создаются письменные правовые тексты, формируется национальная правовая система и государственная политика. В правовых текстах зафиксированы все изменения, связанные с развитием государства, общества и права. «Юридический язык» – это специальный «код», с помощью которого происходит оформление правового содержания и его эволюция.

В научной литературе много внимания уделяется русскому языку как государственному. Выполнение русским языком государствообразующей функции способствует не только решению внутригосударственных и межгосударственных вопросов, но и закреплению за русским языком статуса символа Российского государства, русской национальной культуры, требующей развития и охраны. Данная позиция отмечается как лингвистами, так и правоведами (М.А. Арутюновой, Л.А. Вербицкой, Е.М. Доровских, А.С. Калиничевой, О.Н. Кияновой, Н.В. Ляшенко, А.С. Пиголкиным, В.В. Химиком, Е.А. Юртаевой и мн. др.). По мнению Л.А. Вербицкой, «нет более важной задачи, чем бережное сохранение и укрепление позиций русского языка как государственного языка Российской Федерации» [1. С. 96].

Однако, как нам представляется, недостаточно освещаются вопросы развития данного понятия в правовых текстах. В понятии «государственный язык», рассматриваемом в данный момент общественного развития с учетом лингвистических и правовых категорий (в синхронии), отражены все те явления, которые происходили в прошлом, предыдущие периоды

развития языковой политики разных, по сути, государств (в диахронии). Отчасти именно поэтому свою задачу автор видит в исследовании становления и развития представлений о государственном языке в XX в.: в досоветский, советский и постсоветский периоды. Историко-правовой аспект позволяет не только осознать истоки и цели современной государственной языковой политики, но и обусловленность социолингвистических изысканий в данной сфере.

По мнению автора, понятие «русский язык как государственный» может быть рассмотрено не только в качестве аутентичного, т.е. «самого по себе», но и неаутентичного — в аспекте дискурсивного родства с государственноправовой системой страны. Вторая точка зрения позволяет более глубоко исследовать феномен дискурсивной обусловленности возникновения понятия «государственный язык», предпосылки и логику его развития, поскольку расширяет границы познания этноязыкового фактора организации государства и общества. Дискурсивный подход к становлению понятия государственного языка обусловливает научную новизну исследования.

Осознавая масштаб необходимых исследований, в данной статье мы не ставим задачу описать реальное бытование языков в досоветский, советский и постсоветский периоды, представить мониторинговый анализ языковой ситуации. Этот вопрос затрагивается автором лишь косвенно, с опорой на имеющиеся научные труды. Основное внимание мы уделяем реальности юридических документов, юридическому дискурсу, целенаправленно моделируемому вокруг использования языков в разных, по сути, государствах: Российской империи, РСФСР, СССР, Российской Федерации. В связи с этим материалом для настоящей статьи стали научные исследования по вопросам языковой политики, а также правовые тексты XX в., содержащие положения о статусно-функциональных ролях языков, которые формировались в рамках государственно-правовых систем Российской империи, РСФСР, СССР и Российской Федерации. Для решения поставленных вопросов используются методы сплошной выборки (критерии тематики, функциональности, частотности, системной взаимосвязи понятий), институционального, контекстуального и понятийного анализа, классификании и обобщения.

Теоретический анализ

Одним из первых примеров закрепления в правовом тексте функционального статуса языка как неотъемлемого инструмента государственной политики, используемого в целях моделирования государственно-правовой системы, являются Основные государственные законы Российской империи 1906 г., в которых русский язык был объявлен языком «общегосударственным», обязательным «в армии, во флоте и во всех государственных и общественных установлениях» (под «общественными установлениями» понимались органы сословного и местного самоуправления).

Понятие «общегосударственный язык» было закреплено одновременно с понятием «государственный закон». На наш взгляд, одновременное закрепление в законодательном тексте двух различных понятий, отражающих феномены разного порядка, не было случайным. Если рассматривать данные понятия в проекции на современную действительность, можно отметить следующее.

Понятия «государственный закон» и «общегосударственный язык» обладают сходной дискурсивной обусловленностью и функциями. Посредством государственного закона и общегосударственного языка, во-первых, транслируется правовая идеология, являющаяся составной частью правовой культуры, формируется система знаний, поведенческих и ценностных установок; во-вторых, реализуются основные коммуникативные стратегии юридического дискурса (информационная, императивная, персуазивная, стимулирующая, экспликативная, эстетическая); в-третьих, обеспечиваются единство государственно-правового пространства и территориальной целостности государства; наконец, отражаются и порождаются традиции и ритуалы создания правовых текстов.

«Государственный закон» и «общегосударственный язык» символизированы, являются непременными атрибутами официальной сферы общения и потому имеют общеобязательный характер. На основе общегосударственного языка создаются государственные законы и осуществляется правотворчество в целом. В свою очередь, создание государственных законов, форма представления права обусловливают развитие государственного языка. Иначе говоря, одно предполагает и помогает интерпретировать другое.

Утверждение в начале XX в. общегосударственного языка подразумевало противопоставление ему негосударственных языков не только в силу феномена дихотомичности правовых понятий, но и в связи с тем, что в состав государства вошли территории с компактным проживанием как многочисленных, так и малочисленных народов, имеющих национальнокультурную специфику вербального и невербального поведения, «внешнюю и внутреннюю историю» этнического языка [2. С. 27]. Исходя из положений Основных государственных законов Российской империи 1906 г., наряду с общегосударственным языком во всех местных общественных и государственных учреждениях каждый народ получал право «ввести» родной язык в официально-деловой оборот.

Противопоставление общегосударственного языка негосударственным, на наш взгляд, предполагало исследование языков по следующим параметрам: пространственно-временное географическое и этнографическое распространение языка (сколько людей говорит на этом языке, в течение какого времени, на какой территории); этноязыковые контакты (как известно, языковая ассимиляция сопровождается этнической ассимиляцией, поэтому важно знать, как влияет данный язык на другие языки и, наоборот, как влияют другие языки на данный язык); употребление языка в качестве письменного литературного языка или только бесписьменного разговорного языка; сферы общения и деятельности, в которых используется язык (как правило, язык доминирующей нации обладает более широкими общественными функциями).

В дальнейшем языковая ситуация в разноэтнических регионах, вошедших в состав Советского государства, и история развития данного государства в целом обусловили необходимость официального признания феномена многонациональности и, соответственно, многоязычности государства, законодательного закрепления равноправия народов и языков данных народов. Как отмечает Н.С. Трубецкой, признание национальных прав всех народов, предоставление каждому из них автономии при сохранении единого государственного целого соответствовало исторической сущности русской государственности [3. С. 68].

В послереволюционный и советский периоды в соответствии с идеологическими принципами и задачами «языкового строительства» понятие «общегосударственного языка» было исключено из программных правовых текстов. Однако мы не можем утверждать, что оно не существовало в государственно-правовой сфере. Невозможно представить себе языковую политику без поддержания функции общегосударственного языка. Скорее всего, речь шла о «нежелательности» закрепления данного понятия по отношению к русскому языку в официальных документах. На это, в частности, ссылаются ученые при исследовании работ В.И. Ленина [4. С. 157; 5. С. 9; 6. С. 89].

Кроме того, в советский период понятие государственного языка использовалось в конституциях некоторых ССР и АССР по отношению к национальным языкам данных республик (например, в конституциях АЗССР, АрмССР, ГССР, ААССР и др.). Хотя, по мнению Е.М. Доровских, данное понятие воспринималось «как некий государственно-правовой атавизм» и не предполагало каких-либо ограничений использования других языков [5. С. 9].

Вопросы «языкового строительства» (языкового планирования), которое осуществлялось в течение всего XX в., подробно исследованы В.М. Алпатовым, В.А. Аврориным, У. Вайнрайхом, А.С. Гердом, Н.Д. Голевым, Ж.С. Головко, М.И. Исаевым, Х. Клоссем, Р. Купером, О.В. Фельде, А.Д. Швейцерем, Э. Хаугенем и др. Проведенный нами анализ показывает, что ключевыми аспектами «языкового строительства» были:

- управление развитием языка и нации в определенных границах, вербальное поведение людей;
  - формирование социолингвистических характеристик общества;
- сознательная регуляция функциональной стороны языка (расширение или сужение функций языка, формирование и изменение статуса языка);
- создание официальной версии в отношении того, какой язык должен использоваться в качестве средства официального и межнационального общения;
- языковое нормирование (совершенствование правил правописания, терминологии, стандартов подготовки официальных текстов) и формирование подсистем языка (стилей, профессиональных диалектов).

На первых этапах «языкового строительства» ставились задачи по развитию языков всех народов, в том числе и национальных меньшинств, однако данный подход только подчеркнул необходимость общего языка, выступающего средством межнационального общения и государствообразования. В частности, это выражалось в реформе русской орфографии, в создании письменности коренных народов: в 20–30-е гг. – на латинице, в 30– 40-е гг. – на кириллице (обеспечивающей использование на территории государства одного алфавита). Как отмечает М.А. Арутюнова, «...дорогу подобным реформам открывал низкий уровень грамотности среди населения страны, поэтому для большинства людей (исключая интеллигенцию) изучение уже измененных норм происходило впервые, что не требовало коренной перестройки сознания» [4. С. 159].

Процесс трансформации государственно-правовой системы сопровождался разработкой терминов и понятий, внедряемых в дискурсивную практику и используемых для реализации целевых установок «языкового строительства». Анализ правовых текстов, создаваемых для регуляции общественных отношений в СССР, РСФСР, показывает, что при формулировании задач государственной политики в языковой сфере применялись прежде всего понятия и термины, обозначающие видовые статусы различных языков. Данные понятия целенаправленно использовались без определений, поскольку правовая «неопределенность» допускала возможность их различного, необходимого в силу контекста толкования. Это, в частности, создавало условия и для употребления понятия общегосударственного языка без его явного терминологического «обозначения». Как будет показано ниже, последствием такой неопределенности стала синонимия отдельных понятий.

Анализ понятий языковой сферы, употребляемых в правовых текстах анализируемых периодов, позволяет отнести их к одной из четырех групп: понятия, употребляемые для обозначения «территориально ограниченных» языков; понятия, употребляемые для обозначения «национально обусловленных» языков; понятие «родной язык»; понятия, отражающие структуру государства. Рассмотрим ключевые особенности данных понятий, укажем источники, в которых они употреблялись, представим специфику корреляции, сыгравшей немаловажную роль в формировании современного понимания государственного языка и направлений современной языковой по-

Понятия первой группы отражали закрепленность носителей языков за местностью их компактного проживания, в некоторых случаях указывая на количество носителей языка. Как показывает анализ различных правовых текстов, этнические основания территориально ограниченных языков подразумевались, но не были явно (словесно) выражены.

К первой группе мы отнесли такие понятия, как местные языки, местные языки и наречия (Декрет о суде 1918 г., Полож. о нотариате 1926 г.); общеупотребительный в данной местности язык (Пост. о форме свидетельства о рождении 1935 г.); язык большинства местного населения (УПК 1960 г.); язык большинства населения данной местности (УПК 1922 г., Конституция 1977 г.).

Языки, обозначаемые указанными понятиями, осуществляли коммуникативную функцию «на местах» и, как правило, были противопоставлены русскому языку. На это, в частности, указывают требования, предъявляемые к оформлению документов: либо альтернативному — на русском или на языке большинства населения данной местности (УПК 1922 г.), на русском или местном языке (Правила оформления лекарств 1972 г.), либо дублированному — на русском и местном языке (Почтовые правила 1972 г.).

Понятия *второй группы* подчеркивали взаимосвязь языка и этноса: *языки национальных меньшинств* (Пост. о школах национальных меньшинств 1918 г.); *народности не русского языка* (Полож. об отделах народного образования 1928 г.), *язык коренной национальности* (Инстр. об учете библиотечного фонда 1985 г.); *языки народностей Союза ССР* (Пост. о беспошлинном пропуске офиц. периодических изданий 1925 г.), *языки народов СССР* (Полож. о центральном издательстве 1930 г., Инстр. об учете библиотечного фонда 1985 г.), *языки малых народностей* (Пост. об авторском вознаграждении 1988 г.).

Следует отметить случаи употребления понятий, в которых отмечается совмещение территориальной и этнической ограниченности языка: *места,* населенные народностями нерусского языка (Полож. о съездах советов 1928 г.), местный национальный язык (Почтовые правила 1966 г.).

Понятие «русский язык» употреблялось в связи с необходимостью подчеркнуть рассмотрение русского языка в качестве «языка одной из народностей Союза ССР» либо противопоставить русский язык «другим языкам народностей Союза ССР» (Пост. о беспошлинном пропуске офиц. периодических изданий 1925 г., Полож. о съездах Советов 1929 г.).

В свою очередь, языки народов СССР в целом были противопоставлены иностранным языкам (Полож. об ин-те усовершенствования учителей 1944 г., Полож. о нотариате 1947 г.). В связи с этим можно предположить, что понятие «национальный» применялось в течение советского периода в двух основных значениях: «общегосударственный» и «этнический».

К *третьей группе* мы отнесли понятие «родной язык», отличающееся универсальностью. Специфика данного понятия в том, что оно одновременно отражает взаимосвязь языка и этнической общины (рода), закрепленность носителей языка за определенной местностью (малая родина), принадлежность носителей языка определенному государственнотерриториальному образованию.

В связи с этим данное понятие применялось, с одной стороны, по отношению к языку любого этноса, в том числе русского, с другой стороны, в связи с противопоставлением какого-либо языка русскому языку. Ретроспективный анализ памятников русского права показывает, что во втором значении родной язык рассматривался в качестве «не русского» (Декрет о ликвидации безграмотности 1919 г., Полож. об ин-те усовершенствования учителей 1944 г.).

Многозначность понятия «родной язык» проявилась в функциональных сферах его употребления. Посредством понятия «родной язык» в программных документах советского периода постулируются гарантии: а) получения образования на родном языке; б) осуществления коммуникации на родном языке; в) осуществления официально-деловой коммуникации на родном языке. Считаем необходимым сделать небольшой комментарий относительно данных гарантий.

В соответствии с гарантией «образования на родном языке», прописанной в Конституции 1936 г., Конституции 1977 г., Законе о народном образовании 1974 г., родной язык рассматривался в качестве средства обучения, воспитания и личностного развития человека. Каждый народ наделялся правом получать образование на родном языке на основе специально разработанных программ.

При этом обязательным для изучения был только русский язык, который, несмотря на отсутствие в программных документах его характеристики как обшегосударственного, де-факто выполнял эту функцию и, кроме того, являлся языком межнационального общения на территории проживания разных народов.

Принятие в 1938 г. Постановления об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей (и последовавший за этим процесс принятия аналогичных постановлений во всех союзных республиках) «окончательно определило место русского языка в образовательном стандарте» [4. С. 160] и положило начало «созданию единой централизованной политики в обучении русскому языку» [7. С. 41]. Как полагает О.К. Кайкова, принимаемые меры для национальных меньшинств означали ускорение ассимиляционных процессов [8. С. 119].

Право образования на родном (не русском) языке не влекло обязанности изучения данного языка. Двуязычие (многоязычие) было добровольным делом каждого. В соответствии с Уставом средней общеобразовательной школы 1970 г. учащимся предоставлялась возможность обучаться на родном языке; кроме языка, на котором ведется преподавание, учащиеся по желанию могли изучать язык другого народа СССР. Данные положения были продублированы в Законе о народном образовании 1974 г., согласно которому предоставлялась свобода выбора языка обучения (на родном языке или на языке другого народа СССР). Следует согласиться с утверждением М.А. Арутюновой, что «граждане страны, исходя из чисто практических соображений, чаще всего делали выбор в пользу русского языка, поскольку его изучение не только способствовало увеличению объема коммуникативных возможностей человека, но и открывало для него большее число социальных перспектив» [4. С. 160].

Вместе с тем благодаря данному аспекту языковой политики в советский период были проведены многочисленные лингвистические экспедиции для описания языков и народов, созданы варианты письменности национальных языков, ликвидирована массовая безграмотность, составлены национально-русский и русско-национальные словари, учебники национальных языков, получили развитие литература и средства массовой информации на национальных языках. По мнению Н.В. Ляшенко, «именно в нашей стране сформировалась концепция образования на родных языках», нашедшая отражение в 50-е гг. в документах ЮНЕСКО и впоследствии завоевавшая популярность во многих странах мира [9. С. 17].

Изучение родного языка способствовало коммуникации на родном языке в бытовой сфере общения. Каждый человек наделялся правом на свободный выбор языка общения, что обеспечивало «полную свободу употребления» и равноправие различных языков и наречий, равные возможности для сохранения и развития национального языка (см., в частности, Конституцию 1977 г., Декларацию о языках народов России 1991 г.). Признание равноправия языков одновременно подчеркивало равноправие этносов и, соответственно, представителей данных этносов во всех сферах деятельности.

Важно учитывать, что образование и коммуникация на родном языке взаимосвязаны с психическим и физическим развитием говорящих на этом языке людей, «потребностью идентичности» [10. С. 8], потребностью развития внутренних представлений и выражения мыслей именно на «своем» языке. Речь идет также о роли родного языка в сохранении и передаче обрядовой культуры народа и языкового оформления жизненного цикла человека.

На наш взгляд, развитие гарантий образования и коммуникации на родном языке в конце XX в. получило отражение в понятии *языкового суверенитета*, под которым понималась «совокупность прав народов и личности на сохранение и всестороннее развитие родного языка, свободу выбора и использования языка общения» (ст. 2 Закона о языках народов РСФСР). Правда, в дальнейшем это понятие было выражено иным термином – *равноправие языков народов Российской Федерации* (см. ст. 2 Закона о языках народов РСФСР в редакции от 24.07.1998).

В отличие от указанных гарантий закрепление права деловой коммуникации на родном языке было обусловлено потребностями официальноделовой сферы общения, в первую очередь создания письменных официальных текстов, только на определенном языке. Реализация данной гарантии не могла осуществляться при иерархии или эквивалентности языков, безусловным приоритетом мог обладать только один язык, имеющий большие функциональные возможности. Особые функции языка служили основанием для закрепления за таким языком различных юридических статусов: языка официального опубликования законов, языка делопроизводства (в том числе судебного, нотариального), языка официального общения и др. В свою очередь, функциональный статус языка способствовал формированию представления о языковой нормированности и стандартах оформления правовых текстов, унификации используемых лингвистических средств. Во введении одного языка, используемого в официальноделовой сфере общения, можно (да и следует) видеть определенные начала для возрождения понятия общегосударственного языка.

В понятиях четвертой группы отражена взаимосвязь функционального статуса языка со статусом структурной единицы государства. К данной группе мы отнесли понятия: языки, обшеупотребительные в советских республиках (Договор об образовании СССР 1922 г., Устав государственного банка 1929 г.), языки, общеупотребительные в союзных республиках (Конституция 1924 г., Доклад о конституционных вопросах 1931 г.), языки союзных республик (Конституция 1936 г., Конституция 1977 г.), язык автономной республики, язык автономной области, язык автономного округа (Полож. о паспортах 1932 г., Конституция 1977 г.). Рассмотрим специфику данных понятий.

В Договоре об образовании СССР 1922 г., Конституции 1924 г. (первоначальной редакции) под языками, обшеупотребительными в советских республиках подразумевались русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский и тюрко-татарский (совр. азербайджанский). В 1931 г. в связи с государственными преобразованиями конституционная норма была изложена в новой редакции: к «языкам, общеупотребительным в советских республиках» были отнесены русский, украинский, белорусский, грузинский, армянский, азербейджанский (так!), узбекский, туркменский и таджикский (фарсидский) (Пост. 6-го Съезда Советов СССР). На наш взгляд, русский язык в перечне данных «общеупотребительных языков» был определен в качестве «первого среди равных», поскольку обладал большей функциональной значимостью (в связи с широтой выполняемых общественных задач, численностью его носителей и степенью распространенкодифицированностью и разработанной понятийно-терминологической базой, необходимой для создания правовых текстов).

В программных документах советского периода были закреплены следующие сферы использования «общеупотребительных языков» (сферы общей компетенции): правотворчество, судопроизводство, государственная символика, взаимодействие органов власти. В частности, исходя из Порядка опубликования законов СССР 1924 г. на шести указанных языках должна была осуществляться печать постановлений законодательного характера.

Понятие языки союзных республик было закреплено в Конституции 1936 г. Исходя из перечня советских республик, приведенного в данной Конституции (с учетом внесенных в разные годы изменений), к «языкам союзных республик» относились: русский, украинский, белорусский, узбекский, казахский, грузинский, азербайджанский, литовский, молдавский, латышский, киргизский, таджикский, армянский, туркменский, эстонский, а также финский (для Карело-Финской ССР).

На «языках союзных республик» должны были публиковываться законы СССР и другие акты, принятые Съездом народных депутатов СССР, Верховным Советом СССР, Президентом СССР. По исследованию А.В. Червяковского, проекты республиканских законов обычно готовились или на русском языке, или на языке союзной республики, а затем еще до утверждения на сессии Верховного Совета переводились на другой язык [11].

В связи с позиционированием равной востребованности языков союзных республик в правотворчестве возникают вопросы о равнозначности статусов и функциональных возможностях разных языков. Установление юридического равенства статусов данных языков, на наш взгляд, некорректно рассматривать в качестве функционального равенства. В противном случае следовало бы говорить об эквивалентности языков, возможности свободной замены одного языка другим, а в результате — неизбежном соперничестве языков за приоритетное положение в официальной сфере общения.

Правотворческий процесс обусловливал создание терминологии, эквивалентной при переводе, орфографических и иных норм языков союзных республик, проведение переводческо-экспертных работ. Это, в частности, не могло не отражаться на сфере правотворчества при решении вопросов об аутентичности текстов законов, публикуемых на разных языках, о толковании правовых текстов, наличии языковых средств, необходимых и достаточных для трансляции правового содержания. Востребованность того или иного языка в правотворчестве одновременно означает востребованность этого языка в правоприменительной и судебной практике.

Еще одним подтверждением приоритетности языка являются сферы исключительной компетенции. В связи с этим отметим, что согласно Консульскому уставу СССР 1926 г. консульские учреждения имели печати с изображением на них герба СССР и названия учреждения только на русском языке.

Понятия язык автономной республики, язык автономной области, язык автономного округа использовались в соотношении с понятием «языки союзных республик», поскольку такие административно-территориальные деления, как автономная республика, автономная область, автономный округ, являлись частью союзных республик. В рамках данной статьи мы не будем приводить перечень языков, к которым применялись указанные понятия, поскольку в XX в. отмечается непрерывный процесс изменения статуса и количества национальных образований.

В качестве примера приведем первую редакцию Конституции 1977 г. (ст. 85, 87), в которой были названы следующие автономные республики, входившие в состав РСФСР: Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Калмыцкая, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская, Якутская; в числе автономных областей названы Адыгейская, Горно-Алтайская, Еврейская, Карачаево-Черкесская и Хакасская. В составе Узбекской ССР была выделена Каракалпакская автономная ССР; в составе Грузинской ССР — Абхазская и Аджарская автономные ССР, Юго-Осетинская автономная область; в составе Азербайджанской ССР — Нахичеванская автономная ССР и Нагорно-Карабахская автономная область; в составе Таджикской ССР — Горно-Бадахшанская автономная область.

Обратим внимание на то, что в некоторых правовых текстах в качестве синонимов понятий языков автономной республики, автономной области,

автономного округа использовались понятия язык коренной наииональности (Инстр. об учете библиотечного фонда 1985 г), национальный язык (Приказ о географических названиях на топографических картах и планах 1984 г.). С другой стороны, отмечается противопоставление понятий «язык автономной республики», «язык автономной области», «язык автономного округа» понятиям «язык союзной республики» и «язык большинства населения данной местности». Об этом свидетельствуют правила альтернативности употребления языков (Конституция 1936 г., Закон о судоустройстве 1938 г., Конституция 1977 г.) и правила дублирования языков (Полож. о паспортной системе 1974 г.).

Чем крупнее была структурная единица государства, тем выше ее статус, территориальное верховенство, учредительные полномочия и возможности. В связи с несимметричностью и сложносоставностью субъектов Федерации Е.М. Доровских высказывает гипотезу об иерархичности языков в зависимости от их функциональных статусов [5. С. 10]. Косвенным подтверждением данной гипотезы может служить языковая ситуация, сложившаяся до и после распада СССР. Как отмечает А.П. Мякшев, при подготовке проекта Конституции 1977 г. предлагалось закрепить статус русского языка как общегосударственного, однако в Верховном Совете посчитали данное предложение нецелесообразным в силу его «противоречия принципам ленинской национальной политики по вопросам языка» [7. C. 46].

В Законе о языках народов СССР, принятом в 1990 г., союзная и автономная республики были наделены правом определять правовой статус языков республик, в том числе устанавливать их в качестве государственных языков. По мнению С.Р. Дерябиной, «политика федерального центра» была одновременно направлена на «сохранение государственной идентичности» и значительные уступки этнонациональным движениям в виде признания приоритетов этнической идентичности» [12. С. 51]. В результате в 90-х гг. прошлого века все республики закрепили за языками титульных наций статус государственных.

«В целях обеспечения общесоюзных задач» русский язык был признан на территории СССР официальным языком СССР и средством межнационального общения (ст. 4 Закона о языках народов СССР). Русский язык стал идентификатором официальных сфер употребления языка - правотворчества, правоприменения, судопроизводства, делопроизводства, а также государства как субъекта правовых отношений в целом.

В качестве обоснования закрепления официального статуса русского языка приведем две точки зрения. И.М. Татаровская полагает, что «снижение статуса русского языка – с общегосударственного до официального – было своего рода «политической уступкой» в ответ на политику дерусификации, проводившуюся в союзных республиках перед распадом Советского Союза, и совпало с «ростом национального лингвокультурного самосознания», а также «социально-экономическим и политическим кризисом» [13. С. 39]. С другой стороны, по мнению Доровских Е.М., «придание языку положения государственного или официального часто рассматривается

как наиболее эффективное средство его защиты, поскольку создает условия для преимущественного использования и развития» [5. С. 17].

Результатом «уступки», с одной стороны, и «защиты» – с другой, стало то, что процессы намеченной «этнизации» не привели к ослаблению позиций русского языка, поскольку не затронули государствообразующие сферы его использования. В частности, в соответствии с Законом о языках народов СССР использование русского языка как официального было исключительным и обязательным: при опубликовании законов и других правовых актов СССР; в судопроизводстве в Верховном Суде и в военных трибуналах; в государственных органах; при подготовке документации о выборах в Центральную избирательную комиссию; в официальной переписке и иных формах официальных взаимоотношений государственных органов союзных, автономных республик, автономных областей, автономных округов, национальных административно-территориальных единиц с государственными органами СССР; в диспетчерских переговорах и ведении документации в энергетической и транспортной сферах союзного значения; в Вооруженных Силах, во внутренних и пограничных войсках, железнодорожных войсках; в работе центральных СМИ; в деятельности дипломатических представительств, консульских учреждений, внешнеторговых организаций, в том числе при заключении договоров и иных международных документов.

Правило дублирования языков должно было применяться: во-первых, при оформлении официальных документов, удостоверяющих личность или сведения о ней: паспортов, трудовых книжек, военных билетов, аттестатов, дипломов, свидетельств о рождении, браке, смерти; во-вторых, при подготовке и проведении выборов Президента СССР, народных депутатов; в-третьих, в делопроизводстве и при подготовке документации в союзнореспубликанских органах союзных республик, а также на предприятиях, в учреждениях и организациях союзного подчинения; в-четвертых, при оформлении наименований населенных пунктов, улиц, площадей, дорожных указателей.

Анализ сфер исключительного и дублированного употребления русского языка, обозначенных в Законе о языках народов СССР, показывает, что русский язык, несмотря на законодательное закрепление его в качестве «официального», отличался от иных языков народов СССР большей статусно-функциональной ролью. «Несоответствие юридически закрепленного режима русского языка фактически выполняемой им роли», по мнению Ю.В. Блиновой, прослеживается на протяжении всей советской эпохи — «на практике русский язык занимал более весомое место, чем ему это отводилось законодательством» [14. С. 21].

Фактически русский язык был общегосударственным языком на протяжении всего советского периода, выполняя интеграционную функцию, выступая языком законодательства, государственного управления, судопроизводства и делопроизводства. Поэтому вполне закономерно, что в 1991 г. в Законе о языках народов РСФСР русский язык, являющийся основным

средством межнационального общения народов РСФСР, «в соответствии со сложившимися историко-культурными традициями» был наделен статусом государственного языка РСФСР.

В этот же период в правовые документы ненадолго возвращается понятие общегосударственного языка. В Концепции государственной национальной политики 1996 г. и Основных положениях региональной политики 1996 г. обеспечение оптимальных условий для использования «русского языка как общегосударственного» было объявлено «неотложной задачей» при реализации национальной политики.

Дальнейшее развитие понятий и терминов, закрепленных в программных документах досоветского и советского периодов, нашло отражение в Конституции России 1993 г., Законе о государственном языке 2005 г., конституциях республик, входящих в состав Федерации.

Заключительные положения

Государственно-правовая сфера общения обусловливает типовую «специализацию» языка, в том числе формирование, расширение или сужение его функционального статуса. Такой «сугубо юридический феномен» [15. С. 15], как государственный язык, необходимо рассматривать в качестве базового символа российской государственно-правовой культуры и особого способа осознания и развития этой культуры.

Исследование государственного языка будет неполным без лингвистических, социолингвистических, этнографических параметров описания, поскольку они способствуют прояснению не просто правовых или лингвистических, а общественно-культурных явлений, в частности общих вопросов социолингвогенеза и видового многообразия языков народов России, истоков взаимосвязи национальных языковых культур народов России, нормирования письма, в том числе создания алфавитов, правил грамматики и правописания.

Представленный анализ подтверждает, что понятие «государственный язык» является более емким и сложным, чем кажется на первый взгляд. Данное понятие, рассмотренное на примере русского языка, отражает различные аспекты государственной языковой политики. Современный многофункциональный статус русского языка как государственного, как и нынешнее разнообразие статусов языков народов России, представляет собой наследие прошлой эпохи.

В процессе работы над темой обнаружилось множество новых вопросов, требующих самостоятельного рассмотрения. Проведенное исследование обусловливает необходимость обсуждения вопросов о функционировании и преподавании русского языка как государственного; о профессиональной квалификации экспертов, осуществляющих лингвистическую экспертизу законодательных актов. В аспекте дискурсивной обусловленности требуют дальнейшего изучения вопросы употребительности русского языка в постсоветском пространстве; соотношения русского языка как государственного и государственных (официальных) языков республик, входящих в состав Российской Федерации; прогнозирование развития функциональных статусов языков народов России в условиях двуязычия и многоязычия.

Литература

- 1. Вербицкая Л.А. Русский язык как государственный: современное состояние и меры по его укреплению и развитию // Российский гуманитарный журнал. 2015. Т. 4, № 2. С. 90–100.
- 2. *Бодуэн де Куртенэ И.А*. Некоторые общие замечания о языковедении и языке / И.А. Бодуэн де Куртенэ. СПб., 1871.38 с.
- 3. *Трубецкой Н.С.* Наследие Чингисхана // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1991. № 4.
- 4. *Арутнонова М.А.* Языковая политика и статус русского языка в СССР и государствах постсоветского пространства // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 155–178.
- 5. Доровских Е.М. К вопросу о разграничении понятий «государственный язык» и «официальный язык» // Журнал российского права. 2007. № 12. С. 8–20.
- 6. *Маслов В.Г.* Языковое строительство лингвокультурологическое пространство // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 2 (22). С. 86–91.
- 7. Мякшев А.П. Национально-языковое строительство в Советском Союзе в послевоенный период: основные направления и тенденции // Известия Саратовского университета. 2015. Т. 15, вып. 3. С. 40–48.
- 8. *Кайкова О.К.* Поворот в национальной политике 1935–1937 гг. и судьба национальных меньшинств // Вестник РУДН: «История России». 2006. № 6. С. 116–120.
- 9. Ляшенко Н.В. Русский язык как государственный язык Российской Федерации: конституционно-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 26 с.
- 10. Алпатов В.М. Языковая политика в современном мире // Научный диалог. 2013. № 5 (17): Филология. С. 8—28.
- 11. Череяковский A.В. Официальное опубликование нормативных правовых актов на нескольких языках // Современное право. 2015. № 11. С. 11–15.
- 12. Дерябина С.Р. Этноязыковая политика России в период актуализации этничности (90-е годы XX века) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (80). С. 50–56.
- 13. Татаровская И.М. Русский язык: фактор интеграции или дезинтеграции? // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 1. С. 37–43.
- 14. *Блинова Ю.В.* О правовом статусе русского языка в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 9. С. 21–24.
- 15. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2008. № 3 (4). С. 5–17.

Список источников

Декларация о языках народов России 1991 г. – Декларация ВС РСФСР от 25.10.1991 № 1808/1-1 «О языках народов России» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 50. С. 1742.

Декрет о ликвидации безграмотности 1919 г. – Декрет СНК РСФСР от 26.12.1919 «О ликвидации безграмотности среди населения Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1919. № 67. Ст. 592.

Декрет о суде 1918 г. – Декрет ВЦИК от 07.03.1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918, № 26. Ст. 420.

Договор об образовании СССР 1922 г. – Договор об образовании СССР (принят на I Съезде Советов СССР 30.12.1922) // Съезды Советов в документах. 1917–1936. Т. 3. 1960. C. 18.

Доклад о конституционных вопросах 1931 г. – Пост. 6-го Съезда Советов СССР от 17.03.1931 «По докладу о конституционных вопросах» // СЗ СССР. 1931. № 17. Ст. 162.

Закон о государственном языке 2005 г. – Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Российская газета. 2005. № 120. 7 июня.

Закон о народном образовании 1974 г. – Закон РСФСР от 02.08.1974 «О народном образовании» // Свод законов РСФСР. 1988. Т. 3. Ст. 245.

Закон о судоустройстве 1938 г. - Закон СССР от 16.08.1938 «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

Закон о языках народов СССР – Закон СССР от 24.04.1990 «О языках народов СССР» // Свод законов СССР. 1990. Т. 1. Ст. 372-12.

Закон о языках народов РСФСР – Пост. ВС РСФСР от 25.10.1991 № 1808-1 «О порядке введения в действие закона РСФСР «О языках народов РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. 12.12. № 50. Ст. 1741.

Инстр. об учете библиотечного фонда 1985 г. – Инструкция об учете библиотечного фонда в государственных массовых библиотеках, объединенных в централизованные библиотечные системы Министерства культуры СССР (утв. Минкультуры СССР 27.12.1985) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2018).

Конституция 1924 г. – Конституция (Основной Закон) СССР (утв. II Съездом Советов СССР от 31.01.1924 г.). М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1924.

Конституция 1936 г. – Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (утв. пост. Чрезвычайного VIII Съезда Советов СССР от 05.12.1936) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1936. № 283. 6 дек.

Конституция 1977 г. – Конституция (Основной Закон) СССР 1977 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2018).

Конституция России 1993 г. - Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru, 01.08.2014. (дата обращения: 01.03.2018).

Консульский устав СССР 1926 г. - Пост. ЦИК СССР, СНК СССР от 08.01.1926 «Консульский устав СССР» // СЗ СССР. 1926. № 10. Ст. 78.

Концепция государственной национальной политики 1996 г. – Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» // Российская газета. 1996. № 128. 10 июля.

Основные государственные законы Российской империи 1906 г. – Основные государственные законы Российской империи от 23 апреля 1906 г. // Свод законов Российской империи : в 16 т. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 01.03.2018).

Основные положения региональной политики 1996 г. - Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Российская газета. 1996. № 109. 11 июня.

Полож. о нотариате 1926 г. – Декрет ВЦИК от 04.10.1926 «О введении в действие Положения о Государственном Нотариате Р.С.Ф.С.Р.» // СУ РСФСР. 1926. № 74. Ст. 576.

Полож. о нотариате 1947 г. – Постановление Совмина РСФСР от 31.12.1947 № 980 «Об утверждении Положения о государственном нотариате РСФСР» // СП РСФСР. 1948. № 4. Ст. 15.

Полож. о паспортах 1932 г. – Положение о паспортах (утв. ЦИК СССР, СНК СССР 27.12.1932) // C3 CCCP. 1932. № 84. Ct. 517.

Полож. о паспортной системе 1974 г. – Постановление Совмина СССР от 28.08.1974 № 677 «Об утверждении Положения о паспортной системе в СССР» // СП CCCP. 1974. № 19. Ct. 109.

Полож. о съездах советов 1928 г. – Постановление ВЦИК от 06.04.1928 «О введении в действие Положения о краевых (областных), окружных и районных съездах советов и их исполнительных комитетах» // СУ РСФСР. 1928. № 70. Ст. 503.

Полож. о центральном издательстве 1985 г. – Постановление Президиума ЦИК СССР от 02.07.1930 «Положение о Центральном издательстве народов СССР» // СЗ СССР. 1930. № 37. Ст. 402.

Полож. об ин-те усовершенствования учителей 1944 г. – Постановление СНК РСФСР от 14.01.1944 № 33 «Об утверждении Положения об Институте усовершенствования учителей» // СП РСФСР. 1944. № 4. Ст. 26.

Полож. об отделах народного образования 1928 г. – Постановление ВЦИК от 02.07.1928 «Об утверждении Положения о краевых (областных) отделах (управлениях) народного образования» // СУ РСФСР. 1928. № 89. Ст. 579.

Порядок опубликования законов СССР 1924 г. – Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 22.08.1924 «О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства СССР» // СЗ СССР. 1924. № 7. Ст. 71.

Пост. о беспошлинном пропуске офиц. периодических изданий 1925 г. – Постановление СНК СССР от 21.07.1925 «О беспошлинном пропуске официальных периодических изданий торговых представительств Союза ССР» // СЗ СССР. 1925. № 48. Ст. 359.

Пост. о форме свидетельства о рождении 1935 г. – Постановление СНК СССР от 02.11.1935 № 2440 «Об утверждении формы свидетельства о рождении» // СЗ СССР. 1935. № 58. Ст. 477.

Пост. о школах национальных меньшинств 1918 г. – Постановление Наркомпроса РСФСР от 31.10.1918 г. «О школах национальных меньшинств» // СУ РСФСР. 1918. № 80. Ст. 835.

Поста. об авторском вознаграждении 1988 г. — Постановление Совмина СССР от 12.07.1988 № 825 «Об упорядочении ставок авторского вознаграждения за издание, публичное исполнение и иные виды использования произведений литературы и искусства» // СЗ СССР. 1990. Т. 2. Ст. 74.

Пост. об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей 1938 г. — Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 13.03.1938 № 324 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2018).

Пост. 6-го Съезда Советов СССР — Постановление 6-го Съезда Советов СССР от 17.03.1931 «По докладу о конституционных вопросах» // СЗ СССР. 1931. № 17. Ст. 162.

Почтовые правила 1966 г. – Почтовые правила (утв. приказом Минсвязи СССР от 26.11.1962 № 670) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2018).

Почтовые правила 1972 г. – Почтовые правила (утв. приказом Минсвязи СССР от 18.12.1972 № 770) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2018).

Правила оформления лекарств 1972 г. – Единые правила оформления лекарств, приготовляемых в аптеках (утв. приказом Минздрава СССР от 19.07.1972 № 583) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2018).

Приказ о географических названиях на топографических картах и планах 1984 г. – ГКИНП 13-42-82. Руководство по сбору и установлению географических названий на топографических картах и планах (утв. Приказом ГУГК СССР от 28.09.1984 № 489 π) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.03.2018).

УПК 1922 г. – Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе» // СУ РСФСР. 1922. № 20–21. Ст. 230.

УПК 1960 г. — Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовнопроцессуального кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. С. 592.

Устав Государственного банка 1929 г. – Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 12.06.1929 «Об утверждении Устава Государственного банка СССР» // СЗ СССР. 1929. № 38. Ст. 332, 333.

Устав средней школы 1970 г. – Постановление Совмина СССР от 08.09.1970 № 749 «Об Уставе средней общеобразовательной школы» // Свод законов СССР. 1990. Т. 3. Ст. 256.

On the Formation of the Idea of the Russian Language as a State Language in the Pre-Soviet and Soviet Periods

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 27–47. DOI: 10.17223/19986645/57/2

Marina V. Batyushkina, Legislative Assembly of Omsk Region (Omsk, Russian Federation). E-mail: soulangeana@mail.ru

Keywords: language and law, functions of language, state language, official language, native language.

In the article, on the basis of the correlation between linguistic and state-legal categories, certain questions of the formation of the concept of the Russian language as a state language during the 20th century are considered. The material for the research was scientific developments in the field of language policy, as well as monuments of Russian law of the 20th century which reflected the issues of "language construction". The key principles of the Russian Constitution of 1993 in the field of language policy, as well as the Law on the State Language of the Russian Federation of 2005, develop concepts formed in the pre-Soviet and Soviet periods of "language construction". The concept of the state language, considered at the moment of its development taking into account the categories of the present time (in synchrony), reflects all the phenomena that occurred in the past, the previous time periods of development (in diachrony). It is noted that, initially, the Basic State Laws of the Russian Empire of 1906 fixed the concept "national language". The emphasis is on the relationship of this concept to the concept "state law", their discursive conditioning and similar functions. In connection with the events of the post-revolutionary and early Soviet periods, the reasons for excluding the concept "national language" from the state-legal context and vice versa, the development of different statuses of languages are considered. The author gives four groups of concepts that were used in "language construction" to denote the status of languages: a) concepts that reflect the fixedness of the speakers of languages over a certain locality of residence, as well as the number of speakers of the language ("local languages and dialects", "language of the majority of the population in the locality", etc.); b) concepts that reflect the relationship of language and nation ("language of indigenous nationality", "language of the people", etc.); c) the concept "native language" (emphasis is placed on the spheres of application of the concept: education, everyday communication, formal-business communication); d) concepts that reflect the structure of the state ("languages of the Union republics", "languages of the autonomous republics", etc.). Some aspects of fixing the statuses of the Russian language in the legal texts of the late 20th century are analyzed: first, the "official language", after this "state language". It is concluded that the state-legal sphere of communication causes a typical "specialization" of the language, including the formation, expansion or narrowing of its functional status; stipulates the rules of non-alternative, alternative or duplicative use of languages. Russian as a state language is one of the basic symbols of the Russian state and legal culture.

References

- 1. Verbitskaya, L.A. (2015) Russian language as a state language: current status and measures for its strengthening and development. Ros. gumanitarnyy zhurnal – Liberal Arts in Russia. 4(2). pp. 90–100. (In Russian). DOI: 10.15643/libartrus-2015.2.1
- 2. Baudouin de Courtenay, I.A. (1871) Nekotorye obshchie zamechaniya o yazykovedenii i vazvke [Some general remarks on linguistics and language] St. pech. V.I. Golovina.
- 3. Trubetskoy, N.S. (1991) Nasledie Chingiskhana [The heritage of Genghis Khan]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Ser. 9. Philology. 4.

- 4. Arutyunova, M.A. (2012) Language Policy and Status of the Russian Language in the USSR and Post-Soviet States. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika Moscow State University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics.* 1. pp. 155–178. (In Russian).
- 5. Dorovskikh, E.M. (2007) K voprosu o razgranichenii ponyatiy "gosudarstvennyy yazyk" i "ofitsial'nyy yazyk" [On the issue of the delimitation of the concepts "state language" and "official language"]. *Zhurnal rossiyskogo prava Journal of Russian Law.* 12. pp. 8–20.
- 6. Maslov, V.G. (2011) Language construction linguacultural space. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.* 2 (22). pp. 86–91. (In Russian).
- 7. Myakshev, A.P. (2015) The national-ethnic formation of the USSR in the post-war period: the main directions and tendencies. *Izvestiya Saratovskogo un-ta Izvestiya of Saratov University*. 15:3. pp. 40–48. (In Russian).
- 8. Kaykova, O.K. (2006) Changes in the national policy of 1935–1937 and the fate of national minorities of RSFSR. *Vestnik RUDN: "Istoriya Rossii" RUDN Journal of Russian History*. 6. pp. 116–120. (In Russian).
- 9. Lyashenko, N.V. (2004) Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy yazyk Rossiyskoy Federatsii: konstitutsionno-pravovoy analiz [Russian as the state language of the Russian Federation: constitutional and legal analysis]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
- 10. Alpatov, V.M. (2013) Language policy in modern world. *Nauchnyy dialog Scientific Dialogue*. 5 (17). pp. 8–28. (In Russian).
- 11. Chervyakovskiy, A.V. (2015) Ofitsial'noe opublikovanie normativnykh pravovykh aktov na neskol'kikh yazykakh [Official publication of regulatory legal acts in several languages]. Sovremennoe pravo Modern Law. 11. pp. 11–15.
- 12. Deryabina, S.R. (2013) Ethnolinguistic policy of Russia in actualizing ethnicity (90-s of the XX century). *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 4 (80). pp. 50–56. (In Russian).
- 13. Tatarovskaya, I.M. (2007) Russkiy yazyk: faktor integratsii ili dezintegratsii? [Russian language: the factor of integration or disintegration?]. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie State Power and Local Self-Government.* 1. pp. 37–43.
- 14. Blinova, Yu.V. (2012) O pravovom statuse russkogo yazyka v Rossiyskoy Federatsii [On the legal status of the Russian language in the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal noe pravo*. 9. pp. 21–24.
- 15. Golev, N.D. (2008) Peculiarities of modern metalinguistic consciousness reflected in discussions about language construction issues. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 3 (4). pp. 5–17. (In Russian).

Sources

Vedomosti SND i VS RSFSR. (1991) Deklaratsiya VS RSFSR ot 25.10.1991 № 1808/1-1 "O yazykakh narodov Rossii" [Declaration of the RSFSR Supreme Soviet of 25.10.1991 No. 1808/1-1 "On the Languages of the Peoples of Russia"]. *Vedomosti SND i VS RSFSR.* 50. p. 1742.

SU RSFSR. (1919) Dekret SNK RSFSR of 26.12.1919 "O likvidatsii bezgramotnosti sredi naseleniya R.S.F.S.R." [Decree of the SNK of the RSFSR of 26.12.1919 "On the elimination of illiteracy among the population of the RSFSR"]. *SU RSFSR* [RSFSR Code of Justice]. 67. Art. 592.

SU RSFSR. (1918) Dekret VTsIK ot 07.03.1918 g. № 2 "O sude" [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of March 2, 1918, No. 2 "On Court"]. *SU RSFSR.* 26. Art. 420.

Georgadze, M.P. (ed.) (1960) Dogovor ob obrazovanii SSSR (prinyat na I S"ezde Sovetov SSSR 30.12.1922) [Treaty on the formation of the USSR (adopted at the I Congress of

Soviets of the USSR on 30.12.1922)]. In: S"ezdy Sovetov v dokumentakh. 1917–1936 [Congresses of the Soviets in documents, 1917–1936], Vol. III, Moscow; Gosyurizdat, p. 18.

SZ SSSR. (1931) Postanovlenie 6-go S"ezda Sovetov SSSR ot 17.03.1931 "Po dokladu o konstitutsionnykh voprosakh" [Decision of the 6th Congress of the Soviets of the USSR of March 17, 1931 "On the report on constitutional issues"]. SZ SSSR [USSR Code of Laws]. 17. Art. 162.

Rossiyskaya gazeta. (2005) Federal'nyy zakon ot 01.06.2005 № 53-FZ "O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of 01.06.2005 No. 53-FZ "On the State Language of the Russian Federation"]. Rossiyskaya gazeta. 120. 7 June.

Svod zakonov RSFSR. (1988) Zakon RSFSR ot 02.08.1974 "O narodnom obrazovanii" [Law of the RSFSR of 02.08.1974 "On public education"]. Svod zakonov RSFSR [RSFSR Code of Laws]. 3. Art. 245.

Vedomosti VS SSSR. (1938) Zakon SSSR ot 16.08.1938 "O sudoustroystve SSSR, soyuznykh i avtonomnykh respublik" [Law of the USSR of August 16, 1938 "On the judicial system of the USSR, the union and autonomous republics"]. Vedomosti VS SSSR. 11.

SZ SSSR. (1990) Zakon SSSR ot 24.04.1990 "O yazykakh narodov SSSR" [Law of the USSR of 24.04.1990 "On the Languages of the Peoples of the USSR"]. Svod zakonov SSSR. 1. pp. 372-12.

Vedomosti SND i VS RSFSR. (1991) Postanovlenie VS RSFSR ot 25.10.1991 N 1808-1 "O poryadke vvedeniya v deystvie zakona RSFSR "O yazykakh narodov RSFSR"" [Decision of the RSFSR Supreme Soviet of October 25, 1991 No. 1808-1 "On the Procedure for Enacting the Law of the RSFSR 'On the Languages of the Peoples of the RSFSR'"]. Vedomosti SND i VS RSFSR. 50. Art. 1741.

Konsul'tant Plyus. (1985) Instruktsiva ob uchete bibliotechnogo fonda gosudarstvennykh massovykh bibliotekakh, ob"edinennykh v tsentralizovannye bibliotechnye sistemy Ministerstva kul'tury SSSR (utv. Minkul'tury SSSR 27.12.1985) [Instructions on the accounting of the library fund in the state mass libraries united in the centralized library systems of the Ministry of Culture of the USSR]. Moscow: SPS "Konsul'tant Plyus". (Accessed: 01.03.2018).

USSR. (1924) Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) SSSR (utv. II-ym S"ezdom Sovetov SSSR ot 31.01.1924 g.) [Constitution (Basic Law) of the USSR (approved by the II Congress of the Soviets of the USSR of January 31, 1924)]. Moscow: Yuridicheskoe izd-vo Narkomyusta.

USSR. (1936) Konstitutsiya (Osnovnov Zakon) Sovuza Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik (utv. post. Chrezvychaynogo VIII S"ezda Sovetov SSSR ot 05.12.1936) [Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (approved by the Emergency VIII Congress of the Soviets of the USSR of May 12, 1936)]. Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK. 283. 6 December.

USSR. (1977) Konstitutsiya (Osnovnoy Zakon) SSSR 1977 g. [Constitution (Basic Law) of the USSR, 1977]. Moscow: SPS "Konsul'tant Plyus". (Accessed: 01.03.2018).

RF. (1993) Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993)]. [Online] Available from: http://www.pravo.gov.ru. (Accessed: 01.03.2018).

SZ SSSR. (1926) Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 08.01.1926 "Konsul'skiy ustav SSSR" [Decision of the CEC of the USSR, SNK of the USSR of 01.01.1926 "Consular charter of the USSR"]. SZ SSSR. 10. Art. 78.

Rossiyskaya gazeta. (1996) Ukaz Prezidenta RF ot 15.06.1996 № 909 "Ob utverzhdenii Kontseptsii gosudarstvennoy natsional'noy politiki Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation of June 15, 1996, No. 909 "On Approval of the Concept of the State National Policy of the Russian Federation"]. Rossiyskaya gazeta. 128. 10 July.

Russian Empire. (1906) Osnovnye gosudarstvennye zakony Rossiyskoy imperii ot 23 aprelya 1906 g. [The main state laws of the Russian Empire of April 23, 1906]. In: Svod zakonov Rossiyskoy imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. [Online] Available from: http://pravo.gov.ru. (Accessed: 01.03.2018).

Rossiyskaya gazeta. (1996) Ukaz Prezidenta RF ot 03.06.1996 № 803 "Ob Osnovnykh polozheniyakh regional'noy politiki v Rossiyskoy Federatsii" [Decree of the President of the Russian Federation of 03.06.1996 No. 803 "On the Basic Provisions of the Regional Policy in the Russian Federation"]. *Rossiyskaya gazeta*. 109. 11 June.

SU RSFSR. (1926) Dekret VTsIK ot 04.10.1926 "O vvedenii v deystvie Polozheniya o Gosudarstvennom Notariate R.S.F.S.R." [Decree of the All-Russian Central Executive Committee of 04.10.1926 "On the Enactment of the Regulation on the State Notary of the RSFSR"]. *SU RSFSR*. 74. Art. 576.

SP RSFSR. (1948) Postanovlenie Sovmina RSFSR of 31.12.1947 № 980 "Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennom notariate RSFSR" [Decision of the Council of Ministers of the RSFSR of 31.12.1947 No. 980 "On approval of the Regulations on the Notary of the RSFSR"]. *SP RSFSR* [RSFSR Code of Government Regulations and Orders]. 4. Art. 15.

SZ SSSR. (1932) Polozhenie o pasportakh (utv. TsIK SSSR, SNK SSSR 27.12.1932) [Regulations on passports (approved by the CEC of the USSR, SNK of the USSR December 27, 1932)]. SZ SSSR. 84. Art. 517.

SP SSSR. (1974) Postanovlenie Sovmina SSSR ot 28.08.1974 № 677 "Ob utverzhdenii Polozheniya o pasportnoy sisteme v SSSR" [Decision of the Council of Ministers of the USSR of 28.08.1974 No. 677 "On approval of the Regulations on the Passport System in the USSR"]. SP SSSR [USSR Code of Government Regulations and Orders]. 19. Art. 109.

SU RSFSR. (1919) Postanovlenie VTsIK ot 06.04.1928 "O vvedenii v deystvie Polozheniya o kraevykh (oblastnykh), okruzhnykh i rayonnykh s"ezdakh sovetov i ikh ispolnitel'nykh komitetakh" [Decision of the Central Executive Committee on April 6, 1928, "On the implementation of the Regulations on regional (oblast), area and district congresses of councils and their executive committees"]. SU RSFSR. 70. Art. 503.

SZ SSSR. (1930) Postanovlenie Prezidiuma TsIK SSSR ot 02.07.1930 "Polozhenie o Tsentral'nom izdatel'stve narodov SSSR" [Decision of the Presidium of the CEC of the USSR of 02.07.1930 "Regulations on the Central Publishing House of the Peoples of the USSR"]. SZ SSSR. 37. Art. 402.

SP RSFSR. (1944) Postanovlenie SNK RSFSR ot $14.01.1944 \text{ M} \cdot 33$ "Ob utverzhdenii Polozheniya ob Institute usovershenstvovaniya uchiteley" [Decision of the SNK of the RSFSR of January 14, 1944, No. 33 "On Approval of the Regulations on the Institute for the Improvement of Teachers"]. *SP RSFSR*, 4. Art. 26.

SU RSFSR. (1928) Postanovlenie VTsIK ot 02.07.1928 "Ob utverzhdenii Polozheniya o kraevykh (oblastnykh) otdelakh (upravleniyakh) narodnogo obrazovaniya" [Decision of the All-Union Central Executive Committee of 02.07.1928 "On approval of the Regulations on the regional (oblast) departments of public education"]. *SU RSFSR*. 89. Art. 579.

SZ SSSR. (1924) Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 22.08.1924 "O poryadke opublikovaniya zakonov i rasporyazheniy Pravitel'stva SSSR" [Decision of the CEC of the USSR, SNK of the USSR of August 22, 1924 "On the procedure for publishing laws and orders of the Government of the USSR"]. SZ SSSR. 7. Art. 71.

SZ SSSR. (1925) Postanovlenie SNK SSSR ot 21.07.1925 "O besposhlinnom propuske ofitsial'nykh periodicheskikh izdaniy torgovykh predstavitel'stv Soyuza SSR" [Decision of the SNK of the USSR of July 21, 1925 "On the duty-free pass of official periodicals of the trade missions of the USSR"]. SZ SSSR. 48. Art. 359.

SZ SSSR. (1935) Postanovlenie SNK SSSR ot 02.11.1935 № 2440 "Ob utverzhdenii formy svidetel'stva o rozhdenii" [Decision of the SNK of the USSR of 02.11.1935 No. 2440 "On approval of the birth certificate form"]. SZ SSSR. 58. Art. 477.

SU RSFSR. (1918) Postanovlenie Narkomprosa RSFSR of 31.10.1918 g. "O shkolakh natsional'nykh men'shinstv" [Decree of the People's Commissariat of Education of the RSFSR of 31.10.1918 "On schools of national minorities"]. SU RSFSR. 80. Art. 835.

SZ SSSR. (1990) Postanovlenie Sovmina SSSR ot 12.07.1988 № 825 "Ob uporyadochenii stavok avtorskogo voznagrazhdeniya za izdanie, publichnoe ispolnenie i inye

vidy ispol'zovaniya proizvedeniy literatury i iskusstva" [Decision of the Council of Ministers of the USSR of 12.07.1988 No. 825 "On the streamlining of rates of author's remuneration for the publication, public performance and other uses of works of literature and art"]. SZ SSSR. 2. Art. 74.

Konsul'tant Plyus. (1938) Postanovlenie SNK SSSR, TsK VKP(b) ot 13.03.1938 № 324 "Ob obyazatel'nom izuchenii russkogo yazyka v shkolakh natsional'nykh respublik i oblastey" [Decision of the SNK of the USSR, the Central Committee of the CPSU (b) of 13.03.1938 No. 324 "On compulsory study of the Russian language in schools of national republics and regions"]. Moscow: SPS "Konsul'tant Plyus". (Accessed: 01.03.2018).

SZ SSSR. (1931) Postanovlenie 6-go S"ezda Sovetov SSSR ot 17.03.1931 "Po dokladu o konstitutsionnykh voprosakh" [Decision of the 6th Congress of the Councils of the USSR of March 17, 1931 "On the report on constitutional issues"]. SZ SSSR. 17. Art. 162.

Konsul'tant Plyus. (1962) Pochtovve pravila (utv. prikazom Minsvyazi SSSR ot 26.11.1962 № 670) [Postal rules (approved by the order of the Ministry of Communications of the USSR of November 26, 1962 No. 670]. Moscow: SPS "Konsul'tant Plyus". (Accessed: 01.03.2018).

Konsul'tant Plyus. (1972) Pochtovye pravila (utv. prikazom Minsvyazi SSSR ot 18.12.1972 № 770) [Postal rules (approved by the order of the Ministry of Communications of the USSR of December 18, 1972, No. 770)]. Moscow: SPS "Konsul'tant Plyus". (Accessed: 01.03.2018).

Konsul'tant Plyus. (1972) Edinye pravila oformleniya lekarstv, prigotovlyaemykh v aptekakh (utv. prikazom Minzdrava SSSR ot 19.07.1972 № 583) [Uniform rules for drugs prepared in pharmacies (approved by the order of the USSR Ministry of Health of July 19, 1972 No. 583)]. Moscow: SPS "Konsul'tant Plyus". (Accessed: 01.03.2018).

Konsul'tant Plyus. (1984) GKINP 13-42-82. Rukovodstvo po sboru i ustanovleniyu geograficheskikh nazvaniy na topograficheskikh kartakh i planakh (utv. Prikazom GUGK SSSR ot 28.09.1984 № 489p) [GKINP 13-42-82. Guidelines for the collection and putting of geographic names on topographic maps and plans (approved by the Order of the GUGK of the USSR of 28.09.1984 No. 489p)]. Moscow: SPS "Konsul'tant Plyus". (Accessed: 01.03.2018).

SU RSFSR. (1919) Postanovlenie VTsIK ot 25.05.1922 "Ob Ugolovno-Protsessual'nom Kodekse" [Decision of the All-Russian Central Executive Committee of May 25, 1922 "On the Criminal Procedure Code"]. SURSFSR. 20-21. Art. 230.

Vedomosti VS RSFSR. (1960) Zakon RSFSR ot 27.10.1960 "Ob utverzhdenii Ugolovnoprotsessual'nogo kodeksa RSFSR" [Law of the RSFSR of 27.10.1960 "On approval of the Criminal Procedure Code of the RSFSR"]. Vedomosti VS RSFSR. 40. pp. 592.

SZ SSSR. (1929) Postanovlenie TsIK SSSR, SNK SSSR ot 12.06.1929 "Ob utverzhdenii Ustava Gosudarstvennogo banka SSSR" [Decision of the CEC of the USSR, SNK of the USSR of 12.06.1929 "On approval of the Statute of the State Bank of the USSR"]. SZ SSSR. 38. Art. 332, 333.

SZ SSSR. (1990) Postanovlenie Sovmina SSSR ot 08.09.1970 № 749 "Ob Ustave sredney obshcheobrazovatel'noy shkoly" [Decision of the USSR Council of Ministers of September 8, 1970, No. 749 "On the Charter of the Secondary School"]. Svod zakonov SSSR. 3. Art. 256.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/57/3

Л.Г. Ким, Е.С. Беляева

ДОТЕКСТОВЫЕ ОЖИДАНИЯ АДРЕСАТА КАК ФАКТОР ВАРИАТИВНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА¹

Обсуждается проблема противоречия между единственностью формы текста как воплощения замысла автора и множественностью вариантов интерпретации его смысла. Анализируется фактор дотекстовых ожиданий адресата, детерминирующий множественность и вариативность интерпретации политического (инаугурационного) текста реципиентом. На материале результатов лингвистического интерпретационного эксперимента доказывается, что процесс восприятия политического текста осуществляется под влиянием образа его автора, который регулирует дотекстовые ожидания реципиента.

Ключевые слова: адресатоцентричная модель, интерпретация текста, ожидания адресата, образ автора, инаугурационный дискурс.

1. Постановка проблемы

Данное исследование выполнено в плоскости пересечения интерпретационной лингвистики, обыденной лингвополитологии и лингвоперсонологии. Основная проблематика исследования обусловлена противоречием между единственностью формы текста как воплощения замысла автора и множественностью вариантов интерпретации его смысла. Иными словами, авторы статьи решают задачу поиска ответа на вопрос, почему смысл одного и того же текста разными адресатами воспринимается различным образом. Решение этой задачи направлено на выявление факторов, детерминирующих развитие рецептивно-интерпретационного процесса по модели множественности и вариативности.

Постановка данной проблемы и ее решение осуществляются в русле интерпретационной лингвистики в ее адресатоцентричном аспекте [1]. Согласно этой теории интерпретационный процесс направлен на восприятие и осмысление текста — объекта рецептивно-интерпретационной деятельности, который, в соответствии с нашей концепцией, мы называем интерпретируемым текстом. Результат рецептивного ментально-речевого процесса воплощается в виде интерпретирующего текста, который в генетическом аспекте является вторичным, находящимся в отношениях

 $^{^{1}}$ Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00202 А «Обыденная политическая коммуникация в социальных сетях: комплексный лингвистический анализ».

формально-смысловой детерминации относительно интерпретируемого текста, а в лингвокогнитивном – представляет собой результат активного проявления метаязыкового сознания и разной степени вербализации метаязыковой деятельности реципиента [2]. Модель описания вариативно-интерпретационного функционирования текста предполагает включение такого фациенса, как интерпретационная деятельность субъекта, которая отражает вариативное многообразие типов языковой способности языковой личности. Адресат речевого произведения осуществляет интерпретирующий речевой акт, результат которого репрезентируется метатекстом [3]. Деятельность адресата носит активный, креативный и продуцирующий характер и представляет собой автономный, в определенном смысле независимый от замысла автора процесс, характеризующийся субъективностью и собственной интенциональностью.

Согласно выдвигаемой нами гипотезе эта деятельность детерминирована дотекстовыми ожиданиями адресата, обусловленными в числе прочих фактором образа автора. Модель этого процесса условно можно представить следующим образом: «Я – знаю автора / произведения автора – знаю, что обычно говорит автор и его коммуникативные намерения – я ожидаю в этом тексте услышать то, что автор говорил в ранее написанных текстах, т.е. А». Приведем два примера. В фильме Г. Данелии «Мимино» персонаж Фрунзика Мкртчяна так представляет свою встречу с Валико Мизандари: «Я ему скажу: «Здравствуй, Валико!» А он скажет «Вах! Как меня нашел, откуда?» Ему будет приятно. Когда ему будет приятно, я буду чувствовать, что мне тоже приятно». В другом произведении герой романа А. Гончарова «Обломов» рассуждает: «Да и Штольц тут, под боком; он сейчас скажет. А что он скажет? «В неделю, скажет, набросать подробную инструкцию поверенному и отправить его в деревню, Обломовку заложить, прикупить земли, послать план построек, квартиру сдать, взять паспорт и ехать на полгода за границу, сбыть лишний жир».

Эти фрагменты иллюстрируют механизм дотекстовых ожиданий, т.е. способность героев предвосхитить содержание и интенциональность речи партнера по коммуникации и ее перлокутивный эффект. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, «...ожидания бывают продиктованы естественным ходом событий, правилом, привычной диспозицией. Норма ожидания проявляется тогда, когда сравнивается действительное с ожидавшимся или привычным. Нарушение же порядка, единичные и редкие события «дают ощущение чрезвычайности» и воспринимаются как аномалия» [4. С. 75].

Понятие *ожидание* (антиципация, предвосхищение, пролепсис, дивинация) связано с когнитивно-языковой деятельностью; оно рассматривается в философии, психологии, педагогике, литературоведении, лингвистике и др. В философии эпикурейцев и стоиков предвосхищение, или пролепсис, — это обобщенная идея, сформировавшаяся из повторения единичных опытов. «Например, я вижу перед собой некое животное. Если я говорю: «Это собака», то лишь потому, что до того, как воспринять ее с помощью органов чувств, уже имел в голове идею собаки, благодаря чему способен при-

знать собаку. Эта идея сформировалась у меня в голове в результате повторяющихся предшествующих восприятий» [5]. В.Н. Базылев в статье «Предвосхищение и язык» излагает философские концепции предвосхищения от Античности до современности: предвосхищение как пролепсис (Эпикур); теория предвосхищения как теория языка, рожденная в споре о языке ангелов (византийская философия); предвосхищение как априорное познание предметов восприятия еще до самих восприятий (И. Кант); как представление о результате того или иного процесса или события, возникающее до его реального свершения и служащее причиной при построении действия, вызванного представлением о будущем и совершаемого с целью влияния на это предполагаемое будущее (теория неравновесных систем, XX в.) [6].

В **психологии** *антиципация* – представление предмета, явления, результата действия и т. п. в сознании человека еще до того, как они будут реально восприняты или осуществлены. В психологии мышления антиципация обозначает представление (в сознании человека) схемы решения какой-либо проблемы еще до того, как она будет реально решена [7. С. 49].

Понятие ожидание, связанное с понятием горизонт ожидания, используется в литературоведении, и в частности в рецептивной эстетике. Идеолог рецептивной эстетики Г.-Р. Яусс вводит понятие горизонт ожидания. дифференцируя горизонт ожидания произведения и горизонт ожидания читателя. Под горизонтом ожидания произведения он понимает особую авторскую «интенциональность», т.е. круг определенных надежд автора. Согласно теории Г.-Р. Яусса, текст «задает читателю очень определенные линии своего восприятия, используя текстуальные стратегии, открытые и скрытые сигналы, привычные характеристики и подразумеваемые аллюзии» [8. С. 37]. Автор как бы «просчитывает» наперед читательские реакции и поступает с этими потенциальными реакциями в зависимости от своих эстетических принципов - либо «подыгрывая», либо разрушая это «поверхностное» ожидание и тем самым выводя читателя на более глубокие слои содержания произведения. Горизонт ожидания читателя в отличие от постоянного горизонта ожидания произведения – категория неуловимая, основанная на смоделированном автором читателе и его рецептивных действиях. В ходе взаимодействия двух горизонтов – произведения и читателя – осуществляется рецепция произведения и формирование эстетического опыта читателя.

М.Ю. Лотман, говоря о читательском ожидании, делает акцент на изначальной установке самого читателя, и, исходя из этого, по его определению, получаем такие разновидности, как ритмическое ожидание, стилистическое, образное, жанровое и т. п., которые подтверждаются или не подтверждаются прочитанным текстом [9].

Лингвистический подход к понятию *ожидания* (предвосхищения) представлен в ряде исследований, связанных с рассмотрением языка и языкового сознания в общетеоретическом плане [4, 6, 10], как средства речевой деятельности [4, 11–13], при изучении механизмов понимания

текста [14], при рассмотрении специфики переводческой деятельности [15] и в других аспектах. Ключевыми для нас являются положения о заданности предвосхищения [6] и презумпции текстуальности, о которой писал Б.М. Гаспаров [16]; о связи антиципации с мышлением [17], связи предвосхищения и языка, проявляющейся в разных способах овнешнения предвосхищения [6]. Важными для дальнейшего анализа являются разработанные положения о предвосхищении смысла при интерпретации текста, при этом возможны сценарии как соответствия, так и несоответствия ожиданиям [14].

Таким образом, предвосхищение (дотекстовые ожидания) включает такие компоненты, как *опыт* реципиента; *способность мышления* в ответ на стимулы, действующие в настоящем, предугадывать еще не наступившие события; *заданность* как интенциональность адресата; *языковые модели*, определяющие вектор предвосхищения; *образ текста*; *образ автора*.

Разработанные теоретические положения о сущностном характере предвосхищения как ментально-языкового процесса имеют богатый эвристический потенциал при исследовании рецептивно-интерпретационной деятельности читателя (адресата) политического текста. Политическая коммуникация ориентирована на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям. В соответствии с этими целями политический дискурс в определенной мере должен не только отражать прямые или косвенные интенции автора, но и соответствовать ожиданиям адресата. Адресат предвосхищает произведения «своего» автора (политического деятеля). В противном случае, если текст не соответствует ожиданиям адресата, если процесс предвосхищения прекращается, рецептивный аспект смещается и автор теряет «своих» адресатов.

Пусковым механизмом процесса предвосхищения при интерпретации политического текста является автор, точнее, *образ автора* в сознании адресата.

Разработка понятия *образ автора* имеет давнюю традицию в отечественной филологии, восходящую к работам В.В. Виноградова, М.М. Бахтина, Б.А. Успенского, дифференцирующих образ автора-рассказчика, образ автора-писателя и личность реального человека [18–20]. Категория образа автора активно используется и в новом лингвистическом направлении – политической лингвистике и политической лингвоперсонологии – в работах, посвященных моделированию речевого портрета политического деятеля [21, 22]. Политические портреты Б.Н. Ельцина, В.В. Путина и Д.А. Медведева исследуются на основе информации о них в прессе, их политических выступлений, а также на основе анализа результатов лингвистического эксперимента [23, 24]. Сходные по содержанию политические программы, предвыборные обещания, произносимые разными политиками, в одном случае вызывают доверие электората, а в другом – скепсис [25].

В настоящей статье понятие *образ автора* рассматривается в русле интерпретационной лингвистики, т.е. образ автора как результат рецептивноинтерпретационной деятельности адресата, другими словами, каким предстает автор в языковом сознании адресата в результате прочтения текстов / восприятия его политических выступлений.

2. Исследовательский ракурс проблемы дотекстовых ожиданий адресата

Дальнейшее обсуждение проблемы осуществляется на основе результатов лингвистического интерпретационного эксперимента. Цель эксперимента заключается в верификации гипотезы, согласно которой смысл политического текста на уровне его восприятия адресатом детерминирован не только содержанием исходного текста, но и дотекстовыми ожиданиями адресата, регулируемыми образом автора (политического деятеля). Иными словами, при восприятии политического текста адресат актуализирует такие текстовые фрагменты и ключевые лексемы, «прочитывает» такие смыслы, которые обусловливаются ожиданиями, связанными с образом конкретного политика. Смысл текста предвосхищается адресатом, поскольку он знаком с текстами (выступлениями) политического деятеля и, располагая сведениями об авторе, реконструируя в сознании образ автора, ожидает реализации в тексте типовых для данного автора коммуникативных интенций.

Предлагаемое исследование выполнено на материале интерпретирующих текстов как результата восприятия исходного (интерпретируемого) текста. Непосредственным материалом анализа является фрагмент инаугурационной речи В.В. Путина 7 мая 2004 г.:

Вместе мы сумели очень многое. И достигли всего этого только сами.

Это мы сами добились высоких темпов развития нашей экономики. Преодолели непростое идеологическое противостояние и сейчас становимся елиной напией.

Это мы вместе сделали нашу Родину открытой страной. Страной, укрепляющей свои позиции на международной арене и умеющей мирными средствами отстаивать свои законные интересы.

Теперь главная цель ближайшего четырехлетия — превратить уже накопленный нами потенциал в новую энергию развития. Достичь за счет этого принципиально лучшего качества жизни наших людей.

Этот текст был предложен студентам Кемеровского университета (75 человек), которым предлагалось ответить на следующие вопросы: 1) О чем этот текст? 2) Что хотел сказать автор при произнесении этой речи? Такая формулировка вопросов предполагает восприятие текста как в диктумном, так и в модусном аспектах; адресату как бы предлагается сместить фокус эмпатии (автор текста = $\mathfrak{R}$).

Эксперимент проходил с участием трех групп испытуемых по 25 человек в каждой. Первой группе был предложен фрагмент этой речи В.В. Путина с указанием автора; второй группе мы предложили этот же текст, при

этом автором был обозначен П.А. Порошенко, а третья группа получила такой же текст, автором которого был обозначен Р. Кадыров. То есть константной составляющей эксперимента является исходный (интерпретируемый) текст, переменные — автор текста. Дизайн эксперимента предполагал следующую последовательность рецептивных действий испытуемых: сначала объектом восприятия является автор текста (Прочитайте фрагмент инаугурационной речи В.В. Путина / Р. Кадырова / П.А. Порошенко), затем текст. Таким образом, участники эксперимента сначала воспринимали фамилию президента, конструировали образ автора и лишь затем под влиянием образа автора интерпретировали содержание текста.

По итогам эксперимента были получены следующие результаты.

Анализ интерпретирующих текстов **первой группы испытуемых**, которым был предложен текст с указанием автора — **В.В. Путина**, позволил выявить следующие смысловые версии, отражающие образ политического лидера и его интенциональность:

- 1. «Единение президента и народа как залог достигнутых и будущих успехов в развитии страны» (11 ответов 44%): Автор хотел показать единство, демократические настроения, что с ним страна будет процветать на всех фронтах; Что совместными усилиями народа и сильного аппарата власти страна добилась больших результатов.
- 2. «Достижения страны за период правления В.В. Путина на посту президента и программа на следующий срок» (4 ответа 16%): О новых достижениях развития страны в период правления ВВП. Страна под его «руководством» развивается, растет, достигает новых вершин. Все у нас хорошо. И в новый свой срок он тоже будет стремиться улучшать страну; Этот текст о том, что русский народ достиг за время, пока В.В. Путин был у власти.
- 3. «Россия сильное, независимое государство, способное добиться высоких результатов» (4 ответа 16%): У России большой потенциал и большое будущее. А добиться своей цели мы должны и можем сами; Россия это сильная, независимая и единая страна, умеющая мирным путем отстаивать свои интересы, которая сможет добиться высоких результатов развития в будущем.
- 4. «Задачи, стоящие перед страной и народом (укрепление авторитета России и повышение уровня жизни народа)» (3 ответа 12%): О том, чего мы добились и чего еще следует добиться и к чему стремиться; Поднятие экономики, укрепление авторитета России. Дальнейшие планы повышение уровня качества жизни населения.
- **5.** «Когда-нибудь мы будем жить лучше общие фразы без конкретной программы» (1 ответ 2,5%): В этом тексте нет конкретных фактов, говорит, что жить мы когда-нибудь будем лучше.
- **6.** «Текст о вранье: результаты труда народа пожинают чиновники» (1 ответ 2,5%): Текст о вранье. «Мы сумели, мы, мы, мы». Сумели вместе, а пожинают плоды кто? Чиновники и наш «любимый» президент. И что конкретно мы добились?

7. «В тексте перечислены успехи за период управления страной, но не указываются проблемы» (1 ответ – 2,5%): Автор перечисляет только хорошее, что было за время его правления страной, но не говорит о плохом. И делает акцент, что дальше будет так же – все хорошо. А плохого не будет?

Интерпретирующие тексты **второй группы испытуемых**, авторство которого было приписано **П.А. Порошенко**, содержат следующие смысловые версии:

- 1. «Достижения страны за период правления Порошенко на посту президента и программа на следующий период» (13 ответов 52%): Текст повествует о достижениях Украины за время правления Порошенко; Этот текст о том, что страна добилась высоких темпов развития экономики. Нужно и дальше развиваться в том же направлении.
- 2. «Единение президента и народа как залог достигнутых и будущих успехов в развитии страны» (6 ответов 24%): Порошенко во время своей инаугурационной речи хотел донести, что благодаря сплоченности народа страна достигла нового витка развития; Автор хотел сказать, что все «мы», народ, должен принимать участие в развитии и что не только государство, но и народ сделал свой вклад в развитие страны.
- 3. «Мы независимая нация, способная без чьей-либо помощи достичь развития экономики» (3 ответа 12%): Инаугурационная речь направлена на формирование у слушателей позитивного образа страны и президента. Ее основные концепты самостоятельность, независимость от России в политических вопросах, а также единство нации; Здесь акцентируется внимание на независимости действий, говорится о том, что без чьей-либо помощи Украина достигла каких-либо высот.
- 4. «Пустые обещания с целью агитации граждан голосовать за президента» (3 ответа 12%): Наобещать многого он хотел, а потом, как это бывает, ничего не выполнить или минимум из всего осуществить. Хотел сказать: «Выбирайте меня!». Как обычно, хорошо поставленная речь о всем прекрасном, вдохновляющая граждан; Пытался завлечь внимание общества «громкими», многообещающими словами, которые в большинстве своем не несут ничего информативного.

Интерпретирующие тексты **третьей группы испытуемых**, авторство которого было приписано **Р. Кадырову**, содержат следующие смысловые версии:

1. «Единство нации – залог укрепления государства и дальнейших достижений» (15 ответов – 60%): Текст о том, что нация преодолела разногласия, наша страна смогла вернуться в нормальное русло развития. Рамзан Кадыров хотел сказать, что если мы смогли вместе укрепить имидж своей страны, то теперь нужно так же дружно постараться для улучшения качества жизни; Текст говорит о том, что общее взаимодействие граждан помогло поднять страну на новый уровень развития. И дальнейшие сплоченные действия не только укрепят полученные результаты, но и улучшат их. Сплоченные действия всех граждан, направ-

ленные на укрепление и развитие страны, способны принести положительные результаты;

- 2. «Достижения Родины заслуга каждого конкретного человека» (4 ответа 16%): Этот текст о достижениях в экономике за последние годы. Автор говорит, что это заслуга всей страны, каждого гражданина в отдельности; Этот текст о том, что наша Родина стала открытой, прекрасной страной. Автор хотел пробудить в слушающих чувство патриотизма, убедить слушающих, что все, чего достигла Родина, это заслуга каждого конкретного человека.
- 3. «Достижения страны за период правления Р. Кадырова на посту президента и программа на следующий срок» (4 ответа 16%): Текст повествует о том, насколько изменилась Чеченская Республика после прихода к власти Р. Кадырова; Текст о результатах политики Р. Кадырова в экономике, политике и внешней политике. Автор хотел рассказать о перспективах развития будущего страны.
- **4.** «**Необходимо объединение России и Чечни**» (1 ответ 2,5%): Этот текст об объединении России и Чечни, о том, что эти две территории находятся в дружественных отношениях между собой и стремятся к новым целям, о перспективах развития новых территорий, их взаимодействии и сотрудничестве.
- **5.** «Мнимые достижения страны, к которым Р. Кадыров не имеет отношения» (1 ответ -2.5%): Этот текст о том, как надо лгать. Р. Кадыров, видимо, хотел подчеркнуть мнимые достижения страны, и если они и имели место, то не в той степени, как их описывает автор, и уж точно он ко всему этому непричастен.

Как показывают результаты эксперимента, предложенный испытуемым текст, принадлежащий «разным авторам» в процессе интерпретации, реализует как общие, так и различные смысловые версии. К общим версиям относятся следующие: «Достижения страны за период правления В.В. Путина (П.А. Порошенко / Р. Кадырова) на посту президента и программа на следующий срок» (16 / 52 / 16% соответственно). Совпадение смысловых версий обусловлено диктумным содержанием инаугурационной речи, его жанровой характеристикой. Иными словами, характер интерпретации в большей степени детерминирован текстом и в меньшей - образом автора. Интерпретаторы, предложившие эти смысловые версии, заняли объективистскую позицию, которая соответствует следующей когнитивно-языковой модели: «Я знаю, что при произнесении инаугурационных речей президент рассказывает о достижениях страны за предыдущий период и намечает перспективы дальнейшего развития - в этой речи президент (В.В. Путин, П.А. Порошенко, Р. Кадыров) расскажет о достижениях страны за предыдущий период и наметит перспективы дальнейшего развития». При этом количественные индикаторы реализации этой смысловой версии иллюстрируют модусную составляющую дотекстовых ожиданий реципиентов: 52% респондентов, анализирующих речь П.А. Порошенко, и по 16% – анализирующих выступления В.В. Путина и Р. Кадырова.

Совпадают по модальному значению персуазивности смысловые версии, отражающие сомнение адресатов в достоверности излагаемой в речи информации: «Текст о вранье: результаты труда народа пожинают чиновники»; «Пустые обещания с целью агитации граждан голосовать за президента»; «Мнимые достижения страны, к которым Р. Кадыров не имеет отношения». Однако причины недоверия у разных адресатов указываются разные: недоверие к содержанию речи В.В. Путина обусловлено ролью чиновников во внутренней политике государства, к речи П.А. Порошенко – его интенциональностью завоевать доверие электората, а к речи Р. Кадырова – стремлением автора необоснованно приписывать себе заслуги по урегулированию положения в Чечне. При этом наибольший процент недоверия – к речи П.А. Порошенко (12 против 2,5% к содержанию выступления В.В. Путина и Р. Кадырова). Интерпретаторы, реализующие подобные смысловые версии, выражают субъективный модус персуазивности, соответствующий когнитивно-языковой моделью: «Я знаю автора как руководителя государства – я знаю результаты его деятельности – реальная картина не соответствует заявляемым достижениям – я не верю содержанию речи президента». Иными словами, характер интерпретации в большей степени детерминирован образом автора и в меньшей - диктумным содержанием исходного текста.

Смысловые версии, отражающие интерпретацию выступления В.В. Путина, представляют собой проявление как текстовой детерминированности, так и дотекстовой, т.е. образом автора, в разной степени их корреляции. Так, содержание интерпретирующих текстов, объединенных смысловой версией «Единение президента и народа как залог достигнутых и будущих успехов в развитии страны» имеет, с одной стороны, текстовую детерминированность. В тексте инаугурационного выступления актуализированы ключевые лексемы мы, вместе. При этом высока степень обусловленности интерпретаций образом автора как лидера, стремящегося подчеркнуть демократический характер своего руководства, опору на широкие народные массы. Поэтому пафос его выступлений сводится к апеллированию к заслугам народа, что и усматривается в таких, например, интерпретациях: Автор хотел выразить признание гражданам, совместными усилиями которых удалось многого достичь; Благодаря нам всем мы достигли высот. А главное, автор текста ставит еще одну цель для людей, тем самым подчеркивая тот факт, что совместными усилиями добьемся успехов.

Содержание интерпретирующих текстов, объединенных смысловыми версиями «Россия – сильное, независимое государство, способное добиться высоких результатов» и «Задачи, стоящие перед страной и народом (укрепление авторитета России и повышение уровня жизни народа)» обусловлены в высокой степени образом автора как лидера государства, сделавшего много для укрепления России на международной арене, повышения ее авторитета как сильного и независимого государства (Россия – это сильная, независимая и единая страна, умеющая мирным путем отстаи-

вать свои интересы, которая сможет добиться высоких результатов развития в будущем; Поднятие экономики, укрепление авторитета России. Дальнейшие планы – повышение уровня качества жизни населения).

Смысловые версии «Когда-нибудь мы будем жить лучше — общие фразы без конкретной программы» и «В тексте перечислены успехи за период управления страной, но не указываются проблемы» обусловлены прежде всего образом автора как руководителя государства, который, много лет находясь у власти, не сумел решить многих проблем. В сознании наших испытуемых выстраивается образ автора как руководителя, который, умалчивая о проблемах, стоящих перед государством, не решает их. А следовательно, его слова воспринимаются как общие фразы без конкретной программы (В этом тексте нет конкретных фактов, говорит, что жить мы когда-нибудь будем лучше; Автор перечисляет только хорошее, что было за время его правления страной, но не говорит о плохом. И делает акцент, что дальше будет так же — все хорошо. А плохого не будет?).

Специфика смысловых версий, отражающих интерпретацию выступления Р. Кадырова, содержит национальный компонент: «Единство нации – залог укрепления государства и дальнейших достижений». В интерпретирующих текстах актуализируются ключевые лексемы нация, общее взаимодействие, сплоченные действия, совместные усилия (Наша нашия преодолела разногласия...; Автор хотел подчеркнуть важность единства нации для укрепления государства...; Если мы смогли вместе укрепить имидж своей страны, то теперь нужно так же дружно постараться для улучшения качества жизни; Если бы народ не объединился, ничего не получилось бы). В содержании интерпретирующих высказываний, актуализирующих национальный компонент, проявляются дотекстовые ожидания адресатов, связанные с образом Р. Кадырова как президента национальной автономной республики. События в Чечне, роль чеченских лидеров продолжительное время обсуждались в СМИ, что, несомненно, проецируется на образ Р. Кадырова в данном тексте, детерминируя интерпретацию его содержания.

Смысловая версия «Достижения Родины — заслуга каждого конкретного человека», репрезентированная в ряде интерпретирующих текстов (Автор говорит, что это заслуга всей страны, каждого гражданина в отдельности; Автор хотел пробудить в слушающих чувство патриотизма, убедить слушающих, что все, чего достигла Родина, — это заслуга каждого конкретного человека) актуализируется ключевыми лексемами каждый гражданин, каждый конкретный человек. Подобные интерпретации содержания исходного текста обусловлены образом Р. Кадырова как главы республики, где принято почитать каждого человека, показывать уважение к нему.

Интерпретирующие тексты, реализующие смысловую версию «Необходимо объединение России и Чечни» (Этот текст об объединении России и Чечни, о том, что эти две территории находятся в дружественных отношениях между собой и стремятся к новым целям, о перспективах развития новых территорий, их взаимодействии и сотрудничестве),

детерминированы образом автора как политического деятеля, осознающего целесообразность укрепления связей маленькой автономной республики, какой является Чечня, с сильным государством — Россией. Примечательно, что в исходном тексте вопрос об объединении каких-либо территорий не обсуждается. Подобные интерпретации, отражающие слабую связь с диктумным содержанием исходного текста, свидетельсвуют о сильной детерминированности образом автора.

Резюме

Противоречие между единственностью формы текста как воплощения замысла автора и множественностью вариантов интерпретации его смысла выдвигает перед интерпретационной лингвистикой задачу выявления факторов, детерминирующих развитие рецептивно-интерпретационного процесса по модели множественности и вариативности. Один из таких факторов включает интерпретационную деятельность субъекта, которая отражает вариативное многообразие типов языковой способности языковой личности. Эта деятельность обусловлена не только интерпретируемым текстом, но имеет и дотекстовые детерминанты, которые в большой мере определяют видение и понимание текста, а именно выбор непосредственных элементов интерпретации, интерпретационное содержание, модальность. Дотекстовое ожидание во многом определяет вариативность интерпретации: каждая индивидуальная личность (тип личности) актуализирует в интерпретируемом тексте релевантные в данной коммуникативной ситуации компоненты, коррелирующие с его дотекстовыми ожиданиями, и оценивает по сложившейся шкале оценок.

Политическая коммуникация, с одной стороны, направлена на реализацию интенций автора, а с другой – соответствует ожиданиям адресата. Адресат предвосхищает произведения «своего» автора (политического деятеля). Пусковым механизмом процесса предвосхищения при интерпретации политического текста является *образ автора* в сознании адресата. Экспериментальные данные доказывают различную степень детерминированности интерпретации инаугурационного дискурса образом автора (президента).

Литература

- 1. $\mathit{Ким}\ \mathit{Л.\Gamma}$. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование : дис. ...д-ра филол. наук. Кемерово, 2010. 405 с.
- 2. Голев Н.Д., Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста (к вопросу о расширении границ лингвистической вариантологии) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 34, № 2. С. 12–20.
- 3. Кобозева~И.М.,~Лауфер~Н.И. Интерпретирующие речевые акты // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994. С. 63–71.
  - 4. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- 5. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М. : Этерна, 2012. 752 с.

- 6. *Базылев В.Н.* Предвосхищение и язык // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 2012 г. М., 2012. С. 9–50.
- 7. Зинченко В.П., Мещеряков Б.Г. Большой психологический словарь. М. ; СПб. : ACT-Москва: Прайм-Еврознак, 2008. 868 с.
- 8. *Яусс* Γ .-Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория: антология. М., 2004. С. 192–200.
- 9. *Лотман Ю.М., Гаспаров М.Л.* О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб. : Искусство-СПб, 1996. 846 с.
- 10. Шапошников В.Н. Логика опережающего отображения в системе русского языка // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 2012. М., 2012. С. 287–306.
- 11. *Кащеева А.В.* Антиципация в процессе письменного дискурса // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2017. Т. 12, № 5. С. 25–31.
- 12. *Фролова А.В.* Специфика исследования антиципации в речевой деятельности // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2010. № 20. С. 325–331.
- 13. Серебренникова Е.Ф. Пролепсис как вид предвосхищения // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 2012 г. М., 2012. С. 207–215.
- 14. Голев Н.Д., Тармаева В.И. Дивинация и когнитивная гармония в понимании текста // Предвосхищение и язык : материалы Всерос. науч. конф., Москва, 2012 г. М., 2012. С. 118–135.
- 15. Третьякова Т.П. Антиципация в модели переводческого маневрирования // Когнитивные исследования языка. 2017. № 30. С. 795–797.
- 16. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. М.: Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.
- 17. Ломов Б.Ф., Сурков Е.Н. Антиципация в структуре деятельности. М. : Наука, 1980. 280 с.
  - 18. Виноградов В.В. О теории художественной речи. М.: Высш. шк., 1971. 233 с.
- 19. *Бахтин М.М.* Язык в художественной литературе // Собр. соч. : в 7 т. М., 1996. Т. 5. С. 287–297.
- 20. Успенский Б.А. Семиотика искусства. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 9–218.
- 21. *Теория* и методика лингвистического анализа политического текста / отв. ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург, 2016. 303 с.
- 22. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. М.: УРСС, 2003. 284 с.
- 23. Чудинов А.П., Нахимова Е.А., Никифорова М.Е. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9, № 1. С. 14–31.
- 24. *Алексеева А.А.* Политические портреты В.В. Путина и Д.А. Медведева (на материале современной прессы и ассоциативного эксперимента) // Политическая лингвистика. 2012. № 3. С. 64–80.
- 25. Ким Л.Г., Мустайоки А., Пиетиляйнен Ю. Восприятие модернизации русскими студентами как результат влияния образа автора на интерпретацию политического текста // Политическая лингвистика. 2013. № 4. С. 47–59.

Recipient's Pre-Text Expectations as a Factor of Various Interpretations of Political Discourse

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 48–62. DOI: 10.17223/19986645/57/3

Lidiya G. Kim, Elizaveta S. Belyaeva, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: kimli09@mail.ru/lis.ens@yandex.ru

Keywords: addressee-centered pattern, discourse interpretation, recipient's expectations, implied author, inaugural address.

The current research has an interdisciplinary character. It encompasses the fields of interpretive linguistics, the study of non-professional political discourse and linguistic personology. The study discusses the problem of cleavage between the authorial intention embodied in a single textual form and the multiplicity of its message interpretation variants. The article aims to identify the key factors (variables) that determine the ongoing reception-production process of discourse interpretation constructed in terms of its multiplicity and variability. The authors reconstruct a descriptive pattern of the potentially interpretive functioning of discourse. Particularly, this pattern presupposes consideration of the interpretive activity of a subject (author), which correlates to the wide range of the human language-making capacity types. The discourse addressee acts as an interpreter and the interpretation results in metadiscourse production. The discourse recipient's behavior has an active, creative and performing character. This interpretive process is relatively autonomous, as it does not depend on the author's conception, being largely subjective (understanding of the self) and intentional. The study that uses the data of a linguistic interpretive experiment shows that the recipient's pretext expectations largely determine his (her) interpretation variables. Expectations comprise certain components such as the recipient's background; cognitive ability to anticipate future events which is triggered by current stimuli; determination as the addressee's intention; linguistic patterns that pre-determine the direction of expectation; text image, the implied author. The concept of the implied author acts as the mechanism which triggers the reader's interpretation of political discourse. The material used as an empirical basis for the research is discourse excerpts, particularly, Vladimir Putin's 2004 inaugural address. It served as a text stimulus for three groups of participants. The three groups received the same excerpt. The first group was informed about the true authorship details; the second group was told that the author was Petro Poroshenko; the third group was informed that the author was Ramzan Kadyrov. The experiment resulted in a cluster of interpreting texts. Their content indicated common and different semantic variants related to the interpreted texts produced by different political figures. The cluster of common semantic variants proves that the interpretation of political discourse is determined by the content of the interpreted text. However, the cluster of different semantic variants proves that interpretation is more determined by the image of a political leader (Putin / Poroshenko / Kadyrov). The recipients motivated by their pre-text expectations are predominantly affected by the author's image. Thus, they preeminently demonstrate the perceived content of the leader's speech. Generally, the addressee of political discourse is likely to anticipate a certain message in the writings of the author who is previously known (it was that political leader who was designated as the author of the interpreted address in the study). Thus, the received experimental data allow arguing that readers interpreting inaugural discourse are considerably motivated by the message of the reference discourse as well as by the implied author conception (for instance, the president's image actualized in his inaugural address).

References

- 1. Kim, L.G. (2010) *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: teoretiko-eksperimental'noe issledovanie* [Variative-interpretative functioning of the text: theoretical and experimental research]. Philology Dr. Diss. Kemerovo.
- 2. Golev, N.D. & Kim L.G. (2009) Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta (k voprosu o rasshirenii granits lingvisticheskoy variantologii) [Variative-interpretative functioning of the text (on expanding the boundaries of linguistic variantology)]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya. Iskusstvovedenie" Chelyabinsk State University Bulletin. Series "Philology. Art Criticism". 34(2). pp. 12–20.

- 3. Kobozeva, I.M. & Laufer, N.I. (1994) Interpretiruyushchie rechevye akty [Interpreting speech acts]. In: Arutyunova, N.D. (ed.) *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyk rechevykh deystviy* [Logical analysis of language. Language of speech actions]. Moscow: Nauka.
- 4. Arutyunova, N.D. (1999) *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 5. Comte-Sponville, A. (2012) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Translated from French by E. V. Golovina. Moscow: Eterna.
- 6. Bazylev, V.N. (2012) [Anticipation and language]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 2012. Moscow: Izd-vo SGU. pp. 9–50. (In Russian).
- 7. Zinchenko, V.P. & Meshcheryakov, B.G. (2008) *Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'* [Big Psychological Dictionary]. Moscow; St. Petersburg: AST-Moskva; Praym-Evroznak.
- 8. Jauss, H.R. (2004) Istoriya literatury kak vyzov teorii literatury [Literary History as a Challenge to Literary Theory]. Translated from English. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya: Antologiya* [Modern literary theory: an anthology]. Moscow: Flinta, Nauka, pp. 192–200.
- 9. Lotman, Yu.M. & Gasparov, M.I. (1996) *O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta* [About poets and poetry: Analysis of the poetic text]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb.
- 10. Shaposhnikov, V.N. (2012) [The logic of forward reflection in the Russian language system]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 2012. Moscow: Izd-vo SGU. pp. 287–306. (In Russian).
- 11. Kashcheeva, A.V. (2017) Antitsipatsiya v protsesse pis'mennogo diskursa [Anticipation in the process of written discourse]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti.* 12(5). pp. 25–31.
- 12. Frolova, A.V. (2010) The specificity of researching the phenomenon of anticipation in speech. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 20. pp. 325–331. (In Russian).
- 13. Serebrennikova, E.F. (2012) [Prolepsis as a type of anticipation]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 2012. Moscow: Izd-vo SGU. pp. 207–215. (In Russian).
- 14. Golev, N.D. & Tarmaeva, V.I. (2012) [Divination and cognitive harmony in the understanding of the text]. *Predvoskhishchenie i yazyk* [Anticipation and language]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow. 2012. Moscow: Izd-vo SGU. pp. 118–135. (In Russian).
- 15. Tret'yakova, T.P. (2017) Antitsipatsiya v modeli perevodcheskogo manevrirovaniya [Anticipation in the Translation Maneuvering Model]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka Cognitive Studies of Language*. 30. pp. 795–797.
- 16. Gasparov, B.M. (1996) *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language, memory, image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 17. Lomov, B.F. & Surkov, E.N. (1980) *Antitsipatsiya v strukture deyatel'nosti* [Anticipation in the structure of activity]. Moscow: Nauka.
- 18. Vinogradov, V.V. (1971) *O teorii khudozhestvennoy rechi* [On the theory of literary speech]. Moscow: Vysshaya shkola.
- 19. Bakhtin, M.M. (1996) *Sobranie sochineniy v semi tomakh* [Collected works in seven volumes]. Vol. 5. Moscow: Russkie slovari. pp. 287–297.
- 20. Uspenskiy, B.A. (1995) *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury". pp. 9 218.
- 21. Chudinov, A.P. (ed.) (2016) *Teoriya i metodika lingvisticheskogo analiza politicheskogo teksta* [Theory and methods of linguistic analysis of the political text]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University.
- 22. Issers, O.S. (2003) *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. 3rd ed. Moscow: URSS.

- 23. Chudinov, A.P., Nakhimova, E.A. & Nikiforova, M.E. (2018) Russian linguopolitical personology: political leaders' discourse. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika RUDN Journal Language Studies, Semiotics and Semantics.* 9(1). pp. 14–31. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-1-14-31
- 24. Alekseeva, A.A. (2012) The political portraits of V. Putin and D. Medvedev (on the material of the modern press and the associative experiment). *Politicheskaya lingvistika Political Linguistics*. 3. pp. 64–80. (In Russian).
- 25. Kim, L.G., Mustayoki, A. & Pietilyaynen, Yu. (2013) Perception of *modernization* by Russian students as a result of the influence of the author's image on the interpretation of political text. *Politicheskaya lingvistika Political Linguistics*. 4. pp. 47–59. (In Russian).

УДК 811.161.1'367.63 DOI: 10.17223/19986645/57/4

Н.В. Кузнецова, О.В. Почтарёва

СЛУЖЕБНАЯ ЕДИНИЦА *В СМЫСЛЕ* В СОЮЗНОЙ ФУНКЦИИ

Рассматриваются типы контекстов, включающих сочетание в смысле в союзной функции, ранее не описанной исследователями и авторами словарей. С привлечением широкого лексикографического материала и массива данных Национального корпуса русского языка прослеживается варьирование парадигматических и синтагматических связей служебной единицы в смысле. Выдвинуто предположение о дифференциации значений пояснительных союзов в связи с появлением нового союза в смысле, наряду с употребляющимся в русской речи более длительное время союзом то есть.

Ключевые слова: русская речь, разговорная речь, служебные слова, служебные единицы, союз, пояснительный союз, функционирование, релятив, союзная скрепа, метапоказатель.

Лексикографическое и функциональное описание служебных слов остается актуальным для русистики главным образом в связи со смещением фокуса внимания исследователей в сторону живой разговорной речи и её единиц. Многие из них не получили адекватного словарного и лингвистического описания, особенно «условно-речевые функциональные единицы, к числу которых относят такие повторяющиеся в речи разных говорящих элементы, как служебные, вводные и дискурсивные слова», являющиеся «наиболее употребительными в нашей речи» [1. С. 252]. Среди таких единиц — сочетание в смысле, анализу которого посвящена данная статья.

Несмотря на высокую употребительность в современном русском языке, оно не имеет разносторонней лексикографической характеристики и в большинстве работ трактуется только как производный предлог, управляющий родительным падежом и имеющий значение «в отношении» [2. 133; 3. С. 78; 4. С. 737; 5. С. 102; 6. С. 160–161; 7. С. 1449–1450]. Лишь в «Толковом словаре сочетаний, эквивалентных слову» Р.П. Рогожниковой упоминается возможность его использования в вопросительных репликах со значением уточнения [8. С. 117–118].

Наиболее полное описание представлено в узкоспециализированном словаре О.А. Остроумовой и О.Д. Фрамполь, призванном помочь «людям, желающим оформить в письменном виде конструкции, включающие в себя вводные слова» [9. С. 4]. Это, по-видимому, не случайно: полифункциональное служебное слово в разных своих функциях может требовать разного пунктуационного оформления. Закономерно и то, что употребление единицы в смысле в вопросительных репликах не нашло отражения в данном словаре, так как в этом случае варианты пунктуационного оформления невозможны. В «Словаре служебных слов русского языка», изданном кол-

лективом авторов, есть упоминание, что служебное слово *в смысле* может выступать «функциональной заменой» союза *то есть*, которому присуща «функция интерпретации, объяснения, истолкования» [10. С. 138].

Данные словарных статей, посвящённых служебной единице *в смысле*, обобщены в таблице.

		В смысле				
№ п/п	Словарь	Грамматиче- ская характе- ристика	Толкование значения	Синонимия		
1	БАС. Т. 13 (1962–1963)	Не представлена на	□ В смысле чего-либо. — А вы, господа, разве не танцуете? — спрашивает Алексей Дмитрич. Именитые чины, принимая эти слова в смысле приглашения выйти из комнаты, гурьбой направляются к залу. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки	Как что-либо, в качестве чего- либо		
2	(1984)	Не представле- на	□ В смысле кого-чего — вкладывая какое-либо значение во чтол., понимая каким-л. образом. Я сейчас говорю о читателе не в смысле читателя. М. Пришвин. Кащеева цепь	Не представле- на		
3	Слов. рус. част. (1999)	Не представле- на	Не представлено	Не представле- на		
4	Толк. словарь служ. ч. р. (2001)	Предлог с р. п.	Употр. при указании на что-л. как на объект какого-л. действия или какой-л. оценки и соответствует по значению сл.: в отношении чего-либо	В отношении		
5	Слов. межд. (2001)	Не представле- на	Не представлено	Не представле- на		
6	Слов служ. сл.	Не представле- на	Не представлено	Не представле- на		
7	Объяснит. слов. рус. яз. (2003)	Предлог с р. п.	Употребляется при указании на явление, признак, к-рые определяют понимание чего-л., указывают на необходимую точку зрения. Ну, в смысле желания победить он тебе не уступит. Неопределённость в смысле сроков нас, конечно, не устраивает	Не представле- на		
8	Толк.слов. Рогожн. (2003)	Предлог с р.п., обычно с от- влеч. сущ. (с конкр. сущ.,	1. Употр. при указании на что-л. как объект какого-л. действия, оценки. В смысле науки он не потянет, а пойдёт вперёд. Федин. Первые радости	В отношении чего-л.		
	(2003)	разг.)	2. В вопросительной реплике. Служит для угочнения чего-л.	То есть		

		В смысле			
№ п/п	Словарь	Грамматиче- ская характе- ристика	Толкование значения	Синонимия	
			 Поедем куда-нибудь. – В смыс- ле? – Я не знаю В Канаду В Бразилию. Довлатов. На улице и дома 		
9	Слов. Ожег. (2009)	Предлог с р. п.	В отношении, относительно чего- н. <i>Неопределённость</i> в смысле сроков	Не представле- на	
10	Трудн. рус. пункт. (2009)	1. Наречие, разг.	1. Употребляется в функции вводного при желании говорящего найти в процессе речи наиболее подходящее выражение. Ночью на станции слышно, как переговариваются какие-то железнодорожники, в смысле, громкоговорители чего-то говорят, громко, гулко, и ничего не разобрать (Е. Гришковец) 2. Вводное, в ослабленном лексическом значении используется как слово-паразит. Вот, в смысле, так вот всё и происходит (Е. Гришковец)	Не представлена Не представлена	
		2. Союз, разг.	Невводное, употребляется в функции пояснительного союза, не обособляется. Прошу, в смысле умоляю, катись отсюда (Д. Гранин)	То есть	
		3. Предлог, разг.	Невводное, оборот с предлогом в смысле употребляется в функции обстоятельства образа действия. Но в смысле сборов они значительно отстали от «Амфитриона» (М. Булгаков). Его безукоризненной, в смысле костюма, внешности дико противоречила пьяная судорога лица (А. Грин)	Не представле- на	
11	Слов. нар. и служ. слов (2010)	Предлог с р. п.	Относительно чего-н. <i>Неста-</i> бильность в смысле социального положения	Не представле- на	

Как видим, только в одном словаре [9. С. 381] единица *в смысле* характеризуется как союз, имеющий помету разг., правда, его значение не описывается, а лишь указывается на синонимические отношения с союзом *то есть*. Между тем в современной русской речи единица *в смысле* часто употребляется в функции союза, причём уже не только в устной разговорной речи. В этом нас убеждают данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В основном корпусе НКРЯ зафиксировано 7903 вхождения лексемы *смысл* с предлогом *в*, в числе которых есть случаи употребления:

- 1) предложного падежа существительного *смысл*: Утверждения «А вытекает из В» «А следует из В», которые уже одним своим звучанием должны гипнотизировать доверившегося автору читателя, употребляются в смысле, от которого логик впал бы в шок (А.А. Зализняк. Лингвистика по А.Т. Фоменко. 2000);
- 2) предлога **в смысле**: <u>В смысле</u> зрелищности больше повезло болельщикам Рима, где игра была на порядок веселее. <u>В смысле</u> результата больше должны быть довольны жители Милана (Ф. Бахтин. Двое на двое. 2002);
- 3) единицы в смысле в функции союза: Никаких настоящих ковбоев с пистолетами я так и не встретила в Техасе, но всё же техасцы народ более дикий (в смысле грубый, прямолинейный), чем все остальные американцы (О. Панфилова. Америка от А до Я. 2003).

Особо отметим, что контексты, в которых *в смысле* выступает в функции союза, составляют одну восьмую от всего объёма вхождения лексемы «смысл» с предлогом «в» — 968 примеров, отобранных путём ручной выборки.

Учитывая большое количество примеров использования *в смысле* в союзной функции, считаем необходимым проанализировать эти случаи. Отметим, что в функции союза единица *в смысле* чаще всего используется (и это соответствует характеристике, данной в справочнике О.А. Остроумовой и О.Д. Фрамполь) в контекстах, изображающих разговорную речь или стилизованных под неё. Вероятно, с этим фактором связано то, что рассматриваемая единица оказалась за пределами внимания лексикографов и других исследователей.

Тот факт, что единица *в смысле* может выполнять разные функции, заставляет сделать терминологическую оговорку. Многие исследователи утверждают, что традиционный частеречный подход не позволяет полностью описать специфику служебных единиц языковой системы – возможно, потому, что «традиционная лингвистическая терминология складывалась в основном для того, чтобы описывать «идеальные» или зафиксированные в письменной речи явления» [11. С. 11]. Отмечая полифункциональность многих служебных единиц, лингвисты предлагают использовать для описания такие термины, как «эквиваленты слова» [12. С. 35; 13. С. 52], «союзные скрепы» [14. С. 137; 15. С. 261], «скрепы-фразы», «скрепы» [16. С. 335; 17. С. 30], «союзные сочетания» [18. С. 56], «союзные аналоги» [19. С. 66], «полисеманты» [20. С. 10], «омокомплексы» [21. С. 109], «предложные / отымённые релятивы» [22. С. 60] и др. Очевидно, разнооб-

¹ Существуют два омонимичных термина «релятив». Один из них используется в коллоквиалистике и имеет значение «реакция на слова собеседника, ситуацию» (см., например, работы Е.А. Земской, Е.А. Михайловой, О.Б. Сиротининой и др.). Второй употребляется при характеристике показателей связи предложений и их частей (см., например, работы М.В. Ляпон, Е.С. Шереметьевой).

разие терминов наблюдается в силу сложности и неоднозначности самой природы этих единиц.

Что касается рассматриваемой единицы в смысле, то четко выделяются две ее функции: предложная (зафиксированная в большинстве словарей) и союзная (зафиксированная лишь в одном словаре). В этой второй функции 6 смысле относится к ряду союзов или, во всяком случае, «аналогов союзов». «Аналоги союзов» рассматриваются наряду с союзами в Грамматике-80, однако критерии их различия чётко не указаны. Более того, «при описании соотнесённости союзов с другими частями речи аналоги союзов не отделяются от союзов в собственном смысле слова» [23. С. 715]. М.В. Ляпон, рассуждая о классе союзов, приходит к выводу о необходимости пересмотра содержания категории «союз», т.е. принципиального выхода «за пределы «чистого союза» - за рамки соединителей, принятых грамматистами в класс союзов в качестве идеальных представителей этого класса». По её мнению, «вопрос о реальном фонде соединителей, который должен фиксировать словарь и грамматика, может быть решён силой авторитета самого естественного языка» [24. С. 195–196]. Принимая во внимание сказанное, при описании единицы в смысле в связующей функции мы будем использовать термин «союз», опираясь на определение, представленное в Грамматике-80: «Союз – это служебная часть речи, при помощи которой оформляется связь между частями сложного предложения, между отдельными предложениями в тексте, а также <...> связь между словоформами в составе простого предложения» [23. С. 713]. Для настоящего исследования представляется важным показать возможности реализации связующей (но не предложной) функции в смысле.

Если признать за единицей в смысле статус союза, нужно в первую очередь определиться с тем, что он соединяет. По данным НКРЯ, первые примеры использования *в смысле* в функции союза относятся к середине XX в. Cp.: - Я не помешаю? — спросил Крылов. Песецкий не шевельнулся, проговорил осторожно, стараясь не слушать себя: – Прошу, в стысле умоляю, катись отсюда (Даниил Гранин. Иду на грозу, 1962). Всплеск частотности приходится на последние 30 лет. В самых ранних примерах, в которых можно усмотреть в смысле в союзной функции, эта единица относится всегда к отдельным словам и сигнализирует о разъяснении их значений через синонимы. В некоторых случаях не всегда возможно четко определить, с чем мы имеем дело: еще с существительным смысл в форме предложного падежа или уже с союзом в смысле. Ср.: И вот Чехов говорит: высокие сосны и хорошие дубы. Нет лучше определения для дуба, чем – хороший. Хороший – в смысле крепкий (Ю.К. Олеша. Книга прощания. 1930-1959). Пишущий полагает, что читателю известно, что у прилагательного «хороший», относящегося к дереву, может быть значение «крепкий», и напоминает об этом значении, актуализируя его в тексте.

В 2000-х гг. появляется всё больше контекстов, в которых *в смысле* вводит предикативную единицу. Например: *Короче, я все беру на себя. Митя, ты оглох – я же сказала, нет! в смысле – не надо с Баевым ничего*

выяснять. (Говорить, конечно, лучше, чем в гляделки играть. Только надо бы ясней выражаться — «да» или «нет», одно из двух, а я ему «нет, в смысле»... опять на смыслы повело.) (Е. Завершнева. Высотка. 2012). Слово «нет» разъясняется не синонимом, а предикативной единицей «не надо выяснять».

Подобный пример: — Дети есть? — спросила Ольга. — Будут, — ответил Федор. — В смысле — жена беременная? — уточнила Ольга. — В смысле хотим этого, — засмеялся Федор (Г. Щербакова. Армия любовников. 1997). Здесь в смысле служит для выявления речевых намерений говорящего, того, что на самом деле «скрывается» за его словами. Разъяснение значения какого-либо конкретного слова здесь не представлено. Такое употребление в конечном итоге влияет и на восприятие единицы в смысле в тех случаях, когда она соединяет грамматически однородные элементы. Читая отрывок из произведения А. Журбина (1999): Мой приятель, оперный певец, увидев все это, побарахтался, плюнул и пошел учиться на программиста. Сейчас он прекрасно зарабатывает и живет припеваючи (в смысле — поет только дома), адресат вряд ли может догадаться без дополнительного объяснения, вводимого в смысле, что у фразеологизма жить припеваючи есть или может быть значение «петь только дома».

В ходе анализа было выделено несколько групп контекстов употребления союза *в смысле*, различающихся особенностями семантики и сочетаемости.

- I. Эту группу составили контексты, в которых говорящий разъясняет только что сказанное:
- Завела бы себе хоть нормальный прикид, советовала сочувственно подружка. Сочувствие это звучало скорей жалостливо, чем презрительно— но нельзя было даже спросить для себя, что такое «прикид». В смысле «прикинуться»? сделать вид, что ты такая, как все? Потому что по-настоящему не получается? (М. Харитонов. Amores novi. 1999).

Разьясняться могут метафоры, фразеологизмы, авторские новообразования, другие необычные слова: A мы старинный итальянский род! Mы — Crettini! Cret — это хребет! Mы — 3ахребетные ... 6 смысле живущие за хребтом! Mы горцы — Crettini! Bот кто мы! (C. Юрский. Сеюки. 1997—1998).

Объяснение метафоры может сопровождаться её буквализацией: Саня, милый, я сам недавно дал дуба. В смысле отоварился мебелью отечественного производства из массива замечательного российского дерева (А. Мостовщиков, А. Кабаков. Шило & Мыло. 1997).

При объяснении фразеологизма в некоторых случаях происходит своеобразный «сдвиг» — фразеологизм привязывается к конкретной ситуации при помощи замены слова, вводимого союзом в смысле: Керлинг — это северный ответ гольфу: с идеальными зелеными полями в Канаде и Норвегии бывает напряженно. В России, кстати, тоже, так что у нас этот вид спорта, несомненно, найдет благодатную почву (в смысле благодатный лед) (Д. Навоша. Время разбрасывать камни. В Москве открылся первый керлинг-клуб. 2003). Подобный пример: Тогда Светлана — это золо-

тая жила, это курица, несущая золотые яйца, и при правильном обращении из этого родника можно качать воду, **в смысле** деньги, еще много лет (А. Маринина. Чужая маска. 1996).

В эту же группу входят примеры контекстов, в которых предлагается семантический: Отец пишет, что прекрасно помнит Вовку-маленького и ему странно представить себе, что этот ребенок умеет пользоваться электронной почтой, работает в секьюрити (в стысле — охранник) и написал такое веселое письмо да еще по-английски (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы. 2001); или стилистический перевод слова: Все это так, но сомнения все же достают, в стысле — гложут (Там же).

Союз *в смысле* может сигнализировать и о выборе говорящим одного значения многозначного слова: *Что-то мешало папе. Он сидел и думал, что же это такое. А потом понял: ему мешает дух! В смысле, запах* (М.С. Аромштам. Мохнатый ребенок. 2010).

В Словаре под ред. С.А. Кузнецова [25. С. 179] у существительного «дух» отмечается семь значений, причём акцентированное в контексте – запах – приведено седьмым, последним по счёту: «7. Разг. Запах, аромат. На веранде стоял грибной д.».

Выходить на первый план может значение, не отмеченное в словарях, но выводимое из контекста: Да, есть в Петербурге такой журнал. Вот уже полгода как существует. И публикует вполне порядочные (в смысле — талантливые) тексты (С. Гедройц. С. Витицкий. Бессильные мира сего. 2003). У прилагательного «порядочный» выделяются четыре значения, и ни одно из них не связано с семой «талантливый» [Там же. С. 581], тогда как для автора именно этот компонент семантики становится основным. Здесь мы можем говорить о разъяснении авторского отношения, выраженного оценочным словом или оценочной конструкцией. Подобный пример: Вообще отчёты писать становится сложнее. В смысле ненужнее. Мысли не занимают голову дольше, чем их думаю (Отзыв на сайте о летнем лагере. 2003).

Союз в смысле может вводить в текст эвфемистическую замену: Многие говорят, что путч... в смысле ваше выступление спровоцировало такое развитие событий... Если бы все произошло так, как вы хотели, тогда каким было бы сейчас наше государство? (В. Крючков. Каждому свое. 2001).

В рассматриваемой группе контекстов союз в смысле сохраняет этимологическую связь с существительным смысл в значении «общее логическое содержание» [25. С. 763]. Говорящий (пишущий) вводит при помощи этой единицы разъяснение собственных слов. Таким образом, во всех вышеописанных примерах в смысле выступает в метаязыковой функции. Эта функция может реализовываться и в репликах-переспросах. В них говорящий пытается получить у собеседника разъяснение только что сказанных тем слов, предлагая свои варианты интерпретации: — Госпожа такая-то, с вами говорит Яков Шенцер, председатель иерусалимского отделения общества выходцев из Китая. Будете ли вы столь любезны уделить мне толику вашего внимания? — В смысле — встретиться? — спросила я, помолчав (Д. Рубина. Наш китайский бизнес // Знамя. 1999).

Реплика-переспрос может состоять только из служебной единицы в смысле. В этом случае никаких вариантов интерпретации говорящий не предлагает. Вопросительная реплика В смысле? (напомним, это употребление отмечено только в одном словаре [8. С. 117–118]) значима для современной русской речи. В основном корпусе НКРЯ она встречается 128 раз, т.е. вполне частотна, но ещё более примечательно то, что это – распространенный предмет обсуждений в интернет-коммуникации, ср. (сохранена орфография и пунктуация источника): На работе очень много барышень в коллективе и от кого-то пошел тренд, постоянно говорить – "В смысле" к месту и нет. Вроде бы ничего ухорежушего нет, но когда это пихают в невпихуемое – раздражает нереально! Помогите придумать рифму, а то моё ответное "В коромысле" уже не даёт эффекта! (https://pikabu.ru/story/dostalo_rebyata_pomogite_pridumat rifmu 4419716). В этом высказывании, помимо факта частотности вопросительной реплики, упоминается и так называемая «пустоговорка» (рифмованный ответ не по существу, заведомо бессмысленный), возникшая в русской устной речи: B смысле? -B коромысле! Ср.: Почему? $-\Pi$ о кочану!

В словарях возможность употребления в вопросительных высказываниях отмечается только у союза *то есть*, причём, как правило, приводятся контексты, в которых он входит в состав вопросительной реплики *то есть как?* [14. С. 682; 15. С. 348; 16. С. 800; 17. С. 653; 18. С.372; 19. С. 527; 20. С. 371; 26. С. 337; 27. С. 122]. Значение такой реплики характеризуется в словарях как «выражение удивления, недоумения». Отметим, однако, что функция выражения эмоции недоумения связана скорее с наличием в этом высказывании акцентированного слова *как*, нежели слова *то есть?* (без *как*) не обязательно выражает сильные эмоции.

По нашим наблюдениям, реплика *To есть?* может приобретать в речи два совершенно разных интонационных контура:

- 1. Восходяще-нисходящая интонация при выражении недоумения Это означает делать астральную проекцию в загробное измерение. То есть? поднял брови Улл (В. Пелевин. Бэтман Аполло. 2013). Такое высказывание характеризуется в словаре Т.Ф. Ефремовой не как вопрос, а как возглас [14. С. 682]. Это очевидно в том случае, если на первый план выходят эмоции. В нашем примере вопросительная реплика сопровождается мимическим действием, выражающим недоумение.
- 2. Восходящая интонация при простом переспросе, обращённой к собеседнику просьбе пояснить сказанное Думаю, Фридрих меня просто любит. То есть? Влюблен? (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2014).

Судя по всему, союз *в смысле* в современной русской речи приобретает те же функции: может использоваться в ответных вопросительных репликах в двух интонационных вариантах:

1. Восходяще-нисходящем, выражающем недоумение: — Как ты думаешь, кто победит? Я ответила честно, что думала: — Боюсь, что немцы. — В смысле? — папа как-то очень удивился. — В смысле, я бы хотела, чтобы выиграли чехи, но немцы, конечно, сильнее. Кажется, он сказал «дура!» (К. Метелица. Как я люблю ходить замуж. 1997).

2. Восходящем, не связанном с эмоциями: — Не знаю. Вот, может, приемщики с кем-нибудь познакомят. Главное, чтобы все было нормально. — В смысле? — Ну мало ли... Тут знаете, как бывает... — А как бывает? (С. Мостовщиков. Мусор. 1997). Представляется, что в словарном описании таких реплик необходимо особое внимание уделить интонационному контуру высказывания.

На первый взгляд здесь нет формально ничего общего с употреблением в смысле в роли союза (назовём его «в смысле монологическим»), однако функционально эти случаи схожи. С помощью «в смысле диалогического» слушающий оценивает выражение собеседника как непонятное, нуждающееся в расшифровке, объяснении, переформулировании. В контекстах с «в смысле монологическим» говорящий сам выступает «контролирующей инстанцией», тогда как с «в смысле диалогическим» эту роль выполняет собеседник. Ср.: Тарантино, как обычно, не напрягаясь, снял кино «для себя любимого». А оказалось, что для всех. В смысле, режиссер чего-то хотел рассказать, и вдруг все поняли (Д. Подоляк. Кино. Июнь 2004) -*Тарантино, как обычно, не напрягаясь, снял кино «для себя любимого». A оказалось, что для всех. -B смысле? - Режиссер чего-то хотел рассказать, и вдруг все поняли. Или наоборот: Ты мне скажи. Ответ приходил в голову через несколько дней. – Это как с кошкой. – В смысле? – Когда сидишь в кресле, всегда хочется, чтобы она прыгнула тебе на колени (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью. 2001) – *Ты мне скажи. Ответ приходил в голову через несколько дней. – Это как с кошкой, в смысле когда сидишь в кресле, всегда хочется, чтобы она прыгнула тебе на колени.

II. Данную группу составляют контексты, в которых союз в смысле имеет только пояснительное значение, разрешая неоднозначность место-имения или другого слова с размытой семантикой. Например: Жасмин пахнет сильнее, чем Митрич. И я ему за это благодарен. В смысле, жасмину. И не только я. Ещё многие жильцы (М. Бару. Записки понаехавшего. 2010). Ещё один пример: Данный журнал, вероятно, ориентирован на другого, а не на другое (в смысле – животное), поэтому рассмотрим влечение зрелых мужчин к юным девам как фактор, имеющий значимые социальные последствия (Как молоды мы стали. 2002).

В функции пояснения *в смысле* выступает и в контекстах, имеющих значение идентификации, отождествления. Ср: — *Тебя как зовут?* — *спросила девушка.* — *Тема,* — *сказал Тема,* — *в смысле Тимофей* (С. Болмат. Сами по себе. 1999). Или: *Все никак не решится вопрос с именем для сына. Ей нравится* — *Дима, а мужу (ну, в смысле, отцу ребенка* — *поженятся они непременно, но потом)* — *Вася. Как быть?* (Е. Костикова. Мамочки. 1997).

Идентифицирующая функция в смысле часто проявляется в контексте переспроса: — Заруливай, Элизабет, — обронила, по обычаю не оборачиваясь. — Это моя Никита. — Элизабет? — Никита снимал и вешал курточки, жал ручку, уточнял: — В смысле Лиза? — В смысле Элла, — наврала почему-то, и стало смешно, как бывает в маске; как всегда бывает поначалу в чужой шкуре — смешно и немножко опасно, чуть-чуть (А. Боссарт. Повести Зайцева. 1998).

III. В других случаях союз *в смысле* служит говорящему для акцентирования какого-либо аспекта ситуации или понятия, причем иногда это подчёркнуто дополнительными маркерами. Ср.: *Что же касается адреса, которого Константин не сообщал, то Людмила его почти что знала – в смысле дом и подъезд* (О. Зайончковский. Счастье возможно: роман нашего времени, 2008). В этом контексте на аспект ситуации явно указывает ограничительная частица *почти что*. Понятие «адрес» предполагает не только дом и подъезд, но и номер квартиры.

— А стол где? — Вот он. Чем тебе не нравится? — Нет, в стысле еда там, напитки... А гости где? — Ты — гость. А напитки и еда — сейчас (Е. Белкина. От любви до ненависти. 2002). Здесь предлагается сопоставление двух аспектов ситуации («еда», «напитки» — «гости»), один из которых акцентирован единицей в стысле; противопоставление выражается союзом а.

В таких контекстах говорящий / пишущий опирается на знание слушающего / читателя о типичной ситуации или понятии, на которые указывает слово (адрес, стол), и при помощи союза в стысле делает поправку, сужая понятие или конкретизируя ситуацию. Особенно ярко это проявляется при использовании в речи абстрактных слов и выражений, которые обозначают понятия, включающие большое количество аспектов, а потому нуждающиеся в конкретизации. Ср.: Моя дорогая, я слышала о вашем довольно сложном положении, я вам сочувствую, и вот совет, который я могу вам дать: вы должны быть реалисткой, you should be realistic, как здесь говорят, в стысле — вам нужен американский мужчина, вы меня понимаете. (М. Палей. Long Distance, или Славянский акцент. 1998–1999) В данном примере конструкция с союзом в стысле конкретизирует абстрактное понятие «быть реалисткой», причём союз является единственным средством акцентирования.

В этом употреблении проявляется тесная семантическая связь союза *в смысле* с омонимичным ему предлогом, описанным в словарях. Значение предлога трактуется через синонимическую замену с производным предлогом *в отношении*, имеющем значение «касательно» – автор касается каких-то аспектов понятия или ситуации.

IV. Союз в смысле может вводить слово, восстанавливающее синтаксическую конструкцию — предложение или словосочетание: — Эх, Валька, повезло тебе! — сказал дядя Марат. — В смысле, с Надей. А я вот все не определюсь никак... Вы же сколько лет живете, одиннадцать почти что уже? (А. Берсенева. Возраст третьей любви. 2005). В этот момент у Марии началось то, что когда-то уже было, — страсть собрать семью. Она еще не оформила это в конкретное желание, но снова прицепилась к Астре, как репей: когда, мол, и когда? В смысле — вернешься... Ей и в голову не могло вспрыгнуть, что клокочущее Астрино нутро просто сдерживало страстное «никогда! никогда!», хотя в голове этого еще не было (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом. 2000) В первом примере восстанавливается управляемое слово в глаголь-

ном словосочетании: **повезло с Надей**; а во втором – главный член в определённо-личном предложении: **когда вернёшься**.

Таковы отмеченные нами функции союза в смысле. Как видим, несмотря на их разнообразие, они в итоге сводятся к значению пояснения, разъяснения, интерпретации. *В смысле* выступает как «альтернативный релятив» [24. С. 811. в семантике которого заложена идея выбора из разных вариантов интерпретации, т.е. как метапоказатель альтернативы или автокоррекции [19. С. 66]. Говоря о союзе *в смысле*, нельзя не отметить, что лексема «смысл», по наблюдениям Н.П. Перфильевой, активно используется в современной русской речи в качестве так называемого «константного» компонента семасиологического метапоказателя, построенного по модели «в + прилагательное + смысле / значении», причём вариант, построенный по модели «в + прилагательное + в смысле» встречается в несколько раз чаще, чем вариант «в + прилагательное + значении» [28. С. 50, 51]. Считаем это не случайным: понятие «значение» заключает в себе объективность, четкую определённость, тогда как понятие «смысл» – субъективность, большую неопределенность. В русской речи распространены метапоказатели в каком-то смысле (853 вхождения в основном корпусе НКРЯ) и в некотором смысле (505 вхождений), тогда как сочетания в каком-то значении и в некотором значении сомнительны в качестве метапоказателей (более того, в основном корпусе НКРЯ этих сочетаний вообще не было обнаружено). Это согласуется с трактовкой терминов в специализированных словарях: «значение» – «лексическое значение слова (языковое употребление)», а «смысл» – «субъективный образ, возникающий при понимании текста (речевое употребление)» [29. С. 932]. Очевидно, это различие влияет на предпочтения носителей языка, которым важнее акцентировать, что они имеют в виду в данной ситуации, контексте, нежели указывать на значение слова (выражения) вообше.

Практически во всех приведённых нами выше функциях союз *в смысле* выступает как синоним союза *то есть*. Известно, что язык не терпит избыточности и дублетов как в значении, так и в грамматическом выражении. Так почему же в русской речи служебная единица *в смысле* стала выполнять, кроме прочих, ещё и функцию союза, при том что в русском языке уже долгое время существует союз *то есть*, подробно описанный в словарях и специализирующийся исключительно на выражении пояснительных отношений?

Полагаем, что причина кроется в этимологической связи союза *в смыс- пе* с существительным *смысл*. Употребляя эту единицу, говорящий сигнализирует о том, что далее следует интерпретация, разъяснение, пояснение ранее сказанного, либо, если мы имеем дело с репликой-переспросом, побуждает собеседника к такому объяснению, интерпретации, истолкованию. Конструкции с союзом *в смысле* отражают динамику порождения речи, формирования *смысла* высказывания. Не случайно они часто сопровождаются хезитативами типа «ну», «ой» и др., а после союза *в смысле* нередко

^{1.} Хезитативы – термин Богдановой-Бегларян. См. например, в работе: *Богданова-Бегларян Н.В., Кутруева Н.Г.* Об одном из вербальных хезитативов русской устной

ставят тире или запятую, которые передают паузу, возникающую при подборе нужного слова или выражения ¹. Этимология же союза *то есть* связана с понятием бытия, бытийности (местоимение *то* + форма 3 лица ед.ч. глагола *быть*). В союзе *то есть* мир предстаёт как завершённый, статичный, уже существующий, лишь нуждающийся в объяснении и констатации, тогда как союз *в смысле* обращает нас к динамике: ситуация творится и интерпретируется здесь и сейчас, причем отражается не только процесс порождения смысла, но и процесс познания мира, установления связи между разными аспектами одной ситуации, слова, выражения и т.д.

В смысле всегда предполагает выбор минимум из двух аспектов ситуации или толкования, тогда как для то есть такой выбор не обязателен. Союз в смысле «не любит» контекстов, содержащих полные синонимы, ср.: бегемот, то есть гиппопотам, но не *бегемот, в смысле гиппопотам. Можно сказать, что появление в русской речи союза в смысле создает предпосылки для дифференциации значений пояснительных союзов: то есть оформляется как союз онтологический, а в смысле — как гносеологический. Представляется необходимым расширение лексикографического описания служебной единицы в смысле с уточнением ее союзной функции.

Литература

- 1. *Богданова-Бегларян Н.В.* Дискурсивная единица типа (того что): функционирование в устной спонтанной речи и возможности лексикографического описания // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 3 (45). С. 252—254.
- 2. *Ефремова Т.Ф.* Толковый словарь служебных частей речи русского языка : 15 000 слов. ст. : 22 000 семант. ст. М. : Рус. яз., 2001. 862 с.
- 3. *Морковкин В.В.* Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: ок. 1200 единиц. М.: ACT, 2003. 432 с.
- 4. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М. : Азбуковник, 2009. 944 с.
- 5. Словарь наречий и служебных слов русского языка / сост. В.В. Бурцева. 3-е изд., стер. М. : Дрофа, 2010. 750 с.
- 6. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1981–1984. Т. 4.
- 7. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962. Т. 13, 14.
- 8. *Рогожникова Р.П.* Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову: ок. 1500 устойчивых сочетаний русского языка. М.: Астрель: АСТ, 2003. 416 с.
- 9. Остроумова О.А., Фрамполь О.Д. Трудности русской пунктуации: Словарь вводных слов, сочетаний и предложений: опыт словаря-справочника. М.: Изд-во СГУ, 2009. 501 с.

речи: как его (ее, их) в различных функциональных разновидностях // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2013. Вып. 4 (24). С. 7–18.

¹ Пунктуационное оформление конструкций с союзом *в смысле* настолько разнообразно и настолько ярко демонстрирует возможности русской пунктуационной системы, что нуждается в отдельном исследовании.

- 10. Словарь служебных слов русского языка / А.Ф. Прияткина, Е.А. Стародумова (отв. ред.), Г.Н. Сергеева, Г.Д. Зайцева, Е.С. Шереметьева, Н.Т. Окатова, И.Н. Токарчук, Г.М. Крылова, Т.А. Жукова, Т.В. Петроченко, В.Н. Завьялов. Владивосток, 2001. 363 с.
- 11. Богданова-Бегларян Н.В. Рефлексив в системе дискурсивных единиц русской устной речи // Мир русского слова. 2015. № 3. С. 11–17.
- 12. Рогожникова Р.П. Об основных единицах описания в толковых словарях русского языка // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов. ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН. 2008. Т. 4, ч. 3. СПб., 2008. С. 33–40.
- 13. Вязовик Т.П. Сочетания типа «вот что» в системе эквивалентов слов // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2013. Т. 1, № 2. С. 52–59.
- 14. *Черемисина М.И., Колосова Т.А.* О союзных и текстовых скрепах русского языка // Показатели связи в сложном предложении (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1987. С. 136–180.
- 15. Пермякова Т.Н. Принципы описания союзов и союзных скреп в отечественной лексикографии (на примере союзной скрепы коль скоро) // Проблемы истории, филологии и культуры. 2014. № 3. С 260–263.
- 16. Прияткина $A.\Phi$. Текстовые «скрепы» и «скрепы-фразы» (о расширении категории служебных единиц русского языка) // $A.\Phi$. Прияткина. Русский синтаксие в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции): Избр. тр. Владивосток, 2007. С. 334–344.
- 17. Откидыч Е.В. Текстовые функции слова «кстати» // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 375. С. 30–32.
- 18. Откидыч Е.В. Союзные сочетания «и кстати», «а кстати», «но кстати»: особенности структуры, функционирования и семантики // Русский язык, литература и культура в пространстве АТР. Владивосток, 2016. С. 23–26.
- 19. Цесарская А.Е., Шестопалова В.И. Метапоказатели автокоррекции в разговорной речи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 9: Филология. С. 65–75.
- 20. *Шерстяных И.В.* Семантическая структура, парадигматические и синтагматические связи полисеманта «правда»: лексикографический аспект // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 6. С. 9–16.
- 21. *Шерстяных И.В.* Омокомплекс «ничего» и его функции в современном русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 1 (105). С. 109–114.
- 22. *Шереметьева Е.С.* Сфера действия отыменных релятивов: типы контекстов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, № 9. С. 59–65.
  - 23. Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980. Т. 1. 792 с.
- 24. Ляпон М.В. Смысловая структура сложного предложения и текст: К типологии внутритекстовых отношений. М.: Наука, 1986. 200 с.
- 25. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2002. 967 с.
- 26. Квеселевич Д.И., Сасина В.П. Русско-английский словарь междометий. М.: Астрель, 2001. 512 с.
- 27. *Шимчук Э.Г., Щур М.Г.* Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова. Берлин, 1999. 147 с.
- 28. Перфильева Н.П. О динамических процессах в области скреп: грамматический и пунктуационный аспекты // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 9: Филология. С. 91–101.

29. *История* философии: энцикл. / под ред. А.А. Грицанова. Минск : Книжный Дом, 2002. 1376 с.

The Function Unit 'V Smysle' as a Conjunction

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 63–78. DOI: 10.17223/19986645/57/4

Natalya V. Kuznetsova, Olga V. Pochtareva, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: nvkouznets@gmail.com / olga2476@mail.ru

Keywords: Russian speech, colloquial speech, function word, function units, conjunction, explanatory conjunction, functioning, relative, text connectors, meta-indicator.

The article offers a functional-semantic description of the function unit v smysle [in the meaning] in a function that is new to it, that is not fixed in the dictionaries – the function of a conjunction. This function of v smysle appeared in the middle of the twentieth century, and intensified sharply in the 2000s. The research material consisted of 968 contexts selected by hand sampling from the Russian National Corpus. With the help of contextual analysis, four groups of usage contexts of the conjunction v smysle that differ in the features of semantics and compatibility were singled out. The first group is represented by texts in which the speaker clarifies what s/he or the interlocutor has just said, makes a semantic or stylistic translation of the word or expression. In the second group, the conjunction v smysle has only an explanatory meaning, eliminating the ambiguity of a pronoun or a word with an unclear meaning. In the third group of contexts, the conjunction v smysle serves to accentuate any aspect of a situation or a notion. In the fourth group, the conjunction v smysle introduces a word that reconstructs a syntactic pattern. It is noted that the conjunction v smysle acts as a meta-indicator of an alternative practically in all contexts; the very semantics of this conjunction contains the idea of choosing from different variants of interpretation.

A comparison of the conjunction v smysle with the canonical explanatory conjunction to est' [that is] shows that they often act as synonyms, but they are not interchangeable in all contexts. V smysle always assumes a choice of at least two aspects of a situation or an interpretation, whereas for to est' such a choice is not necessary. The conjunction v smysle is not used in contexts containing full synonyms, but for the conjunction to est' such contexts are typical. The authors believe that the reason lies in the etymological connection of the conjunction v smysle with the noun smysl [sense, meaning]. Using this unit, the speaker signals that an interpretation, a clarification, an explanation of what has been said earlier is to follow, or, in case of an echo question, the speaker induces the interlocutor to give an explanation, an interpretation. Constructions with the conjunction v smysle reflect the dynamics of the generation of speech, the formation of the meaning of the utterance, and are often accompanied by hesitation markers. The etymology of the conjunction to est' is connected with the concept of being, staticity.

It can be argued that the emergence of the conjunction v smysle in the Russian speech creates prerequisites for differentiating the meanings of explanatory conjunctions. Taking into account that dictionaries treat the function unit v smysle only as a derivative preposition having the meaning "in relation to", it seems necessary to bring the lexicographic practice into correspondence with the speech reality and to refine the meaning of the function unit v smysle in the dictionaries.

References

- 1. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2014) Discursive item tipa (togo chto), it's functioning in oral token and alternatives of lexicographical description. *Problemy istorii, filologii, kul'tury Problems of History, Philology, Culture.* 3 (45). pp. 252–254. (In Russian).
- 2. Efremova, T.F. (2001) *Tolkovyy slovar' słuzhebnykh chastey rechi russkogo yazyka:* 15 000 slov. st.: 22 000 semant. ed. [Explanatory dictionary of functional parts of speech of the Russian language: 15,000 words: 22,000 semantic units]. Moscow: Rus. yaz.

- 3. Morkovkin, V.V. (2003) Ob''yasnitel'nyy slovar' russkogo yazyka: Strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly: Okolo 1200 edinits [Explanatory Dictionary of the Russian Language: Structural Words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, link verbs. C. 1,200 units]. Moscow: AST.
- 4. Ozhegov, S.I. & Shvedova, N.Yu. (2009) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Azbukovnik.
- 5. Burtseva, V.V. (2010) *Slovar' narechiy i sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of adverbs and functional words of the Russian language]. 3rd ed. Moscow: Drofa.
- 6. Evgen'eva, A.P. (ed.) (1984) *Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t.* [Dictionary of the Russian language: In 4 vols]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow: Russkiy yazyk.
- 7. Chernyshev, V.I. (ed.) (1962) *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 tomakh* [Dictionary of the modern Russian literary language. In 17 volumes]. Vols 13–14. Moscow: USSR AS.
- 8. Rogozhnikova, R.P. (2003) *Tolkovyy slovar' sochetaniy, ekvivalentnykh slovu: Ok. 1500 ustoychivykh sochetaniy rus. yaz.* [Explanatory dictionary of combinations equivalent to the word: C. 1500 fixed phrases of Russian]. Moscow: AST.
- 9. Ostroumova, O.A. & Frampol, O.D. (2009) *Trudnosti russkoy punktuatsii. Slovar' vvodnykh slov, sochetaniy i predlozheniy : opyt slovarya-spravochnika* [Difficulties of Russian punctuation. Dictionary of introductory words, combinations and sentences: the experience of a reference dictionary]. Moscow: Izd-vo SGU.
- 10. Priyatkina, A.F. et al. (eds.) (2001) *Slovar' sluzhebnykh slov russkogo yazyka* [Dictionary of functional words of the Russian language]. Vladivostok: FESU.
- 11. Bogdanova-Beglaryan, N.V. (2015) Reflexive Items in Russian Speech Discursive Units System. *Mir russkogo slova World of Russian Word*. 3. pp. 11–17. (In Russian).
- 12. Rogozhnikova, R.P. (2008) Ob osnovnykh edinitsakh opisaniya v tolkovykh slovaryakh russkogo yazyka [On the basic units of description in the explanatory dictionaries of the Russian language]. *Russkiy yazyk XIX veka: dinamika yazykovykh protsessov ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*. IV (3). pp. 33–40.
- 13. Vyazovik, T.P. (2013) Sochetaniya tipa "vot chto" v sisteme ekvivalentov slov [Combinations of interrogative pronouns and the demonstrative particle "vot" (that) in the system of equivalents of the words]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina.* 1(2), pp. 52–59.
- 14. Cheremisina, M.I. & Kolosova, T.A. (1987) O soyuznykh i tekstovykh skrepakh russkogo yazyka [About conjunctive and text connectors in Russian]. In: Cheremisina, M.I. (ed.) *Pokazateli svyazi v slozhnom predlozhenii (na materiale yazykov raznykh sistem)* [Indicators of connections in the composite sentence (based on the languages of different systems)]. Novosibirsk: Nauka.
- 15. Permyakova, T.N. (2014) Printsipy opisaniya soyuzov i soyuznykh skrep v otechestvennoy leksikografii (na primere soyuznoy skrepy kol' skoro) [Description principles for conjunctions and conjunction connectors in Russian lexicography (on the example of the conjunction connector "kol skoro" (as soon as)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury Problems of History, Philology, Culture.* 3. pp. 260–263.
- 16. Priyatkina, A.F. (2007) Russkiy sintaksis v grammaticheskom aspekte (sintaksicheskie svyazi i konstruktsii). Izbrannye trudy [Russian syntax in a grammatical aspect (syntactic relations and structure]. Vladivostok: FESU. pp. 334–344.
- 17. Otkidych, E.V. (2013) Text functions of the text connector "kstati" *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal*. 375. pp. 30–32. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/375/5
- 18. Otkidych, E.V. (2016) [The conjunctive combinations "i kstati", "a kstati", "no kstati": features of structure, functions and semantics]. *Russkiy yazyk, literatura i kul'tura v prostranstve ATR* [Russian language, literature and culture in the Asia-Pacific region]. Proceedings of the International Forum. Vladivostok: FEFU. pp. 23–26.

- 19. Tsesarskaya, A.E. & Shestopalova, V.I. (2017) Discourse words as a sign of self-correction in a colloquial speech. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology.* 16(9). pp. 65–75. (In Russian). DOI: 10.25205/1818-7919-2017-16-9-65-75
- 20. Sherstyanykh, I.V. (2015) The semantic structure of the polysemantic word "truth pravda": its paradigmatic and syntagmatic relation models of presentation. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6. pp. 9–16. (In Russian).
- 21. Sherstyanykh, I.V. (2016) Omokompleks "nichego" i ego funktsii v sovremennom russkom yazyke [Homogeneous complex "nothing" and its functions in modern Russian]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta Ivzestia of the Volgograd State PedagogicalUniversity.* 1 (105). pp. 109–114.
- 22. Sheremet'eva, E.S. (2015) Spheres of activity of postnominal relatives: types of contexts. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology.* 14(9). pp. 59–65. (In Russian).
- 23. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- 24. Lyapon, M.V. (1986) *Smyslovaya struktura slozhnogo predlozheniya i tekst. K tipologii vnutritekstovykh otnosheniy* [The semantic structure of a composite sentence and text. On typology of relations within the text]. Moscow: Nauka.
- 25. Kuznetsov, S.A. (ed.) (2002) *Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Modern dictionary of Russian]. St. Petersburg: Norint.
- 26. Kveselevich, D.I. & Sasina, V.P. (2001) Russko-angliyskiy slovar' mezhdometiy [Russian-English Dictionary of Interjections]. Moscow: Astrel'.
- 27. Shimchuk, E.G. & Shchur, M.G. (1999) *Slovar' russkikh chastits* [Dictionary of Russian particles]. Berlin: Peter Lang Europäische Verlag der Wissenschaften.
- 28. Perfil'eva, N.P. (2015) O dinamicheskikh protsessakh v oblasti skrep: grammaticheskiy i punktuatsionnyy aspekty [On dynamic processes in syntactic connectors: grammar and punctuation aspects]. Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya Vestnik Novosibirsk State University. Series: History and Philology. 14 (9). pp. 91–101.
- 29. Gritsanov, A.A. (ed.) (2002) *Istoriya Filosofii: Entsiklopediya* [History of Philosophy: Encyclopedia]. Minsk; Knizhnyy Dom.

УДК 81'42

DOI: 10.17223/19986645/57/5

Е.Н. Молодыченко

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ «ЛАЙФСТАЙЛ-ИНСТРУКЦИИ» КАК ИНТЕРНЕТ-ЖАНРА В КУЛЬТУРЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Анализируется один интернет-жанр в составе популярных англоязычных лайфстайл-СМИ для мужчин. Данный жанр рассматривается как находящийся на пересечении инструктирующей жанровой формы и дискурса консьюмеризма. Такой ракурс позволяет осуществить интерпретацию текстовой структуры исходя из совокупности социокультурных факторов, потенциально значимых для объяснения наблюдаемых речевых закономерностей. Для достижения данной цели исследуется несколько видов речевой системности и обсуждается их обусловленность как непосредственным коммуникативным контекстом и контекстом профессиональной практики лайфстайл-журнализма, так и более широким контекстом культуры потребления.

Ключевые слова: жанр, дискурс-анализ, контекст, речевая системность, лайфстайл, дискурс консьюмеризма, культура потребления.

Введение

В последние десятилетия происходит закономерный сдвиг лингвистических исследований в сторону тексто-, антропоцентрически и коммуникативно ориентированных. На смену отдельным предложениям как явлениям языка в качестве единицы анализа приходят высказывание и текст как явления речи, а при интерпретации речевых закономерностей чаще учитываются экстралингвистические факторы. Сегодня существует несколько аналитических перспектив, отражающих эти сдвиги. К их числу можно отнести функциональную стилистику, жанроведение, (критический) дискурс-анализ и социолингвистику.

Одной из ключевых категорий, потенциально позволяющих интерпретировать текст в социокультурной перспективе, является категория «жанр». Использование данной категории в исследовании предполагает решение как теоретических, так и прикладных задач. Решение первых связано как минимум с уточнением релевантных для выделения жанра факторов, разграничением собственно жанра и других категорий речевой системности, таких как речевой акт, тип текста, стиль, регистр и дискурс¹, а также выработкой методологического инвентаря и инструментария анализа конкретных жанров. Естественно, результирующие теоретические и методологические модели в различных школах жанроведения разнятся и да-

 $^{^{1}}$ Дискурс в данном случае понимается как «видение мира», или дискурс «по Φ уко»; подробнее об этом см. ниже.

леко не всегда являются однозначными и непротиворечивыми [1–5]. К преимущественно прикладным относятся две задачи. Первая из них связана с инвентаризацией и типологизацией существующих жанров, вторая – с описанием отдельных жанров в их контекстуальной обусловленности. Если первая задача вряд ли может быть полностью решена в первую очередь ввиду непостоянства жанрового «инвентаря» любого лингвокультурного сообщества, то вторая является решаемой и актуальной [3. Р. 43].

Пример относительно новых и интересных для исследования жанров — жанры лайфстайл-дискурса. Данный дискурс ориентирован на обсуждение повседневных практик индивидов, таких как мода и стиль, уход за собой, организация досуга, приготовление еды, путешествия, отношения с противоположным полом [6, 7]. Центральный и один из самых старых видов лайфстайл-СМИ — печатный гендерно специфицированный журнал — изучался преимущественно в рамках исследований, имеющих социокультурную направленность [8–14]. Естественно, данные работы за некоторым исключением (см., например: [9, 15]) оставляют без внимания языковые / речевые характеристики, в частности жанрообразующие. Более того, на смену традиционным печатным журналам в последние несколько лет приходят онлайн-издания, имеющие свою, особую, жанровую специфику.

Все сказанное выше обусловливает цель данной статьи, которая заключается в исследовании коммуникативно-прагматических характеристик одного интернет-жанра лайфстайл-дискурса, а именно жанра лайфстайлинструкции. Выбранная же в статье перспектива задает анализу определенный акцент. Данный акцент заключается в попытке интерпретации выявленных речевых закономерностей в контексте внешних по отношению к процессов. сопутствовавших социальных развитию «лайфстайл» как социальной формы. Путем такой расстановки акцентов при решении обозначенной прикладной задачи вносится вклад и в продолжение теоретической дискуссии, направленной на обсуждение оснований выделения жанров, разграничения жанра и дискурса, а также на обсуждение операционализации контекста и обращения к социальной теории в лингвистических исследованиях (ср.: [16–18]).

Жанр, дискурс и социокультурный контекст

Не секрет, что трактовка термина «жанр» связана с определенной неоднозначностью [1–4, 19]. Наиболее общей идеей, объединяющей сразу несколько жанроведческих школ как на западе (см. обзор в [2, 3, 20]), так и в России (см. обзор в [4. С. 43–75; 5]), является представление об обусловленности жанра коммуникативным и — шире — социокультурным контекстом. Конкретные же акценты в дефинициях и фокус исследований варьируются (см. / ср. [1, 3, 19, 21–23]). В рамках данной работы под жанром в рабочем порядке мы будем понимать относительно стабилизировавшееся «вербальное оформление типичной ситуации социального взаимодействия людей» [24. С. 11]. При этом подчеркнем, что одним из ведущих критериев

выделения жанра должен являться набор связываемых с ним коммуникативных целей [3. Р. 46].

Простота определения, однако, не всегда упрощает задачу лингвистического анализа фактического языкового материала в социокультурной перспективе. Многие жанры являются комплексными речевыми произведениями, и их описание предполагает обращение к нескольким видам речевых характеристик и текстовых стратегий. При этом каждый такой параметр теоретически может быть обусловлен разными аспектами коммуникативного и культурного контекста [18]. С другой стороны, для объяснения определенных текстовых закономерностей, в том числе в свете экстралинг-вистических факторов, традиционно используется и другая, в некотором смысле «конкурирующая», категория – категория «дискурс».

Как известно, дефиниция термина «дискурс» является не менее проблематичной, чем термина «жанр» (см., например, [18, 25–27]). Для целей предлагаемого анализа актуальны два возможных понимания дискурса. Вопервых, дискурс может означать использование языка в конкретной области знаний / общественной практике. Примером такого употребления служат такие сочетания, как «политический дискурс», «научный дискурс», «медицинский дискурс». Во-вторых, дискурс понимается как особая конфигурация знаковых репрезентаций предметов, ситуаций, идей, индивидов и т. п., отражающая определенное видение мира с точки зрения стоящей за данным дискурсом группы субъектов (например, дискурс феминизма, дискурс «зеленых», неолиберальный дискурс; см. / ср. [26–30]).

В отличие от функциональных стилей, исследуемых в отечественной традиции, единого основания для выделения дискурсов, особенно в последней трактовке, не существует: границы дискурса определяются под конкретный исследовательский проект [26, 31, 32]. Естественно, это приводит к тому, что дискурсивная разбивка всего речевого пространства выглядит эклектичной, а количество различных выделяемых исследователями дискурсов стремится к бесконечности. Достоинством такой разбивки является возможность совмещения языкового анализа с изучением релевантной социальной теории [30, 33–35]. Обращение к такой теории позволяет, по крайней мере в тенденции, раскрыть экстралингвистические закономерности, предопределившие речевую конфигурацию текстов.

Мы исходим из того, что для изучения текста или класса текстов в социокультурной перспективе необходимо обращение как к категории «жанр», так и к категории «дискурс» во втором значении. При этом поскольку обе категории в наиболее общем смысле имеют один и тот же функционал – позволяют классифицировать тексты и объяснять лингвистические закономерности экстралингвистическими, встает вопрос о разграничении сфер их применения. В используемой нами теоретической модели различие и взаимодополняемость данных категорий определяются двумя положениям. Вопервых, жанр и дискурс рассматриваются как обусловливающие разные виды речевой системности в пределах одного текста. Во-вторых, каждая из категорий предполагает обращение к разным факторам контекста.

Идея о наличии аналитически разделимых планов в пределах одного высказывания (текста), определяемых контекстом, не нова. В частности, М.М. Бахтин утверждал, что жанровая принадлежность обусловливает три компонента высказывания – тематическое содержание, стиль и композиционное построение [36]. Похожая идея развивается в системной функциональной лингвистике (СФЛ), одним из базовых постулатов которой является утверждение, что в любом высказывании одновременно реализуются три метафункции – идеационная, межличностная и текстуальная. Эти метафункции отражают три измерения коммуникативного и культурного контекста – поле, тон и модус соответственно [37–39].

Вариация данной идеи, в наибольшей степени адаптированная для целей дискурс-анализа, была предложена Н. Фэрклафом. По мнению Фэрклафа, одни виды речевой системности определяются преимущественно жанровой принадлежностью текста и отражают то, каким образом данный текст используется в качестве инструмента социального взаимодействия. Другие же преимущественно регулируются дискурсами (во втором значении), к которым апеллирует текст / адресат¹. Жанры регулируют акциональное измерение текста, дискурсы – репрезентативное [29, 38]. При этом использование слова «преимущественно» здесь не случайно. Если в СФЛ за каждой метафункцией жестко закреплены определенные лексикограмматические средства ее реализации (см., однако, [17, 40]), то в модели Н. Фэрклафа такой предопределенности нет: связь языкового средства или текстовой категории с одним из двух измерений носит вероятностный характер [29].

Второе положение определят разграничение экстралингвистических факторов, релевантных для каждой из двух категорий. Вопрос о том, какие именно параметры контекста актуальны при исследования речевого произведения, и тем более о том, какие из них должны связываться с жанром, а какие с дискурсом, остается по большей части открытым (см., например, [18, 25, 41]). В некотором смысле ответом на него может быть представление о том, как «далеко» вообще должен «идти» исследователь-лингвист в изучении контекста. Например, В. Бхатия утверждает, что анализ жанра должен сопровождаться исследованием профессиональной практики и профессиональной культуры, частью которых является изучаемый жанр, в том числе и с использованием этнографических методов [42]. В критическом дискурс-анализе исследователи идут еще дальше: прагматическое измерение в данной традиции расширяется до социокультурной практики, по крайней мере в теории [28, 43].

Принимая данное разграничение в качестве рабочего, будем считать текст / жанр, анализируемый в данной статье, частью профессиональной практики лайфстайл-журнализма и — шире — культуры потребления [44]. Соответственно, данная профессиональная практика и генерируемые ею

 $^{^{1}}$ В данной работе мы используем упрощенную модель и исключаем из рассмотрения еще одно комплементарное измерение – стиль (см. [29]). См. также замечания в [25].

коммуникативные контексты рассматриваются как определяющие акциональное измерение текстов, а более широкая социальная практика культуры потребления – как регулирующая репрезентативное измерение.

Стили жизни, лайфстайл-дискурс и культура потребления

Изучение лайфстайл-СМИ в широком смысле явление не новое (см., например, [6, 7]). Наиболее близкий к рассматриваемому нами вид СМИ – традиционные мужские журналы – изучался в первую очередь с точки зрения того, как в нем конструируются идеалы маскулинности через призму культуры потребления [12–14]. Лингвистические исследования таких журналов, насколько нам известно, немногочисленны [8, 9, 15].

Один из вариантов интерпретации лайфстайл-СМИ и используемого ими языка — рассмотрение данных СМИ в рамках самого явления «лайфстайл» как новой общественной формы, ассоциируемой с культурой потребления или — иначе — консьюмеризмом [45]. Поскольку рамки статьи не позволяют подробно рассмотреть все вопросы, связанные с этой проблематикой, приведем только наиболее принципиальные для наших рассуждений идеи.

Первая идея заключается в представлении о потере коммерческими товарами так называемой потребительной (use value) и меновой ценности (exchange value; см., например, [46]). Эти ценности предположительно заменяются «имиджевой ценностью» (identity value) по мере того, как все большее количество товаров становится средством выражения стиля и индивидуальности (см., однако, [47]). Логичным развитием данной идеи является предположение о том, что использование таких товаров в условиях современного (западного) общества контролируется так называемыми «стилями жизни», которые вслед за М. Физерстоуном и Э. Гидденсом определим как структурированные множества материальных благ и жизненных практик, «присваиваемых» индивидом с целью выражения определенной идентичности [48, 49].

В поисках способов правильного самовыражения новые герои культуры потребления (термин М. Физерстоуна) вынуждены обращаться к лайфстайл-дискурсу [48]. Очевидно, что без информационной составляющей в виде лайфстайл-СМИ индивиду, стремящемуся создать определенный стиль жизни, было бы сложно разобраться в огромном разнообразии доступных на рынке товаров и услуг. Стоит отметить, что как лайфстайл-СМИ, так и сама общественная форма «лайфстайл» имеют достаточно длинную историю [6]. Однако думается, что бурное развитие лайфстайлдискурса пришлось именно на последние несколько лет и связано с массовым распространением интернета.

Как и в случае с любым другим дискурсом, обозначить четкие границы лайфстайл-дискурса достаточно проблематично. Лайфстайл-дискурсом мы называем дискурсивное измерение лайфстайл-СМИ. Такой дискурс включает любые речевые произведения, основной задачей которых является

регламентация разнообразных каждодневных жизненных практик индивидов с целью их превращения в средство конструирования имиджа и идентичности (см. [45, 48–51]). Термин «дискурс» здесь используется в первом из значений, указанных выше, и обозначает совокупность речевых произведений в рамках практики СМИ, т.е. произведений, предназначенных для потребления массовой аудиторией через различные средства коммуникации, как традиционные печатные (все реже), так и более современные электронные (все чаще). При такой интерпретации лайфстайл-дискурса можно сказать, что он реализуется некоторым количеством жанров.

Как было отмечено выше, явление стилизации чаще всего связывают с культурой потребления, так как одним из наиболее важных средств конструирования стиля и идентичности являются потребляемые товары. Таким образом, кажется, что можно было бы поставить знак равенства между лайфстайл-дискурсом и дискурсом консьюмеризма. Тем не менее дискурс консьюмеризма - явление другого порядка, выделяемое на ином основании. Дискурс консьюмеризма – дискурс во втором используемом здесь понимании, т.е. определенное видение мира, ключевой характеристикой которого является прославление потребления с возведением последнего в высшую ценность [52]. Такому дискурсу противопоставлен, например, дискурс антиконсьюмеризма, призывающий к избавлению от вещей, отказу от материальных благ, этическому потреблению и возрождению традиционных ценностей (см., например, [53, 54]). Важно то, что лайфстайлресурсы могут апеллировать как к одному, так и к другому в текстах, по формальным признакам относимых к одному жанру. При таком понимании дискурса можно сказать, что некоторый текст, реализуя определенный жанр в рамках лайфстайл-дискурса, апеллирует к дискурсу консьюмеризма или же дискурсу антиконсьюмеризма¹.

Материал и анализ

Данный раздел посвящен исследованию жанрового своеобразия одного из жанров лайфстайл-СМИ, который мы в рабочем порядке называем лайфстайл-инструкцией². В первом приближении возможность применения такого термина для характеристики данного жанра определяется его схожестью с традиционными видами инструкций, если наиболее типичными характеристиками последних считать прескриптивную концептуально-

¹ Например, тексты на одном из самых популярных антиконсьюмеристских блогов becomingminimalist.com попадают в категорию «лайфстайл» в предложенном нами толковании, а также демонстрируют те же жанровые характеристики, что и лайфстайл-инструкция, анализируемая далее.

² Тексты данного жанра составляют значительную часть текстов на изучаемом нами ресурсе askmen.com, а также на других ресурсах подобного рода, таких как qg.com, menshealth.com, theprimarymag.com, fashionbeans.com и пр. (письменный модус), а также на каналах YouTube, таких как alpha m., Real Men Real Style, Teachingmensfashion, Gent's Lounge и пр. (устный модус).

тематическую составляющую, особый инструктивный способ изложения, специфическую композицию [55], а также общую коммуникативную задачу информирования и корректировки поведение адресата.

Для описания характерных черт изучаемого жанра в рамках рассмотренной выше модели «жанр – дискурс» был предпринят анализ одного типичного экземпляра лайфстайл-инструкции из онлайн-журнала для мужчин AskMen. Причиной для выбора именно этого интернет-ресурса стала его позиция лидера в данном лайфстайл-сегменте, что подтверждается статистикой посещений сайта. Так, медиа-кит сайта гласит, что число посетителей сайта за месяц только в США достигает 14 000 000, что позволяет авторам утверждать, что сайт является ресурсом «номер один в мире лайфстайл-публикаций для мужчин» [56]. Исходя из этого, было сделано предположение, что тексты на данном сайте должны наилучшим образом отражать срез лайфстайл-тенденций западного мира.

Как известно, в дискурс-анализе нет жестко закрепленного набора методов, заранее гарантирующих ответ на поставленный исследователем вопрос: наиболее релевантные для конкретного случая категории определяются в процессе анализа текста (см., например, [34, 57]). Аналогичным образом в используемой нами теоретической модели «жанр—дискурс» нет жесткой связи между определенными языковыми средствами и текстовыми категориями, реализующими акциональную и репрезентативную функции. Для решения текущей задачи считаем достаточным и необходимым произвести анализ текста с точки зрения его композиции, его актантной структуры, использования пресуппозиций и выражения имплицитных смыслов, а также средств выражения оценки и модальности.

Анализ актантной структуры и репрезентации субъектов и их групп, как правило, входит в базовый инструментарий (критического) дискурсаналитического проекта (см., например, [57. Р. 198–213; 58. Р. 72–73]) и, соответственно, является одним из ключевых методов исследования репрезентативного измерения текста, по крайней мере в тенденции [29, 38]. Изучение пресуппозиций также является одним из основных инструментов исследования дискурса с целью экспликации так называемого «само собой разумеющегося знания» [59, 60]. Анализ композиции текста входит в модель анализа жанра и/или акционального измерения текста в нескольких исследовательских традициях [3, 23, 29]. Оценка и модальность играют ключевую роль в выражании отношения автора к передаваемому содержанию и в позиционировании адресата относительно этого содержания и являются потенциально релевантными параметрами для исследования текста как в акциональном, так и репрезентативном ключе. При изучении оценки используется упрощенный вариант функциональной Дж. Мартина и П. Уайта [40].

Внутренняя и внешняя композиция. В тексте обсуждается ряд правил, рекомендуемых к выполнению мужчине в возрасте от 30 до 40 лет [61]. Каждый совет оформлен в отдельный микротекст и сопровождается графической иллюстрацией ошибки, исправлению которой он посвящен. Макро-

текст содержит десять таких микротекстов и предваряется общим вступлением. Такая текстовая организация типична для жанра и может быть обусловлена используемым интернет-форматом, для которого характерно деление онлайн-статьи на небольшие пронумерованные фрагменты, располагающиеся на отдельных страницах.

Можно предположить, что эта организация наиболее удачна и для обеспечения оптимального восприятия и запоминания информации: текст имеет прозрачную макроструктуру, в которой название каждого из микротекстов является его макропропозицией (ср. [You are still wearing] *Rented Tuxedoes*, [You are still wearing] *Anything Graphic or Novelty* и т.д.), относящейся к макропропозиции высшего уровня — названию всего текста (10 Things You Can't Wear in Your 30s). Описанные композиционные особенности мы интерпретируем как жанрообразующие для подобного класса текстов (см. / ср. [38]).

С точки зрения внутренней композиции каждый микротекст характеризуется единообразным семантическим шаблоном типа «проблема – решение». В начале микротекста определяется типичная для данной возрастной категории проблема, которая в исследуемом тексте представляет собой либо ситуацию из предполагаемого прошлого адресата, либо предполагаемое текущее положение вещей. После этого всегда следует изложение решения, представляющего собой более адекватный с точки зрения автора сценарий действий. Переход от проблемы к решению маркирован обстоятельством времени, подчеркивающим важность текущего момента, например: by now, during this decade, these days, now that (два раза), now that ... it's time, in this round of life. Вот типичный пример микротекста, реализующего описанную выше модель (названия микротекстов даны в квадратных скобках):

[Anything Graphic or Novelty] *Still sporting* graphic tees with allegedly ironic phrases or novelty ties with cartoon characters? Life's a bit more serious *these days*. Grow up and go for solids or subtle patterns on your T-shirts and similarly sophisticated ties in cotton, wool or knitted silk.

Комплементарным вариантом анализа композиции является рассмотрение каждого из микротекстов как инструктирующего комплекса, состоящего из собственно инструктирующего компонента и сопутствующих ему опциональных компонентов — экспозиционно-объяснительного, мотивирующего и комментирующего [55. С. 13]. Таким образом, в приведенном выше фрагменте явно выделим инструктирующий компонент (*Grow up and go for solids or subtle patterns*), экспозиционный (*Still sporting graphic tees with allegedly ironic phrases or novelty ties with cartoon characters*) и мотивирующий (*Life's a bit more serious these days*).

Актантная структура текста. Анализ актантной схемы позволяет показать, какие субъекты участвуют в описываемой текстом практике и играют ключевую роль в ее реализации. Мы относим такую структуру пре-имущественно к репрезентативному измерению текста. Наиболее типичной характеристикой данного экземпляра является то, что семантическая роль агенса в большинстве случаев «заполнена» адресатом текста посредством использования местоимения второго лица; адресат является главным

и самым важным субъектом, представленным в тексте. Рассмотрим два фрагмента – введение и первый из десяти микротекстов:

[Introduction] Congratulations. This is the decade that you're likely to get married, have a couple of kids and realize you're officially too old to appear in every MTV reality show. On the bright side, you finally have an extra buck in your back pocket, which makes you feel less like a takeout-dependent 20-something with a freezer full of Rolling Rock and more like a full-fledged adult who stocks up on Fiber One and baby formula (or something like that). Fortunately, the extra cash should also come in handy as you start to dress the part by burning the cheap stuff and buying investment items.

[Rented Tuxedos] You *got away* with this one at prom and probably *snuck in* some weddings a few years back, too. By now, you *could have* just *owned* the damn thing outright, which is precisely what we recommend *doing* during this decade of upgrades. You *can* also *skip* the senior year special complete with backless vest and premade tie in favor of gentlemanly braces and a proper bow tie (read: not a clip-on).

В представленном фрагменте 21 глагольная форма; для 15 из них непосредственный адресат (*you*) является агенсом / первым актантом. Глагольные формы и их актанты, в том числе латентные (указаны в квадратных скобках) приведены в табл. 1.

Таблица 1 Актантная структура введения и первого микротекста

Агенс / первый актант	Предикат	Второй актант / прочие элементы
1. you	are likely to get	married
2. you	are likely to have	a couple of kids
3. you	are likely to realize	[придаточное предложение]
4. you	are	too old
5. [you]	to appear	in every MTV show
6. you	Have	an extra buck
7. you	Feel	less like a 20-something
8. you	start to dress	the part
9. [you]	burning	the cheap stuff
10. [you]	buying	investment items
11. you	got away	with this one
12. [you]	snuck in	some weddings
13. [you]	could have owned	the damn thing
14. [you]	Doing	during this decade
15. you	can skip	the senior year special

Как видно из табл. 1, в девяти случаях адресат представлен в поверхностной структуре. В остальных сочетаниях адресат подразумевается, так как предикация является нефинитной (например, by burning the cheap stuff and buying investment items $\rightarrow$ you should/must burn the cheap stuff; you should/must buy investment items). Такая грамматическая реализация, проил-

люстрированная здесь на примере двух первых абзацев, характерна для всего текста.

Данную лексико-грамматическую особенность можно также рассматривать и как часть акционального измерения, поскольку последовательное обращение к реципиенту через второе лицо созвучно императиву. Помимо этого, в оставшихся частях изучаемого текста есть и собственно императивные формы, ср.:

Grow up and *go* for solids or subtle patterns on your T-shirts and similarly sophisticated ties in cotton, wool or knitted silk;

Just loosen up a bit with denim in a fit that's slim or straight;

kindly *take* a match to your collection of white ankle socks;

take it as a sign to say goodbye to your V-neck T-shirts;

but face the facts: You became a man long ago.

Как и в случае с традиционными инструкциями, в лайфстайлинструкции автор как бы наделен полномочиями «управлять» адресатом [57]. Эта же особенность обнаруживает сходство и с рекламными жанрами, также наделенными правом прямого обращения к адресату и «манипулирования» им (ср. [15, 62]).

Интересно отметить, что все действующие лица и связанные с ними активности относятся к одной из двух общих категорий: практике «зрелых» и практике «незрелых» индивидов. Основная практика, отраженная в данном тексте, — «зрелая» практика тридцатилетнего мужчины, определяемая тем, что он делает, что покупает и во что одевается (ср. 10 Things You Can't Wear in Your 30s). Данная практика противопоставляется «незрелой» практике в двух ее вариациях. Первая практика — практика адресата в его незрелом прошлом; она представлена в анализируемом отрывке рядом активностей, ср.:

[you] to appear in every MTV reality show

you got away with rented tuxedo

[you] snuck in some weddings

Во многих случаях активности, представляющие такую практику, реализуются через пресуппозиции и импликации, что создает, так сказать, пространство допущений о том, что делал адресат. Ср. пропозиции из текста и варианты извлекаемых имплицитных смыслов:

you're likely to get married → you were single;

have a couple of kids → you didn't have kids;

you're officially too old to appear in every MTV reality show $\rightarrow$ you appeared in every MTV reality show;

you finally have an extra buck in your back pocket $\rightarrow$ you didn't have extra money;

which makes you feel less like a takeout-dependent 20-something $\rightarrow$ 20-somethings depend on takeouts; you were a takeout-dependent 20-something;

with a freezer full of Rolling Rock $\rightarrow$ 20-something's freezer is full of Rolling Rock;

and more like a full-fledged adult $\rightarrow$ a 20-something is not a full-fledged adult;

you start to dress the part $\rightarrow$ you didn't dress the part;

by burning the cheap stuff → you owned cheap stuff;

and buying investment items → you didn't buy/own investment items;

you can also skip the senior year special complete with backless vest and premade tie in favor of gentlemanly braces and a proper bow tie→ you bought/are thinking of buying senior year specials instead of gentlemanly braces and a proper bow tie.

В случае зрелой практики используется меньшее количество пресуппозиций. Ср. пресуппозиции, содержащиеся в анализируемом отрывке, относящиеся к зрелой практике:

a full-fledged adult who stocks up on Fiber One and baby formula (or something like that) $\rightarrow$ a 30-year-old stocks up on Fiber One and baby formula;

during this decade of upgrades → this is the decade of upgrades.

Описанную особенность можно вновь интерпретировать двояко. С одной стороны, содержание пресуппозиций и транслируемые ими смыслы составляют часть дискурса. Для такого дискурса характерно установление семантических связей между идентичностью и материальными средствами ее выражения. Так, представленный здесь текст создает субъектную позицию зрелого тридцатилетнего мужчины, получающую материальное воплощение в приобретаемых товарах и/или реализуемых им «правильных» практиках. Общая же «безапелляционная» стратегия, характеризуемая вынесением большой части суждений о практиках адресата в пресуппозици и импликации, является частью акционального измерения.

Еще одна типичная характеристика изучаемых текстов — создание оппозиции по типу «свои — чужие». В текстах лайфстайл-дискурса чужие — это чужие в области стиля, представители чуждых взглядов и носители чуждых практик. Например, в некоторых микротекстах неправильная практика реализуется не самим адресатом, а другими обобщенными субъектами, такими как some guys и [someone who] lives in Williamsburg and was born after 1990, ср.:

[Skinny Jeans] Yeah, we know it took you a few years to slim down your blues from bootcut to skinny. The problem is that *some guys* took things too far. And frankly, if there's *anyone* who's actually able to squeeze into a pair, let alone pull them off, *he lives in Williamsburg and was born after 1990*. We're not saying you should go back your baggy ways. Just loosen up a bit with denim in a fit that's slim or straight.

Путем такого противопоставления более точно артикулируется правильная субъектная позиция, предлагаемая данным лайфстайл-ресурсом.

Выражение оценки. Языковые средства оценки также участвуют в конструировании «правильных» практики и предлагаемых субъектных позиций. Рассмотрим уже представленное ранее введение с точки зрения данного параметра:

[Introduction] This is the decade that you're likely to get married, have a couple of kids and realize you're officially too old to appear in every MTV reali-

ty show. On the bright side, you finally have an extra buck in your back pocket, which makes you feel less like a takeout-dependent 20-something with a freezer full of Rolling Rock and more like a full-fledged adult who stocks up on Fiber One and baby formula (or something like that). Fortunately, the extra cash should also come in handy as you start to dress the part by burning the cheap stuff and buying investment items.

Примеры с явными маркерами оценки в данном фрагменте немногочисленны (выделены полужирным шрифтом). К ним относятся следующие:

too old – интенсификация, выдвижение семы «зрелость»;

every reality show – интенсификация;

bright side – оценка всей пропозиции как положительной;

full of – интенсификация;

full-fledged – интенсификация;

fortunately – оценка всей пропозиции как положительной;

cheap stuff - оценка, выдвижение семы «качество»;

investment items – оценка, выдвижение семы «качество».

По представленным явным маркерам оценки, однако, сложно определить общую оценочную позицию данного фрагмента. Эта задача может быть решена путем включения в интерпретацию имплицитной оценки, выводимой из сочетаний дескриптивных средств (подчеркнуты в примере). Ср. вариант такой интерпретации:

too old to appear in every MTV reality show – положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»);

You have an extra buck in your back pocket – положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»);

а takeout-dependent 20-something – негативная оценка прошлой практики адресата (сема «незрелость»);

with a freezer full of Rolling Rock – негативная оценка прошлой практики адресата (сема «незрелость»);

a full-fledged adult – положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»);

who stocks up on Fiber One and baby formula – положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»);

the extra cash – положительная оценка нынешней практики адресата (сема «зрелость»).

Исходя из представленного анализа, можно сделать вывод, что ключевым основанием оценки является «незрелость / зрелость». При этом зрелость преподносится как нечто желанное, ожидаемое, ср. употребление таких маркеров, как officially, finally, fortunately, выражающих положительное отношение к содержанию суждения.

Из других фрагментов текста также становится ясно, что оценке подвергаются не только поведение, но и вещи – материальное выражение идентичности, ср.:

[Cheap suits] So the inexpensive, off-the-rack suit you had nipped and tucked at the tailor in your 20s ain't gonna cut it anymore. In this round of life,

you'll need to pay attention to *the richness* of the fabric (it should probably come from Italy) and the construction of the garment (full canvas *is king*).

Единственный явный маркер оценки в представленном фрагменте – номинализация признака richness, используемая для передачи позитивной оценки ткани (fabric), а также выражение is king для оценки покроя костюма (the construction of the garment). Имплицитная оценка усматривается в сочетании дескриптивных языковых средств inexpensive и off-the-rack (негативная оценка по основанию «качество»). Аналогичным образом положительная оценка прочитывается в сочетаниях the richness of the fabric и it should probably come from Italy.

С одной стороны, параметр качества одежды может быть ценностью сам по себе. С другой – в данном контексте оценка качества товаров наполняется смыслом в более широкой системе интерпретации: в конечном счете все товары оцениваются исходя из того, насколько полноценно они могут стать материалом для воплощения правильной идентичности. Ср., например, следующее:

[Anything Graphic or Novelty] Still sporting *graphic tees* with allegedly *ironic phrases* or *novelty ties* with *cartoon characters*? Life's a bit more serious these days. Grow up and go for *solids* or *subtle patterns* on your T-shirts and similarly *sophisticated ties* in *cotton*, *wool* or *knitted silk*.

В приведенном примере оценка выражается имплицитно через преимущественно дескриптивную лексику (graphic tees, ironic phrases, cartoon characters, solids, subtle patterns, sophisticated ties, cotton, wool, knitted silk) и интерпретируется в системе координат «зрелый — незрелый».

Такая специфическая оценочная позиция текста — часть его репрезентативного измерения. Ценности, наподобие качества и цены, а также оценка товаров с точки зрения их способности конструировать правильную идентичность являются частью особого видения мира, реплицируемого в лайфстайл-дискурсе и характерного для культуры потребления [52]. С другой стороны, такой параметр текста, как насыщенность оценкой безотносительно к ее типу и конкретным ценностям (основаниям оценки), можно рассматривать и как особенность жанра, общую для жанра лайфстайлинструкции и, например, различных жанров рекламной направленности и «продвигающих» коммуникаций вообще [62, 63].

Выражение авторской субъективности¹. Как уже стало ясно из приведенных выше примеров, автор текста как субъект суждений и оценок в поверхностной структуре текста представлен редко: всего в четырех случаях автор в форме первого лица множественного числа фигурирует как субъект, дающий рекомендацию, что в некоторой мере снижает ультимативность директивных речевых актов и категоричность утверждений, ср.:

we suggest fashioning yourself with a full-on beard;

¹ Данная функциональная категория (engagement) рассматривается как одна из категорий, участвующих в передаче авторской позиции (appraisal) наряду с оценкой (attitude) в модели Дж. Мартина и П. Уайта [40].

which is precisely what we recommend doing during this decade of upgrades;

We're not saying you should go back your baggy ways;

we know it took you a few years to slim down your blues from bootcut to skinny.

Фактически только указанные фрагменты демонстрируют лексикограмматическое оформление, характерное для рекомендации или совета, а не инструкции. Обращает на себя внимание и выбор местоимения множественного числа: суждения, оценки и рекомендации выражают не мнение автора, а скорее позицию журнала в целом и/или всего лайфстайл-сообщества. При этом у каждого из текстов есть конкретный автор, указанный в начале статьи.

Аналогичным образом только в нескольких случаях диктумная часть высказывания смягчена модальностью (эпистемической для утверждений и деонтической для директивных речевых актов, а также их комбинацией), ср.:

you're likely to get married;

the extra cash **should** also come in handy;

you can also skip the senior year special;

you'll *need to pay* attention;

men of all shapes (and sizes) **should** protect their prized possession;

it should probably come from Italy;

you, on the other hand, should probably play it safe here;

you should keep blatant branding to a minimum.

Результаты и обсуждение

В репрезентативном измерении текста выстраиваются специфические семантические связи между знаковыми репрезентациями субъектов, ситуаций и предметов, проецирующие особое видение мира. Такое видение мира характеризуется наличием двух субъектных позиций – зрелой и незрелой. Каждая из них реализуется через сеть практик, ключевым действующим лицом которых является адресат текста. Две данные практики сталкиваются в рамках каждого из микротекстов по мере того, как незрелая оценивается как неподобающая, а зрелая – как нечто желанное и необходимое. Материалом реализации практик в большинстве случаев служат потребительские товары, которые, в свою очередь, оцениваются в разрезе их способности конструировать правильную зрелую идентичность.

Что касается акционального измерения, одной из наиболее характерных черт здесь является «наставнический» тон автора текста. Это выражается, во-первых, в постоянном обращении к адресату во втором лице и в использовании императива. Во-вторых, этот же тон выражается и в общей безапелляционной ориентации текста: большая часть суждений и оценок реализуется через категоричные утверждения и/или оформляется в виде пресуппозиции. При этом количество случаев текстовой актуализации автора как субъекта рекомендаций, суждений и оценок, а также количество случаев модального «смягчения» диктумной части высказываний минимально.

К акциональным особенностям текста следует отнести и его внутреннюю и внешнюю композицию, обусловленную интернет-форматом и комбинацией вербальных средств с прочими семиотическими ресурсами. Тексты данного жанра характеризуются наличием четкой макроструктуры, где название играет роль макропропозиции высшего уровня, организующей нижележащие макропропозиции, выраженные в поверхностной структуре текста в форме подзаголовков. Как правило, подзаголовки пронумерованы, а их количество отражено в названии текста 1. Представляется, что такая особенность обусловлена в том числе и интенцией оптимизации речевого воздействия текста и улучшения запоминания информации потенциальным адресатом.

Полученные результаты позволяют сделать и ряд более общих выводов об акциональном и репрезентативном измерении, их комбинации в рамках лайфстайл-инструкции, а также функционировании рассмотренного жанра в лайфстайл-СМИ.

Репрезентативное измерение данного текста и подобных ему актуализирует дискурс консьюмеризма. В первом приближении дискурс консьюмеризма определяется двумя показателями — специфическим способом конструирования идентичностей и специфическим способом оценки. Идентичности в дискурсе консьюмеризма — это идентичности, поддающиеся сознательному формированию путем включения в правильные практики и/или приобретения правильных потребительских товаров. Такое положение вещей предопределяет и использование оценки: объектом оценки становятся адресат и его деятельность, с одной стороны, и потребительские товары — с другой (см. / ср. [64]). Эти дискурсивные тенденции коррелируют с характеристиками культуры потребления и особенностями процесса формирования идентичностей в эпоху постмодерна [48, 51, 52, 65, 66].

Что касается акционального измерения, то в первую очередь следует отметить, что отнесение текстов, оформляющих это измерение описанным выше образом, к инструкциям не самоочевидно. Лайфстайл-ресурсы, например, категоризируют подобные тексты как адвисивы (advice, tips). Однако данный жанр все же следует считать инструкцией по ряду причин.

Одним из базовых критериев выделения жанра является набор решаемых с его помощью коммуникативных задач. Коммуникативная задача прототипической инструкции может быть определена как регламентация порядка действий с целью обеспечения надлежащего использования предмета или правильного выполнения процедуры. Подобная задача явно прослеживается и в лайфстайл-инструкции, что иллюстрируется представленным выше анализом. Следует, однако, отметить, что, будучи одной из основных,

¹ Ср. аналогичную особенность в следующих примерах: 5 Tips To Get An AWE-SOME Haircut From Your Barber (youtube/alpha m.); 10 Transitional Staples Men Need In Their Wardrobe/Men's Between Seasons Clothes (youtube/The Style O.G.); 10 Things Men SHOULD NEVER Wear! (youtube/Teachingmensfashion); 5 Hacks To Whiten Teeth Without Pain (youtube/Real Men Real Style); 10 Autumn Pieces Worth Adding to Your Wardrobe (www.fashionbeans.com) и т. д.

задача регламентации порядка действий не единственная для данного жанра. Производство текстов лайфстайл определяется целым комплексом мотивов. Полноценно такой комплекс может быть описан путем анализа самой практики лайфстайл-журнализма, причем с использованием методов, не входящих в стандартный набор методов работы с текстом / дискурсом 1. Однако мы полагаем, что в первом приближении к такому комплексу задач следует отнести задачу создания привлекательности и продвижения издания (журнала, блога, канала YouTube), завоевания читательской и / или зрительской аудитории, а также задачу рекламирования конкретных (спонсорских) товаров.

В тематической, композиционной и лексико-грамматической структуре лайфстайл-инструкции и традиционной инструкции также обнаруживается сходство. Очевидно, что тематический пласт прототипической инструкции отражает ту область опыта, к которой эта инструкция применима, и те практики, которые она регламентирует. Такое наблюдение справедливо и в случае с лайфстайл-инструкцией. С точки зрения выделения функциональкомпозиционной организации лайфстайлных компонентов и их инструкция представляет собой образец типичной инструкции: в ней также могут быть выделены экспозиционная, мотивирующая, комментирующая и собственно инструктирующая части (cp. [55. 13]). C. грамматическое оформление инструктирующего компонента в лайфстайлинструкции во многом совпадает с наиболее частотным лексикограмматическим оформлением инструктирующего компонента в традиционной англоязычной инструкции, где таковой является форма императива [67. С. 166]. В исследуемом фрагменте в пяти из десяти микротекстов по крайней мере часть собственно инструктирующего компонента оформлена в виде императива. В остальных случаях используются косвенные директивы (например, it's time to make sure your socks can sop up sweat without being seen $\rightarrow$ make sure your socks can sop up sweat without being seen) или формы, содержащие указание на авторскую субъективность (же recommend, we suggest, you ... should probably и т. п.). Такие формы, сохраняя определенную меру директивности, сближают рассматриваемый текст с адвисивами.

Что касается специфики функционирования описанного жанра в лайфстайл-дискурсе вообще, то здесь следует выделить две особенности – нестабильность и гибридность. Очевидно, что предложенная в статье модель «жанр – дискурс» способна генерировать несколько вариантов реализации, даже если допустить, что жанровая «форма» и дискурсивное «наполнение» во всех случаях остаются более или менее постоянными. К примеру, рассмотренная комбинация жанра лайфстайл-инструкции с дискурсом консьюмеризма является распространенным, но при этом лишь одним из вариантов реализации этого жанра в лайфстайл-СМИ. Как было отмечено ранее, примером комбинации условно идентичной жанровой

¹ См. в этой связи [42].

формы с дискурсом антиконсьюмеризма являются тексты, генерируемые в рамках движений минималистов и сторонников этического потребления¹.

Однако наиболее распространенной является скорее ситуация, когда происходит трансформация как репрезентативной, так и акциональной составляющей. Пример такой трансформации — тексты, внешняя композиция которых соответствует описанной в данной статье, но каждый из микротекстов в их составе при этом посвящен описанию конкретного потребительского товара, а не обобщенной группы товаров или проблемы. В таких текстах наблюдается закономерный сдвиг ключевых категорий, выделенных выше: описательный компонент «берет верх» над инструктирующим, в позиции первого актанта чаще появляются сами товары, а оценка смещается в сторону положительной характеристики продукта². Подобные изменения можно рассматривать как гибрид инструктирующего жанра с рекламным; «продвигающая» составляющая в таком жанре выражена сильнее, чем в рассматриваемом нами в статье.

Таким образом, лайфстайл-инструкция является комплексным жанром, специфика которого определяется совокупностью экстралингвистических факторов. Анализ коммуникативно-прагматических свойств данного жанра, а также последовательное наблюдение за развитием лайфстайлсегмента в последние несколько лет позволяют сделать предположение, что количество таких ресурсов и рефлексивных дискурсивных практик вообще будет и далее расти, как, впрочем, и степень их влияния на каждодневное существование индивидов.

Литература

- 1. *Giltrow J.* Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation // Syntactic Variation and Genre / ed. by H. Dorgeloh, A. Wanner. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 1–26.
- 2. *Hyland K.* Genre: Language, Context, and Literacy // Annual Review of Applied Linguistics. New York: Cambridge University Press, 2002. Vol. 22. P. 113–135.
- 3. Swales J.M. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. 3rd ed. Cambridge University Press, 1990. 274 p.
  - 4. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
- 5. *Салимовский В.А.* Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2002. 341 с.
- 6. *Historicizing* Lifestyle: Mediating Taste, Consumption and Identity from the 1900s to 1970s / ed. by D. Bell, J. Hollows. London; New York: Routledge, 2006.
- 7. Ordinary Lifestyles: Popular Media, Consumption and Taste / ed. by D. Bell, J. Hollows. Open University Press, 2005. 295 p.
- 8. Benwell B. "Lucky this is anonymous". Ethnographies of Reception in Men's Magazines: A "Textual Culture" Approach // Discourse & Society. 2005. Vol. 16, № 2. P. 147–172.

¹ Ср., например, рассмотренный в этой статье текст со следующим текстом, размещенным на одном из самых популярных сайтов, проповедующих минимализм: becomingminimalist.com [68].

² См. пример такого текста на исследуемом портале AskMen [69].

- 9. *Benwell B.* Is There Anything "New" about These Lads? The Textual and Visual Construction of Masculinity in Men's Magazines // Gender Identity and Discourse Analysis / ed. by J. Litosseliti, L. Sunderland. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing Company, 2002. P. 149–174.
- 10. Benwell B. Introduction: Masculinity and Men's Lifestyle Magazines // The Sociological Review. 2003. Vol. 51, № S1. P. 6–29.
- 11. *Breazeale K.* In Spite of Women: "Esquire" Magazine and the Construction of the Male Consumer // Signs. University of Chicago Press, 1994. Vol. 20, № 1. P. 1–22.
- 12. *Edwards T.* Sex, Booze and Fags: Masculinity, Style and Men's Magazines // The Sociological Review. 2003. Vol. 51, № S1. P. 132–146.
- 13. Jackson P., Brooks K., Stevenson N. Making Sense of Men's Lifestyle Magazines // Environment and Planning D: Society and Space . 1999. Vol. 17, № 3. P. 353–368.
- 14. Stevenson N., Jackson P., Brooks K. The Politics of 'New' Men's Lifestyle Magazines // European Journal of Cultural Studies. 2000. Vol. 3, № 3. P. 366–385.
- 15. *Machin D., Leeuwen T. van.* Language Style and Lifestyle: The Case of a Global Magazine // Media, Culture & Society. 2005. Vol. 27, № 4. P. 577–600.
- 16. Bell A. Succeeding Waves: Seeking Sociolinguistic Theory for the Twenty-First Century // Sociolinguistics: Theoretical Debates / ed. by N. Coupland. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 391–416.
- 17. Poynton C. Grammar, Language and the Social: Poststructuralism and Systemic-Functional Linguistics // Social Semiotics. Routledge, 1993. Vol. 3, № 1. P. 1–21.
- 18. *Чернявская В.Е.* Операционализация контекста в дискурсивном анализе // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2017. Т. 9, № 4. С. 83–93.
- 19. *Virtanen T.* Variation across Texts and Discourses: Theoretical and Methodological Perspectives on Text Type and Genre // Syntactic Variation and Genre / ed. by H. Dorgeloh, A. Wanner. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2010. P. 53–84.
- 20. *Paltridge B.* Genre, Text Type, and the Language Learning Classroom // ELT Journal. 1996. Vol. 50, № 3. P. 237–243.
- 21. *Miller C.R.* Genre as Social Action // Quarterly Journal of Speech. Routledge, 1984. Vol. 70, № 2. P. 151–167.
- 22. Bazerman C. Genre as Social Action // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / ed. by J.P. Gee, M. Handford. London; New York; Routledge, 2012, P. 226–238.
- 23. *Rose D*. Genre in the Sydney School // The Routledge Handbook of Discourse Analysis / ed. by J.P. Gee, M. Handford. London; New York: Routledge, 2012. № 1935. P. 209–225.
- 24. *Седов К.Ф.* Анатомия жанров бытового общения // Вопросы стилистики. 1998. № 27. С. 9–20.
- 25. Widdowson H.G. Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis (Language in Society). Wiley Online Library, 2004.
- 27. *Чернявская В.Е.* Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 135–148.
- 28. *Chouliaraki L., Fairclough N.* Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999. 168 p.
- 29. Fairclough N. Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research. London; New York: Routledge, 2003. 270 p.
- 30. *Jørgensen M.W.*, *Phillips L.J.* Discourse Analysis as Theory and Method. Sage Publications, 2002. 229 p.
- 31. *Орлова О.В.* Проблема соотношения понятий стиля и дискурса в лингвистике начала XXI в. в контексте идей М.Н. Кожиной // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 4 (24). С. 19–25.

- 32. *Кожина М.Н.* Дискурсный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст Дискурс Стиль. СПб., 2004. С. 9–32.
- 33. De Cillia R., Reisigl M., Wodak R. The Discursive Construction of National Identities // Discourse & Society. 1999. Vol. 10, № 2. P. 149–173.
- 34. *Methods* of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. SAGE, 2001. 200 p.
- 35. *Blommaert J.* Discourse: A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 299 p.
- $36. \, \textit{Бахтин М.М.} \, \, \text{Проблема речевых жанров // Литературно-критические статьи. М., } 1986. C. 428–472.$
- 37. *Halliday M.A.K., Matthiessen C.M.I.M.* An Introduction to Functional Grammar. London: Hodder Education, 2004. 689 p.
- 38. Leeuwen T. van. Genre and Field in Critical Discourse Analysis: A Synopsis // Discourse & Society. 1993. Vol. 4, № 2. P. 193–223.
- 39. Martin J.R., Rose D. Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause. Bloomsbury, 2007. 363 p.
- 40. *Martin J.R.*, *White P.R.R.* The Language of Evaluation: Appraisal in English. Houndsmills; New York: Palgrave Macmillan, 2005. 278 p.
- 41. Schegloff E.A. Whose Text? Whose Context? // Discourse & Society. SAGE Publications Ltd, 1997. Vol. 8, № 2. P. 165–187.
- 42. Bhatia V.K. Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries // HERMES-Journal of Language and Communication in Business. 2015. Vol. 27, № 54. P. 9–20.
  - 43. Fairclough N. Discourse and Social Change. Cambridge: Polity, 1992. 259 p.
- 44. *Hanusch F., Hanitzsch T., Lauerer C.* 'How Much Love are You Going to Give This Brand?' Lifestyle Journalists on Commercial Influences in Their Work // Journalism. SAGE Publications, 2015. Vol. 18, № 2. P. 141–158.
- 45. *Chaney D.* From Ways of Life to Lifestyle: Rethinking Culture as Ideology and Sensibility // Culture in the Communication Age / ed. by J. Lull. London: Routledge, 2002. P. 75–88.
- 46. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. SAGE Publications, 1998.
- 47. Warde A. Consumption, Identity-Formation and Uncertainty // Sociology. 1994. Vol. 28, № 4. P. 877–898.
- 48. Featherstone M. Lifestyle and Consumer Culture // Theory, Culture & Society. SAGE Publications, 1987. Vol. 4, № 1. P. 55–70.
- 49. *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford University Press, 1991. 256 p.
- 50. *Bell D., Hollows J.* Making Sense of Ordinary Lifestyles // Ordinary Lifestyles: Popular Media, Consumption and Taste / ed. by D. Bell, J. Hollows. Open University Press, 2005. P. 1–18.
- 51. *Agha A*. Commodity Registers // Journal of Linguistic Anthropology. Blackwell Publishing Inc, 2011. Vol. 21, № 1. P. 22–53.
- 52. Barber B.R. Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole. New York; London: W.W. Norton & Co., 2007. 406 p.
  - 53. Binkley S. Liquid Consumption // Cultural Studies. 2008. Vol. 22, № 5. P. 599–623.
- 54. *Papaoikonomou E., Cascon-Pereira R., Ryan G.* Constructing and Communicating an Ethical Consumer Identity: A Social Identity Approach // Journal of Consumer Culture. 2016. Vol. 16, № 1. P. 209–231.
- 55. *Хорохордина О.В.* Инструкция как тип текста // Мир русского слова. 2013. № 4. С. 7–14.
- 56. Welcome to the Re-Imagined AskMen. URL: http://mediakit.askmen.com/ (дата обращения: 25.04.2017).

- 57. Fowler R. et al. Language and Control. London, Boston and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1979. 224 p.
- 58. Wodak R. The Discourse-Historical Approach // Methods of Critical Discourse Analysis / ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage Publications Ltd, 2001. P. 63–94.
  - 59. Fairclough N. Language and Power. London; New York: Longman, 1989.
- 60. Simon-Vandenbergen A., White P.R.R., Aijmer K. Presupposition and "Taking-for-Granted" in Mass Communicated Political Argument: An Illustration from British, Flemish and Swedish Political Colloquy // Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives. 2007. P. 31–74.
- 61. Fox A. 10 Things You Can't Wear In Your 30s AskMen [Электронный ресурс]. URL: http://www.askmen.com/fashion/galleries/10-things-you-can-t-wear-in-your-30s.html (дата обращения: 24.01.2018).
- 62. *Bhatia V.K.* Generic Patterns in Promotional Discourse // Persuasion Across Genres: A Linguistic Approach / ed. by H. Halmari, T. Virtanen Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2005. P. 213–225.
- 63. *Кара-Мурза Е.С.* Гипотеза «продвигающих» коммуникаций в российском медиапространстве // Медиалингвистика. Вып. 6: Язык в координатах массмедиа : материалы 2-го Междунар. науч.-практ. конф., 2–6 июля 2017 г., Санкт-Петербург, Россия. СПб., 2017. С. 296–298.
- 64. *Молодыченко Е.Н.* Ценности и оценка в дискурсе консюмеризма: лингвопрагматический и критический анализ // Вестник Северного Арктического федерального университета. 2016. № 3. С. 122–130.
- 65. Featherstone M. Perspectives on Consumer Culture // Sociology. SAGE Publications, 1990. Vol. 24. № 1. P. 5–22.
- 66. Adams M. The Feflexive Self and Culture: A Critique // The British Journal of Sociology. 2003. Vol. 54, № 2. P. 221–238.
- 67. Докало Ю.В. Способы выражения побудительности в англо- и немецкоязычных инструкциях по применению бытовой техники // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 1. С. 165–169.
- 68. Becker J. A Practical Guide to Owning Fewer Clothes. 2011. URL: http://www.becomingminimalist.com/a-practical-guide-to-owning-fewer-clothes/ (дата обращения: 24.01.2018).
- 69. Cooper C. The Best Hoodies For Men AskMen. 2017. URL: https://uk.askmen.com/style/fashion advice/stylish-men-s-hoodies.html (дата обращения: 24.01.2018).

"Lifestyle Instruction" as an Internet Genre in Consumer Culture: A Communicative-Pragmatic Perspective

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 79–102. DOI: 10.17223/19986645/57/5

Evgeni N. Molodychenko, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: e.molodychenko@gmail.com

Keywords: genre, discourse analysis, context, textual meanings, lifestyle, consumerist discourse, consumer culture.

The aim of the article is to explore the linguistic features of the so-called lifestyle instruction (LI) vis-à-vis the sociocultural practice it is embedded in. To this end, a text from a popular men's online magazine was analyzed in terms of its lexicogrammatical properties. The text is an instance of fashion/style advice ubiquitous in lifestyle media, and discusses several rules that a man in his thirties is highly recommended to follow. The analysis draws on a theoretical framework, primarily associated with Fairclough's version of Discourse Analysis, where genre and discourse are seen as two complementary categories informing two sets of textual meanings – actional and representational respectively. It is contended that one distinctive

variation of the LI are texts that draw, as it were, on the instructive generic "form" and consumerist discourse "content". Methodologically, the study relies on the analysis of the text's schematic structure, its patterns of transitivity, as well as the analysis of presuppositions, and attitudinal and stance-taking locutions. Results of the analysis show that, as regards actional meanings, the most salient features of the text in question and similar texts found in lifestyle media are their well-defined generic structure and sentence speech function. The text starts with an introduction, which is then followed by several numbered paragraphs. Each paragraph instantiates an almost identical pattern of semantic relations and comprises a descriptive, motivational, and instructive phase. The most salient speech function used in the text is that of demand, which is realized either (congruently) by the imperative or (incongruently) by the declarative mood. Both these features and the tentative communicative purposes of the LI can be traced back to more traditional types of instructions. In terms of representational meanings, this and similar texts arguably draw on consumerist discourse. This is primarily manifested in ways the "appropriate" identity of a man in his thirties is constructed vis-à-vis consumer goods. Lexicogrammatically, the first participant of most processes is the addressee. This makes the addressee the main social subject of the practices referenced by the text, with consumer products being positioned as indispensable tools for the realization of these practices and enactment of the identity. Important resources in such positioning are attitudinal locutions, which are primarily used to evaluate consumer goods as "befitting" the referenced identity. The results contribute to the exploration of contemporary (Internet) genres in terms of linguistic features, the study of contextual embeddedness of genres, and the role of discourse in social practices at large. Specifically, the actional textual features can be seen as primarily reflecting the professional practice of lifestyle journalism with its distinctive set of communicative goals, while the representational features may be seen as manifestations of consumer culture and the role it plays in shaping people's identities in today's world.

References

- 1. Giltrow, J. (2010) Genre and Difference: The Sociality of Linguistic Variation. In: Dorgeloh, H. & Wanner, A. (eds) *Syntactic Variation and Genre*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton.
- 2. Hyland, K. (2002) Genre: Language, Context, and Literacy. *Annual Review of Applied Linguistics*. 22. pp. 113–135.
- 3. Swales, J.M. (1990) Genre Analysis: English in Academic and Research Settings. 3rd ed. Cambridge University Press.
- 4. Dement'ev, V.V. (2010) *Teoriya rechevykh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow: Znak.
- 5. Salimovskiy, V.A. (2002) Zhanry rechi v funktsional'no-stilisticheskom osveshchenii (russkiy nauchnyy akademicheskiy tekst) [Speech genres in functional and stylistic lighting (Russian scientific academic text)]. Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
- 6. Bell, D. & Hollows, J. (eds) (2006) *Historicizing Lifestyle: Mediating Taste, Consumption and Identity from the 1900s to 1970s.* London; New York: Routledge.
- 7. Bell, D. & Hollows, J. (eds) (2005) Ordinary Lifestyles: Popular Media, Consumption and Taste. Open University Press.
- 8. Benwell, B. (2005) "Lucky this is anonymous". Ethnographies of Reception in Men's Magazines: A "Textual Culture" Approach. *Discourse & Society.* 16(2). pp. 147–172. DOI: 10.1177/0957926505049616
- 9. Benwell, B. (2002) Is There Anything "New" about These Lads? The Textual and Visual Construction of Masculinity in Men's Magazines. In: Litosseliti, J. & Sunderland, L. (eds) *Gender Identity and Discourse Analysis*. Amsterdam, Netherlands: John Benjamins Publishing Company.
- 10. Benwell, B. (2003) Introduction: Masculinity and Men's Lifestyle Magazines. *The Sociological Review.* 51(S1), pp. 6–29. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2003.tb03600.x

- 11. Breazeale, K. (1994) In Spite of Women: "Esquire" Magazine and the Construction of the Male Consumer. *Signs*. 20(1). pp. 1–22.
- 12. Edwards, T. (2003) Sex, Booze and Fags: Masculinity, Style and Men's Magazines. *The Sociological Review.* 51(S1). pp. 132–146. DOI: 10.1111/j.1467-954X.2003.tb03607.x
- 13. Jackson, P., Brooks, K. & Stevenson, N. (1999) Making Sense of Men's Lifestyle Magazines. *Environment and Planning D: Society and Space*. 17(3). pp. 353–368. DOI: 10.1177/136754940000300301
- 14. Stevenson, N., Jackson, P. & Brooks, K. (2000) The Politics of 'New' Men's Lifestyle Magazines. *European Journal of Cultural Studies*. 3(3). pp. 366–385. DOI: 10.1177/136754940000300301
- 15. Machin, D. & Leeuwen, T. van. (2005) Language Style and Lifestyle: The Case of a Global Magazine. *Media, Culture & Society*. 27(4). pp. 577–600. DOI: 10.1177/0163443705054151
- 16. Bell, A. (2016) Succeeding Waves: Seeking Sociolinguistic Theory for the Twenty-First Century. In: Coupland, N. (ed.) *Sociolinguistics: Theoretical Debates*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 17. Poynton, C. (1993) Grammar, Language and the Social: Poststructuralism and Systemic-Functional Linguistics. *Social Semiotics*. 3(1). pp. 1–21.
- 18. Chernyavskaya, V.E. (2017) Operationalization of Context in Discourse Analysis. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 9(4). pp. 83–93. (In Russian). DOI: 10.17072/2037-6681-2017-4-83-93
- 19. Virtanen, T. (2010) Variation across Texts and Discourses: Theoretical and Methodological Perspectives on Text Type and Genre. In: Dorgeloh, H. & Wanner, A. (eds) *Syntactic Variation and Genre*. Berlin; New York: De Gruyter Mouton.
- 20. Paltridge, B. (1996) Genre, Text Type, and the Language Learning Classroom. *ELT Journal*. 50(3). pp. 237–243.
- 21. Miller, C.R. (1984) Genre as Social Action. *Quarterly Journal of Speech.* 70(2). pp. 151–167.
- 22. Bazerman, C. (2012) Genre as Social Action. In: Gee, J.P. & Handford, M. (eds) *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London; New York: Routledge.
- 23. Rose, D. (2012) Genre in the Sydney School. In: Gee, J.P. & Handford, M. (eds) *The Routledge Handbook of Discourse Analysis*. London; New York; Routledge.
- 24. Sedov, K.F. (1998) Anatomiya zhanrov bytovogo obshcheniya [Anatomy of genres of everyday communication]. *Voprosy stilistiki*. 27. pp. 9–20.
- 25. Widdowson, H.G. (2004) Text, Context, Pretext: Critical Issues in Discourse Analysis (Language in Society). Wiley-Blackwell.
- 26. Chernyavskaya, V.E. (2014) Discourse paradigm: phantom objects and syndromes. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki Issues of Cognitive Linguistics*. 1 (038). pp. 54–61. (In Russian).
- 27. Chernyavskaya, V.E. (2017) Towards methodological application of discourse analysis in corpus-driven linguistics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 50. pp. 135–148. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/9
- 28. Chouliaraki, L. & Fairclough, N. (1999) *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- 29. Fairclough, N. (2003) *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London; New York: Routledge.
- 30. Jørgensen, M.W. & Phillips, L.J. (2002) Discourse Analysis as Theory and Method. Sage Publications.
- 31. Orlova, O.V. (2013) The correlation problem of style and discourse concepts in linguistics in the beginning of the 21st century in the context of M. N. Kozhina's ideas. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 4 (24). pp. 19–25. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/24/2

- 32. Kozhina, M.N. (2004) Diskursnyy analiz i funktsional'naya stilistika s rechevedcheskikh pozitsiy [Discourse analysis and functional style from speech positions]. In: Chernyavskaya, V.E. (ed.) *Tekst Diskurs Stil'* [Text Discourse Style]. St. Petersburg: SPbGUEF.
- 33. De Cillia, R., Reisigl, M. & Wodak, R. (1999) The Discursive Construction of National Identities. *Discourse* & *Society*. 10:2. pp. 149–173. DOI: 10.1177/0957926599010002002
  - 34. Wodak, R. & Meyer, M. (eds) (2001) Methods of Critical Discourse Analysis. SAGE.
- 35. Blommaert, J. (2005) *Discourse: A Critical Introduction*. Cambridge: Cambridge University Press.
- 36. Bakhtin, M.M. (1986) *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary and critical articles]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 428–472.
- 37. Halliday, M.A.K. & Matthiessen, C.M.I.M. (2004) *An Introduction to Functional Grammar*: London: Hodder Education.
- 38. Leeuwen, T. van. (1993) Genre and Field in Critical Discourse Analysis: A Synopsis. *Discourse & Society*. 4(2). pp. 193–223. DOI: 10.1177/0957926593004002004
- 39. Martin, J.R. & Rose, D. (2007) Working with Discourse: Meaning Beyond the Clause. Bloomsbury.
- 40. Martin, J.R. & White, P.R.R. (2005) *The Language of Evaluation: Appraisal in English.* Houndsmills; New York: Palgrave Macmillan.
- 41. Schegloff, E.A. (1997) Whose Text? Whose Context? *Discourse & Society.* 8(2). pp. 165–187. DOI: 10.1177/0957926597008002002
- 42. Bhatia, V.K. (2015) Critical Genre Analysis: Theoretical Preliminaries. *HERMES Journal of Language and Communication in Business*. 27(54). pp. 9–20. DOI: 10.7146/hjlcb.v27i54.22944
  - 43. Fairclough, N. (1992) Discourse and Social Change. Cambridge: Polity.
- 44. Hanusch, F., Hanitzsch, T. & Lauerer, C. (2015) 'How Much Love are You Going to Give This Brand?' Lifestyle Journalists on Commercial Influences in Their Work. *Journalism*.18(2), pp. 141–158. DOI: 10.1177/1464884915608818
- 45. Chaney, D. (2002) From Ways of Life to Lifestyle: Rethinking Culture as Ideology and Sensibility. In: Lull, J. (ed.) *Culture in the Communication Age.* London: Routledge.
- 46. Baudrillard, J. (1998) *The Consumer Society: Myths and Structures*. SAGE Publications.
- 47. Warde, A. (1994) Consumption, Identity-Formation and Uncertainty. *Sociology*. 28(4). pp. 877–898. DOI: 10.1177/0038038594028004005
- 48. Featherstone, M. (1987) Lifestyle and Consumer Culture. *Theory, Culture & Society.* 4(1). pp. 55–70.
- 49. Giddens, A. (1991) *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age.* Stanford University Press.
- 50. Bell, D. & Hollows, J. (2005) Making Sense of Ordinary Lifestyles. In: Bell, D. & Hollows, J. (eds) *Ordinary Lifestyles: Popular Media, Consumption and Taste.* Open University Press.
- 51. Agha, A. (2011) Commodity Registers. *Journal of Linguistic Anthropology.* 21(1). pp. 22–53. DOI: 10.1111/j.1548-1395.2011.01081.x
- 52. Barber, B.R. (2007) Consumed: How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults, and Swallow Citizens Whole. New York; London: W. W. Norton & Co.
- 53. Binkley, S. (2008) Liquid Consumption. *Cultural Studies*. 22(5). pp. 599–623. DOI: 10.1080/09502380802245845
- 54. Papaoikonomou, E., Cascon-Pereira, R. & Ryan, G. (2016) Constructing and Communicating an Ethical Consumer Identity: A Social Identity Approach. *Journal of Consumer Culture*. 16(1). pp. 209–231. DOI: 10.1177/1469540514521080
- 55. Khorokhordina, O.V. (2013) Instruction as a type of text. *Mir russkogo slova World of Russian Word.* 4. pp. 7–14. (In Russian).

- 56. Mediakit.askmen.com. (n.d.) *Welcome to the Re-Imagined AskMen*. [Online] Available from: http://mediakit.askmen.com/. (Accessed: 25.04.2017).
- 57. Fowler, R. et al. (1979) Language and Control. London, Boston and Henley: Routledge & Kegan Paul.
- 58. Wodak, R. (2001) The Discourse-Historical Approach. In: Wodak, R. & Meyer, M. (eds) *Methods of Critical Discourse Analysis*. London: Sage Publications Ltd.
  - 59. Fairclough, N. (1989) Language and Power. London; New York: Longman.
- 60. Simon-Vandenbergen, A., White, P.R.R. & Aijmer, K. (2007) Presupposition and "Taking-for-Granted" in Mass Communicated Political Argument: An Illustration from British, Flemish and Swedish Political Colloquy. In: Fetzer, A. & Lauerbach, G.E. (eds) *Political Discourse in the Media: Cross-Cultural Perspectives*. John Benjamins Publishing Company.
- 61. Fox, A. (n.d.) *10 Things You Can't Wear In Your 30s.* [Online] Available from: http://www.askmen.com/fashion/galleries/10-things-you-can-t-wear-in-your-30s.html. (Accessed: 24.01.2018).
- 62. Bhatia, V.K. (2005) Generic Patterns in Promotional Discourse. In: Halmari, H. & Virtanen, T. (eds) *Persuasion Across Genres: A Linguistic Approach*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
- 63. Kara-Murza, E.S. (2017) Gipoteza "prodvigayushchikh" kommunikatsiy v rossiyskom mediaprostranstve [The hypothesis of "promoting" communications in the Russian media space]. *Medialingvistika Medialinguistics*. 6. pp. 296–298. (In Russian).
- 64. Molodychenko, E.N. (2016) Values and evaluation in discourse of consumerism: a pragmalinguistic analysis. *Vestnik Severnogo Arkticheskogo federal 'nogo universiteta Vestnik of Northern (Arctic) Federal University.* 3. pp. 122–130. (In Russian). DOI: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.122
  - 65. Featherstone, M. (1990) Perspectives on Consumer Culture. Sociology. 24(1). pp. 5–22.
- 66. Adams, M. (2003) The Feflexive Self and Culture: A Critique. *The British Journal of Sociology*. 54(2). pp. 221–238.
- 67. Tsokalo, Yu.V. (2012) Directives in English and German user manuals for household appliances. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya "Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 1. pp. 165–169. (In Russian).
- 68. Becker, J. (2011) *A Practical Guide to Owning Fewer Clothes*. [Online] Available from: http://www.becomingminimalist.com/a-practical-guide-to-owning-fewer-clothes/. (Accessed: 24.01.2018).
- 69. Cooper, C. (2017) *The Best Hoodies For Men.* [Online] Available from: https://uk.askmen.com/style/fashion_advice/stylish-men-s-hoodies.html. (Accessed: 24.01.2018).

УДК 81'23

DOI: 10.17223/19986645/57/6

Е.Д. Некрасова, З.И. Резанова, В.Е. Палий

ВЛИЯНИЕ РОДНОГО ЯЗЫКА (L1) НА КОГНИТИВНУЮ ОБРАБОТКУ ГРАММАТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ РОДА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ РУССКОГО ЯЗЫКА (L2) РУССКО-ТЮРКСКИМИ БИЛИНГВАМИ¹

Представлены результаты исследования влияния грамматической структуры родного языка с отсутствующей грамматической категорией рода (татарский язык) на обработку существительных второго языка (русского), противопоставленных по роду, русско-тюркскими билингвами. Проблема решалась с использованием психолингвистических экспериментов, в которых в качестве стимулов привлекались существительные русского языка, противопоставленные по частным грамматическим значениям категории рода, наличию или отсутствию формальной маркированности членов грамматической оппозиции, по связям с семантическими сферами, противопоставленными по гендерному принципу.

Ключевые слова: грамматический род, русский язык, билингвизм, русскотюркский билингвизм, психолингвистический эксперимент, маркированность членов грамматических оппозиций, прайминг, время реакции.

Ввеление

Проблема обработки грамматического рода находится в сфере пристального внимания современной когнитивной науки. Обращение к исследованию особенностей восприятия грамматического маркирования гендерных противопоставлений в языках обусловлено, с одной стороны, связью данной проблемы с глобальными лингвистическими концепциями, например гипотезой лингвистической относительности (исследуется влияние грамматической категоризации по роду на гендерные интерпретации объектов именования [1–4]), с другой стороны, выявляются и исследуются собственно структурно-языковые, а также контекстные, шире – социокультурные факторы, влияющие на восприятие лексем, противопоставленных в аспекте грамматического рода.

Социальный аспект варьирования в восприятии и обработке слов разного грамматического рода активно изучается в современной когнитивной и психолингвистике, проводятся исследования на материале болгарского, итальянского, русского, немецкого и других языков [1, 5, 6]. В качестве ведущего фактора, влияющего на обработку противопоставленных по грамматическому роду единиц, рассматривается гендерная оппозиция как

 $^{^1}$ Исследование выполнено в рамках государственного задания Минобрнауки России (проект № 34.8857.2017/9.10).

социокультурный феномен. Исследуется характер влияния существующих в обществе гендерных стереотипных представлений о типично мужских и женских ролях на восприятие противопоставленных по грамматическому роду слов, различия в восприятии одних и тех же слов мужчинами и женщинами, влияние контекстной семантики (информация о мужчинах vs. женщинах), а также связь данных факторов (ассоциативная связь референта имени с мужчинами или женщинами и восприятие данной единицы мужчинами и женщинами). Результаты многих исследований продемонстрировали влияние грамматического рода на концептуализацию объектов носителями языка и обратное влияние конситуативной актуализации пола / гендера носителя языка и содержания речи на восприятие и слов, противопоставленных по роду ([7–9] и др.).

Аспект формально-морфологических детерминаций может проявляться в различиях в обработке маркированного и немаркированного члена грамматической оппозиции категории¹. В нашем предшествующем исследовании в серии психолингвистических поведенческих экспериментов было выявлено различие в когнитивной обработке маркированных и немаркированных членов оппозиций грамматической категории рода носителями русского и болгарского языков: немаркированные элементы оппозиции обрабатываются значительно быстрее, нежели маркированные [10].

Влияние типов формально-семантического структурирования и формального обозначения данной грамматической категории исследуется на материале разных языков. Экспериментально доказано, что восприятие слов в различных языках зависит от количества членов парадигмы грамматического рода. Так, например, в языках с трехместной парадигмой грамматического рода устанавливается более тесная ассоциация между существительными женского и мужского рода и референтами соответствующего пола [6].

Влияние формально-смысловых способов выражения грамматической категории рода на когнитивные процессы выявляется также в экспериментальных компаративных исследованиях, в исследованиях речевой деятельности билингвов, репрезентирующей столкновение различных систем грамматического рода в родном (L1) и втором (L2) языках [11–20].

Метод и материал

В данной работе мы проверяем гипотезу о влиянии системы первого языка, в которой нет грамматической категории рода, на обработку слов русского языка с грамматической категорией рода.

¹ В языковой системе маркированным является тот элемент грамматической категории, который: 1) получает более явное выражение, проявляющееся в усложнении формы, немаркированный элемент может не иметь формальных показателей; 2) немаркированное значение является наиболее естественным и ожидаемым для участников коммуникации, маркированные элементы менее ожидаемы, поэтому для их распознавания и интерпретации необходимы специальные формальные показатели.

Данная гипотеза проверялась экспериментально, эксперименты проводились со сбором данных времени реакции с двумя группами испытуемых: в первой группе, которую мы рассматриваем в качестве контрольной, были представлены носители русского языка, у которых русский язык является материнским, вторую группу составили русскоговорящие респонденты, у которых русский язык является вторым, а первым, материнским – тюркский язык.

Как известно, грамматическая категория рода существительных в русском языке классифицирующая, она представляет собой согласовательный класс, обладающий такими чертами грамматической категории, как обязательность, формальная выраженность и оппозитивность частных значений. В системе русского грамматического рода противопоставляются слова женского, мужского и среднего, при этом деление всех существительных в соответствии с родовой принадлежностью не имеет последовательного содержательного объяснения [21].

Наиболее сильная семантическая связь формальной выраженности и семантических оснований прослеживается в одушевленных существительных, в частности в наименованиях лиц, а также, в определенной степени, в словах-наименованиях животных, несмотря на то, что в указанных словах связь между лексическим значением и грамматическим родом не отличается той последовательностью, которая свойственна названиям лиц.

Род существительного имеет «реальную» семантику в тех случаях, когда им маркируются названия лиц или животных: названия лиц и животных мужского пола являются существительными мужского рода, названия особей женского пола - существительными женского рода. Отнесенность неодушевленных существительных к мужскому, женскому или среднему роду семантически необъяснима и условна [Там же].

При этом следует отметить и существенные различия в языковом и когнитивном статусе частных грамматических значений мужского и женского рода: отмечается когнитивная и формально-семантическая маркированность женского рода и немаркированность мужского рода, так как женский род обозначает принадлежность человека или животного к женскому полу, а существительные мужского рода совмещают обозначение принадлежности объекта к определенному виду безотносительно к полу и принадлежность к мужскому полу.

В данном исследовании мы обратились к материалу русско-тюркского языкового взаимодействия, так как в тюркских языках категория рода отсутствует, а в русском языке имеет трехчленную структуру с последовательным морфологическим выражением. Эта работа представляет один из этапов исследования языковых, психолингвистических и когнитивных аспектов русско-тюркского билингвизма в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур», программа которого представлена в [22].

Анализ речевых практик русско-тюркских билингвов (русско-татарский, русско-шорский, русско-хакасский билингвизм) выявил яркие свидетельства влияния данного аспекта различий грамматических структур на проявления интерференции. В устной русской речи русско-тюркских билингвов обнаруживается непоследовательная грамматическая родовая категоризация имен существительных русского языка. Приведем типичные примеры: ...я сделала тут такой яма [ТІ] [такую]... поетому всяких туда стелю; А вот сейчас-то я не куда не годный-то[ТІ] [не годная]. хто зайдет, ладно; Мне так нехорошо сделался [[ТІ] [сделалось], я опять ночи не сплю; от только названия живая, какой боль терплю; Там уж, почти вся рУдник там; В одном чашке мясо, в другом бильончик, а в третьем – лепешка; Да, на сало, с одной салой делала. Туда лук не крошила. С одной салой и пшенииа сами сеяли, муку делали У билингвов разного возраста, разного уровня образования данный тип интерференции проявляется с различной степенью интенсивности, но он оценивается нами как проявляющийся наиболее последовательно по сравнению с другими типами интерференции в русско-тюркском языковом взаимодействии.

Данные наблюдения послужили основанием для привлечения в качестве респондентов носителей русско-тюркского билингвизма, у которых русский язык является вторым, но активным, т.е. в настоящее время несбалансированность владения первым и вторым языками смещена в сторону русского языка, который используется в более широком спектре социальных функций и в среде которого билингвы находятся большее количество времени, чем под влиянием первого, материнского, языка.

Гипотезу о влиянии системы материнского тюркского языка, в которой нет грамматической категории рода, на обработку слов русского языка с грамматической категорией рода, мы конкретизировали следующим образом: влияние первого языка (L1) проявится в смещении уровня воздействия языковых, социальных и контекстуальных факторов на обработку билингвами противопоставленных по частным значениям грамматического рода существительных русского языка (L2) в сравнении с действием данных факторов на процессы когнитивной обработки носителями русского языка как родного.

Эксперименты

Для проверки гипотезы были проведены два эксперимента, которые имели тождественный дизайн, но противопоставлялись группами привлеченных респондентов: носители русского языка, у которых русский является материнским, vs русско-тюркские билингвы², у которых материнский язык – один из тюркских языков – татарский или хакасский.

¹ Приводятся фрагменты текстов из базы данных «Корпус устной речи русскошорских билингвов» лаборатории лингвистической антропологии ТГУ.

² Эксперимент с привлечением русско-тюркских билингвов носит пилотный характер.

Лизайн экспериментов был смоделирован с целью выявления действия разноплановых факторов, влияющих на когнитивную обработку грамматического рода русского языка, с учетом данных, полученных на материале других языков. Мы предполагали, что, несмотря на непоследовательность мотивированности категориальной оппозиции мужского, женского и среднего рода в русском языке половыми различиями референтов имени. на скорость обработки грамматически противопоставленных лексем может повлиять: а) тип частного грамматического значения категории; б) противопоставление маркированности / немаркированности оппозиции частных грамматических значений, выводимое из первого фактора; в) тип соотнесенности стимулов с маскулинными или фемининными семантическими сферами; г) наличие прайма, актуализирующего половые оппозиции.

В дизайне экспериментов (3*2*2) на основе сформированной гипотезы в качестве категориальных переменных были выбраны следующие:

- 1. Фактор частного грамматического значения рода слова с тремя уровнями: мужской, женский, средний. На основании данного фактора анализировалось и явление маркированности морфологической категории (маркированная, немаркированная).
  - 2. Фактор семантической сферы с двумя уровнями: мужская, женская.
  - 3. Фактор прайма-изображения с двумя уровнями: мужское, женское.
- В качестве зависимой переменной использовались данные времени реакшии¹.

Мы полагаем, что выделенные факторы могут быть объединены в две группы: формально-морфологические, с одной стороны, и семантикофункциональные и социокультурные – с другой.

Такое объединение мотивировано природой категории рода в морфологической системе русского языка: как отмечалось, частные категориальные значения рода имеют мотивированность референцией к живым объектам, противопоставленным по полу, и отсутствием референции к какому-либо полу в группах имен неживых предметов. Однако наблюдения, сделанные на материале многих языков, в том числе русского [23], показывают, что даже при отсутствии отнесенности к референтам, противопоставленным по полу, категориальное значение грамматического рода может быть связано с соответствующими ассоциациями. Наличие таких ассоциаций может быть активизировано за счет отбора стимулов, связанных с гендерными социокультурными стереотипами, и введением прайма, актуализирующего гендерные оппозиции.

Для изучения влияния семантико-функциональных и социокультурных факторов на процесс категоризации слов мужского, женского и среднего грамматического рода в процедуру эксперимента были введены два

¹ Время реакции (reaction time) представляет собой универсальную экспериментальную переменную, варьирование которой может свидетельствовать об усложнении / сокращении когнитивных процессов при обработке стимулов во время экспериментальной сессии.

дополнительных категориальных предиктора: обращение к семантической сфере использования денотатов предлагаемых слов-стимулов и указание на референта при помощи введения когнитивного, надпорогового, образного праймирования.

Сфера использования. Согласно предварительной гипотезе соотнесенность со сферой функционирования референта может стать одним из семантических факторов, оказывающих влияние на процесс обработки грамматической категории рода.

Для проверки этой гипотезы мы отобрали по 90 слов мужского, женского и среднего грамматического рода. При этом на начальном этапе формирования выборки стимулов в ее состав включались единицы как с типовыми формальными показателями частных грамматических различий (мужской род — нулевое окончание; женский род — окончания -а, -я, -ия, средний род — окончания -о, -е), так и слова с мягкой основой и нулевой флексией, не дифференцированные формально по частному значению грамматического рода.

Респондентам было предложено определить, соотносятся ли слова из экспериментального задания с мужской или женской профессиональной сферой и в какой степени. Испытуемым предлагалась шкала, в которой левое поле (значение 1) соответствовало сфере деятельности женщины, правое поле (значение 7) – сфере деятельности мужчины (рис. 1).

Инструкция звучала следующим образом:

Пожалуйста, внимательно прочтите инструкцию.

Вам будет представлен словник из 90 слов.

Пожалуйста, определите, к сфере деятельности мужчины или женшины в большей степени относятся указанные слова.

- 1 к женской сфере
- 2 скорее к женской, чем к общей
- 3 скорее к общей, чем к женской
- 4 к обшей
- 5 скорее к общей, чем к мужской
- 6 скорее к мужской, чем к общей
- 7 -- к мужской

Работайте по возможности быстро, не задумываясь подолгу над каждым словом. В то же время старайтесь быть объективными и сосредоточенными. Если у вас возникает такая необходимость, вы можете вернуться к инструкции и прочитать ее еще раз, а после продолжить оценивать существительные. Пожалуйста, не делайте перерывов во время работы над данной анкетой, оцените все слова за 1 сеанс.

Вся работа займет не более 5–7 минут.

Удачи!

Рис. 1. Пример экспериментальной пробы

Анкетирование проводилось посредством Google-форм. Всего в анкетировании принял участие 41 человек.

В результаты было отобрано 71 и 78 слов женской и мужской сфер использования с максимально выраженными показателями на основе анализа ответов респондентов (t-тест p < .001). В категорию слов фемининной сферы были отобраны слова с показателями среднего значения от 1,1 до 3,4. В категорию маскулинной сферы - с показателями среднего значения от 4,6 до 6,8 (табл. 1).

Таблица 1 Соотношение способов формального маркирования частных значений и отнесенности существительных к фемининной и маскулинной сферам¹

Тип формального выражения частных значений рода		Фемининная сфера	Маскулинная сфера
Слова с типовы- ми формальными показателями частных значений	Окончания женского рода	Сестра* Кошка* Старуха* Земля Книга Цена	Стена Работа Дорога
	Окончания мужского рода	Журнал Волос Сад	Брат* Мальчик* Сын* Солдат Друг Счет
	Окончания среднего рода	Платье Золото Море	Поле Мясо Дело
Отсутствие формальных маркеров родовых противопоставлений		Модель Жизнь Мышь	Кровь Путь Свидетель

Процентное соотношение слов с флексиями мужского, женского и среднего рода и отсутствием формальной выраженности представлено в табл. 2 и на рис. 2.

¹ Символом «*» отмечены одушевленные существительные, имеющие мотивированность категории рода соотнесенностью с полом человека или животного.

Таблина 2

	Грамматический род				
Семантическая	Формальные показатели родо-		родо-	Отсутствие формальных показателей	
сфера	вых противопоставлений, %		ий, %	родовых противопоставлений, %	
	ж.р.	м.р.	c.p.	м., ж.	
Женская	65	8	27	11	
Мужская	13	64	23	14	

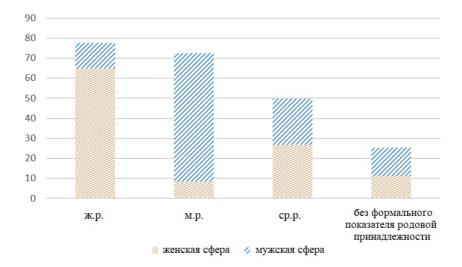

Рис. 2. Соотношение семантических сфер и формальных показателей частных родовых значений

Из табл. 2 соотношений и гистограммы хорошо видно, что в словах фемининной сферы преобладают слова грамматического женского рода, имеющие специальный формальный показатель, а в словах маскулинной сферы преобладают слова грамматического мужского рода с нулевым окончанием.

По результатам претеста было отобрано 60 слов (поровну для фемининной и маскулинной сфер) таким образом, чтобы в каждой сфере в равном количестве были представлены слова всех трех грамматических родов.

Таким образом, слова с отсутствием формального выражения частных значений рода (четвертая группа) не вошли в состав стимулов основного эксперимента.

Прайминг, или «эффект предшествования». В практике поведенческих экспериментов прайминг определяется как «воздействие, влекущее за собою более точное или быстрое решение задачи в отношении этого же или сходного воздействия, либо методический прием, в котором подобное воздействие является ключевым фактором» [24].

Применение метода праймирования становится особенно актуальным при изучении билингвизма (см, например, [25-27] и др.), а также восприятия категории рода [28, 29], поскольку позволяет устанавливать закономерности взаимодействия двух языковых систем в сознании билингва.

При изучении эффектов прайминга с привлечением респондентовбилингвов была показана, в частности, сила ассоциативного праймирования: эффект возникает не только в случае, когда в качестве прайма выступает непосредственный перевод целевого слова, но также при предъявлении семантически близкого слова второго языка [30]

В наших экспериментах мы используем невербальный прайминг в виде демонстрации двух усредненных изображений мужского и женского лица (рис. 3).

Рис. 3. Изображения, используемые в экспериментах в качестве прайма

Если фактор сферы использования – это установление дополнительной связи с референтом через актуализацию социокультурных стереотипических семантических смыслов, то праймирование актуализирует эту связь непосредственной отсылкой к визуальным образам женщины и мужчины.

Материал

Как уже отмечалось, в качестве целевых стимулов были отобраны 120 существительных (по 60 фемининной и маскулинной сферы соответственно), которые на основе противопоставления флексий однозначно относились к одному из трех родов (например, мужской род: лифт, стул; женский род: машин-а, стен-а, ложк-а; средний род: пол-е, плать-е, ожерель-е).

В качестве ведущей экспериментальной задачи была выбрана задача на лексическую категоризацию (lexical decision task). Согласно инструкции испытуемым предлагалось определить, является ли предъявленный на экране стимул словом (имеет ли значение в русском языке) или не является таковым. Вследствие этого для всего пула стимулов также было подобрано аналогичное количество не-слов (например, вкин-а, бепог-а – для форм

грамматического женского рода, *ваг-, ребег-* – для форм грамматического мужского рода, *ниц-о, лепч-о* – для слов грамматического среднего рода).

Для того чтобы избежать влияния других психолингвистически значимых факторов на скорость обработки, все стимулы контролировались по длине (послоговой и побуквенной), а также по фактору объективной частотности употребления (t-тест: для обоих факторов двусторонняя значимость составила p > .001).

Участники

В первом эксперименте приняли участие 44 человека (21 мужчина). Средний возраст участников эксперимента составил 21 год (SD = 2,7). Перед прохождением эксперимента каждый участник заполнял форму информированного согласия и анкету с вопросами о своем языковом опыте, в частности о том, является ли русский язык родным, какими языками владеет информант и на каком уровне.

Во втором эксперименте в качестве испытуемых были привлечены русско-тюркские билингвы (носители русского языка, у которых первым материнским был один из тюркских языков — татарский или хакасский). В эксперименте приняли участие 11 человек (6 мужчин). Средний возраст участников эксперимента составил 29 лет (SD = 13,4).

Все респонденты обладали нормальным или скорректированным до нормального зрением, имели русский язык в качестве родного и не владели тюркскими языками ни на каком уровне.

Процедура

В соответствии с разработанными правилами организации поведенческих экспериментов процедура проведения была следующей. Перед началом экспериментальной сессии в соответствии с требованиями этической комиссии Международного центра исследований развития человека Томского государственного университета, испытуемые заполняли лист информированного согласия на участие в эксперименте. Далее респондентам предлагалось указать свои метаданные (имя, возраст и пол, родной язык) и познакомиться с инструкцией, содержащей информацию о процедуре эксперимента. Процедура включала тренировочную и экспериментальную сессии. Так как в качестве основной экспериментальной задачи избрано стандартизированное задание лексической категоризации (lexical decision task), на экране респондентам предъявлялись слова, каждое из которых испытуемый долженбыл оценить как обладающее или не обладающее смыслом в русском языке. Схема процедуры эксперимента представлена на рис. 4.

Испытуемому необходимо было нажать на клавишу «1», если он видел перед собой слово, имеющее смысл в русском языке, или клавишу «3», если перед ним появлялось слово, не имеющее смысла в русском языке. Между нажатиями клавиш указательный палец необходимо было возвращать на клавишу парковки (клавиша 2).

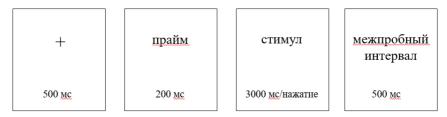

Рис. 4. Схема процедуры эксперимента

Всех респондентов просили работать правой рукой на num-клавиатуре одним пальцем. Для удобства на клавиатуру были наклеены стикеры с надписью «ДА», «Х» и «НЕТ».

Результаты

При обработке и интерпретации результатов действие выделенных факторов мы рассматриваем в двух группах – семантико-функциональные и социокультурные, с одной стороны, и формально-морфологические – с другой.

Носители русского языка как родного. Всего было собрано 2 356 наблюдений. Перед началом анализа из выборки удалялись ошибочные и случайные нажатия. При анализе данные отсекались не более чем на 2 стандартных отклонения от значения среднего (не более 3,5% результатов). Распределение фактора времени реакции не отличается от нормального (критерий Колмогорова – Смирнова, р > .05).

Для анализа данные усреднялись по фактору респондента (subjects) во всех случаях.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями выявил следующие результаты.

1. При анализе влияния маркированности грамматической оппозиции мужского, женского и среднего рода выявлен единый паттерн в обработке маркированных и немаркированных членов грамматической оппозиции: немаркированные члены обрабатываются быстрее, нежели маркированные. Анализ соотношения распознавания двух вариантов маркированных членов оппозиции показал, что (1) на обработку слов женского рода затрачивается большее количество времени в сравнении со словами мужского рода; (2) на обработку слов среднего рода затрачивается большее количество времени в сравнении со словами мужского рода (рис. 5).

Fs
$$(2, 86) = 10.5, p < .000^{-1}$$

Все статистические показатели представлены для данных, усредненных по фактору респондентов (литера s). Для расчетов приводятся показатели силы эффекта (значение F) и оценки значимости различий между группами (значение р). На всех рисунках пороговые значения р соответствуют следующим изображениям: * - р < .05, ** p < .01, *** - p < .001.

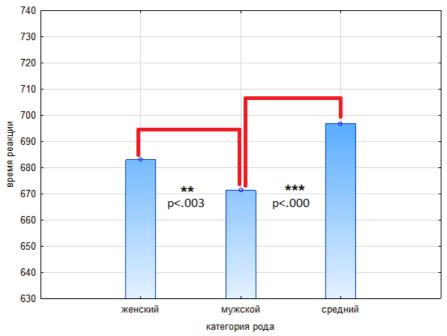

Рис. 5. Время реакции на стимулы, различающиеся по маркированности частных родовых значений в группе носителей русского языка как родного

- 2. Анализ полученных результатов в аспекте действия семантикофункциональных и социальных факторов показал, что есть различия в обработке слов, относящихся к разным сферам, противопоставленных по гендерному признаку. Носители русского языка как родного быстрее обрабатывают слова, относящиеся к женской сфере использования (Fs (1, 43) = 49.6, $p = .000^1$).
- 3. Воздействие двух типов семантических факторов (гендерно маркированные сферы использования и праймирование изображением мужчин и женщин) на обработку категории грамматического рода проявилось следующим образом.
- 3.1. Влияние фактора семантической соотнесенности на скорость обработки единиц у носителей русского языка как родного проявляется только по отношению к словам, относящимся к среднему роду: слова среднего рода, относящиеся к женской сфере, категоризуются быстрее (платье), нежели слова среднего рода мужской сферы использования (оружие) (р <.000).
- 3.2. Влияние семантического праймирования изображением на категоризацию также прослеживается только при обработке слов, относящихся к среднему роду. При этом появление прайма изображения мужчины со-

 $^{^{1}}$ Здесь и далее для всех p приводится значение на основании апостериорного анализа с учетом поправки Бонферрони (Bonferroni Post-Hoc), если не указано другое.

кращает время обработки слов, относящихся к среднему грамматическому роду (p < .005).

Трехфакторной интеракции получено не было (значение р > .37 в дисперсионном анализе с повторяющимися изменениями).

Таким образом, мы можем сделать вывод, что актуализация семантической связи с референтом двух различных типов в экспериментах с респондентами – носителями русского языка, обладающими усвоенной категорией грамматического рода, не влечет за собой различий в скорости категоризации слов мужского и женского рода.

Русско-тюркские билингвы. Всего было собрано 616 наблюдений. Перед началом анализа из выборки удалялись ошибки и случайные нажатия; данные обрезались не более чем на 2 стандартных отклонения от значения среднего (не более 2,7% результатов). Два респондента были удалены из общего анализа из-за высокого процента совершения ошибок (более 50%).

Для анализа данные усреднялись по фактору респондента (subjects) во всех случаях.

Дисперсионный анализ с повторными измерениями выявил следующие результаты.

1. Анализ влияния маркированности грамматической оппозиции мужского, женского и среднего рода показал, что фактор маркированности не влияет на когнитивную обработку грамматического рода билингвами: не обнаружена статистически значимая разница при обработке слов мужского, женского и среднего рода русско-тюркскими билингвами (рис. 6).

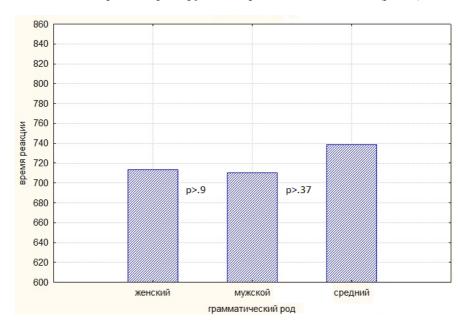

Рис. 6. Время реакции на стимулы, различающиеся по маркированности частных родовых значений в группе русско-тюркских билингвов

- 2. При этом анализ полученных результатов в аспекте действия семантико-функциональных и социокультурных факторов показал, что есть различия в обработке слов, относящихся к разным сферам, противопоставленных по гендерному признаку. Билингвы, как и носители русского языка как родного, быстрее обрабатывают слова, относящиеся к женской сфере использования (p < .03).
- 3. Как и в эксперименте с носителями русского языка как родного, особый интерес представляет влияние вводимых семантико-функциональных и социальных факторов (сфера использования и прайминг изображением) на обработку слов, противопоставленных по категориальным значениям грамматического рода.
- 3.1. Во-первых, в отличие от носителей русского языка как родного у русско-тюркских билингвов ингибирующее влияние фактора семантической соотнесенности на категоризацию проявляется при обработке слов мужского рода. Слово грамматического мужского рода, отнесенное к женской сфере, категоризуется билингвами быстрее, нежели аналогичное, но относящееся к мужской сфере (LSD test p < .03).

Во-вторых, при обработке слов среднего рода сохраняется аналогичный паттерн, как в случае с носителями русского языка как родного (LSD test p < .02) (рис. 7).

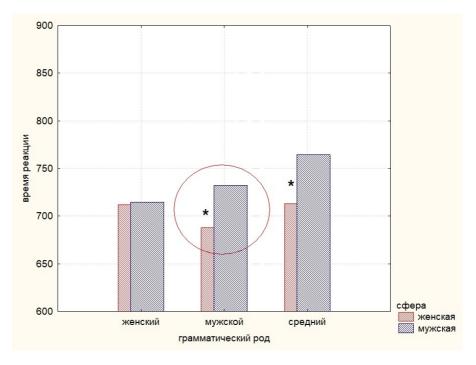

Рис. 7. Время реакции на стимулы, различающиеся по соотнесенности частных родовых значений с семантическими сферами, в группе русско-тюркских билингвов

- 3.2. Главного эффекта праймирования изображением на категоризацию единиц, противопоставленных по частным значениям грамматического рода, у русско-тюркских билингвов обнаружено не было.
- 4. Дисперсионный анализ с повторными измерениями также показал наличие трехфакторной интеракции (Fs = 5, p = .02) (рис. 8).

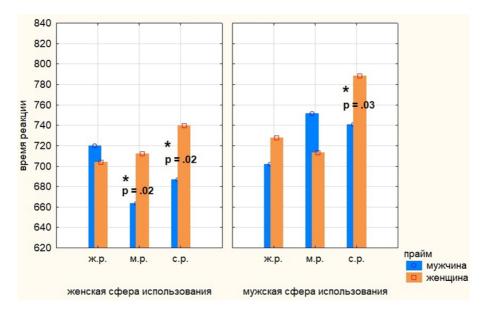

Рис. 8. Соотношение влияния формально-грамматических семантико-функциональных (социальных) факторов при обработке стимулов, различающихся частными родовыми значениями, в группе русско-тюркских билингвов

При категоризации слов мужского грамматического рода женской сферы использования (например, журнал, волос) для респондентов оказывается значимым наличие праймирования: женское изображение замедляет категоризацию, мужское изображение – ускоряет.

Обсуждение

Основные сходства и различия в обработке категории грамматического рода носителями русского языка как родного и русско-тюркскими билингвами с родным тюркским языком можно сформулировать следующим образом.

- 1. При выполнении типового задания лексической категоризации носители русского языка как родного оказываются значимо быстрее, нежели русско-тюркские билингвы.
- 2. При восприятии категории рода для носителей русского языка как родного оказывается значимым фактор маркированности: слова грамматического мужского рода обрабатываются быстрее, нежели слова женского или среднего рода. Для билингвов фактор маркированности не имеет значения.

- 3. Анализ полученных результатов в аспекте действия семантикофункциональных и социокультурных факторов показал, что есть различия в обработке слов, относящихся к разным сферам, противопоставленных по гендерному признаку: респонденты обеих групп быстрее обрабатывают слова, относящиеся к женской сфере использования.
- 4. Не выявлено влияния фактора сферы использования или праймирования на категоризацию анализируемых классов единиц носителями русского языка как родного. Однако выявлено ингибирующее влияние фактора сферы использования при категоризации слов мужского грамматического рода русско-тюркскими билингвами.
- 5. Анализ показывает различия в паттерне влияния праймирования на обработку грамматического рода. Для носителей русского языка как родного изображение женского лица ускоряет обработку слов мужского и женского рода, для русско-тюркских билингвов замедляет.
- 6. В группе носителей русского языка как родного не выявлено интеракции между семантико-функциональными и социокультурными, с одной стороны, и формально-морфологическими факторами с другой. При анализе данных, полученных в эксперименте с русско-тюркскими билингвами, такая интеракция обнаружена.

Соотношение данных эффектов представлено в табл. 3.

Таблица 3 Соотношение основных эффектов в группах носителей русского языка как родного и русско-тюркских билингвов

Главные эффекты	Носители русского языка как родного	Русско-тюркские билингвы, родной язык – тюркский
Формально- грамматический фактор — маркированность частных значений грамматического рода	Эффект при обработке слов с немаркированным м.р. и маркироваными ж.р. и ср.р. М.р. – ж.р.: p = 0.003. М.р. – ср.р.: p = 0.000	Эффект при обработке слов с немаркированным м.р. и маркироваными ж.р. и ср.р. отсутствует М.р – ж.р.: p = 0.9. М.р. – ср.р.: p = 0.37
Семантико-функциональный (социальный) фактор: праймирование изображением мужчин и женщин	Эффект при обработке слов среднего рода: p = 0.005	Эффект при обработке слов ср. р.: p = 0.005
Семантико-функциональный (социальный) фактор: соотношение с мужской и женской сферами	Эффект при обработке слов среднего рода: p = 0.000	Эффект при обработке слов cp. p.: p = 0.005, м. p.: LSD test, p = 0.03
Трехфакторное взаимодействие	Отсутствие эффекта (р > .37)	Эффект при обработке слов м.р. фемининной сферы: $p=0.2$ Эффект при обработке слов с.р. фемининной сферы $p=0.2$ Эффект при обработке слов с.р. маскулинной сферы $p=0.3$

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что сложная формальносемантическая организация категории рода в русском языке проявляется в действии как формально-грамматических, так и семантико-функциональных факторов, влияющих на обработку респондентами грамматически маркированных слов.

Сформулированная гипотеза о влиянии родного тюркского языка с отсутствующей категорией грамматического рода на когнитивную обработку слов русского языка, противопоставленных по грамматическому роду, даже у тех билингвов, у которых русский язык является активным и функционально доминирующим в настоящее время, подтвердилась.

Тип влияния факторов, действующих в группе носителей русского языка как родного и в группе носителей русского языка, в котором он является вторым, различен. Результаты проведенных экспериментов свидетельствуют о когнитивной обработке категории рода русско-тюркскими билингвами как семантической категории, о чем свидетельствует отсутствие влияния противопоставленности стимулов по признаку формальнограмматической маркированности, в то время как скорость усвоения немаркированных членов оппозиции носителями русского языка как родного выше в сравнении с маркированными.

Вместе с тем результаты экспериментального исследования выявили особый когнитивный статус слов среднего рода, обработка которых в наибольшей степени своеобразна в рассматриваемой триаде частных грамматических значений в русском языке, что, возможно, связано идеей противопоставления живого и неживого. Особый статус данного категориального значения подтверждается и тем фактом, что обработка слов среднего рода сохраняет единый паттерн как у носителей русского языка как родного, так и у русско-тюркских билингвов.

Литература

- 1. Boroditsky L., Schmidt L.A., Phillips W. Sex, syntax, and semantics // Language in mind: Advances in the study of language and thought. 2003. P. 61–79.
- 2. Flaherty M. The influence of a language gender system on perception // Tohoku psychologica folia. 2000. Vol. 58. P. 1-10.
- 3. Kurinski E., Jambor E., Sera M.D. Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers // International Journal of Bilingualism. 2016. Vol. 20, № 1. P. 76-93.
- 4. Landor R. Grammatical Categories and Cognition across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects: Thesis (PhD Doctorate). Griffith University. Brisbane, 2014. 310 p.
- 5. Misersky J. The Effects of Grammatical Gender on Reference Processing in German // ERP Study Nijmegen CNS. Vol. 12, iss. 1. P. 74–82.
- 6. Andonova E, d'Amico S., Devescovi A., Bates E. Gender and lexical access in Bulgarian // Perception & Psychophysics. 2004. № 66 (3). P. 496–507.
- 7. Guiora A.Z., Sagi A. A cross-cultural study of symbolic meaning-developmental aspects // Language Learning. 1978. Vol. 28, № 2. P. 381–386.

- 8. Clarke M.A. et al. Gender perception in Arabic and English // Language Learning. 1981. Vol. 31, № 1. P. 159–169.
- 9. Janyan A., Vergilova Y. Biological sex context influences grammatical gender categorization of objects // European Perspectives on Cognitive Science. URL: https://www.researchgate.net/publication/266465894_Biological_Sex_Context_Influences_Grammatical Gender Categorization of Objects (дата обращения: 14.11.2018).
- 10. *Резанова З.И., Некрасова Е.Д.* Когнитивная обработка маркированных и немаркированных членов грамматических оппозиций в русском и болгарском языках // Русин. 2017. № 2. С. 126–139. DOI: 10.17223/18572685/48/9.
- 11. Badecker W. et al. The two-stage model of lexical retrieval: evidence from a case of anomia with selective preservation of grammatical gender // Cognition. 1995. Vol. 57. P. 193–216.
- 12. Barber H., Carreiras M. Grammatical Gender and Number Agreement in Spanish: An ERP Comparison // Journal of Cognitive Neuroscience. 2005. Vol. 17:1. P. 137–153.
- 13. *Basetti P.E.* Bilingualism and thought: Grammatical gender and concepts of objects in Italian-German bilingual children // International Journal of Bilingualism. 2007. Vol. 11, № 3. P. 251–273. DOI: 10.1177/13670069070110030101.
- 14. *Dussias P.E.* When gender and looking go hard in hand. Grammatical Gender Processing in L2 Spanish // Studies in Second Language Acquisition. Cambridge University Press, 2013. P. 353–387. DOI: 10.1017/S0272263112000915.
- 15. Vigliocco G. et al. Grammatical gender is on the tip of Italian tongues // Psychological science. 1997. Vol. 8, № 4. P. 314–317.
- 16. Costa A. et al. On the autonomy of the grammatical gender systems of the two languages // Bilingualism: Language and Cognition. 2003. Vol. 6 (3). P. 181–200. DOI: 10.1017/S1366728903001123.
- 17. Sabourin L., Stowe L.A., De Haan G.J. Transfer effects in learning a second language grammatical gender system // Second Language Research, SAGE Publications. 2006. Vol. 22 (1). P. 1–29. DOI: 10.1191/0267658306sr259oa.
- 18. Friederici A., Jacobsen T. Processing Grammatical Gender During Language Comprehension // Journal of Psycholinguistic Research. 1999. Vol. 28, № 5. P. 467–484.
- 19. Paolieri D. et al. Grammatical gender processing in romance languages: Evidence from bare noun production in Italian and Spanish European // Journal of Cognitive Psychology. 2010. Vol. 22, iss. 3. P. 335–347.
- 20. Frenck-Mestre C. et al. Processing of Grammatical Gender in French as a First and Second Language: Evidence from ERPs // EUROSLA Yearbook. 2009. Vol. 9 (1). P. 76–106. DOI: 10.1075/eurosla.9.06fre.
- 21. Русская грамматика. Т. 16: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Введение в морфемику. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с.
- 22. Резанова З.И., Некрасова Е.Д., Миклашевский А.А. Исследование психолингвистических и когнитивных аспектов языкового контактирования в проекте «Языковое и этнокультурное разнообразие Южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» // Русин. 2018. № 2 (52). С. 107–117. DOI: 10.17223/18572685/52/8/.
- 23. *Резанова З.И., Ершова Е.Ю.* Влияние грамматического рода на концептуализацию объектов (экспериментальное исследование) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 50. С. 104-124. DOI: 10.17223/19986645/50/7.
- 24. Фаликман М.В. Прайминг и прайминг-эффекты (эффекты предшествования). URL: http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html (дата обращения: 13.11.2018).
- 25. Thierry G., Wu Y.J. Brain potentials reveal unconscious translation during foreign-language comprehension // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. Vol. 104, № 30. P. 12530–12535. DOI: 10.1073/pnas.0609927104.
- 26. Кленская М.С. Специфика языкового сознания русско-эстонских билингвов: На материале свободного ассоциативного эксперимента: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 235 с.

- 27. Phillips N.A., Segalowitz N., O'Brien I, Yamasaki N. Semantic priming in a first and second language: evidence from reaction time variability and event-related brain potentials // Journal of Neurolinguistics. 2004. № 17. P. 237–262.
- 28. Akhutina T. et al. Processing of Grammatical Gender in a Three-Gender System: Experimental Evidence from Russian // Journal of Psycholinguistic Research, 1999. Vol. 28, № 6. P. 695–713.
- 29. Bates E., Devescovi A., Hernandez A., Pizzamiglio L. Gender priming in Italian // Perception & Psychophysics. 1996. Vol. 58 (7). P. 992-1004.
- 30. Duyck W. Translation and Associative Priming With Cross-Lingual Pseudohomophones: Evidence for Nonselective Phonological Activation In Bilinguals // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. Vol. 31 (6). P. 1340–1359.

The Influence of the Native Language (L1) on the Cognitive Processing of the Grammatical Gender of the Russian Language (L2) by Russian-Turkic Bilinguals

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 103-123. DOI: 10.17223/19986645/57/6

Elena D. Nekrasova, Zoya I. Rezanova, Valeria E. Paliy, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nekrasovaed@yandex.ru / rezanovazi@mail.ru picture perfect@mail.ru

Keywords: grammatical gender, Russian, bilingualism, Russian-Turkic bilingualism, psycholinguistic experiment, marking of members of grammatical oppositions, priming, RT.

The article discusses the influence of the native language grammatical structure with the missing grammatical category of gender (Turkic language) on the processing of nouns of a second language (Russian), contrasted by gender, by Russian-Turkic bilinguals.

The authors test the hypothesis about the bias effect of the first language (Tatar language) on the manifestation of linguistic, social and contextual factors of Russian nouns processing opposed to particular meanings of the grammatical gender.

Two experiments were conducted with two groups of respondents: native Russian speakers vs Russian-Turkic bilinguals (native Tatar or Khakass speakers). Based on the hypothesis, four categorical variables were chosen in the design of the experiments: (1) the factor of the special grammatical meaning of the grammatical gender (male, female, neuter); (2) the factor of the semantic sphere (male, female); (3) the prime factor (image of a person (man, woman). The reaction time was used as the dependent variable.

The following effects were obtained. In the group of native Russian speakers, the effect of marking members of grammatical oppositions was found, this effect was not found in the Russian-Turkic bilingual group.

However, the influence of the semantic sphere factor in the categorization of masculine words by Russian-Turkic bilinguals has been revealed. The analysis shows differences in the pattern of the influence of priming on the processing of the grammatical gender. For monolinguals, the woman's face priming speeds up the processing of masculine and feminine words, for bilinguals it is vice versa.

The hypothesis about the influence of the native Turkic language (L1) on the cognitive processing of Russian words in the second language (L2) was confirmed.

The influence of factors acting in the group of native Russian speakers and in the group of non-native Russian speakers is different.

The results of the experiments indicate the strengthening of the semantic component in the grammatical category of gender of Russian-Turkic bilinguals. At the same time, the processing speed of unmarked members of the opposition by native Russian speakers is higher compared to the marked ones.

The special cognitive status of the words of the neuter grammatical gender is also revealed. Russian monolinguals and Russian-Turkic bilinguals maintain the same pattern of processing of nouns with the neuter grammatical gender. Perhaps this is due to the idea of contrasting the animate and the inanimate nouns.

References

- 1. Boroditsky, L., Schmidt, L.A. & Phillips, W. (2003) Sex, syntax, and semantics. In: Gentner, D. & Goldin-Meadow, S. (eds) *Language in mind: Advances in the study of language and thought.* MIT Press.
- 2. Flaherty, M. (2000) The influence of a language gender system on perception. *Tohoku psychologica folia*. 58. pp. 1–10.
- 3. Kurinski, E., Jambor, E. & Sera, M.D. (2016) Spanish grammatical gender: Its effects on categorization in native Hungarian speakers. *International Journal of Bilingualism.* 20(1). pp. 76–93. DOI: 10.1177/1367006915576833
- 4. Landor, R. (2014) Grammatical Categories and Cognition across Five Languages: The Case of Grammatical Gender and its Potential Effects on the Conceptualisation of Objects: Thesis (PhD Doctorate). Griffith University. Brisbane.
- 5. Misersky, J. (2017) The Effects of Grammatical Gender on Reference Processing in German: an ERP Study. *Nijmegen CNS*. 12(1). pp. 74–82
- 6. Andonova, E., d'Amico, S., Devescovi, A. & Bates, E. (2004) Gender and lexical access in Bulgarian. *Perception & Psychophysics*. 66 (3), pp. 496–507.
- 7. Guiora, A.Z. & Sagi, A. (1978) A cross-cultural study of symbolic meaning–developmental aspects. *Language Learning*. 28(2). pp. 381–386.
- 8. Clarke, M. A. et al. (1981) Gender perception in Arabic and English. *Language Learning*, 31(1), pp. 159–169.
- 9. Janyan, A. & Vergilova, Y. (2011) Biological sex context influences grammatical gender categorization of objects. In: Kokinov, B., Karmiloff-Smith, A. & Nersessian, N. J. (eds) *European Perspectives on Cognitive Science*. New Bulgarian University Press. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/266465894_Biological_Sex_Context Influences Grammatical Gender Categorization of Objects. (Accessed: 14.11.2018).
- 10. Rezanova, Z.I. & Nekrasova, E.D. (2017) Cognitive Processing of Marked and Unmarked Members of Grammatical Oppositions in the Russian and Bulgarian Languages. *Rusin.* 2. pp. 126–139. (In Russian). DOI: 10.17223/18572685/48/9
- 11. Badecker, W. et al. (1995) The two-stage model of lexical retrieval: evidence from a case of anomia with selective preservation of grammatical gender. *Cognition*. 57. pp. 193–216.
- 12. Barber, H. & Carreiras, M. (2005) Grammatical Gender and Number Agreement in Spanish: An ERP Comparison. *Journal of Cognitive Neuroscience*. 17:1. pp. 137–153.
- 13. Basetti, P.E. (2007) Bilingualism and thought: Grammatical gender and concepts of objects in Italian-German bilingual children. *International Journal of Bilingualism*. 11(3). pp. 251–273. DOI: 10.1177/13670069070110030101.
- 14. Dussias, P.E. (2013) When gender and looking go hard in hand. Grammatical Gender Processing in L2 Spanish. *Studies in Second Language Acquisition*. 35(2). pp. 353–387. DOI:10.1017/S0272263112000915
- 15. Vigliocco, G. et al. (1997) Grammatical gender is on the tip of Italian tongues. *Psychological Science*. 8(4). pp. 314–317.
- 16. Costa, A. et al. (2003) On the autonomy of the grammatical gender systems of the two languages. *Bilingualism: Language and Cognition*. 6(3). pp. 181–200. DOI: 10.1017/S1366728903001123
- 17. Sabourin, L., Stowe, L.A. & De Haan, G.J. (2006) Transfer effects in learning a second language grammatical gender system. *Second Language Research*. 22(1). pp. 1–29. DOI: 10.1191/0267658306sr259oa
- 18. Friederici, A. & Jacobsen, T. (1999) Processing Grammatical Gender During Language Comprehension. *Journal of Psycholinguistic Research*. 28(5), pp. 467–484.

- 19. Paolieri, D. et al. (2010) Grammatical gender processing in romance languages: Evidence from bare noun production in Italian and Spanish European. Journal of Cognitive Psychology. 22(3). pp. 335–347. DOI: 10.1080/09541440902916803
- 20. Frenck-Mestre, C. et al. (2009) Processing of Grammatical Gender in French as a First and Second Language: Evidence from ERPs. EUROSLA Yearbook. 9(1). pp. 76-106. DOI: 10.1075/eurosla.9.06fre
- 21. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) Russkaya grammatika [Russiaqn grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
- 22. Rezanova, Z.I., Nekrasova, E.D. & Miklashevskiy, A.A. (2018) Investigation of psycho-linguistic and cognitive aspects of language contacting in the project "Linguistic and ethnocultural diversity of Southern Siberia in synchrony and diachrony: interaction of and cultures". Rusin. 2(52). pp. 107–117. (In Russian). 10.17223/18572685/52/8/
- 23. Rezanova, Z.I. & Ershova, E.Yu. (2017) The influence of the grammatical gender on the conceptualisation of objects (an experimental study). Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 50. pp. 104–124. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/50/7
- 24. Falikman, M.V. (n.d.) Prayming i prayming-effekty (effekty predshestvovaniya) and priming effects (antecedent effects)]. [Online]. Available http://old.virtualcoglab.ru/projects/priming.html. (Accessed: 13.11.2018).
- 25. Thierry, G. & Wu, Y.J. (2007) Brain potentials reveal unconscious translation during foreign-language comprehension. Proceedings of the National Academy of Sciences. 104(30). pp. 12530-12535. DOI: 10.1073/pnas.0609927104
- 26. Klenskaya, M.S. (2002) Spetsifika vazvkovogo soznaniva russko-estonskikh bilingvov: Na materiale svobodnogo assotsiativnogo eksperimenta [Specificity of the language consciousness of Russian-Estonian bilinguals: Based on the material of a free associative experiment]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- 27. Phillips, N.A., Segalowitz, N., O'Brien, I., & Yamasaki, N. (2004) Semantic priming in a first and second language: evidence from reaction time variability and event-related brain potentials. Journal of Neurolinguistics. 17. pp. 237–262.
- 28. Akhutina, T. et al. (1999) Processing of Grammatical Gender in a Three-Gender System: Experimental Evidence from Russian. Journal of Psycholinguistic Research. 28(6). pp. 695–713. DOI: 10.1023/A:1023225129058
- 29. Bates, E., Devescovi, A., Hernandez, A., & Pizzamiglio, L. (1996). Gender priming in Italian. Perception & Psychophysics. 58(7), pp. 992–1004. DOI: 10.3758/BF03206827
- 30. Duyck, W. (2005) Translation and Associative Priming With Cross-Lingual Pseudohomophones: Evidence for Nonselective Phonological Activation In Bilinguals. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition. 31(6). pp. 1340–1359.

УДК 811.111-26

DOI: 10.17223/19986645/57/7

Н.Ю. Осокина, С.Б. Дектерев

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СДВИГ ГРАДУАЛЬНОСТЬ → НЕГРАДУАЛЬНОСТЬ КАК ИСТОЧНИК СКРЫТЫХ СМЫСЛОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ

Целью работы является рассмотрение случаев актуализации скрытых смыслов в результате интенционального семантического сдвига в произведениях англоязычных авторов на основе категории «градуальность». В результате данного сдвига происходит переосмысление устоявшихся концептов «предельность» / «финальность», выражаемых различными частями речи. Экспрессивность конструкций с переносом градуальность → неградуальность определяется типом градуальной шкалы и семантикой признака.

Ключевые слова: интенциональный семантический сдвиг, грамматическая метафора, градуальность, неградуальность, грамматические категории.

Для того чтобы выразить себя как можно точнее, передать в словах то, что даже и осознается неясно, говорящий нередко идет на намеренное нарушение языковых норм. Средством «выражения невыразимого», создания образного видения мира может служить не только лексическая метафора; интенциональный семантический сдвиг на основе грамматических категорий также может нарушать автоматизм восприятия, становиться средством остранения передавать новые неграмматические смыслы, создавать яркие образы.

Если принять, что сложившиеся в языке нормы и правила отражают картину мира носителей данного языка, то индивидуальное видение мира может выражаться в нарушении норм, отходе от правил.

Поскольку наиболее жесткие правила существуют в грамматике (в том числе и в грамматике скрытой), намеренный отход от норм здесь встречается не столь часто, как случаи лексического переноса. Вместе с тем перенос категориальных признаков одной грамматической категории в сферу действия другой приводит к интенциональному семантическому совигу и появлению новых неграмматических смыслов. Это явление можно рассматривать как метафору, метафору грамматическую².

¹ Об *остранении* как нарушении автоматизма восприятия, ухода от клише, создании эффекта удивления от видения, а не от узнавания см. [1. С. 69].

² Термин «грамматическая метафора» введен Е.И. Шендельс [2], подробный обзор литературы по данному вопросу и анализ некоторых случаев грамматической метафоры дан А.А. Масленниковой [3], которая рассматривает данное явление в том числе с позиций С. Левина, Г. Фоконье и Тернера. Как и традиционной – лексической – мета-

Итак, под *интенциональным семантическим сдвигом* мы понимаем намеренное использование грамматической формы в несвойственном ей грамматическом контексте с целью создания новых неграмматических смыслов. При этом значение, несвойственное грамматической категории, индуцируется в нее, и в результате происходит переосмысление категориального значения, возникает новый смысл. Так, в предложении *The clock on the bedside table clicked away digitally, recording the seconds, minutes...* (Е. Висhan. That Certain Age) происходит *интенциональный семантический сдвиг признак предмета* → *признак действия*, когда слово *digitally*, формально являющееся признаком действия − *clicked away*, на семантическом уровне является признаком предмета − *the clock*, ср. *The digital clock on the bedside table clicked away*. В результате *интенционального семантического сдвига* появляется новый неграмматический смысл: передается непосредственность восприятия персонажа, переносимый признак становится выпуклым, приобретает особое символическое значение [4].

Обратимся к случаям *интенционального семантического сдвига* на основе категории *градуальность*, под которой мы понимаем способность признака проявляться в большей или меньшей степени. Как понятийная категория *градуальность* выражается различными лексическими и грамматическими средствами и присуща обширным классам слов. Так, с точки зрения функциональной грамматики «ядро» функционально-семантического поля «градуальность» составляет категория степеней сравнения и наречий меры и степени проявления признака, при этом разноуровневые языковые средства (словобразовательные, лексические, морфологические, синтаксические и стилистические) также могут быть средствами выражения степени проявления признака [5]¹.

Понимая ограниченность традиционного подхода, согласно которому градуальность является свойством только качественных прилагательных и наречий, а также условность границы между качественными и относительными прилагательными и наречиями, о которой писал В.В. Виноградов [6. С. 170–171], мы считаем, что рассмотрение категории градуальность должно базироваться на понятиях ингерентность, эталон, норма и шкала.

Понятия нормы (эталона) и диапазона (шкалы) являлись одними из ключевых в работе Э. Сепира «Градуирование», где, рассматривая логический и психологический аспекты процесса градуирования, он говорил как об отношении градуируемых понятий к норме, так и о различных типах диапазона градуирования: так, градуирование может иметь открытый диа-

форе, грамматической метафоре свойственны такие черты, как образная, семантическая дистанция, выражающаяся в несхожести значений взаимодействующих грамматических форм, возникновение новых смыслов, их амбивалентность и многозначность.

¹ Говоря об *интенциональном семантическом сдвиге* на основе категории *градуальность*, мы имеем дело с нарушением норм скрытой грамматики, т.е. случаями нарушения лексических ограничений, накладываемых грамматической моделью, или, по словам Е.И. Шендельс «несовместимостью грамматического значения формы и лексического значения слова, выступающего в данной форме» [2. С. 53].

пазон (прототип всего логического градуирования) и закрытый диапазон (ряд цветов, от ярко-зеленого до ярко желтого), быть коньюнктивным или дизъюнктивным [7. С. 44–45, 47–49]. В дальнейшем В.Я. Шабес ввел понятие «градуального эталона», или «непрерывной линейной координаты сознания», обладающей как максимальными предельными значениямиполюсами, так и неким значением нормы между этими крайними значениями [8. С. 23]. В процессе порождения и восприятия речи говорящие или слушающие постоянно оперируют градуальными эталонами [6. С. 39]. Так, с помощью градуальных эталонов можно описать динамические признаки, выражаемые глаголами, при этом важным, по его мнению, представляется направление вектора в эталоне (ср. значение лексем расти и уменьшаться, стареть и молодеть и т.п.), наличие или отсутствие «внутриэталонных» пределов изменений (ср.: расти и прорасти, подрасти, перерасти, вырасти), а также связанная с пределами зона изменения.

Ингерентность / неингерентность признаков рассматривается некоторыми зарубежными лингвистами как свойство признаков быть непосредственно присущими предмету (ингерентные (собственные) признаки) или же как свойство выражать внешнюю оценку предмета (неингерентные (несобственные) признаки) [9. Р. 273; 10; 11. С. 51]. Понятие эталона, а также критерия ингерентность / неингерентность позволило А.А. Масленниковой представить следующую классификацию прилагательных: ингерентные – специфицирующие прилагательные, которые называют постоянные собственные признаки предметов, такие как материал, национальность (wooden, metallic, electronic); характеризующие прилагательные, называющие признаки, которые можно считать относительными (tall, kind, popular), и реляционные прилагательные, которые выражают восприятие признака человеком (different, obvious, necessary, possible). Степени сравнения могут иметь прилагательные характеризующие и реляционные, специфицирующие прилагательные, будучи ингерентными, степеней сравнения не имеют [12. С. 5-11].

Понятие градуального эталона и градуальной шкалы лежит в основе положений К. Кеннеди и Л. Макнелли, которые обращаются к изучению абсолютных (ABSOLUTE) прилагательных. Рассматривая примеры *The baby is awake, The road is flat*, они утверждают, что признаки, выражаемые прилагательными *awake* и *flat*, не предполагают зависимости от некоего обусловленного контекстом эталона (а context-dependent standard). *Awake* в предложении *The baby is awake* просто показывает некую ненулевую степень бодрствования, а *flat* в *The road is flat* говорит об отсутствии кочек 1.

¹ Здесь можно вспомнить один из парадоксов Л. Кэрролла в книге «Алиса в Зазеркалье», в котором слово *hill*, предполагающее ненулевую степень признака «возвышенный», лишается и минимального проявления этого признака, когда королева сравнивает холм с равниной. Абсурдность этого сравнения вызывает протест Алисы:

[–] When you say "hill," – the Queen interrupted, – I could show you hills, in comparison with which you'd call that a valley. – No, I shouldn't, – said Alice, surprised into contradicting

Абсолютные прилагательные называют как максимальную степень признака (в предложениях типа The glass is full, The road is flat, The door is closed), так и минимальную (ср.: The spot is visible, The door is open, и т.д.) [13. Р. 355-356]. Такие прилагательные могут иметь степени сравнения (cp.: The glass isn't as full as I would like it to be; The sign for the Main Street is less visible than the one for the Spruce Street), но их использование с интенсификатором very затруднено (precluded), поскольку, как отмечают К. Кеннеди и Л. Макнелли, модификация признака, являющегося конечной точкой градуальной шкалы, приводит к появлению аномальных сочетаний. Вместе с тем авторы делают оговорку, что в некоторых случаях абсолютные прилагательные допускают использование с very, как в случае с сочетанием a very empty restaurant, когда речь идет о ресторане, в котором очень мало посетителей, ср. также His hesitation was very visible [Ibid. Р. 371–372]. Возможность и интерпретация подобных образований зависят от структуры градуальной шкалы, семантики слов, а также лингвистического и экстралингвистического контекстов.

Таким образом, понятийная категория градуальность, выражающая способность признака проявляться в большей или меньшей степени, охватывает различные лексико-грамматические классы слов (прилагательные, наречия, а также существительные (домик, дом, домище), глаголы (идти, быстро идти, бежать, мчаться и т.д.) и может получать различное языковое выражение.

Мы обратимся к случаям *интенционального семантического сдвига* в сфере категории *градуальность*, которые выражаются в намеренном использовании прилагательных и наречий, а также существительных, числительных, местоимений и глаголов, называющих *неградуируемые* признаки / состояния, с показателями степени или обстоятельствами, называющими степень проявления признака / действия.

Анализ материала показал, что градуированию могут подвергаться состояния, не предполагающие количественное измерение: экзистенциональность / бытийность (на основе глагола to exist), институциональный признак (семейное положение с прилагательным married), предельность / завершенность (в том числе смерть) (с глаголом to die, прилагательным dead, с наречием over). Количественному оцениванию могут подвергаться и отрезки, и моменты времени, названия конкретных мест, национальностей и имена лиц. При этом можно говорить о столкновении сложившихся узуальных норм и окказиональных употреблений: если закрепленные в грамматике нормы и правила отражают общую, сложившуюся в сознании носителей данного языка картину мира, то интенциональный семантический сдвиг передает субъективное восприятие и приводит к созданию новых неграмматических смыслов. Такие случаи намеренного нарушения языковых норм, не предполагающих использование степеней

her at last: - a hill CANT be a valley, you know. That would be nonsense (L. Carroll. Through The Looking Glass).

сравнения и усилителей типа *very* с указанными выше частями речи, называющими ингерентные признаки, являются примерами грамматической метафоры.

При рассмотрении случаев интенционального семантического сдвига градуальность → неградуальность нужно учитывать следующие моменты.

- 1. Степень выраженности предельности неградуального признака в зависимости от его положения на градуальной шкале:
- а) Ярко выраженная предельность признака, подчеркнутая завершенность признака, находящегося в конце градуальной шкалы, как в случае интенционального семантического сдвига градуальность → предельность (смерть). Несомненно, такие признаки, как dead, over, в нашем привычном понимании являются конечными точками градуальной шкалы, исключая ее продолжение¹, что отражено в языковых нормах скрытой грамматики. Вместе с тем в произведениях англоязычных авторов встречаются примеры нарушения этих правил, когда эти терминативные признаки рассматриваются как градуальные, при этом, как и свойственно метафоре, передаются новые неграмматические смыслы (эмоциональное состояние героев шок, неприятие ситуации, ироническое отношение к происходящему и т.д.): 'Yes, I love him, we'll work it out'. Then I added, 'Mind you, if he ever does it again, he is so dead!' (M. Keyes. Angels). ... Unless I got my nails sorted out my career in the states was so OVER (M. Keyes. Further Under the Duvet).

Отметим, что медицинское освидетельствование в англоязычной среде — he / she is pronounced dead вовлекает целый ряд признаков физического состояния организма, включая brain dead, что в какой-то мере соответствует предельности. Однако: he was more dead than alive, или He was more alive than dead. Этот признак притягивает внимание говорящих: формально предельный, он одновременно не до конца понятен; парадоксальность, противоречивость этого признака отмечается авторами, ср.: 'Stone dead,' said Howard, as though there were degrees of deadness, and the kind that Barry Fairbrother had contracted was particularly sordid (J.K. Rowling. The Casual Vacancy). Более того, отмечается элемент клишированности сочетания very dead, например, в книге С. Ахерн «Волшебный дневник» (The Book of Tomorrow), неоднократно повторяющееся сочетание very dead становится ключевым, помогая выразить отвращение, которое вызывают у подростка банальные выражения типа bad loss, long goodbye, starving hungry, totally blank и т.д. (C. Ahern. The Book of Tomorrow).

б) Невыраженная завершенность, предельность признаков, представляющих собой полюса градуальной шкалы или отдельные конкретные точки градуальной шкалы. Так, полюсами градуальной шкалы являются прилагательные, называющие семейное положение: married – single. Они называ-

¹ М. Мамардашвили называет смерть «предельным понятием», вместе с тем сама предельность символа смерти, по его мнению, несет в себе возможность представлять ряд других вещей и событий. Так, он говорит, что символ смерти включает в себя «зашифрованное и упакованное в предельном виде свойство времени» [14. С. 23–24].

ют несомненно предельные — «абсолютные» — признаки, но завершенность в них не столь выражена, как в случае с прилагательным dead, предполагающим полную необратимость: возможно продолжение ряда single — married — divorced — married again...: I may be married, but I'm very much single (A. Potter. Me and Mr Darcy), She could have affairs with any of the more interesting but very married men she worked with (O. Goldsmith. Marrying Mom).

Интересным представляется использование усилителя very с личным местоимением my, которое можно рассматривать как один из полюсов шкалы my - your - our - his - her...: I lay in bed, wide awake, and stared at the room that was now my room. It didn't seem very my; I wondered if it would ever feel my (C. Ahern. The Book of Tomorrow).

в) Признаки, не предполагающие наличия градуальной шкалы, представленные, например, глаголом to exist. Выражаемое им понятие экзистенциональность допускает два варианта проявления: наличие или отсутствие. Наличие или отсутствие чего-либо – объекта, идеи – исключает градуальность: предмет (идея) или есть, или его нет, а далее, если он есть, можно говорить о его количественных и качественных, пространственных и временных параметрах. Соответственно, нельзя представить категорию бытийность / экзистенциональность как некую градуальную шкалу, отражающую изменяемое состояние, его различные стадии: субстанция или существует, или нет ^{1} . Вместе с тем в предложении I have put on weight. Iexist more now than I did four months ago (E. Gilbert. Eat, Pray, Love) интенциональный семантический сдвиг помогает передать удовольствие от ощущения полной жизни. Помимо глагола to exist, к признакам, не предполагающим наличия градуальной шкалы, мы относим и глагол to have в структурах типа You have a husband / I have a girlfriend. Исследователи рассматривают подобные случаи как примеры «посессивных ситуаций», которые, по сути, выражают отношения существования лица в микромире другого лица (так называемое «несобственно обладание» [16. С. 110]: 'So d'you have a girlfriend now, Andrey?' I ask when I get my voice back. He looks at me. 'No, Jill. No more than you have a husband. Probably less so' (C. Mason. The Secrets of Married Women). В разговоре флиртующих, увлеченных друг другом молодых людей использование выражений to have a husband / to have a girlfriend как градуируемых (притом что герой знает, что его собеседница замужем) подразумевает как ироническое отношение говоряще-

¹ Г. Фреге полагает, что «сущее» является квазипонятием, не имеющим содержания, поскольку оно обладает бесконечным объемом. «Содержание слова «существовать» не может быть признаком никакого понятия, поскольку слово «существовать» в том смысле, в каком оно употребляется в предложении «Люди существуют», не имеет никакого содержания [15. С. 20–24]. Ср. также древнегреческий постулат, приводимый в «Лекциях по античной философии» М. Мамардашвили, вокруг которого начала строиться философия: «бытие есть, и есть только бытие, а небытия нет, и небытие невозможно даже высказать на нашем языке» [14. С. 27–28].

го к прочности любовных отношений или семейным узам, так и намек на то, что они оба готовы к дальнейшему бурному развитию событий.

- 2. Следующим моментом, определяющим характер *интенционального семантического сдвига градуальность* → *неградуальность*, является тип затрагиваемого переносом признака событийный или предметный:
- а) Событийная семантика признака, лежащего в основе интенционального семантического сдвига градуальность → неградуальность, предполагает большие возможности для передачи дополнительных неграмматических смыслов. Действия, временные отношения, состояния вызывают представления о ряде аспектов (темпоральных, пространственных), с ними связанных. Выше приведены примеры интенционального семантического сдвига градуальность $\rightarrow$ экзистенциальность, градуальность $\rightarrow$ институшиональный признак (семейное положение), градуальность → предельность на основе признаков событийного характера. Примером интенционального семантического сдвига градуальность - временные признаки является следующее предложение: It's a bit of a disaster to have to wear something so very last year but needs must (C. Manby, Marrying for Money), где сочетание so very last year передает значение «уже немодный» и помогает подчеркнуть разочарование героини, которой приходится носить такое платье. Ср. также использование very 2004 в предложении Grace was in blue. Very 2004 (C. Manby. Seven Sunny Days) и популярное в настоящее время сочетание verv in: ...we thought we would have bodies like Jamie Lee Curtis (she was very in then)... (M. Keyes. Watermelon).
- б) Интенциональный семантический сдвиг затрагивает предметный тип признака - конкретную точку в пространстве или же называет конкретного человека, как в случае интенционального семантического сдвига градуальность $\rightarrow$ конкретная точка в пространстве: 'It's so weird, not having a tree at Christmas,' Isabelle said. 'It's very LA,' Wheaton agreed (C. Bushnell. Trading Up); ρ градуальность $\rightarrow$ имя собственное (конкретное лицо): You could come, be seen, and be photographed, all without the bother of actually having a good time. It was so Norris Cleveland (O. Goldsmith, Fashionably Late). Нередко такие обозначения конкретных точек начинают размываться за счет актуализации какого-либо признака своего импликационала, фона. Название конкретного места неизменно влечет за собой целый шлейф ассоциаций, связанных с историей, географическим положением, особенностями жителей, государственным устройством и т.д. Конкретный момент времени (прошедшего) связан с событиями, происходящими в этот момент. Имя человека может вызывать представление о его привычках и характере, темпераменте. Это и позволяет при интенциональном семантическом сдвиге передать смысл с большим ассоциативным потоком, с элементами эмоциональности и оценочности.

Механизм действия *интенционального семантического сдвига* можно объяснить в рамках когнитивной теории как процесс концептуальной интеграции. В нашем случае столкновение норм, отражающих мировосприятие данного этноса, и конкретных примеров нарушения этих норм реали-

зуется наложением разных ментальных пространств: градуальность - неградуируемые понятия. В результате возникает новый, образный дериват, который имплицитен и предполагает передачу дополнительных скрытых смыслов различного характера, однако во всех случаях присутствует эмоционально-оценочный компонент и значение усиления (интенсификации). Кроме того, в большинстве своем исследованные примеры содержат и функционально-стилистический компонент значения - сигнализируют регистр разговорной речи. В отдельных случаях эмоционально-оценочное значение выдвигается на первый план, затушевывая денотативное значение, передавая либо накал эмоций, либо намеренное снижение тона повествования и как результат насмешку, иронию, горечь. Подобные эффекты характерны, в частности, для интенционального семантического сдвига градуальность – предельность (смерть): There was no chance of Ryder forgetting. By the end of the war, he said, the planes were full of ghosts. They crowded so thickly in the cockpits - young, joking, beautiful, brave and so very **dead** – that he found it hard to sit at the controls (E. Buchan. That Certain Age).

Сочетание несочетаемых обычно значений — предельность и высокая степень признака — в данном случае представляет собой не просто оксюморон типа «сладкая боль», в котором можно проследить противоречивый характер реального мира, некую сложную парадоксальную логику действительности. В таких примерах, в отличие от сочетаний оксюморонного типа, мы уходим от логики к эмоциям, когда эмоции персонажей, их смятение, шок рушат логические связи объективной действительности.

Нередко использование таких алогичных, нелепых на первый взгляд сочетаний создает ироническое звучание: I'm calling about somethings you didn't tell me during your history of Overlook's great and honorable history... About how they...turned it into a playground for Mafia big wigs, and about how it had to be shut down in 1966 when one of them got a little bit dead (S. King. The Shining). В данном случае эффект интенционального семантического сдвига усиливается и специфицируется использованием гиперболы в первом примере (so very) и литоты во втором (a little bit).

Таким образом, можно говорить о двух видах смысла, возникающего в результате *интенционального семантического сдвига*: 1) новый неграмматический смысл, наряду с эмоциональным, оценочным, экспрессивным компонентами смысла: very *married*, *very now, exist more than I did four months ago*, и т.д.; 2) эмоциональный, оценочный, экспрессивный компонент смысла доминирует: (so very dead)¹.

¹ Отметим, что эта разница между чисто эмоциональным воздействием на читателя / слушателя и приглашением его подумать, «разгадать загадку» концептуальной интеграции иногда в чем-то совпадает с выделяемой лингвистами, исследующими современный русский разговорный язык, двумя видами языковой игры: балагурством и острословием. Балагурство, как отмечают исследователи, само по себе не стремится передавать некую содержательную информацию, а имеет целью развеселить собеседника, при этом «смешно все грубое, низкое, необычное, перевернутое» (ср.: a little bit dead, seriously killed) [17. С. 174–175]. Острословие же представляет собой использова-

Несомненно, что в основе актуализации отдельных, частных аспектов, неких составляющих частей понятия лежит такой базовый когнитивный процесс, как метонимия. Можно также предположить, что одновременно с метонимическими процессами вступает в действие свойственное человеческой психологии стремление выделять в конкретной неделимой точке 1 новые компоненты или, по словам Н.Д. Арутюновой, «растягивать значение», поскольку «стремление к точности измерений уводит от точечности... а континуальность мира берет верх над попытками представить его дискретно» [19. С. 233]. При этом интенциональный семантический сдвиг может затрагивать как предельные значения шкалы градации, так и единичные точечные значения градуальной шкалы и абсолютные признаки.

В идеале, учитывая все перечисленные признаки, можно было бы говорить о двух полюсах интениионального семантического сдвига градуаль $ность \to неградуальность$: с одной стороны, алогичные, намеренно шокирующие читателя высказывания, которые возникают в результате интеншионального столкновения взаимоисключающих понятий – градуальность и предельный признак (завершающая точка градуальной шкалы), с другой – случаи градуирования абсолютих признаков или конкретных точек пространства. Примером первого типа являются сочетания very dead, seriously killed, в то время как примером второго типа могут быть выражения verv married, very British. Как показывает анализ, степень полуотмеченности зависит от частоты употребления грамматических метафор, случаи интенционального семантического сдвига градуальность → неградуальность с прилагательными, наречиями и существительными в функции определения могут порой оказаться легко интерпретируемыми – «стертыми метафорами», ср.: We'll give you a side-fringe, very sophisticated, very now. It'll suit you, I think, show off those high cheek-bones (C. Ahern. Thanks for the Memories), в то время как менее частотные примеры интенционального семантического сдвига с местоимениями могут быть сложно интерпретируемыми, направленными в основном на выражение эмоций (cp.: Seeing Clementine sit with her head bowed tenderly, passionately towards her cello, as if she were embracing it... was always so sensual, so other to Erika (L. Moriarty. Truly Madly Guilty).

Интенциональный семантический сдвиг на основе категории *градуальность* происходит при использовании показателей степени проявления признака как с неградуальными прилагательными и наречиями, так и с существительными, числительными, местоимениями и глаголами, называющими признаки или состояния, не предполагающие градуирования. Выразительность сочетаний с интенциональным семантическим сдвигом на ос-

ние оригинальной, выразительной формы, именно для того, чтобы точно и тонко передать некую мысль (ср.: very married, I exist more) [17. С. 174–175].

¹ Γ. Фреге говорит о том, что если неразложимость рассматривать как признак строгой единицы, то «почти не остается ничего такого, что можно было бы назвать единицей и считать». Он соглашается с Бауманом в том, что внешние вещи не представляются людям строгими единицами и трактуются как многое [18. С. 62].

нове категории градуальность зависит от типа градуальной шкалы и семантики признака.

Литература

- 1. Шкловский В.Б. Тетива. О несходстве сходного. М.: Худож. лит., 1983. 640 с.
- 2. *Шендельс Е.И.* Грамматическая метафора // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1972. № 3. С 48–57.
- 3. *Масленникова А.А.* Особенности грамматической метафоры // Метафоры языка и метафоры в языке / А.И. Варшавская, А.А. Масленникова, Е.С. Петрова и др. ; под ред. А.В. Зеленщикова, А.А. Масленниковой. СПб., 2006. С. 21–44.
- 4. *Осокина Н.Ю.* Скрытые категории как основа интенционального семантического сдвига // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2011. Т. 13, № 2–5. С. 1226–1230.
- 5. Колесникова С.М. Семантика градуальности и способы ее выражения в современном русском языке. М.: МПУ, 1998. 180 с.
- 6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове): учеб. пособие для вузов / отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
- 7. Сепир Э. Градуирование // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / общ. ред. Е.В. Падучевой. М., 1985. 500 с.
  - 8. Шабес В.Я. Событие и текст. М.: Высш. шк., 1989. 175 с.
- 9. *Mathesius V.A.* Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. The Hague-Paris: Mouton, 1975.
- 10. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A comprehensive grammar of the English language. London: Longman, 1985.
- 11. Уорф Б.Л. Грамматические категории // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972. С. 5–72.
- 12. Масленникова А.А. Семантико-функциональный анализ реляционных прилагательных (на материале современного английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 22 с.
- 13. *Kennedy Ch., McNally L.* Scale Structure, Degree Modification, and the Semantics of Gradable Predicates // Language. 2005. Vol. 81, № 2. P. 345–381.
- 14. $\mbox{\it Мамардашвили } \mbox{\it M.К.}$ Лекции по античной философии. М. : Прогресс-Традиция: Фонд Мераба Мамардашвили, 2009.
- 15. Фреге Γ . Избранные работы. М. : Дом интеллектуальной книги : Русское феноменологическое общество, 1997. 160 с.
- 16. Чинчлей К.Г. Посессивность // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: Наука, 1996. С. 99–137.
- 17. Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 172–214.
- 18. Фреге Γ . Основоположения арифметики: Логико-математическое исследование о понятии числа. Томск : Водолей, 2000. 128 с.
- 19. Арутнонова H.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / отв. ред. Г.В. Степанов. М.: Наука, 1988. 388 с.

Список источников

Ahern C. The Book of Tomorrow. New York: Harper, 2010.

Ahern C. Thanks for the Memories. London: Harper, 2008.

Buchan E. That Certain Age. London; New York; Toronto; Dublin; Camberwell; New Delhi; Rosebank: Penguin Books, 2004.

Bushnell C. Trading Up. London: Abacus, 2006.

Gilbert E. Eat, Pray, Love. New York; Toronto; London; Dublin: Penguin Books, 2010.

Goldsmith O. Fashionably Late. New York: Harper Paperbacks, 1999.

Goldsmith O. Marrying Mom. New York: Harper Torch, 2000.

Keyes M. Angels. London, New York; Toronto; Dublin: Penguin Books, 2003.

Keyes M. Watermelon. London: Arrow Books, 2010.

Keyes M. Further Under the Duvet. London; New York; Toronto; Dublin: Penguin Books, 2005.

King S. The Shining. London: Hodder, 2007.

Manby C. Seven Sunny Days. London: Coronet Books, 2003.

Manby C. Marrying for Money. London: Hodder, 2007.

Mason C. The Secrets of Married Women. London: Hodder, 2007.

Moriarty L. Truly Madly Guilty. London: Penguin Books: Michael Joseph, 2016.

Potter A. Me and Mr Darcy. London: Hodder, 2007.

Rowling J.K. The Casual Vacancy. London: Little, Brown, 2012.

Sykes P. Bergdorf Blondes. New York: Miramax Books: Hyperion, 2004.

Carroll L. Through the Looking Glass. URL: http://lib.ru/CARROLL/lglass.txt (дата обращения: 06.07.2017).

The Intentional Semantic Shift $Gradable \rightarrow Non-Gradable$ as a Means of Creating Ambiguity and Implication in a Literary Text

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 124–136. DOI: 10.17223/19986645/57/7

Natalya Yu. Osokina, Sergei B. Dekterev, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: osnat@inbox.ru / aries03@mail.ru

Keywords: intentional semantic shift, grammar metaphor, gradable, non-gradable, grammar categories.

The aim of this research is to study the intentional semantic shift as a means of creating and conveying new meanings. The intentional semantic shift is seen here as a functioning of a grammar category in the functioning sphere of another grammatical category, which may be viewed as a grammatical metaphor. The object under study is the intentional semantic shift in the grammar category of graduality, i.e. the ability of a quality, a process or a state to be gradable. The material for the research is structures with the intentional use of non-gradable adjectives, adverbs, verbs and also nouns, numerals and pronouns as gradable, as used by modern English-speaking writers. Viewing the intentional semantic shift as the process of conceptual integration of grammar categories helps to explain its mechanism and the origin of new concepts and meanings. This methodology appears to be new and effective, and may be employed in the study of other grammar categories. The topicality of the present research is seen as an attempt to analyze the dialectics of language categories interaction, as exemplified by the category of gradable $\rightarrow$ non-gradable, as the result of the conceptual integration. The importance of this article also lies in systematizing the principles of creating and conveying additional non-grammatical meanings. The article opens the prospects for studying the intentional semantic shift $gradable \rightarrow non-gradable$ in other languages to discover the differences and the common laws of language creativity. The analysis of the intentional semantic shift gradable → non-gradable in different non-gradable parts of speech demonstrates that such inherently non-gradable characteristics and states as 'existence', 'marital state', 'termination'/'death', names of people, places and nationalities, and time periods can be made deliberately gradable. These intentional semantic shift structures are, as a rule, expressive and convey additional meanings, being often emotional and evaluative, and focusing the reader's attention on a particular characteristic. Their degree of expressiveness depends on the gradual scale type and the semantics of the non-gradable characteristic/state being viewed as gradable.

References

- 1. Shklovskiy, V.B. (1983) *Tetiva. O neskhodstve skhodnogo* [Bow-string. About the non-similarity of the similar]. Moscow: Khud. literatura.
- 2. Shendel's, E.I. (1972) Grammaticheskaya metafora [Grammatical Metaphor]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki.* 3. pp. 48–57.
- 3. Maslennikova, A.A. (2006) Osobennosti grammaticheskoy metafory [Features of grammatical metaphor]. In: Zelenshchikov, A.V. & Maslennikova, A.A. (eds) *Metafory yazyka i metafory v yazyke* [Metaphors of language and metaphors in language]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- 4. Osokina, N.Yu. (2011) Covert categories as the basis of intentional semantic shift. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauk*i. 13(2–5). pp. 1226–1230. (In Russian).
- 5. Kolesnikova, S.M. (1998) Semantika gradual'nosti i sposoby ee vyrazheniya v sovremennom russkom yazyke [The semantics of graduality and the ways of its expression in the modern Russian language]. Moscow: Moscow State Pedagogical University.
- 6. Vinogradov, V.V. (1986) *Russkiy yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (grammatical doctrine about the word)]. 3rd ed. Moscow: Vyssh. shk.
- 7. Sapir, E. (1985) Graduirovanie: semanticheskoe issledovanie [Grading: a semantic study]. Translated from English. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike*. 16. pp. 43–78.
  - 8. Shabes, V.Ya. (1989) Sobytie i tekst [Event and text]. Moscow: Vyssh.shk.
- 9. Mathesius, V.A. (1975) Functional Analysis of Present Day English on a General Linguistic Basis. The Hague; Paris: Mouton.
- 10. Quirk, R., Greenbaum, S., Leech, G. & Svartvik, J. (1985) A comprehensive grammar of the English language. London: Longman.
- 11. Wharf, B.L. (1972) Grammaticheskie kategorii [Grammatical categories]. Translated from English. In: Uspenskiy, B.A. (ed.) *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of a typological analysis of languages of different types]. Moscow: Nauka.
- 12. Maslennikova, A.A. (1980) Semantiko-funktsional'nyy analiz relyatsionnykh prilagatel'nykh (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [A semantic-functional analysis of relational adjectives (based on the material of modern English)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Leningrad.
- 13. Kennedy, Ch. & McNally, L. (2005) Scale Structure, Degree Modification, and the Semantics of Gradable Predicate. *Language*. 81(2). pp. 345–381.
- 14. Mamardashvili, M.K. (2009) *Lektsii po antichnoy filosofii* [Lectures on ancient philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya, Fond Meraba Mamardashvili.
- 15. Frege, G. (1997) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Translated from English. Moscow: Dom intellektual'noy knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo.
- 16. Chinchley, K.G. (1996) Posessivnost' [Possessiveness]. In: Bondarko, A.V. (ed.) *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Lokativnost'. Bytiynost'. Posessivnost'. Obuslovlennost'* [Theory of functional grammar. Locativity. Beingness. Possessiveness. Conditionality]. St. Petersburg: Nauka.
- 17. Zemskaya, E.A., Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (1983) Yazykovaya igra [Language game]. In: Zemskaya, E.A. (ed.) *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest* [Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Vocabulary. Gesture]. Moscow: Nauka.
- 18. Frege, G. (2000) Osnovopolozheniya arifmetiki: Logiko-matematicheskoe issledovanie o ponyatii chisla [The Foundations of Arithmetic: A Logico-Mathematical Enquiry into the Concept of a Number]. Translated from English. Tomsk: Izdatel'stvo "Vodoley".
- 19. Arutyunova, N.D. (1988) *Tipy yazykovykh znacheniy: otsenka, sobytie, fakt* [Types of linguistic meanings: evaluation, event, fact]. Moscow: Nauka.

Sources

Ahern, C. (2010) The Book of Tomorrow. New York: Harper.

Ahern, C. (2008) Thanks for the Memories. London: Harper.

Buchan, E. (2004) *That Certain Age.* London; New York; Toronto; Dublin; Camberwell; New Delhi; Rosebank: Penguin Books.

Bushnell, C. (2006) Trading Up. London: Abacus.

Gilbert, E. (2010) Eat, Pray, Love. New York; Toronto; London; Dublin: Penguin Books.

Goldsmith, O. (1999) Fashionably Late. New York: Harper Paperbacks.

Goldsmith, O. (2000) Marrying Mom. New York: Harper Torch.

Keyes, M. (2003) Angels. London; New York; Toronto; Dublin: Penguin Books.

Keyes, M. (2010) Watermelon. London: Arrow Books.

Keyes, M. (2005) Further Under the Duvet. London; New York; Toronto; Dublin: Penguin Books.

King, S. (2007) The Shining. London: Hodder.

Manby, C. (2003) Seven Sunny Days. London: Coronet Books.

Manby, C. (2007) Marrying for Money. London: Hodder.

Mason, S. (2007) The Secrets of Married Women. London: Hodder.

Moriarty, L. (2016) Truly Madly Guilty. London: Penguin Books, Michael Joseph.

Potter, A. (2007) Me and Mr Darcy. London: Hodder.

Rowling, J.K. (2012) The Casual Vacancy. London: Little, Brown.

Sykes, P. (2004) Bergdorf Blondes. New York: Miramax Books, Hyperion.

Carroll, L. (1871) *Through the Looking Glass*. [Online] Available from: http://lib.ru/CARROLL/lglass.txt. (Accessed: 06.07.2017).

УДК 81'13; 811.161.1 DOI: 10.17223/19986645/57/8

Е.В. Петрухина, О.В. Дедова

ИНТЕРНЕТ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ (ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДИНАМИКИ РУССКОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ)¹

Рассматривается вопрос об использовании количественных показателей употребления новых производных слов, полученных при помощи браузеров Яндекс и Google, для оценки частотности и степени вхождения новообразований в словообразовательную и лексическую системы русского языка. Обосновывается методика, направленная на оптимизацию интернет-поиска как источника лингвистической информации. Исследование проводится на материале сетевого проекта М. Эпштейна «Дар слова» (2000—2010 гг.), что позволяет также изучить эффективность предлагаемого там способа пополнения лексической системы русского языка.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, поисковые операторы, количественные данные, неологизмы, словотворчество, современный русский язык.

Введение

Цель исследования. Русский язык последние тридцать лет находится в русле общих для славянских языков процессов: усиления влияния английского языка, интернационализации и коллоквизации лексики, активизации словотворчества [1-3]. Словообразование в славянских языках живо реагирует на изменения, происходящие в обществе, наряду с заимствованиями участвуя в номинации новых реалий. Развитие коммуникации в Интернете и совершенствование его поисковых систем позволяют «вывести» динамические инновационные процессы в русском языке в «наблюдаемую зону» и изучить их, опираясь на количественные данные интернет-поиска [4. С. 22]. В частности, возможности использования Интернета в лингвистических целях обсуждались на XI Международной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов «Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование», проходившей в Москве в 2009 г. Большой научный резонанс вызвал пионерский в этой области доклад Н.Д. Голева [5], послуживший отправной точкой для нашего исследования. Изучение вопроса о применении поисковых систем Интернета в лингвистических целях было про-

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 17-04-00532-ОГН\18 «Исконные и заимствованные форманты и модели в русском словообразовании на славянском фоне: семантические отношения, типы взаимодействия, стилистический потенциал».

должено в ряде публикаций Н.Д. Голева [4, 6], а также на других конференциях упомянутой Комиссии [7, 8]. Этот вопрос имеет большое значение для исследования динамических процессов в русском словообразовании – интернет-поиск позволяет объективировать наблюдения, связанные с активизацией некоторых словообразовательных моделей, с изменениями в семантике формантов (в том числе исконных и заимствованных) и их конкуренции.

В данной статье вопрос об Интернете как источнике лингвистической информации рассматривается на материале русского языка с учетом широкого спектра поисковых опций, предоставляемых современными браузерами. Нас интересует возможность использования количественных показателей употребления новых производных слов на сайтах Интернета, полученных при помощи браузеров Яндекс и Гугл (Google), для оценки частотности дериватов и степени их вхождения в словообразовательную и лексическую систему русского языка.

Сопутствующие задачи. Свое исследование мы проводим на материале словообразовательного сетевого проекта М. Эпштейна, предпринявшего в начале XXI в. попытку «творческого обновления» лексического состава русского языка при помощи индивидуального словотворчества и внедрения созданных слов в русскую речь посредством Интернета. Имеется в виду проект М. Эпштейна «Дар слова», действовавший более десяти лет (2000–2010 гг.) и посвященный, как указано на сайте проекта, «искусству создания новых слов и понятий, исследованию путей обновления лексики и грамматики русского языка, развитию корневой системы, расширению моделей словообразования» [9]. Наш выбор языкового материала связан прежде всего с тем, что на «словесных изобретениях» проекта «Дар слова» удобно проанализировать достоверность количественных показателей при применении браузеров в поиске выбранных слов ввиду реальности проверки этих данных вручную.

В рамках названного проекта новые слова создавались на основе авторских «расширительных моделей словообразования» как гнездовым способом от одного корня, так и по отдельным словообразовательным моделям (о методике словотворчества см. в [10, 11]). Для созданных слов подбирались значения и возможные контексты употребления, затем они размещались на сайте проекта и распространялись по интернет-рассылке. По мнению М. Эпштейна, «интернет делает возможным мгновенное распространение нового слова среди огромного количества читателей. Новообразование может быть подхвачено на лету, и его успешность легко проследить по растущему из года в год и даже из месяца в месяц числу употреблений» [12]. Созданные слова разгруппированы на сайте проекта «Дар слова» по 259 разделам в зависимости от времени создания, тематики, автора и т.д. [9]. Прошло более семи лет после завершения активной деятельности в рамках данного проекта - срок, с нашей точки зрения, достаточный для возможности анализа его словотворческой эффективности. Эту большую исследовательскую работу еще только предстоит выполнить – масштабный проект М. Эпштейна, по нашему мнению, заслуживает подробного анализа. Здесь мы лишь ставим этот вопрос, рассматривая в связи с основной целью нашего исследования всего несколько дериватов из «проективного лексикона».

Применение интернет-технологий в лингвистических целях имеет, с нашей точки зрения, большое значение для изучения динамических изменений в русском языке. Нельзя не согласиться с мнением М. Эпштейна, что до создания Интернета трудно было определить истоки и сферу употребления новых слов [12]. Но его утверждение о том, что «с появлением Сети это делается простым нажатием клавиши в поисковой системе» [Там же] требует, по меньшей мере, проверки. Действительно ли все так просто?

Мы проводим исследование специфики и информативности количественных показателей интернет-поиска по выбранным словам с учетом того, что за последние несколько лет поисковые технологии усовершенствовались. Как известно, в настоящее время активно развивается WEB 3, или семантический WEB¹, существенно расширяющий возможности поиска по ключевым словам и оптимизирующий его результаты (подробнее см. ниже). Поэтому в центре внимания в настоящей статье будут потенциальные возможности современного Интернета как источника достоверной лингвистической информации для изучения частотности производных лексем, прежде всего новообразований, в современных текстах, представленных в Сети. Данная проблема представляется актуальной, поскольку в настоящее время в отечественной лингвистике еще не выработаны методики сбора и систематизации лингвистического материала, полученного в результате интернет-поиска на основе использования браузеров, несмотря на то, что многие лингвисты обращаются к этому источнику данных.

Интернет-технологии с лингвистической точки зрения

Развитие электронных коммуникативных технологий и Интернета оказывает самое непосредственное воздействие на национальные языки, в том числе и на русский. Изучение результатов этого воздействия прошло несколько этапов, что, видимо, отражает эволюцию самого явления. Если вначале в отечественной лингвистике основное внимание уделялось влиянию на русский язык сетевого общения, которое оценивалось неоднозначно [13] (предполагалась возможность потенциально негативного воздействия: так называемая «падонковская коммуникация», массовое нарушение разноуровневых норм в неформальных сообщениях и под.), то в настоящее время становится очевидным, что проблема функционирования национальных языков в Интернете более многопланова и многоаспектна. Активно развивается научное направление, получившее название «лингвистика

¹ Семантический Веб (Semantic Web) — термин, предложенный создателем Интернета Т. Бернерс-Ли (Tim Berners-Lee) для обозначения современной концепции развития поисковых технологий. В их основе — принцип автоматического семантического анализа документов с целью выполнения сложных поисковых задач пользователей.

Интернета». Термин впервые был употреблен Д. Кристалом [14]. С его точки зрения, эта актуальная область научных исследований имеет различные «концепции»: социолингвистическую, образовательную, стилистическую, практическую (последнее подразумевает документацию национальных языков, а также поддержание малых языков). Основным объектом исследования интернет-лингвистики является так называемый «язык Интернета». Данный термин стал способом совокупного обозначения многообразных сдвигов (речевых, текстовых, коммуникативных, семиотических), обусловленных распространением электронной сетевой коммуникации [15]. В последние годы растет количество работ, посвященных данной тематике (см., например, [16–18]). Но есть еще один очень важный аспект использования Интернета как источника лингвистического материала: при помощи поиска по ключевым словам исследователи могут выявлять и изучать факты, отражающие тенденции развития языка в целом.

Электронное общение предоставляет коммуникантам возможности обмена информацией, ранее не существовавшие в истории цивилизации. Интернет также не имеет и жанровых ограничений – здесь представлены практически все типы текстов и все функциональные стили. Следует учесть одно важное обстоятельство: инновационные характеристики электронного общения нивелировали существовавшие различия между письменной и устной речью, поскольку обмен письменными репликами стал возможен в реальном масштабе времени. Особенности речевого поведения в пределах межличностной интернет-коммуникации формируются практически теми же факторами, что и в ситуации устного диалогового общения, описанными, в частности, в [19]: спонтанность, темп, отсутствие строгой стилистической регламентированности и т.д. Это позволяет наблюдать явления, отражающие тенденции развития языка, причем время их узуальной адаптации может существенно сокращаться. Как следствие, Интернет стал уникальным источником того, что Л.В. Щерба называл «языковым материалом» (напомним, под этим понимается «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы» [20]).

Современные компьютерные технологии значительно упрощают и ускоряют обработку огромных массивов текстовой информации, и это их преимущество стало общедоступным благодаря Интернету. Отметим, что использование Интернета как источника лингвистической информации имеет как минимум два важных аспекта. Процедура поиска интересующих исследователя фактов может осуществляться через браузеры или же на основе использования так называемых национальных корпусов. Оба типа данных отражают реальное функционирование языковых единиц в текстах различных типов, но суть их отличается весьма существенно. Корпусы, являясь продуктом деятельности лингвистов, представляют собой универсальный и очень мощный источник информации. Система корпусной разметки, которая постоянно развивается и совершенствуется, имеет целью предоставление не только статистических данных о том или ином языко-

вом факте, но и справочной информации о нем. Так, в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ (http://ruscorpora.ru)) в настоящее время используется пять типов разметки: метатекстовая, морфологическая (словоизменительная), синтаксическая, акцентная и семантическая; планируется также внедрение словообразовательной разметки и упрощённой синтаксической разметки (http://www.ruscorpora.ru/). Аннотированный поиск в корпусах предоставляет научно достоверные данные, без которых уже трудно представить современное исследование в области грамматики, словообразования, лексики и других областях филологического знания. Поиск интересующих исследователя фактов на основе браузеров, напротив, стихиен и вариативен в своих результатах (см. об этом ниже). Но его главное исследовательское значение заключается в том, что в отличие от корпусных данных здесь нет предварительного отбора текстов. Именно здесь аккумулирован огромный массив только что созданных письменных текстов разного жанра, в том числе и воплотивших в себе специфику устного повседневного общения (так называемую «речевую пену дней»). Поэтому именно результаты интернет-поиска дают сведения о тех тенденциях и фактах, которые только начинают появляться в речи.

Огромные языковые ресурсы Интернета, мощность которых трудно переоценить, имеют особенно большое значение при изучении образования и употребления новых слов в разнообразных текстах, представленных в Сети. Языковой материал, полученный в результате интернет-поиска, позволяет также анализировать соотношение потенциальных моделей деривации и реальных лексем, образованных по этим моделям. Последние, хотя и не зафиксированы словарями русского языка, активно употребляются в речи. Не ставшие еще узуальными лексемы часто остаются не отмеченными и в НКРЯ. Поэтому при исследовании динамики русского словообразования Корпус в ряде случаев оказывается недостаточно информативным.

Но при всей очевидности возможностей Интернета как источника лингвистической информации он таковым практически ещё не стал — не хватает исследований методов его использования для изучения русской речи. Видимо, причины этого коренятся не только в некотором недоверии к языковым данным, полученным в результате обращения к Интернету (см., например, [21]), но и в том, что до сих пор отсутствуют научно обоснованные методики использования поисковых запросов в качестве инструмента анализа современного русскоязычного узуса. Работы, выполненные на материале Интернета, посвящены главным образом специфическим явлениям непосредственно самого интернет-общения (интернет-жаргон, языковые особенности различных сетевых жанров и т.д., см., например, [22]).

3. Опыт применения интернет-поиска с лингвистическими целями в русистике

В этой связи представляют большой интерес идеи Н.Д. Голева, высказанные им в уже упоминавшемся выше докладе и ряде статей [4–6], в которых автор ставит своей целью научно обосновать потенциал процедуры

интернет-поиска на основе браузеров для лингвистических исследований. В частности, на большом языковом материале Н.Д. Голев показал, что возможность поиска в Интернете по конкретному заданному слову, в том числе не по зафиксированному, а потенциально предполагаемому, позволяет перейти от «иллюстративного поиска лексических реализаций к системному, от эвристического описания к прогностическому» [5. С. 202]. При таком поиске реальна «возможность извлечения и описания непрерывных лексических, словообразовательных, лексико-словообразовательных, лексико-грамматических пространств (полей, парадигм, цепей, гнезд) и представление их в виде матриц» [Там же. С. 203]». Большое значение имеет также доступность «контекстов вхождения» языковых единиц, в том числе и новообразований, что позволяет проводить их полномасштабный семантический и стилистический анализ [там же]. Количественные данные поисковых систем Интернета анализировались также с точки зрения описания лексических реализаций словообразовательных типов, гнезд и парадигм. Было показано, что они «дают возможность более качественной оценки порождающей силы словообразовательной модели и мотивирующего потенциала мотиватора» [6. С. 233]. Главным критерием узуального статуса языкового факта, подвергаемого анализу, становится количественный показатель результатов поиска по соответствующему ключевому слову: чем больше количество контекстов вхождения, фиксируемых браузером, тем более актуально явление. По мнению Н.Д. Голева, «количественная характеристика, которую дает слову "квантитативный коэффициент", извлеченный из поисковых систем Интернета, является одновременно информативной» [5. С. 198]. Действительно, в настоящее время употребление новых дериватов в речи трудно обнаружить и изучить в полном объеме без использования электронных средств коммуникации и компьютерных поисковых систем. И в этом смысле Интернет предстает как универсальный источник лингвистической информации, обладающий целым рядом преимуществ. Но некоторые вопросы использования Интернета в лингвистических интересах, затронутые в статье Н.Д. Голева, требуют более детального обсуждения, тем более что сам автор отмечает в ряде случаев «парадоксальность» «статистики Интернета» ¹.

Таким образом, количественные показатели интернет-поиска (и «квантитативная мощность» Интернета) требуют ряда уточнений. С одной стороны, порядок сопоставляемых цифр («квантитативный коэффициент») отражает некоторую объективную данность, а с другой — нельзя не учитывать целый ряд факторов, чьё воздействие на предъявляемые поисковые

 $^{^{1}}$ «Например, иначе чем как парадоксальную не можем оценить статистику в паре железобетон / железобетонный (428 000 / 3 250 000): прилагательное здесь в 7,6 раза превосходит в количественном отношении существительное. Однако не исключаем, что этот парадокс имеет свои резоны, не замечаемые поверхностным взглядом» [6. C. 233].

результаты может быть весьма ощутимым. Рассмотрим наиболее существенные из них.

Интернет-технологии постоянно совершенствуются. Как мы уже упоминали, сейчас находит практическое воплощение концепция Веб 3:0 (Web 3.0), или так называемый семантический Веб (semantic Web). Суть данной концепции состоит в том, что она способствует профессиональной оптимизации контента и поиска. т.е. информационному совершенствованию Интернета. Оптимизация поиска идет за счет использования принципов семантических сетей и автоматического анализа текста (в отличие от изначального поиска на основе тезаурусов, когда учитывалось простое вхождение слова в текст – прежде всего в его название). Современные браузеры должны отранжировать (т.е. отсортировать) огромный объем данных в соответствии с поисковым запросом и предоставить пользователю наиболее релевантную информацию (например, в настоящее время в Яндексе используется более 1500 факторов ранжирования). А. Сафронов, руководитель службы релевантности и лингвистики Яндекса, пишет по этому поводу: «Для того, чтобы представить себе, что такое ранжирование, хорошо подходит изображение нашей галактики Млечный путь. Потому что количество документов, которые проиндексировал Яндекс, и количество звезд в этой галактике – это числа приблизительно одного порядка. А задача ранжирования – показать десятку самых релевантных результатов» [23].

Одна из основных задач развития поисковых технологий – адаптировать предъявляемые результаты поиска к индивидуальным информационным потребностям конкретного пользователя. Как заявлено в «Миссии Яндекса» на официальном сайте компании, «качество поиска – это самый важный аспект для любой поисковой системы. Если она будет плохо искать, люди просто перестанут ей пользоваться» (https://yandex.ru/company/rules/ranking/), поэтому факторы ранжирования результатов поиска учитывают в том числе и предыдущие поисковые запросы, совершенные через данный аккаунт. Все это приводит к тому, что результаты поиска по конкретному ключевому слову или словосочетанию разнятся в зависимости от того, когда, кем и при помощи какого браузера осуществлены запросы.

Количественные показатели узуального статуса того или иного явления могут быть уточнены в результате применения не одного, а нескольких браузеров, например Яндекса и Google, являющихся самыми используемыми поисковыми системами в России (47 и 48% соответственно от всей российской интернет-аудитории, по данным на май 2017 г. (https://marketer.ua/rejting-poiskovyh-sistem-v-2017-statistika-stran-sng-i-mira/)). Как известно, эти браузеры используют несовпадающие поисковые алгоритмы, поэтому результаты поиска могут разниться весьма существенно. В частности, Google, в отличие от Яндекса, осуществляет функцию дедупликации (метод сжатия массива данных, призванный исключить повторение копий в результатах поиска). Google изначально не предъявляет то, что в его интерфейсе называется «похожие результаты». Эти ссылки можно вызвать, нажав соответствующую кнопку, но количественный показатель результатов поиска,

предъявляемый по запросу, их не учитывает. Яндекс, в большей степени ориентированный на русскоязычный контент и отечественную аудиторию, отличается от Google своей геозависимостью, т.е. результаты поиска могут зависеть от того, где был осуществлен запрос. Как следствие, количественные показатели поиска по ключевым словам через Яндекс и Google практически никогда не совпадают.

Проиллюстрируем названные выше проблемы конкретными примерами. Проанализируем частотность и продуктивность образования глаголов от коммерческих названий программного продукта при помощи суффикса -и- типа гуглить. Данная модель последовательно используется в современном русском языке – глагольные дериваты образуются практически от всех наименований распространенных программ и приложений, включая названия браузеров. Проверив частотность некоторых потенциальных дериватов в Яндексе, мы получили следующие данные: гуглить – 112 000; яндексить – 6 000; фотошопить – 2 000 000; инстаграмить – 29 000; рамблерить - 359: экселить - 331 (по результатам на 07.08.2017, для уточнения результатов поиска был использован оператор «поиска по цитате» ["], об операторах поиска подробнее см. ниже). Полученные количественные результаты свидетельствуют об актуальности самой модели, от которой образуются приставочные дериваты типа прогуглить, отфотошопить, заинстаграмить и под. Для указанных выше глаголов поиск в Google дал несколько иные результаты: гуглить – 918 000; яндексить – 10 900; фотошопить — 1 260 000; инстаграмить — 22 600; рамблерить — 512; экселить – 160 (по результатам на 07.08.2017, для уточнения результатов поиска также был использован оператор «поиска по цитате»).

В следующем разделе мы рассматриваем более подробно данные использования названных выше браузеров при изучении неологизмов, имеющих в Рунете меньшую частотность, чтобы последовательно изучить всю информацию об их употреблении в текстах разного жанра. Такой анализ, помимо сформулированных выше целей, позволяет также решить ряд лингвистических проблем, связанных с образованием неологизмов и изучением когнитивно-дискурсивных условий вхождения их в русский язык. Как уже было отмечено, мы анализируем частотность в текстах Рунета ряда новообразований, связанных с интернет-проектом М. Эпштейна «Дар слова».

Анализ результатов интернет-поиска

Когнитивные и дискурсивные условия вхождения новых слов в русский язык. Словообразовательная система участвует в пополнении лексики русского языка прежде всего за счет: 1) заполнения имеющихся в ней лакун (об этих процессах см. [24–26]); 2) расширения мотивационнодеривационных отношений ([27]); 3) действия законов аналогии в деривации [28]; 4) развития адаптирующей функции словообразовательных типов при освоении заимствований [2]; 5) окказионального словотворчества [29,

30]. Данные источники словообразования пополняют лексическую систему языка в определенных условиях: когда создание новых слов связано с познанием мира и осмыслением нового опыта в процессе коммуникативной деятельности человека. Этот процесс является когнитивным, выражающим (и формирующим) знания о мире, и одновременно дискурсивным, неотделимым от порождения речи в определенной коммуникативной ситуации [31. С. 391; 32]. Возможно ли вхождение новообразований в русский лексикон при нарушении одного из этих условий? Анализ количественных результатов интернет-поиска по лексемам, образованным в рамках проекта «Дар слова», позволяет в известной степени ответить и на этот вопрос.

Ниже мы приводим конкретные примеры из материалов практики, проведенной в 2016–2017 гг. на филологическом факультете МГУ под руководством авторов статьи¹. В рамках практики мы изучали динамику русского словообразования и когнитивно-коммуникативные условия вхождений новых слов в русский язык, а также возможности интернет-поиска по ключевым словам в качестве лингвистического источника.

Лингвистическая релевантность данных о частотности новообразований в Интернете. Рассмотрим частотность конкретных новообразований, например потенциального каузативного глагола общать, образованного депостфиксацией. Он толкуется в проекте «Дар слова» следующим образом: «направлять и поддерживать процесс общения, вовлекать людей в общение и разговор, посредничать, предлагать темы, подбадривать собеседников, вызывать их интерес друг к другу» (http://new.topos.ru/veer/24/dar29.html). При обращении к поисковой системе Яндекс в начале декабря 2016 г. по данному неологизму без применения операторов поиска получено 4 млн вхождений. При проверке этих показателей 25.11.2017 Яндекс выдал 3 млн страниц. Для нашего исследования важным является вопрос о том, какая информация стоит за столь большими цифрами, полученными «простым нажатием кнопки»?

Анализ первых страниц сайтов, выбранных поисковиком Яндекс, показывает, что большая часть ссылок дается на словарь Даля, в котором употребляется омоним данного глагола: «Общать – общить что чему, приобщать, соединять, смешивать; считать вместе, заодно». Десятки ссылок на сайты автоматического подбора слов и форм можно считать пустыми, так как там не содержится никакой информации об употреблении данного глагола. Кроме того, на первых десяти страницах обнаружены ссылки на сайты с опечатками: с раздельным написанием -ся (Но тем не менее, общать ся где-то надо); с пропуском гласной об(е) щать и употреблением данной формы в значении 'обещать'. На количественные результаты поиска влияет также наличие так называемых «зеркал» сайтов. Под зеркалом понимается полная или частичная копия одного сайта на другом. Изначально зер-

 $^{^{1}}$ В практике, которая проходила на филологическом факультете МГУ с 01.09.2016 по 20.12.2016, принимали участие студенты Н.С. Варивода, А.Д. Леоненко, М.Г. Шерварлы, Д.А. Ямилова.

кала сайтов появлялись в результате использования двух версий доменов, с «www» и без (например, www.msu.ru и msu.ru), сейчас они могут применяться в коммерческих целях, в целях безопасности и т.д. Естественно, на результаты поиска также влияют различные практики интернетцитирования. Воздействие данных факторов, способное исказить реальное положение вещей, особенно существенно, когда анализу подвергается инновационное явление, недостаточно освоенное узусом. В нашем случае на результаты поиска, осуществленного через Яндекс, повлияли прямые ссылки на проект М. Эпштейна (http://www.emory.edu/INTELNET/dar0) и цитирование его материалов, а также зеркала этого сайта (например, http://old.russ.ru/ antolog/intelnet/dar0.html).

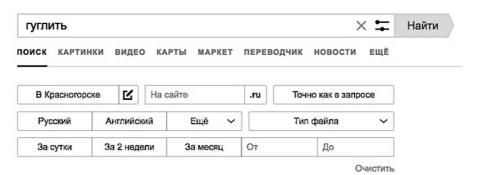
Но самое главное, результаты поиска **без операторов** недифференцированно включают и возвратный глагол *общаться*, а также глагол *сообщать*, что кардинальным образом меняет количественные показатели употребления в Интернете невозвратного глагола *общать* (кого-то)¹. Все сказанное вызывает большие сомнения в информативности полученных количественных результатов простого поиска по ключевым словам.

В связи с этим встает вопрос об оптимизации поисковых запросов в исследовательских целях на основе опций, предоставляемых современными браузерами. Эти системы уделяют много внимания лингвистическим аспектам совершенствования доступа к информации и предлагают поиск с учётом ряда морфологических, лексических и других критериев. Так, Яндекс по умолчанию осуществляет поиск в пределах заданной лексемы, учитывая ее частеречную принадлежность и парадигму форм, т.е. при запросе [делать] будут предложены контексты, содержащие словоформы «делаю», «делаешь», «делать» и т.д., но не «деятель», «дело» и под. При этом формальный язык запросов включает целый ряд операторов, что позволяет конкретизировать поисковые задачи. Яндекс имеет две категории операторов, специфика которых в меню раздела «Помощь» обозначена как «Морфология и поисковый контент» и «Документные операторы» (https://yandex.ru/support/search/query-language/glanguage.html). Операторы первого типа позволяют искать по форме слова (оператор! [!делал]); по нескольким ключевым словам одновременно (оператор + [делал +дело]); осуществлять поиск документов, содержащих слова запроса в заданной последовательности и конкретных формах, так называемый «поиск по цитате» (оператор " ["сделал дело гуляй смело"]) и т.д.

Документные операторы, операторы второго типа, дают возможность уточнить поисковый запрос с помощью данных, относящихся не к текстовому контенту, а к информации о страницах, например: искать в пределах

¹ По всей видимости, с неприменением операторов связана и «парадоксальная статистика» интернет-поиска в паре *железобетон / железобетонный* (428 000 / 3 250 000), упомянутая в сноске 2. При перепроверке данных с применением оператора [-], позволяющего исключить однокоренное слово из результатов поиска, мы получили следующие цифры: [железобетонный – железобетон] 486 000 (Google, 07.02.2018).

указанного сайта, хоста, домена, осуществлять поиск в файлах определенного типа, на конкретном языке и т.д. (https://yandex.ru/support/search/ query-language/search-operators.html). Использование документных операторов при поиске по ключевым словам имеет социолингвистическую перспективу, поскольку это позволяет, например, реализовать «жанровые» критерии при отборе языкового материала (сайты СМИ, социальные сети и т.д.) или разграничить результаты поиска по близкородственным языкам. Отметим, что наиболее популярные поисковые операторы (выбор языка, сайта, времени запроса, типа файла, поиск по словоформе) представлены в фильтрах расширенного поиска Яндекса:

Возможности расширенного поиска предоставляются и другими браузерами, в частности Google (https://support.google.com/websearch/answer/2466433?hl=ru).

Посмотрим, как влияет использование поисковых операторов Яндекса на количественные показатели употребления в Интернете неузуального глагола *общать* (дата обращения: 25.11.2017).

В результате применения оператора «поиск по цитате» ["общать"], который задает поиск документов, содержащих слова запроса в заданной последовательности и форме, количественные показатели составили 14 тыс. результатов. Но и они не отражают реального числа употреблений именно этого глагола (см. ниже). Запрос на личные формы данного глагола дал практически отрицательные результаты. Несмотря на то, что поиск по форме ["общаю"] дал 4 тыс. контекстов вхождения, интересующие нас случаи употребления неузуального деривата единичны (например, лично я общаю в основном анимешниц). На результаты поиска повлияла спонтанная омонимия, возникающая в результате ошибок при написании форм других слов: прилагательного общий (*Составить общаю характеристику класса); глагола обещать (Я общаю, что дождусь), раздельное написание постфикса -ся (общаю сь со взрослыми), а также употребление глагола общаться (с кем?) без постфикса -ся (Я с душевнобольными не общаю). Полученные результаты отражают одну очень существенную проблему, связанную с использованием интернет-поиска по ключевым словам как инструмента лингвистического исследования. Хотя современные браузеры, работающие по принципам семантических сетей, становятся все более совершенными в области автоматического анализа текста, решить проблему омонимии они пока не в состоянии. В этом плане корпусы текстов, в частности НКРЯ, обладают огромным преимуществом, поскольку предоставляют данную возможность.

Максимально уточнить результаты поиска для глагола *общать* удалось в результате одновременного применения операторов [!] и [-] [!общать общаться], что позволило исключить вхождение в выборку слова «общаться» при учете всех форм исследуемого потенциального невозвратного глагола. Мы получили результат 5 000 употреблений. При исключении и результатов поиска глаголов *сообщать* и *приобщать* [-сообщать приобщать] список сократился до 4 тыс. Среди данной выборки, конечно, остались зеркала сайтов, ошибки, но реальное употребление данного неузуального каузативного невозвратного глагола стало очевиднее, хотя результаты поиска нестабильны и могут меняться в зависимости от даты обращения.

Использование интернет-поиска как источника лингвистической информации затруднено также и тем, что в случае, если нас интересуют не только количественные показатели частотности деривата, но и их реальное употребление в тексте, мы сталкиваемся с достаточно сложной задачей. Необходимо «вручную» искать адекватные контексты в огромном объеме предъявляемых результатов поиска, причем они могут быть не на тех сайтах, которые находятся в так называемых «топовых» (т.е. верхних) позициях списка. Дело в том, что порядок предъявления поисковых результатов по конкретному запросу - одна из самых существенных сторон современного Интернета, и владельцы любого сайта прежде всего заинтересованы в повышении его релевантности (для этого, например, используются сео-технологии 1). На релевантность результатов поиска влияют параметры ранжирования конкретного браузера, а также ряд других факторов. Так, при анализе глагола общать пример его использования как интересующего нас узуального деривата был отмечен лишь во втором десятке поисковых результатов. Первые 10 ссылок были на упомянутую выше статью словаря В.И. Даля. В «топовых» результатах есть ссылки на проект «Дар слова» (вып. 29, 14 мая 2001). Кроме этого, ряд контекстов предполагает языковую игру: Сейчас я кратенько, но по существу, расскажу как правильно меня общать и дружить (на игровое использование глагола указывает употребление с ним другого окказионального каузативного глагола): В динамике работу в команде можно рассматривать как отношения с девушкой. Девушке надо дарить подарки, ее надо «гулять», «общать», знакомить с друзьями. Одним словом, отношения должны развиваться (глагол употреблен в кавычках в ряду других неузуальных каузативных

 $^{^1}$ CEO (от англ. Search Engine Optimization, или SEO) — технология, позволяющая осуществить поисковую оптимизацию сайта, т.е. повысить его релевантность в результатах поиска по конкретному запросу.

глаголов, что подчеркивает осознание говорящими его необычности и стилистической маркированности). Эти и подобные примеры не являются свидетельством того, что общать как казуальный дериват получает распространение, поскольку суть языковой игры как раз и состоит в нарушении узуальных норм. Данное явление популярно в межличностном интернет-общении, оно становится специфической формой самовыражения коммуникантов (так называемая креативность). Если говорить о бесспорных примерах употребления глагола общать в интересующем нас значении, то они встречаются не в первом десятке результатов и отмечены в основном на сайтах, поддерживающих неформальное межличностное общение (блоги, социальные сети, форумы): Желающие меня общать — машите лапой (kyellinn.diary.ru>p176484663.htm). В общем технически я уже дома. И меня даже можно общать... (lomelind.livejournal.com> 487782.html). Интернет не место для шуток юмора, тут люди думать и общать друг друга собираются.

Во второй сотне результатов поиска встретились производные данного глагола с приставкой по-: Как вы оцениваете идею специально пообщать детей с болеющими ветрянкой? (тата.ru). В целом же «ручная» проверка результатов поиска выявила следующую картину: в среднем на 15 позиций (эта цифра может незначительно варьироваться), выдаваемых одновременно на экране браузера при «листании» результатов поиска, приходится от 1 до 4 вхождений, адекватных нашей цели. Мы можем с большой вероятностью предположить, не рассматривая все остальные вхождения (которых осталось больше 3 тысяч), что картина будет сходная, т.е. из 15 единовременно выдаваемых ссылок в среднем от 1 до 4 могут представлять действительное употребление данного глагола.

Итак, наш анализ показал, что количественный результат простого запроса в системе Яндекс на потенциальный невозвратный глагол *общать* (3–4 млн) абсолютно неинформативен. Использование поисковых операторов позволило уточнить параметры запроса, снизив количественный результат до 4 тысяч. Частичная его проверка вручную показала, что реальных контекстов на употребление изучаемого глагола содержится не более 15–20% от этого количества (т.е. ≈ 800).

Каузативный глагол общать является потенциальным, он заполняет словообразовательную и грамматическую лакуны в русском языке. Этот невозвратный глагол использовался и до проекта М. Эпштейна, подтверждение чему мы нашли в НКРЯ, где имеется одно употребление данного глагола, зафиксированное задолго до упомянутого проекта: А на судне, где экипаж с бору да с сосенки, перед ледовым плаванием следует людей сблизить и теснее перезнакомить, пообщать за праздничным столом (Виктор Конецкий. Вчерашние заботы. 1979). Из всего сказанного следует вывод, что «внедрять» потенциальный глагол общать в русский язык нет необходимости — сама словообразовательная система подготовила для его образования место, которое легко заполняется при необходимости выразить данный каузативный смысл. Но можно предположить, что

включение данного неузуального глагола в сетевой проект поддержало его употребление.

Интернет-поиск потенциального каузативного глагола выспать. Сопоставимые в плане итоговых цифр результаты были получены для другого неузального каузативного глагола выспать (кого-либо) 'сделать так, чтобы некто выспался, способствовать засыпанию и отлыху во сне' (Дар слова. № 31. 04.06.2001). При простом поисковом запросе Яндекс выдал 54 тыс. результатов. При обсуждении узуального статуса лексемы цифра может представляться значительной, но результаты недифференцированно включают глагол выспаться, а также спонтанную омонимию, возникающую в результате искаженного написания других слов (выспать ся, выс(ы)пать), а также ссылки на словарь Даля («ВЫСЫПАТЬ, выспать, или -ся, спать сколько хочется и проснуться, поспать вдоволь, сколько природа требует») и другие онлайн-словари (например, статья выспать создана в проекте «Викисловарь» (https://ru.wiktionary.org/wiki), но кроме самого ее названия, указывающего на глагол, в ней нет абсолютно никакой информации). Кроме того, в результатах поиска были представлены контексты, содержащие данный глагол в ином значении ('Спать в течение какого-л. – обычно длительного – времени' [33]): Лишь в период младенчества еще можно быть уверенным, что **ребенок** «выспит» необходимое ему количество часов; Вот положено ему 15 часов, он их за сутки и должен выспать. Многочисленные ссылки на соответствующую статью словаря Т.В. Ефремовой также вошли в результаты поиска.

С помощью поисковых операторов были получены следующие результаты: «поиск по цитате» ["выспать"] — 9000; поиск по конкретной словоформе, исключая глагол выспаться [!выспать -выспаться] — 6000. Проверка вручную верхних 350 позиций последней подборки дала не более 30 употреблений глагола выспать в интересующем нас значении, что составляет 8,5 %. Представляет интерес то, что позицию объектного актанта в этом случае чаще всего занимает лексема ребенок, что уточняет неузуальную семантику глагола (вносит смысловой компонент 'принудить ко сну'): Решила выспать ребенка, так как спал он в 4 мес. в сутки 11-12 часов; Пытаюсь "выспать" ребенка по советам из статей на вашем сайте, но длинные сны нам все равно не даются, подскажите как быть. Как и в случае, рассмотренном выше, сфера распространения этого глагола — сайты, поддерживающие неформальное межличностное общение, а возможное употребление кавычек указывает на неузуальный статус данного каузативного глагола.

Неузуальный глагол выспать, как и глагол общать, представляет собой потенциальный дериват, легко образуемый при необходимости в тексте. Так, единичные случаи употребления глагола выспать зафиксированы в НКРЯ в текстах, до начала проекта «Дар слова». Например: Я вернулся вниз. Яков спал, уронив голову на пульт. Командор уже пытался отвезти его на турбазу, выкупать и выспать, но Яков уперся, как козел, и никуда не поехал [Андрей Лазарчук. Все, способные держать оружие... (1995)].

Ситуативное и потенциальное словообразование – типологическая особенность русского языка, которую необходимо учитывать при исследовании актуальных словообразовательных процессов.

Другие результаты интернет-поиска неузуальных новообразований. Еще одна проблема при использовании количественных показателей результатов поиска по ключевым словам в лингвистических целях – это несовпадение количественных показателей результатов поиска, фиксируемых браузером, и числа реально предлагаемых ссылок. Первый показатель многократно превосходит число возможных переходов к конкретным контекстам вхождения. Мы столкнулись с этим при проверке малоупотребительных окказионализмов из проекта М. Эпштейна «Дар слова». Так, проверили окказионализм временосеи, который М. Эпштейн толкует следующим образом: 'человек, активно представляющий, знаменующий свое время, выразитель его понятий и ценностей'. В начале декабря 2016 г. поисковик Яндекс (без поисковых операторов) зафиксировал 73 результата для этого слова, но при этом было предложено лишь 17 ссылок. Из них оказалось, что 4 «пустые», связанные с ошибками в написании слов, 6 ссылок ведут к проекту М. Эпштейна и к его статьям (http://www.ulita.net/ gost v4 b2.htm); еще 4 – отсылают к публикации С.А. Кутолина «Словля поэзии», представленной на нескольких сайтах. У С.А. Кутолина в предеабзаца встречается и временосеи, времяносеи (http://www.bookol.ru/poeziva/ poeziva prochee/186070/str9.htm), причем в другой своей публикации автор ссылается на словотворчество М. Эпштейна (http://samlib.ru/k/kutolin s a/alchemia101.shtml). Из трех последних ссылок одна представляет небольшое обсуждение творчества Эпштейна в ЖЖ (http://tamara-borisova.livejournal.com/88166.html), две другие демонстрируют употребление этого производного с неясным значением в блогах, посвященных играм (Перед ней стоит Кронос, в своем настоящем обливеличественного временосца, держа в массивной руке серп (https://vk.com/topic-121921629 34208312). Мы проверили употребительность данного окказионализма 27.06.2017, получив 84 вхождения, но реально было предложено лишь 18 ссылок. Из полученной информации можно сделать вывод, что данный созданный окказионализм является неупотребительным. На похожее слово времяносец было получено без применения операторов 578 результатов, из которых доступны только 46 ссылок. При его поиске 27.06.2017 было получено без операторов 2 тыс. вхождений, при введении оператора [!] Яндекс показал 157 результатов, но открылось всего 17 ссылок.

Интересные результаты дает сопоставление количественных показателей поиска в Интернете близких по значению и форме потенциальных дериватов, например таких, как *российствовать* и *российничать*, а также других производных, образованных по сходной модели. Подобные дериваты М. Эпштейн предложил в словообразовательном типе «этнических глаголов», которые «восполняют... изъян в обозначении действий, характеризующих этнические и географические субъекты, с помощью двух суффиксов

-ствова- и -нича-»: российствовать, американствовать, французствовать, американничать (http://www.topos.ru/veer/46/dar38.html). российничать, Определение М. Эпштейна: *российствовать* — «действовать по-российски, так, как присуще России и русским». *Российничать* – «действовать в подражание России и россиянам (имитировать, передразнивать, обезьянничать)» [Там же]. Российствовать: при интернет-поиске нашлось 343 результата и 150 вхождений (обращение 02.07.2017). Среди первых десяти вхождений – это ссылки на «Дар слова». Еще 4 ссылки на статью «Российствующие молодчики» (http://www.kommersant.ru/doc/624060), где российствовать – значит 'пропагандировать националистические идеи'. Также 3 ссылки относятся к двум стихотворениям разных поэтов, в которых слово употреблено в похожем значении (http://world.lib.ru/k/kutolin s/ alchemia56.shtml и http://www.proza.ru/2013/03/31/1080). Среди форм данного глагола преобладает причастная форма российствующий с отрицательными коннотациями. Одна из ссылок указывает на автореферат А.Н. Сокальской «Словотворчество как компонент научного идиостиля Г.Д. Гачева» (2007), в котором приводятся авторские новообразования Г.Д. Гачева, в частности глаголы с суффиксом -ствова-, образованные от названия стран азербайджанствовать, российствовать (образованные задолго до начала проекта М. Эпштейна). В произведениях Г.Д. Гачева также можно найти американствовать, например: Минуты роковые истории вершились, пока я тут американствовать привыкал (Г.Д. Гачев. Как я преподавал в Америке, 1997). Созданное же в рамках проекта слово российничать показало крайне низкую частотность - всего 4 результата (вхождение 02.07.2017), из них 2 ошибочных (тексты написаны с ошибками, соответствующих дериватов не нашлось), 2 относятся к проекту «Дар слова».

На основе результатов проведенного поиска в Яндексе новообразований из лексикона проекта «Дар слова» М. Эпштейна можно сделать вполне обоснованный вывод, что предложенный в рамках проекта «Дар слова» в 2002 г. производный глагол российничать не вошел в русскую речь. А глаголы российствовать, американствовать, представляющие реализацию потенциальной и продуктивной модели глагольной деривации, были зафиксированы в русской речи и до проекта М. Эпштейна.

Что же касается сотен слов, образованных в рамках проекта «Дар слова» по индивидуальным моделям, то выборочная проверка их частотности в Рунете показала, что большая часть таких слов представлена единичными текстами, в основном связанными с проектом М. Эпштейна. Например, следующие производные от корня -люб- имеют такие индексы частотности в Яндексе (поиск проводился с использованием оператора ["] 25.11.2017 г.): любь (48, открылось 8 ссылок, 3 связаны с проектом, 2 ошибочные), точно такие же показатели у новообразования налюбь; улюбье (78, открылось 7 ссылок, 5 из них связаны с проектом М. Эпштейна); вприлюбку (146, открылось 6 ссылок, 5 из них относятся к проекту); дальнолюбие (76, открылось 4 ссылки, все связаны с упомянутым проектом), предлюбье (70, открылось 15 ссылок, 2 на проект М. Эпштейна, 10 на книгу

футуристов «Дохлая луна», а именно на творение В. Хлебникова «Любхо», текст которого во многом перекликается с производными от корня *-люб-*, образованными в рамках проекта «Дар слова») (http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html).

Выводы

- 1. Использование интернет-поиска как источника лингвистического материала при всей своей привлекательности для лингвиста не является столь легкой задачей, как это иногда представляется (как «простое нажатие кнопки»). Развитие информационных технологий связано с оптимизацией их применения для пользователей, но данную задачу нельзя считать полностью решенной. Поэтому, как было отмечено, более предпочтительным пока является использование в лингвистических научных целях НКРЯ. Корпусные данные отличаются от сетевого представления электронной информации двумя основными особенностями: сбалансированностью состава текстов и наличием лингвистической разметки – дополнительной информации о текстах и их единицах. Это делает НКРЯ мощным инструментом лингвистического анализа. Однако при исследовании отдельных инновационных лингвистических явлений, например неодериватов, данные НКРЯ не всегда показательны: многие актуальные неологизмы в Корпусе оказываются незафиксированными. Так, из всех рассмотренных выше неологических глаголов, образованных от коммерческих названий программного продукта при помощи суффикса -и-, в НКРЯ зафиксирован только гуглить (5 вхождений). Что же касается потенциальных новообразований, связанных с проектом М. Эпштейна, то они, за небольшим исключением (пообщать, выспать), вообще не попали в Корпус.
- 2. Наше исследование продемонстрировало, что простой поиск по ключевым словам не может быть однозначно признан в качестве метода получения адекватных количественных показателей для исследуемого лингвистического материала - количественные данные являются заведомо более значительными, чем реальное число употреблений слова в конкретном значении с реализацией соответствующей синтагматики. Как было показано, оптимизировать поиск можно с помощью поисковых операторов. Однако при оценке количественных показателей надо иметь в виду, что и применение операторов не может снять проблему полисемии и омонимии (как языковой, так и спонтанной), а также влияния зеркалов сайтов, онлайн-словарей (включая непрофессиональные), сайтов по автоматизированному составлению слов из опреhttp://getword.ru/) букв (например, ИЛИ (http://poiskslov.com/) и др. С учетом всего сказанного можно было бы поставить вопрос о коэффициенте достоверности количественных результатов интернет-поиска, и это требует дополнительных исследований.
- 3. Несмотря на рассмотренные погрешности описанных процедур, сама возможность поиска в Интернете неузуальных неодериватов представляется актуальной и информативной, поскольку на разнообразных по жанру

интернет-сайтах, вовлеченных браузерами в поисковый процесс, впервые в истории коммуникации масштабно фиксируется новейший «речевой материал», по которому можно проследить историю возникновения и распространения неологизмов. Соответственно, результаты сбора языкового материала при помощи Яндекса и других браузеров в ходе изучения словообразовательных процессов, несмотря на все технические издержки, имеют большую лингвистическую ценность. Она повышается, если сопоставляются конкурирующие дериваты. Достоверные результаты дает поиск новообразований с целью изучения их вхождения в язык, так как можно проверить значительную часть ссылок на тексты с данными дериватами и исследовать контекстуальные условия их употребления. Отметим, что и до массового распространения интернет-технологий исследователи искали возможность получить сведения о реальном узуальном статусе новообразования. С этой целью, например, использовались экспериментальные данные, полученные от информантов (см. [34]). Интернет-технологии оптимизируют изучение условий и этапов вхождения новых слов в лексическую систему.

- 4. Возможности применения оптимизированного поиска неодериватов были проанализированы на материале ряда новообразований из проекта М. Эпштейна. Наше исследование показало невостребованность ряда сконструированных в ходе проекта производных слов, в частности с корнем -люб-, и тщетность попыток внедрить эти и подобные им слова в русскую речь. Выявленный небольшой неологический эффект оригинального и многолетнего проекта в области русского словотворчества обусловлен, с нашей точки зрения, нарушением когнитивно-дискурсивных условий порождения нового деривата и его вхождения в язык. Кроме того, поиск в Интернете с учетом всех возможностей его оптимизации позволил установить, что некоторые неузуальные слова из анализируемого словотворческого проекта были созданы и употреблены задолго до его начала (например, глаголы общать и выспать, российствовать и американствовать). Подобные дериваты создаются по продуктивным моделям и в соответствующих дискурсивных условиях легко заполняют имеющиеся в русской словообразовательной системе лакуны, но при этом, как контекстно и ситуативно ориентированные производные, не записываются в словари. Мы также пришли к выводу, что результаты многолетней творческой работы по созданию новых русских слов в рамках проекта «Дар слова» заслуживает более подробного и масштабного лингвистического анализа.
- 5. Наличие ряда технических факторов, снижающих научную достоверность поисковых результатов, делает насущной задачей создание методик использования процедуры интернет-поиска в лингвистических целях. Это возможно сделать с учетом всего арсенала опций, предоставляемых современными поисковыми технологиям. Комплексное использование доступных в настоящее время средств (разные браузеры, операторы формального языка поисковых запросов, а также данные статистики этих запросов) позволяет существенно конкретизировать результаты поиска, что значитель-

но повышает достоверность Интернета как лингвистического источника. Не приходится сомневаться, что при дальнейшем развитии поисковых технологий перечень опций, способствующих оптимизации лингвистической релевантности Интернета, будет возрастать. В любом случае лингвист, исследующий актуальные явления русскоязычного узуса, не может не учитывать их отражение в сетевой коммуникации.

Литература

- 1. *Крысин Л.П.* Об интернационализации фонда словообразовательных морфем // Современное русское языкознание и лингводидактика. Вып. 2: сборник научных трудов, посвященный 85-летию со дня рождения академика РАО Н.М. Шанского. М., 2007. С. 69–72.
- 2. *Новые* явления в славянском словообразовании: система и функционирование: доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / под ред. Е.В. Петрухиной. М., 2010.
- 3. *Новые* тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л.В. Рацибурской. 4-е изд., стер. М., 2016.
- 4. *Голев Н.Д.* Лексическое функционирование словообразования и лексикословообразовательная системность русского языка в свете статистики Интернета // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. № 1. С. 22–31.
- 5. Голев Н.Д. Поисковые системы Интернета как лингвистический источник (на примере решения некоторых теоретических и прикладных вопросов русского словообразования) // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование: доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / под ред. Е.В. Петрухиной. М., 2010. С. 424–443.
- 6. Голев Н.Д. Лексическая реализация как функциональная характеристика словообразовательной системы русского языка и количественные параметры ее описания // Осмь десъть: сборник научных статей к 80-летию И.С. Улуханова. М., 2015. С. 225—236.
- 7. *Słowotwórstwo* słowiańskie: system i tekst. Prace Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów / red. J. Sierociuk. Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, seria 13. Poznań, 2012. C. 287–297.
- 8. Словообразование и Интернет / ред. Б. Тошович. Graz : Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz, 2016.
- 9. Эпитейн М. Дар слова: Проективный лексикон. 2000–2010. URL: http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html
- 10. Эпитейн М. Слово как произведение. О жанре однословия // Новый мир. 2000. № 9. URL: http://magazines.ru/novyi_mi/2000/9/epsh.html
  - 11. Эпштейн М. О будущем языка // Знамя. 2000. № 9.
- 12. Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1. URL: http://magazines.ru/znamia/2006/1/ep13.html
- 13.~Иванов~Л.Ю.~Язык интернета: заметки лингвиста. 2000. URL: http://www.faq -www.ru/lingv.htm
- 14. Crystal D. Language and the Internet (2nd ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- 15. Дедова О.В. О языке Интернета // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 25–38.
- 16. *Современный* русский язык в интернете / ред. Я.Э. Ахапкина, Е.В. Рахилина. М.: Языки славянской культуры, 2014.

- 17. Тошович Б. Интернет-стилистика. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
- 18. Словарь языка интернета / под ред. М.А. Кронгауза. М.: АСТ-Пресс, 2016.
- 19. Русская разговорная речь / под ред. Е.А. Земской. М.: Наука, 1973.
- 20. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- 21. Кошкарева Н.Б. Тундровый, тундряной, тундренный или *тундреный, или Как Интернет способствует появлению и закреплению исключений // Интернет как источник лингвистической информации: сб. науч. ст. Бийск, 2014.
- 22. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса. Волгоград: Перемена, 2009.
- 23. Сафронов А. Поиск Яндекса: Как найти лучшие ответы. URL: https://www.searchengines.ru/poisk-yandeksa.html
  - 24. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М., 1992.
- 25. Земская. Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 90–142.
- 26. Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- 27. Улуханов И.С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М., 2005.
- 28. Кубрякова Е.С. Роль аналогии в порождении новых производных слов // Новые явления в славянском словообразовании: система и функционирование : доклады XI Международной научной конференции Комиссии по славянскому словообразованию при Международном комитете славистов / под ред. Е.В. Петрухиной. М., 2010. С. 14–25.
- 29. Попова Т.В. Русская неология и неография : учеб. пособие. Екатеринбург : УГТУ-УПИ, 2005.
- 30. *Пахомова М.А*. Окказиональные слова и словари окказионализмов // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Сер.: Филологические науки. 2013. № 3.
- 31. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- 32. Петрухина Е.В. Образование новых слов в русском языке: теоретические аспекты и когнитивно-дискурсивный анализ // Slavische Wortbildung im Vergleich: Theoretische und pragmatische Aspekte. Swetlana Mengel (Hrsg.), серия Reihe Slavica varia Halensi. Münster, 2014. С. 417–435.
- 33. Ефремова $T.\Phi$. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Рус. яз., 2000.
- 34. Плотникова Л.И. Словотворчество как феномен языковой личности (порождение, функционирование, узуализация нового слова): дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2004. URL: http://www.dissercat.com/content/slovotvorchestvo-kak-fenomen-yazykovoi-lichnosti-porozhdenie-funktsionirovanie-uzualizatsiya

The Internet as a Source of Linguistic Information (for Studying the Dynamics of Russian Word Formation)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 137–159. DOI: 10.17223/19986645/57/8

Elena V. Petrukhina, Olga V. Dedova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena.petrukhina@gmail.com / ov.dedova@gmail.com

Keywords: Internet communication, search operators, quantitative data, neologisms, word-making, modern Russian.

The article deals with the analysis of the internet search option as a source of linguistic information which linguists frequently apply nowadays. The authors verified the validity of quantitative indicators of using the derivatives on the Internet that were received from Yandex and Google browsers.

The research material is the web-based project "Dar Slova" by M. Epstein (2000–2010). The project was aimed at Russian lexicon "creative updating" with the help of individual word formation and derivative integration into the Russian discourse through the Internet. Since this initiative has had a considerable impact on the Russian language, its effectiveness has been analyzed by the authors as well.

According to the research, the quantitative indicators received from simple keyword internet search are knowingly more significant than the real number of particular word use. In this context, the search results received from Yandex and Google differ significantly (the reasons for this have been examined). The special operators that can increase the search accuracy are considered in the article. Taking these factors into consideration makes the analysis more relevant. Many other problems have been revealed during the analysis, for instance, the cases connected with the degree of internet search accuracy, in particular the mismatch of search quantitative indicators fixed by the browser and the number of available links (they could be several times less). The authors concluded that, in this regard, it is preferable to use the Russian National Corpus (RNC). However, when it concerns linguistic innovations like neoderivatives the RNC does not always provide robust data: in certain cases some new nonconventional derivatives are not fixed in the RNC as well as most of the words considered. This fact shows that one of the major linguistic research methodological objectives is keyword search optimization.

The sample review of derivatives from "Dar Slova" showed that some of them, formed along the project, are not requested at all (for example, the words with the root -lub-). In our opinion, this partly "neological" effect of such an extraordinary and long-term project with regard to Russian word formation depends on the violation of cognitive and discourse terms of new word integration into the lexicon. Nevertheless, the results of this multi-year work concerning new word formation in terms of the "Dar Slova" project deserve a detailed and extensive linguistic analysis. Moreover, internet search under condition of its optimization has revealed that some of the non-conventional words from the project were created on the basis of productive models and used in appropriate discourse conditions so far in advance of the project start. Their usage helped to fill the gaps in the word formation system.

The overall conclusions of the research are the following. The internet search option for non-conventional new derivatives scanning is a very important and relevant opportunity because, on a wide variety of different genre websites involved into the search process by the browsers, it helps to fix the latest "language material" which allows to follow the history of the neologisms origin and distribution. The integrated use of different functions available today (such as various browsers, operators of query languages, search statistics data) can make search results considerably more specified.

References

- 1. Krysin, L.P. (2007) Ob internatsionalizatsii fonda slovoobrazovatel'nykh morfem [On the internationalization of the fund of word-formation morphemes]. In: *Sovremennoe russkoe vazykoznanie i lingvodidaktika* [Modern Russian linguistics and linguodidactics]. 2. pp. 69–72.
- 2. Petrukhina, E.V. (ed.) (2010) Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov [New phenomena in Slavic word formation: system and functioning. Reports of the XI International Scientific Conference of the Commission on Slavic Word Formation at the International Committee of Slavists]. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University.
- 3. Ratsiburska, L.V. (ed.) (2016) *Novye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka* [New trends in the Russian language of the beginning of the 21st century]. 4th ed. Moscow: Flinta.
- 4. Goley, N.D. (2011) Lexical functioning of word-building and the lexical-word-building system of theRussian language in the light of Internet statistics. *Vestnik Tomskogo*

gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 1. pp. 22–31. (In Russian).

- 5. Golev, N.D. (2010) Poiskovye sistemy Interneta kak lingvisticheskiy istochnik (na primere resheniya nekotorykh teoreticheskikh i prikladnykh voprosov russkogo slovoobrazovaniya) [Internet search systems as a linguistic source (on the example of solving some theoretical and applied issues of Russian word formation)]. In: Petrukhina, E.V. (ed.) Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov [New phenomena in Slavic word formation: system and functioning: Reports of the XI International Scientific Conference of the Commission on Slavic Word Formation at the International Committee of Slavists]. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University. pp. 424–443.
- 6. Golev, N.D. (2015) Leksicheskaya realizatsiya kak funktsional'naya kharakteristika slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i kolichestvennye parametry ee opisaniya [Lexical representation as a functional characteristic of the derivational system of the Russian language and the quantitative parameters of its description]. In: Malygina, M.A. (ed.) *Osm' desat"*. *Sbornik nauchnykh statey k 80-letiyu I.S. Ulukhanova* [Eighty. Collection of articles on the 80th anniversary of I.S. Ulukhanov]. Moscow: Azbukovnik.
- 7. Sierociuk, J. (ed.) (2012) Słowotwórstwo słowiańskie: system i tekst. Prace Komisji Słowotwórczej przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów [Slavonic Word formation: system and text. Works of the Word-formation Commission at the International Committee of Slavists]. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, pp. 287–297.
- 8. Toshovich, B. (ed.) (2016) *Slovoobrazovanie i Internet* [Word formation and the Internet]. Graz: Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität Graz.
- 9. Epshteyn, M. (2000–2010) *Dar slova. Proektivnyy leksikon* [Gift of word. Projective Lexicon]. [Online] Available from: http://www.emory.edu/INTELNET/dar0.html.
- 10. Epshteyn, M. (2000) Slovo kak proizvedenie. O zhanre odnosloviya [The word as a work. On the genre of single-wordness]. *Novyy mir.* 9. [Online] Available from: http://magazines.rus/novyi_mi/2000/9/epsh.html.
  - 11. Epshteyn, M. (2000) O budushchem yazyka [On the future of the language]. Znamya. 9.
- 12. Epshteyn, M. (2006) Russkiy yazyk v svete tvorcheskoy filologii razyskaniya [Russian in the light of creative philology of research]. *Znamya*. 1. [Online] Available from: http://magazines.russ.ru/znamia/2006/1/ep13.html.
- 13. Ivanov, L.Yu. (2000) *Yazyk interneta: zametki lingvista* [Internet language: notes of a linguist]. [Online] Available from: http://www.faq -www.ru/lingv.htm.
- 14. Crystal, D. (2006) *Language and the Internet*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press.
- 15. Dedova, O.V. (2010) The language of the Internet. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. *Ser. 9, Filologiya Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology.* 3. pp. 25–38. (In Russian).
- 16. Akhapkin, Ya.E. & Rakhilin, E.V. (eds) (2014) *Sovremennyy russkiy yazyk v internete* [Modern Russian language on the Internet]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
  - 17. Toshovich, B. (2015) *Internet-stilistika* [Internet stylistics]. Moscow: FLINTA: Nauka.
- 18. Krongauz, M.A. (ed.) (2016) *Slovar' yazyka interneta* [Dictionary of the Internet language]. Moscow: AST-Press.
- 19. Zemskaya, E.A. (ed.) (1973) Russkaya razgovornaya rech' [Russian colloquial speech]. Moscow: Nauka.
- 20. Shcherba, L.V. (1974) Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost' [Language system and speech activity]. Leningrad: Nauka.
- 21. Koshkareva, N.B. (2014) Tundrovyy, tundryanóy, tundrennyy ili *tundrenyy, ili kak Internet sposobstvuet poyavleniyu i zakrepleniyu isklyucheniy [Tundrovyy, tundryanóy, tundrennyy or *tundrenyy, or How the Internet contributes to the emergence and

consolidation of exceptions]. In: *Internet kak istochnik lingvisticheskoy informatsii* [The Internet as a source of linguistic information]. Biysk: AGAO.

- 22. Lutovinova, O.V. (2009) Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa [Linguocultural features of virtual discourse]. Volgograd: VGPU "Peremena".
- 23. Safronov, A. (2016) *Poisk Yandeksa: Kak nayti luchshie otvety* [Yandex Search: How to find the best answers]. [Online] Available from: https://www.searchengines.ru/poisk-vandeksa.html.
- 24. Zemskaya, E.A. (1992) *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: KomKniga.
- 25. Zemskaya, E.A. (1996) Aktivnye protsessy sovremennogo slovoproizvodstva [Active processes of modern word production]. In: Vorontsova, V.L. et al. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the end of the twentieth century (1985–1995)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
- 26. Ulukhanov, I.S. (1996) *Edinitsy slovoobrazovatel'noy sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical representation]. Moscow: LKI.
- 27. Ulukhanov, I.S. (2005) *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noy sisteme russkogo yazyka* [Motivation in the Russian derivation system]. Moscow: Azbukovnik.
- 28. Kubryakova, E.S. (2010) Rol' analogii v porozhdenii novykh proizvodnykh slov [The role of analogy in generating new derivative words]. In: Petrukhina, E.V. (ed.) *Novye yavleniya v slavyanskom slovoobrazovanii: sistema i funktsionirovanie: Doklady XI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Komissii po slavyanskomu slovoobrazovaniyu pri Mezhdunarodnom komitete slavistov* [New phenomena in Slavic word formation: system and functioning: Reports of the XI International Scientific Conference of the Commission on Slavic Word Formation at the International Committee of Slavists]. Moscow: Faculty of Philology, Moscow State University. pp. 14–25.
- 29. Popova, T.V. (2005) *Russkaya neologiya i neografiya* [Russian Neology and Neography]. Yekaterinburg: UGTU–UPI.
- 30. Pakhomova, M.A. (2013) Occasional Words and Occasionalism Dictionaries. *Vestnik MGGU im. M.A. Sholokhova. Seriya "Filologicheskie nauki"*. 3. (In Russian).
- 31. Kubryakova, E.S. (2004) Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and Knowledge. On the way to gaining knowledge about the language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in cognizing the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- 32. Petrukhina, E.V. (2014) Obrazovanie novykh slov v russkom yazyke: teoreticheskie aspekty i kognitivno-diskursivnyy analiz [The formation of new words in the Russian language: theoretical aspects and cognitive-discursive analysis]. In: Mengel, S. (ed.) *Slavische Wortbildung im Vergleich: Theoretische und pragmatische Aspekte* [Slavic word formation in comparison: Theoretical and pragmatic aspects]. Reihe Slavica varia Halensi. 12. Münster: LIT Münster. pp. 417–435.
- 33. Efremova, T.F. (2000) *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [The New Dictionary of the Russian Language. Explanation. Word-Building]. Moscow: Russkiy yazyk.
- 34. Plotnikova, L.I. (2004) *Slovotvorchestvo kak fenomen yazykovoy lichnosti (porozhdenie, funktsionirovanie, uzualizatsiya novogo slova)* [Word-making as a phenomenon of linguistic personality (generation, functioning, usualization of a new word)]. Philology Dr. Diss. Belgorod. [Online] Available from: http://www.dissercat.com/content/slovotvorchestvo-kak-fenomen-yazykovoi-lichnosti-porozhdenie-funktsionirovanie-uzualizatsiya.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.17223/19986645/57/9

Е.М. Бутенина

ФИЛОЛОГИЧЕСКАЯ ДИЛОГИЯ ЭЛИФ БАТУМАН (МЕТОД «ОСТРАНЕНИЯ»)

Предметом анализа стал остраняющий метод В. Шкловского в книгах американской славистки Элиф Батуман, которые можно рассматривать как университетско-филологическую дилогию: сборник эссе «Одержимые: Приключения русских книг и людей, которые их читали» (2010) и роман «Идиот» (2017). Главные приемы остранения, по Шкловскому, в дилогии Батуман — экзистенциализация читательского опыта и игровая металитературность повествования.

Ключевые слова: формализм, Виктор Шкловский, остранение, «Ход коня», Элиф Батуман.

Наследие Виктора Шкловского, как и русского формализма в целом, оказало значительное влияние на зарубежную филологию второй половины XX в. Первая англоязычная монография о формализме вышла в 1955 г. [1], его манифест – статья Шкловского «Искусство как прием» – была переведена на английский язык в 1965 г. и сразу привлекла внимание структуралистов [2], в частности Цветана Тодорова, выполнившего перевод основных формалистских трудов на французский язык и посвятившего этому направлению несколько научных работ. Конец 1960-х – начало 1970-х гг. называют возрождением формализма: в этот период выходят переводы ключевых работ представителей формальной школы на английский, французский и немецкий языки и ряд монографий (обзор см.: [3]). Вскоре теория формалистов получила осмысление как предтеча американской критики читательского отзыва [4]. Интересно также сопоставление формалистской «литературы факта» и американского «нового журнализма»: так, эстетическая и социальная программа одного из мэтров этого течения, Тома Вулфа (отмечавшего значительное влияние русского авангарда), соотносима с выработанным Шкловским механизмом остранения как исследовательской и экзистенциальной практики [5]. Огромный вклад в распространение идей Шкловского внес Ричард Шелдон, помимо переводов и собственных исследований составивший библиографию трудов знаменитого литературоведа и работ о нем [6-8]. Переводы Шелдона уже выдержали переиздания, и в одном из них Лин Хеджинян, представительница авангардной «языковой поэзии» США, заметила: «Работы Виктора Шкловского

так соответствуют нашей современной ситуации, словно были написаны для нас» [9. Р. 105].

В XXI в. была переведена на английский язык книга последних интервью Шкловского, данных итальянской славистке Серене Витале [10], в Колумбийском университете прошла международная конференция «О странности и фабрике жизни: Виктор Шкловский тогда и сейчас» ("On Strangeness and the Factory of Life: Viktor Shklovsky Then and Now", 2015)¹, в Германии была проведена конференция «Сто лет остранения» ("One Hundred Years of Ostranenie", 2016). В числе организаторов последней выступила Александра Берлина, год спустя при поддержке Фонда М. Прохорова осуществившая составление англоязычной хрестоматии основных работ Шкловского, многие из которых были впервые переведены исследовательницей [11]. Вслед за другими авторами Берлина подчеркивает уникальный характер филологического наследия Шкловского, в котором неразрывны автобиография, литературоведение и вымысел. По точному выражению А.П. Чудакова, Шкловский «собственную жизнь рано начал рассматривать как литературный материал, а себя – как героя произведения с продолжениями», и это позволило ему заниматься филологией, даже находясь на грани жизни и смерти, что до него, вероятно, никому не удавалось [12. С. 15–19]. И.А. Калинин выражает эту мысль в заглавии своего предисловия к Собранию сочинений выдающегося филолога – «Виктор Шкловский как прием», подчеркивая, что его «притягательность – в совпадении личности и стиля, при том что содержательное наполнение и первой, и второго постоянно менялось. Органичность конструкции достигалась Шкловским на встречных курсах интимизации литературной теории и олитературивания биографии» [13. С. 66].

К числу приемов этого синтетического процесса можно отнести, в частности, фрагментацию и реверсию в изложении событий, что создает сюжетное напряжение, о котором так много писал Шкловский. Но главное для писателя и для филолога, а литературоведение, по Шкловскому, ближе к искусству, чем к строгой науке, — развивать особый, остраняющий взгляд на мир и составляющие его предметы: «Целью искусства является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание» и таким образом «вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи» [12. С. 63]. Сходное усилие по «оживлению» привычного восприятия должен осуществлять интерпретатор произведения искусства, поскольку «стеклянной броней привычности покрылись для нас произведения классиков — мы слишком хорошо помним их... и теперь у нас мозоли на душе — мы их уже не переживаем» [Там же. С. 38].

В начале нынешнего столетия остраняющий метод Шкловского отозвался и в книгах американской славистки Элиф Батуман, которые можно

¹ Один из участников конференции, С.А. Ушакин, выступил также редактором фундаментального издания «Формальный метод: антология русского модернизма» (Москва; Екатеринбург, 2016).

рассматривать как университетско-филологическую дилогию: это сборник эссе «Одержимые: Приключения русских книг и людей, которые их читали» (2010) и роман «Идиот» (2017). В первой книге Батуман неоднократно упоминает Шкловского, в частности сборник «Ход коня», в котором ученый проводит аналогию между передвижением шахматной фигуры и историей литературы, где «наследование при смене литературных школ идет не от отца к сыну, а от дяди к племяннику» [14. С. 121]. В коротком предисловии Шкловский также поясняет, что у «странности хода коня» много причин, и «главная их них — условность искусства. Вторая причина в том, что конь не свободен, — он ходит вбок потому, что прямая дорога ему запрещена», поэтому и «крохотную театральную газету» «Жизнь искусства», впервые опубликовавшую статьи и фельетоны сборника, автор называет «ходом коня» и добавляет, что пишет для «русских за границей» [Там же. С. 74]. Так Шкловский обозначает свое кредо внутреннего эмигранта, определившее эллиптическую манеру его письма.

Метафора «хода коня» служит одним из выражений концепции остранения, и американская исследовательница, не испытывающая необходимость обходить цензуру, реализует эту концепцию главным образом в приеме неожиданных параллелей, позволяющем деконструировать привычное восприятие русской классики. Этой стратегии служат и «авантюрный» подзаголовок книги, и обложка в стиле комиксов, и юмор, помогающий автору непринужденно вводить интересные и оригинальные размышления о литературе. Кроме того, как и Шкловский, Элиф Батуман на протяжении всего повествования переплетает литературу и собственную жизнь.

Книга «Одержимые» представляет собой симбиоз читательской автобиографии, филологического исследования с элементами травелога и иронического повествования о современных американских университетах. Батуман рассказывает историю своего открытия русской литературы, начавшегося с «Евгения Онегина» в переводе и с комментарием Набокова. Его наблюдения о ритмических параллелях между сном Татьяны и другими событиями пушкинского романа произвели большое впечатление на юную читательницу. Следующей русской книгой стала «Анна Каренина», интуитивно воспринятая ею как своеобразное продолжение «Евгения Онегина», о чем, как исследовательница узнала впоследствии, писал Б.М. Эйхенбаум в известной работе «Лев Толстой. Семидесятые годы» [15. Р. 26]. Этот пример филологической проницательности определяет дальнейший характер повествования: все личные обстоятельства жизни интерпретируются автором сквозь призму литературных впечатлений.

Книга Батуман начинается с эссе «Бабель в Калифорнии», в котором излагаются, помимо прочего, оригинальные наблюдения о возможных параллелях между рассказами Бабеля и фильмом «Кинг-Конг» $(1933)^1$, что задает тон непредсказуемым приключениям «русских книг и людей,

 $^{^1}$ В 1920 г. будущий режиссер фильма, американский пилот Мериан К. Купер, оказался в советском плену, и в дневниках Бабеля есть упоминание об этом факте.

которые их читали». Три главных литературных сюжета этих приключений посвящены Пушкину, Толстому и Достоевскому. Ключевой момент пушкинского сюжета — восточная тема, получающая развитие во время поездки писательницы, американки турецкого происхождения, в Анкару по заданию журнала для путешественников «Поехали!» (Let's Go!). Во время поездки Батуман читает «Путешествие в Арзрум», и сам факт того, что «нога Пушкина ступала в Турции», завораживает ее и вызывает ассоциацию со стихотворением Блейка «Иерусалим» («And did those feet in ancient time / Walk upon England's mountains green?» — «На этот горный склон крутой / Ступала ль ангела нога?», пер. С.Я. Маршака). Однако чтобы нейтрализовать патетичность этой ассоциации Батуман тут же приводит пушкинские строки «Ах, ножки, ножки! где вы ныне? <...> / Взлелеяны в восточной неге, / На северном, печальном снеге / Вы не оставили следов <...>» и заключает пассаж упоминанием о маленьких ботинках самого поэта, увиденных ею в музее [15. Р. 72].

Батуман отмечает, что ее любимый эпизод в «Путешествии в Арзрум» – неоднократные случайные встречи поэта с «графом Пушкиным» (В.А. Мусиным-Пушкиным), естественным образом напоминающие ей о знаменитой анекдотической сценке Хармса «Пушкин и Гоголь». Исследовательнице не удается «споткнуться» о какие-либо следы пребывания Пушкина в Турции, и тогда она в непринужденной манере, вызывающей в памяти не только Хармса, но и Абрама Терца, обнаруживает комические параллели пушкинского путешествия со своим: он прятался от тайной полиции, она – от своей чрезмерно заботливой тети, его принимали за француза и дервиша, ее – за испанку и странницу, наконец, поэту попадалось старое издание «Кавказского пленника», а ей – выпуски журнала «Поехали!» [Ibid. Р. 73-74]. Подобная десакрализация классика объясняется стремлением Элиф Батуман открыть для современного американского читателя «вездесущие» Пушкина в русской культуре (в частности, она упоминает расхожее выражение «А кто это будет делать, Пушкин?», которое американский исследователь Пол Дебрецени считает одной из важнейших примет масштабности русского пушкинского мифа [16. Р. 245]).

Через призму русской классики Батуман стремится осмыслить культуру своей исторической родины. Помимо «пушкинского» эпизода в Анкаре, входящего в трехчастное эссе «Лето в Самарканде», в связи с посещением узбекской столицы писательница вспоминает, что Вронский отказался от назначения в Ташкент, что в эвакуации в этом городе жили Ахматова и вдова Булгакова, спрятавшая там рукопись «Мастера и Маргариты», что Ташкент стал местом лечения Солженицына и действия романа «Раковый корпус» [15. Р. 77–78]. Эти разнородные связи восточного города с русской литературой приближают его к американской славистке и помогают ей в изучении узбекского языка (на ее взгляд, «русифицированного турецкого») в университете Самарканда.

За эссе о турецком вояже следует глава с эпатажным названием «Кто убил Толстого?» – самоироничное повествование о неудачной попытке

получить дополнительное финансирование для расследования «подозрительных» обстоятельств смерти классика и о посещении толстовской конференции в Ясной Поляне с экстравагантным докладом о «двойном сюжете» «Анны Карениной», основанном на параллелях с «Алисой в Стране Чудес». Доклад предсказуемо вызвал негодование среди присутствовавших толстоведов (начавших спор в том числе и о том, читал ли Толстой сказку Кэрролла до написания своего романа), однако сопоставление Облонского с Белым Кроликом породило идею слушателей считать Вронского Сумасшедшим Шляпником, и для продолжения дискуссии филологи отправились на чаепитие [15. Р. 98–100].

Включение в эссе о Толстом стихии комического абсурда, так не сочетающегося со стилем писателя и его статусом в мировой литературе, служит одним из ярких примеров остранения в книге Батуман и напоминает о том, что Шкловский для объяснения своей филологической находки цитировал, главным образом, автора «Войны и мира». Менее очевидная аллюзия на работы лидера русского формализма присутствует в первых строках эссе «Бабель в Калифорнии», где рассказчица сообщает, что взвесила Полное собрание сочинений Толстого, изданное РАН, и обнаружила его эквивалентность весу новорожденного кита-белухи [Ibid. P. 28]. Шкловский в миниатюрной дилогии «Первый неудачный чертеж кита» (вариация строки Маяковского «Первый неудавшийся проект кита») упоминает, что, овдовев, «книги Софья Андреевна продавала на вес, потому что много пропадало времени, если отсчитывать книги» [14. С. 167]. Эссе называется «Душечка», но о рассказе Чехова в нем говорится главным образом в связи с тем, что «эта вещь была любимой вещью Толстого» [Там же. С. 168]. Ироничная логика «хода коня», построенная на неожиданных переходах и «странных сближеньях», наследуется американской слависткой вполне последовательно.

В последней главе, «Одержимые» (*The Possessed*), Батуман поясняет название своей книги — это первый перевод на английский язык заглавия романа «Бесы» (вариант Констанс Гарнетт (1916), сейчас наиболее распространен вариант *Demons*). В этом заглавии исследовательница стремится сохранить аллюзию к роману Достоевского без «демонической» составляющей и передать идею одержимости русской литературой, определившей ее биографию: так, она сообщает, что в момент «захваченности "Бесами" судьба привела ее в город Данте» [15. Р. 201]. Личное впечатление от дома с мемориальной доской, где Достоевский жил в 1868—1869 гг., вдохновило исследовательницу на глубокое погружение в историю создания романов «Идиот» и «Бесы», в частности, с опорой на фундаментальную биографию американского слависта Джозефа Франка. Однако наиболее важный для себя факт Батуман извлекает из работы Уильяма Дж. Летербэрроу [17. Р. 4]: ранние (созданные во Флоренции) версии «Идиота» свидетельствуют о том, что Ставрогин — «дьяволический двойник» Мышкина, вышедший из его образа.

Этот факт во многом определяет «одержимость» Элиф Батуман обоими романами, которые она подробно изучала в аспирантуре под руководством

известного филолога и антрополога Рене Жирара. Созданная им влиятельная теория миметического желания, полемика с ницшеанским понятием автономности личности, определила его интерпретацию многих европейских романов. В понимании Жирара Ставрогин не имеет собственных желаний и поэтому становится «магнетическим полюсом», объектом страстного, саморазрушительного миметического желания практически всех окружающих. Исследовательница заключает, что, подобно Степану Трофимовичу в отношении «бесов», Жирар сыграл роковую роль отца-наставника для нее и ее однокурсников — «монстров, зараженных идеей миметической болезни» [15. Р. 212]. Один из «монстров», философ из Хорватии Матеж, обнаруживает черты «Ставрогина», и вокруг него образуется кружок «одержимых» аспирантов, зависимых от его властного обаяния.

Постепенно рассказчица приходит к бунту и против Жирара, и против Матежа-Ставрогина. Она осознает, что «жирардинизм» обесценивает любовь: «сострадание, порождаемое любовью, описывается как недостаток человеческой природы» [Ibid. Р. 218]. По мысли Жирара, «Мышкин, подобно Ставрогину, служит магнитом для непривязанных желаний и захватывает всех героев "Идиота"», а роднит святого и демона отказ от мирских желаний, искренний в одном случае и неискренний – в другом [Ibid. Р. 223]. Одновременно с разочарованием в идеях Жирара к героине книги Батуман приходит и стремление преодолеть увлеченность Матежем, однако она вновь усиливается, когда становится известно, что хорватский философ бросил Стэнфорд и ушел в кармелитский монастырь, известный особой строгостью устава. Искренним или неискренним стал его отказ от мирских желаний, задается вопросом героиня книги, кто он: Фабрицио в Пармской обители или Жюльен Сорель в семинарии, Мышкин или Ставрогин?

Элиф Батуман продолжает осмысление амбивалентного образа демонасвятого в своем романе «Идиот». Тема двойника вводится уже на первых страницах романа, когда некий болгарский студент просит у героини, гарвардской первокурсницы-филолога Селин, книгу с повестью Достоевского «Двойник». Вскоре на занятиях по русскому языку Селин встречает венгра по имени Иван и начинает читать свою первую русскоязычную книгу, в которой также действует персонаж Иван. Русский язык образует для героини параллельный мир, соединенный с реальностью символическим славянским онимом. Хотя венгерский аналог имени Иван – Янош (и эпизодический персонаж Янош в романе появляется), Батуман использует его русский вариант, создавая вокруг образа двойника южнославянский ореол (хорват Матеж, безымянный болгарин и венгр Иван, не славянин с русским именем). Иван станет «магнетическим полюсом» для Селин, ее наваждением. Его фамилия – Варга – словно извлечена из Ставрогина, и однокурсница Селин сообщает ей, что на сербохорватском «варга» означает «дьявол», поэтому не исключено, что Иван - его реинкарнация, поскольку он смотрит так, словно пытается заглянуть внутрь собеседника, отчего становится не по себе.

Однако Селин не испытывает подобного чувства, ее уже захватила сила темного притяжения. Под воздействием внешних обстоятельств и, главное,

своего воображения (она мечтает стать писательницей и уже пишет первые рассказы) Селин демонизирует Ивана. Пугающим ей представляется его внезапное появление из темноты на мотоцикле, в его растрепанных кудрях она видит сходство с «дьяволической палаткой» [18. Р. 181], ресторан на корабле, где он назначает ей встречу, кажется ей «дьяволическим ориентиром» [Ibid. Р. 370]. Наконец, ей казалось, что все его слова «содержали дурное знамение» [Ibid. Р. 156].

Остраняющее видение определяет мировосприятие Селин. Один из рецензентов романа удачно назвал ее «восемнадцатилетней версией Пнина» [19]: если герою Набокова оброненный «щелкунчик» казался длинноногим человеком, упавшим с крыши, то героине Батуман заросший газон напоминает «гребень на голове лысого человека, не желающего видеть реальность» [18. Р. 63]. В Лувре подруга призывает Селин найти картину, с которой она себя идентифицирует, и Селин выбирает «Буфет Вовенагра» Пикассо: огромное, причудливое сооружение с «дверцами, ящиками, ящичками, декорами и орнаментами», стоящее между двумя схематично изображенными людьми [Ibid. Р. 246]. Нельзя не отметить, что сопоставление с неодушевленными предметами автобиографического рассказчика, чуждого окружающему миру, характерно и для прозы Шкловского.

Важную особенность мировидения Селин составляет литературная призма, в которой доминирует русская классика. В соседке по комнате она узнает чеховскую Душечку [Ibid. Р. 47], после того, как украли ее зимнюю одежду, покупает уродливое пальто, потому что оно напоминает ей о гоголевской шинели [Ibid. Р. 152], в Венгрии ей кажется, что новые лица с необычными именами возникают и исчезают, как персонажи в «Войне и мире» [Ibid. Р. 303]. Все эти аналогии пронизаны самоиронией, иногда доводимой до абсурда. Так, подбадривая себя пастернаковской строкой «Не спи, не спи, художник», рассказчица поясняет своим англоязычным читателям, что по-русски строка звучит лучше, поскольку в слове «художник», в отличие от *artist*, — три слога. Для создания амфибрахия по-английски героиня заменяет художника на гориллу [Ibid. Р. 55].

Начав изучать русский язык, Селин выбирает себе русское имя из списка предложенных и останавливается на Соне. Вскоре она спрашивает преподавательницу-иммигрантку, не считает ли та, что это имя — дурной знак, и поясняет свой вопрос: «В "Дяде Ване", в "Преступлении и наказании". Даже в "Войне и мире", она жалкая, она...». Героиня замолкает, чтобы «не произносить толстовское определение "пустоцвет"». Немолодая женщина отвечает Селин: «Ей не достается мужчина», и по удивлению и сочувствию в ее глазах девушка «с ужасом ощущает», что ее собеседница «знает, о чем идет речь» [Ibid. P. 124].

Ко времени этого разговора Селин уже использовала имя Соня, чтобы подписать свое первое письму Ивану, определив тем самым свой жертвенный статус в их отношениях. В письме она сообщала, что уехала в Сибирь и никогда его не забудет, т. е. соединяла роль героини прочитанного ими русскоязычного учебника, свою аллюзивную ролевую ипостась в их сов-

местном курсе русского языка и собственное «я». Иван включился в игру, упомянул свой сон о Сибири и загадочно пообещал простить за «измену с бывшим приятелем моей будущей подруги». «Соне» казалось, что «отдельные слова и предложения имели смысл, но вместе были как будто написаны на каком-то другом языке» [18. Р. 90]. Так началась ее двойная жизнь: сюрреалистичная переписка с Иваном и реальность, в которой он порой делал вид, что не узнает ее. Однажды написал ей: «...моя любовь к тебе – это любовь к человеку, пишущему эти письма» [Ibid. P. 133]. Как заметила рецензент журнала «Герника», моделью для эпистолярного романа героев Батуман могла послужить книга Шкловского «Zoo, или Письма не о любви, или Третья Элоиза» [20]. В американской версии любовно-литературная одержимость охватывает героиню: именно она бессчетное число раз перечитывает письма от предмета своей увлеченности, ей хочется «пролистать» их историю, как книгу, чтобы «узнать, как все обернется», но в реальности она боится знаков внимания и часто их не понимает [18. Р. 105].

И в эпистолярной и в реальной плоскостях отношения героев определяет принцип неслучайных случайностей. Иван — математик, и стоило Селин открыть набоковские «Лекции по зарубежной литературе», как она сразу наткнулась на такой пассаж: «<...> математика вышла за исходные рамки и превратилась чуть ли не в органическую часть того мира, к которому прежде только прилагалась. От чисел, основанных на некоторых феноменах, к которым они случайно подошли, поскольку и мы сами случайно подошли к открывшемуся нам мировому узору, произошел переход к миру, целиком основанному на числах, — и никого не удивило странное превращение наружной сетки во внутренний скелет» (цит. по: [21. С. 469]). Селин задается вопросом, не математика ли объясняет, как «все работает», и не это ли изучает Иван [18. Р. 109], приобретающий в ее глазах почти сверхъестественный статус толкователя устройства мироздания.

С первого дня их знакомства Иван открывает для Селин что-то новое в литературе, не подозревая об этом. Так, он шутливо упрекает ее, что она не сразу выбрала имя Соня, нарушая этим чувство порядка немецкой иммигрантки, ведущей у них занятия по русскому языку. Тогда она впервые понимает шутку Облонского о немецком часовщике, который «сам был заведен на всю жизнь, чтобы заводить часы» [Ibid. Р. 18]. Неслучайным становится эпизод, когда Селин застает Ивана за чтением «Невыносимой легкости бытия», романа, построенного на аллюзиях к «Анне Карениной», и решает перечитать его. Героиня пытается понять своего магнетического избранника и через другой роман Кундеры, «Книга смеха и забвения». Иван дает Селин то, чего ей недоставало в университетских занятиях по литературе: «Все, о чем говорили профессора, было не о том. Вам хотелось знать, почему пришлось умереть Анне, а они рассказывали вам, что русских землевладельцев XIX века беспокоило, являются ли их земли частью Европы. Подразумевалось, что наивно говорить о чем-то интересном или думать, будто когда-либо будешь знать что-то важное» [Ibid. P. 16].

Кульминационный диалог героев происходит в Венгрии (куда Селин отправляется по предложению Ивана, чтобы преподавать английский язык в деревне) и посвящен Достоевскому. Иван замечает, что в глазах бродячей собаки есть «что-то от Достоевского», и спрашивает Селин, нравится ли ей этот русский классик. Она отвечает, что он ее «смущает и утомляет», и верно угадывает, что Ивану Достоевский нравится. После этого Иван внезапно спрашивает ее, не бросить ли ему собаку в реку (в «реку всегда хочется чтото бросить», а Селин он «бросить в реку не может»), и говорит о своем понимании мировоззрения Раскольникова: так, необходимость уступать место какой-нибудь старухе, «которая будет просто сидеть и ни о чем не думать», тогда как он может читать, вызывает у него бешенство [18. Р. 279–281]. Вероятно, Иван просто испытывает Селин, понимая ее пугливое, «литературное» тяготение к нему, и при этом пытается вывести ее в реальность, пригласив в свою страну, свой дом, проявляя заботу и предлагая такие подчеркнуто неинтеллектуальные занятия, как пикник или катание на лодке.

Только после отъезда Ивана Селин осознает, что ей недостает его как человека, а не литературного фантома. В финале романа Иван отправляется в аспирантуру в Калифорнии, а Селин остается в Гарварде, но меняет свою лингвистическую специализацию: ей кажется, что курсы по философии и психологии языка «подвели ее», она не узнала, «как работает язык», да и вообще «ничего не узнала» [Ibid. Р. 420]. Из-за отсутствия категории рода в английском языке название романа может быть отнесено и к героине, однако в конце книги писательница благодарит «Федора Михайловича» за заглавие, поэтому его уместно оставить без изменений. Не случайно открытый, наивный, «остраненный» взгляд Селин на мир один из персонажей романа называет «идиотическим». К герою определение «идиот» в любом из значений кажется малоприменимым, и только благодаря последней главе «Одержимых», где подчеркивается общий генезис образов Ставрогина и Мышкина, становится яснее замысел Батуман создать энигматичного героя, которому подходит «демонический» ореол.

Остраняющий метод в университетско-филологической «дилогии» Элиф Батуман проявляется уже в использовании заглавий классических книг: как заметил С.Н. Зенкин, «своим первым автобиографическим книгам Шкловский давал "остраненные", смещенные заголовки знаменитых книг XVIII века, эпохи, когда биографическое единство человека казалось незыблемым» [22. С. 182]. «Заглавные» аллюзии к Стерну («Сентиментальное путешествие») и Руссо («Третья Элоиза») в книгах о страшном революционном времени были элементом модернистской стилистики «черного юмора», истоки которого лидер сюрреалистов Андре Бретон находил в литературе Просвещения.

Для современной американской славистки Элиф Батуман названия романов Достоевского служат элементом иронического повествовательного модуса, характерного для университетской прозы США. Кроме того, остранение по Шкловскому в книгах Батуман реализуется в экзистенциализации читательского опыта, в создании неожиданных аналогий между

литературой и жизнью, в авантюрном начале, во включении в текст сведений из разных областей знания, в вариативности сюжета и, главное, в общей металитературности, слиянии автобиографии, филологии и вымысла.

Литература

- 1. *Erlich V.* Russian Formalism: History and Doctrine. Berlin: De Gruyter Mouton, 1955. 311 p.
- 2. *Jameson F.* The Prison House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton UP, 1972. 230 p.
- 3. Brown E.J. The Formalist Contribution // The Russian Review. 1974. Vol. 33, N_2 3. P. 243–258.
- 4. Reader-Response Criticism: From Formalism to Post-Structuralism / ed. by J.P. Tompkins. Charles Village: JHU Press, 1980. 275 p.
- 5. *Харитонов Д.В.* «Новый журнализм» в сравнительно-исторической перспективе (программы литературного освоения факта в США 1960-х годов и в России 1920-х) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 188 с.
- 6. *Sheldon R*. The Formalist Poetics of Victor Shklovsky // Russian Literary Triquarterly. 1972. № 2. P. 351–71.
- 7. *Sheldon R*. Viktor Shklovsky and the Device of Ostensible Surrender // Slavic Review. 1975. № 34.1. P. 86–108.
- 8. *Sheldon R.* Viktor Shklovsky: An International Bibliography of Works by and about Him. New York: Ardis, 1977. 130 p.
- 9. Shklovsky V. Third Factory. Afterword L. Hejinian. Tr., intr. R. Sheldon. Chicago: Dalkey Archive Press, 2002. 106 p.
- 10. Vitale S. Shklovsky: Witness to an Era. Tr.J. Richards. Champaign: Dalkey Archive Press, 2013. 224 p.
- 11. Viktor Shklovsky. A Reader / ed., tr. A. Berlina. New York : Bloomsbury Academic, 2017. 399 p.
- 12. Шкловский В.Б. Гамбургский счет: статьи-воспоминания-эссе (1914–1933) / сост. А.Ю. Галушкина, А.П. Чудакова ; предисл. А.П. Чудакова ; ком. А.Ю. Галушкина. М.: Сов. писатель, 1990. 544 с.
- 13. Калинин И.А. Виктор Шкловский как прием // Формальный метод: Антология русского модернизма: в 3 т. / под ред. С.А. Ушакина. Т. 1: Системы. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2016. С. 63–106.
  - 14. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Сов. писатель, 1983. 384 с.
- 15. Batuman E. The Possessed: Adventures with Russian Books and the People Who Read them. New York: Farra, Straus and Giroux, 2010. 296 p.
- 16. Debreczeny P. Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford: Stanford UP, 1997. 282 p.
- 17. Leatherbarrow W.J. Misreading Myshkin and Stavrogin: The Presentation of the Hero in Dostoevskii's Idiot and Besy // Slavonic and East European Review. 2000. № 78 (1). P. 1–19.
  - 18. Batuman E. The Idiot. London: Penguin, 2017. 423 p.
- 19. Marshall V. Elif Batuman Has Learned Nothing at All: On 'The Idiot'. URL: http://www.themillions.com/2017/03/elif-batuman-learned-nothing-idiot.html (дата обращения: 28.11.2017).
- 20. Stevens J.J. A World of Her Own. The Comic Wonderland of Elif Batuman's Debut Novel // Guernica. 2017. March 31. URL: https://www.guernicamag.com/a-world-of-herown/ (дата обращения: 28.11.2017).
- 21. Набоков В.В. Лекции по зарубежной литературе / пер. с англ. М.: Независимая газета, 1998. 512 с.
- 22. Зенкин С.Н. Приключения теоретика: Автобиографическая проза Виктора Шкловского // Дружба народов. 2003. № 12. С. 172-183.

The Defamiliarizing Method in Elif Batuman's Academic Dilogy

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 160–171. DOI: 10.17223/19986645/57/9

Evgenia M. Butenina, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: butenina.em@dvfu.ru

Keywords: formalism, Viktor Shklovsky, defamiliarization, *Knight's Move*, Elif Batuman.

The paper discusses how Viktor Shklovsky's defamiliarizing method found reception in the books of the famous American Slavist Elif Batuman. These books – a collection of literary essays *The Possessed: Adventures with Russian Books and the People Who Read Them* (2010) and a novel *The Idiot* (2017) – can be discussed as an academic "dilogy". In the first book, Batuman mentions Shklovsky several times, in particular, his collection of essays *Knight's Move*, in which the scholar draws an analogy between the movement of the chess figure and the history of literature. The metaphor of the "knight's move" serves as one of the expressions of his defamiliarization method.

The American scholar, who does not need to avoid censorship, implements this method mainly in unexpected parallels, which allow her to deconstruct the common perception of the Russian classics. The book's "adventurous" subtitle, its cover in a comic style, its humor – all these elements participate in the defamiliarization strategy and allow the author to interweave subtly her original remarks about literature. Like Shklovsky, Batuman also blends her life and fiction, so her book is a symbiosis of a reader's autobiography, a philological research with elements of a travelogue and an ironic narrative about contemporary American universities.

The book's three main plots focus on Pushkin, Tolstoy and Dostoevsky. The main theme of the Pushkin plot is "Oriental" as Batuman finds numerous comic parallels between Pushkin's "A Journey to Arzrum" and her own journey to Turkey and, following Daniil Kharms and Abram Terz, literalizes the metaphor of Pushkin's omnipresence in an attempt to show his meaning in the Russian culture. In Tolstoy's reception, the defamiliarizing method reveals itself in the comic absurd, so inconsistent with Tolstoy' style and his status in world literature. Batuman replicates some Shklovsky's defamiliarizing findings: for example, the materialization of Tolstoy's greatness through a comparison of the weight of his writings with the weight of the whale.

Dostoevsky's plot unfolds in the final chapter called, like the book, "The Possessed". Batuman uses the title of the first translation of Dostoevsky's novel *Besy* into English to create an allusion to it without a "demonic" constituent (which later translations, *Demons* or *The Devils*, contained) and to emphasize her own possession with Russian literature. As for Shkolvsky, it is most important for Batuman to perceive fiction through the prism of her own life. Having learned from Dostoevsky's archives that Stavrogin is Myshkin's "diabolic double", the author develops this idea in her autobiographical novel *The Idiot*, where she ironically interprets the image of the demon-saint. Besides this (self)-ironic attitude, Shklovsky's method is once again present in this novel in existentializing the reader's experience, in introducing information from different fields of knowledge and mainly in the overall metafictional approach that blends autobiography, philology and fiction.

References

- 1. Erlich, V. (1955) Russian Formalism: History and Doctrine. Berlin: De Gruyter Mouton.
- 2. Jameson, F. (1972) The Prison House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism. Princeton: Princeton UP.
- 3. Brown, E.J. (1974) The Formalist Contribution. *The Russian Review*. 33(3). pp. 243–258.
- 4. Tompkins, J.P. (ed.) (1980) Reader-Response Criticism: From Formalism to Post-Structuralism. Charles Village: JHU Press.

- 5. Kharitonov, D.V. (2010) "Novyy zhurnalizm" v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive (programmy literaturnogo osvoeniya fakta v SShA 1960-kh godov i v Rossii 1920-kh) ["New journalism" in a comparative-historical perspective (the programmes of literary fact in the USA of the 1960s and Russia of the 1920s)"]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- 6. Sheldon, R. (1972) The Formalist Poetics of Victor Shklovsky. *Russian Literary Triquarterly*. 2. pp. 351–71.
- 7. Sheldon, R. (1975) Viktor Shklovsky and the Device of Ostensible Surrender. *Slavic Review*. 34.1. pp. 86–108.
- 8. Sheldon, R. (1977) Viktor Shklovsky: An International Bibliography of Works by and about Him. N.Y.: Ardis.
- 9. Shklovsky, V. (2002) *Third Factory*. Translated from Russian by R. Sheldon. Chicago: Dalkey Archive Press.
- 10. Vitale, S. (2013) *Shklovsky: Witness to an Era*. Translated from Italian by J. Richards. Champaign: Dalkey Archive Press.
- 11. Berlina, A. (ed.) (2017) *Viktor Shklovsky. A Reader*. Translated from Russian by A. Berlina, A., N.Y.: Bloomsbury Academic.
- 12. Shklovsky, V.B. (1990) *Gamburgskiy schet: stat'i, vospominania, esse (1914–1933)* [Hamburg Reckoning: Papers, Memoirs, Essays (1914–1933))]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
- 13. Kalinin, I.A. (2016) Viktor Shklovskiy kak priem [Viktor Shklovsky as a Device]. In: Ushakin, S.A. (ed.) *Formal'nyj metod: Antologiya russkogo modernizma* [The Formal Method: An Anthology of Russian Modernism]. Vol. I. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyy uchenyy.
- 14. Shklovsky, V.B. (1983) *O teorii prozy* [On the Theory of Prose]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
- 15. Batuman, E. (2010) *The Possessed: Adventures with Russian Books and the People Who Read them.* N.Y.: Farra, Straus and Giroux.
- 16. Debreczeny, P. (1997) Social Functions of Literature: Alexander Pushkin and Russian Culture. Stanford: Stanford UP.
- 17. Leatherbarrow, W.J. (2000) Misreading Myshkin and Stavrogin: The Presentation of the Hero in Dostoevskii's Idiot and Besy. *Slavonic and East European Review*. 78 (1). pp. 1–19.
  - 18. Batuman, E. (2017) *The Idiot*. London: Penguin.
- 19. Marshall V. (2017) *Elif Batuman Has Learned Nothing at All: On 'The Idiot'*. [Online] Available from: http://www.themillions.com/2017/03/elif-batuman-learned-nothing-idiot.html. (Accessed: 29.11.2017).
- 20. Stevens, J.J. (2017) A World of Her Own. The Comic Wonderland of Elif Batuman's Debut Novel. *Guernica*. March 31. [Online] Available from: https://www.guernicamag.com/a-world-of-her-own/ (Accessed: 29.11.2017).
- 21. Nabokov, V.V. (1998) *Lektsii po zarubezhnoi literature* [Lectures on Literature]. Translated from English by I. Bernshtein. Moscow: Nezavisimaya Gazeta.
- 22. Zenkin, S.N. (2003) Priklyucheniya teoretika. Avtobiograficheskaya proza Viktora Shklovskogo [A Theoretician's Adventures. Viktor Shklovsky's Autobiographical Prose]. *Druzhba narodov.* 12. pp. 172–183.

УДК 82-31

DOI: 10.17223/19986645/57/10

В.В. Гаврилов

МОТИВЫ МИФА ОБ ОРФЕЕ И ЭВРИДИКЕ В РОМАНЕ М.А. БУЛГАКОВА «МАСТЕР И МАРГАРИТА»

Предпринята попытка рассмотреть орфические мотивы в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Делается ряд выводов относительно связи романа с указанным мифом. Отмечается, что роли Орфея на том или ином этапе выполняют Мастер (спускается в ад за словом), Маргарита (вследствие инверсии становится вожатой для возлюбленного) и сам автор, вынесший из глубин культуры и собственного подсознания сакральное знание.

Ключевые слова: катабазис, Орфей и Эвридика, миф, амбивалентность, Мастер и Маргарита, Психея.

По справедливому замечанию М.М. Бахтина, «текст живет, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта текстов вспыхивает свет, освещающий и назад и вперед, приобщающий данный текст к диалогу» [1. С. 24]. Мистический роман «Мастер и Маргарита» может быть понят, осмыслен только через вертикальный контекст. И одним из источников в этом случае становится мифология, а точнее — миф об Орфее и Эвридике. В данном случае нас будут интересовать орфические мотивы в романе, различные аспекты их репрезентации.

Собственно термин «орфические мотивы» понимается в науке двояко. С одной стороны, речь может идти о мотивах мистического философского течения, с другой – о мотивах собственно мифа об Орфее и Эвридике. Хотя именно миф об Орфее положил начало орфизму как философскому течению, семантика их не тождественна. Орфизм как философское течение зародился в VIII–VII вв. до н. э. в Аттике на основе земледельческих магических культов. Представители орфизма (пророки, наставники) проповедовали идеи искупления, аскезы. Орфики развивали учение о загробной жизни и посмертном воздаянии. К V в. до н. э. орфизм выродился в мистические культы [2. С. 467].

В литературе тему разрабатывали Ж. Ануй, Р.М. Рильке, П.Ж. Жув, И. Голь, А. Жид, М. Цветаева, О. Мандельштам и др.

Стоит уточнить, что мы говорим не собственно об орфических смыслах, но о трансформации элементов сюжета мифа об Орфее и Эвридике в романе «Мастер и Маргарита». На наш взгляд, в мифе об Орфее и Эвридике можно выделить несколько основных мотивов: катабазис, творческое преобразование мира, бессмертие, любовь и верность и т.д. Однако ключевым мы считаем мотив о спуске в царство смерти с целью спасения любимого человека.

Мифологический мотив катабазиса (сошествия в ад) можно выделить в различных мифах древности, и миф об Орфее лишь один из многих. Герои в сказаниях разных народов спускаются в подземное царство с различными целями: сватовство к подземной невесте (якуты, финны), попытка добыть тайные знания, спасение друга (греки). Подобные мифы объединяет ряд сходных черт: опасный спуск вниз, преодоление трудностей и искушений. Все же миф об Орфее заметно выделяется из ряда подобных мифов тем, что герой благодаря своему таланту усмиряет, очаровывает силы ада, чтобы спасти возлюбленную [3]. А по мнению французского исследователя А. Монье [4. С. 60], существуют две основные трактовки мифа об Орфее: 1) история является для мировой культуры второстепенной и незначительной; 2) все мифы о катабазисе могут быть сведены к мифу об Орфее (к «мотиву Орфея»). Мы придерживаемся второй точки зрения.

Миф прочно вошел в архетипическую структуру мировой культуры, орфические мотивы стали базовыми для многих художественных произведений, в том числе и русской литературы. Как и любая архетипическая структура, миф об Орфее получил в мировой и отечественной культуре различные трактовки и интерпретации.

Роман «Мастер и Маргарита», на наш взгляд, предоставляет богатый материал для филологического и культурологического анализа орфических мотивов, бытующих в произведении.

Пожалуй, стоит начать с вопроса, почему роман называется (сильная позиция текста) «Мастер и Маргарита», а с главными героями автор знакомит читателей лишь в главе 19 (часть вторая) романа. В другой сильной позиции текста — эпиграфе — речь идет не о влюбленных, но о Мефистофеле (Воланде), который «вечно хочет зла и вечно совершает благо». Известно, что в первых редакциях роман имел следующие варианты названий: «Жонглёр с копытом», «Черный маг», «Сатана, или Великий канцлер» [5]. Заголовок «Мастер и Маргарита» появляется только в третьей редакции. Если предположить, что главные герои Мастер и Маргарита, то их отношения можно рассматривать в контексте мифа об Орфее.

Схождение в подземное царство всегда инициация, посвящение. Герой возвращается в мир живых иным, чем был прежде. И в конце романа герои не те, что были раньше. Катабазис не проходит даром, хаос мира мертвых переносится и в мир живых, поскольку нарушаются границы двух миров.

Прежде всего, в ад спускается Мастер — за словом. Слово — Эвридика, «пропуск в бессмертие», склонившая Орфея на подвиг и тем самым обеспечившая его имени гиератический характер [3. С. 90]. Мастер действительно желает славы и бессмертия. Он погружается в хтонические глубины, чтобы вырвать из мрака живое слово. Ему это почти удается («почти» — потому что роман о Понтии Пилате читатель не увидел целиком, рукопись была уничтожена). Однако за эту попытку пришлось заплатить. А.А. Асоян так объясняет этот феномен: «Попытка вызволить Эвридику из царства мертвых заведомо обречена на провал, поскольку Эвридика символизирует вдохновение, красоту, вечную и абсолютную, которой нельзя

владеть, но которой можно лишь служить, приближая ее воплощение (ср. эпизод из «Фауста» Гете, когда главный герой безуспешно пытается соединиться с Прекрасной Еленой, выведенной им из Обители Матерей)» [3. С. 50]. Иначе говоря, Мастер выступает в роли Орфея не по отношению к Маргарите, но по отношению к художественному творчеству. Творческий процесс требует полной самоотдачи. Нельзя оглядываться на то, что ты делаешь, следует двигаться вперед, к прозрению, к материализации сакрального.

В книге «Аспекты мифа» философ Мирча Элиаде отмечает одну очень важную деталь: «В начале III века до Рождества Христова Эвгемер опубликовал роман в форме философского путешествия под названием «Священная история» (Ніега anagraphe); Эвгемеру казалось, что ему удалось раскрыть тайну происхождения богов: им стали прежние обожествленные цари. Это явилось еще одной «рационалистической» попыткой сохранить богов Гомера. Они приобрели новую «реальность» – реальность исторического (вернее, доисторического) порядка; мифы представляли смутное, видоизмененное воображением воспоминание о деяниях и поступках первых царей» [6. С. 149]. Воланд, не обладающий даром творчества, «отправляет» в опасное путешествие за словом Мастера, чтобы создать нужную ему реальность, т.е. сделать реальностью события, которых не было на самом деле и которые являются воспоминаниями (а точнее, ложью) Воланда (поскольку к каноническим текстам Евангелия названные главы романа имеют очень отдаленное отношение).

Учитывая тему данного исследования и то, что М.А. Булгаков при написании ершалаимских глав опирался на тексты Священного Писания, мы считаем уместным привлечь и теологические трактовки романа. Мы разделяем мнение культуролога и теолога Андрея Кураева, который, проведя серьезный текстологический анализ, опираясь на черновики М.А. Булгакова, в своем исследовании «Мастер и Маргарита: за Христа или против?» убедительно доказывает, что именно Воланд был «заказчиком» романа о Понтии Пилате. Булгаков пишет ершалаимские главы именно так, как их должен был написать Мастер под диктовку Воланда. Доказательств этому можно привести немало. Именно Воланд начинает пересказывать роман на Патриарших на правах очевидца (т.е. источника информации) [7. С. 46].

Взгляды Берлиоза и Воланда на Евангельские события расходятся, отражая, по сути, две установки, которые бытовали в то время в атеистической среде. Первый считает необходимым доказать, что «главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что Иисуса-то этого, как личности вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем — простые выдумки, самый обыкновенный миф» [8. С. 9]. Воланда эта точка зрения не удовлетворяла, поскольку, отвергая воплощение Христа и, значит, бытие Божие, люди отвергали и существование Воланда. Именно поэтому он так настойчиво и даже раздражаясь утверждает: «Имейте в виду, что Иисус существовал» [8. С. 19]. И далее (о существовании дьявола): «— Ну, уж это

положительно интересно, — трясясь от хохота, проговорил профессор, — что ж это у вас, чего ни хватишься, ничего нет! — Он перестал хохотать внезапно и, что вполне понятно при душевной болезни, после хохота впал в другую крайность — раздражился и крикнул сурово: — Так. Стало быть, так-таки и нету?» [Там же. С. 45].

Но признать в Иисусе Христе Сына Божия Воланд также не может, поскольку в Евангелии описывается поражение дьявола. И выход найден: необходимо создать альтернативную историю, в которой вместо Христа спасителя действует Иешуа, простой добрый человек, бродячий философ, слабый и наивный.

Вопрос о том, что собой представляют ершалаимские главы, кто их автор, – неоднозначный. В литературной критике (Е. Блажеев, И.Л. Галинская, А. Зеркалов, К. Икрамов, М. Йованович, Б. Гаспаров и др.) существует ряд точек зрения на преломление евангельских текстов в романе М.А. Булгакова.

Например, Е. Блажеев считает, что «самые катастрофические потери претерпевает в романе центральная фигура истории – Иисус Христос. Он представлен слабым, беспомощным, растерянным и суетливым. «Весь напрягаясь в желании убедить – такова доминанта поведения Иешуа Га-Ноцри перед судом Понтия Пилата» [9. С. 111]. Автор считает, что Иешуа Га-Ноцри в романе М.А. Булгакова является одним из многих, т. е. добрый человек, только выдающий себя за пророка. В случае с булгаковским Иешуа Га-Ноцри «слишком человеческое» лишает его невиновности. И сам того не желая и не ведая о том, он совершает все апостольские грехи. «Как Иуда, он доносит и предает; как Петр, он отрекается и, как все они, он трусит и малодушничает» [Там же. С. 112]. И далее: «Только в обществе, свихнувшемся на почве оголтелого атеизма, подобный текст могли расценить как апологию Иисуса Христа» [Там же. С. 113].

По мнению А. Зеркалова, Булгаков писал не о богах и демонах, но о своем времени, о делах московских, о проблемах морали. «И в этих целях он использовал образы, канонизированные не религией – литературой» [10. С. 52].

Исследователь Б. Гаспаров считает, что весь этот роман в целом следует признать апокрифом, вызывающим ассоциацию с апокрифическим Евангелием Иуды, хотя канонический текст в «Мастере и Маргарите» все же скрыто присутствует [11].

Теолог Михаил Ардов отвергает «всю ту богохульную часть вещи, где отвратительным образом искажаются евангельские события», ибо эти страницы «оскорбляют и унижают божественное достоинство Спасителя». Опровергая всех четырех евангелистов, пишет далее автор, сочинитель «романа в романе» выдвигает собственную версию последних дней земной жизни Господа Иисуса Христа. Поскольку «претенциозную эту прозу» наизусть знает сатана, а самому Иешуа это сочинение неизвестно, М. Ардов называет этот уровень романа «Мастер и Маргарита» «богословско-демонологическим» и даже «кошунственной Понтиадой» [12. С. 55].

Последнее замечание для нас особенно важно: когда Воланда спрашивают, зачем он приехал в Москву, тот отвечает несколько иносказательно: «Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта аврилакского, десятого века. Так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист» [8. С. 18]. Здесь необходимо уточнить, что Герберт Аврилакский – это римский папа Сильвестр II. Из текста романа не совсем ясно, зачем Воланду разбирать его рукописи, почему он называется чернокнижником. В свое время Сильвестра II обвиняли в занятиях магией. Он стал одним из прототипов легенды о докторе Фаусте. Согласно народному преданию Герберт уговорил дочь мавританского учителя похитить у того магическую книгу. С помощью книги Герберт вызвал дьявола, а тот сделал его папой и всегда сопровождал в образе черного пса [7. С. 47–48].

Мефистофелю нужен новый Фауст для создания искаженного текста о евангельских событиях. Мастер — это новый Фауст. Он отдает себя «духу злобы», взамен обретает некое знание, но знание это оказывается ложным. Мастер не самобытный художник, а объект манипуляций. Ему, как марионетке, лишь кажется, что он творит сам, открывает истину, что он «угадал», как «все было на самом деле». Справедливость его догадки подтверждает не кто иной, как отец лжи, именно он демонстрирует исполнителю сожжённую рукопись: «Простите, не поверю, — ответил Воланд, — этого быть не может. Рукописи не горят. — он повернулся к Бегемоту и сказал: — Ну-ка, Бегемот, дай сюда роман» [8. С. 278]. Примечательно также, откуда извлекается роман: «Кот моментально вскочил со стула, и все увидели, что он сидел на толстой пачке рукописей» [Там же. С. 279]. Роман достают изпод хвоста кота...

Говоря современным языком, «правообладателем произведения» является Воланд, и как отец лжи он только делает вид, что роман ему незнаком [Там же. С. 278]. На самом же деле ради него он приезжает в Москву. Поэтому творчество Мастера — это нисхождение в хтонические глубины, а не восхождение к высокому. Его произведение не откровение, данное с неба, а ложь, обретенная в темных глубинах воландовского царства абсурда и зеркальных перевертышей.

Мастер лишь медиум, который лишен воли сопротивляться. Ершалаимские главы описывают евангельские события с точки зрения Воланда. И все герои романа о Пилате суть выдумка, фантомы. Но эти фантомы начинают жить своей жизнью, энергия человеческой мысли объективируется, сгущается и может, согласно окулистским и буддийским воззрениям, оказывать влияние на своего творца. Поэтому Иешуа — это не Христос, но лишь его искаженный образ, фантом, который, впрочем, судит своего создателя [7. С. 58].

Поскольку Воланд – заказчик, он и расплачивается с автором, но дьявол, как известно, платит «глиняными черепками». Андрей Кураев пишет: «Как и Фауст, Мастер получил свои дары в пасхальную ночь. Пасха – значит переход. Мастер в эту ночь перешел от земной жизни к посмертному

вечному существованию. Качество перехода определяет и качество этого существования. Вот последнее земное слово Мастера: «Отравитель, успел еще крикнуть Мастер. Он хотел схватить нож со стола, чтобы ударить Азазелло им, но рука его беспомощно соскользнула со скатерти. Вот первое слово его призрака: «Открыв глаза, тот глянул мрачно и с ненавистью повторил свое последнее слово: «Отравитель...» С мраком в душе Мастер перешел рубеж вечности» [7. С. 125]. Мастер не получает света, потому что не заслуживает его. В душе писателя царят мрак, ненависть, разочарование. Но ему обещают покой. Точнее, «пытку покоем», «наказание тупиком». Вечно цветущие вишни, вечная весна означают, что не будет плодов: время остановилось, ничего не поменяется, Мастер больше ничего не напишет. «Пусть вишни. Пусть Маргарита. Но нет Христа. Нет вертикали, Выси. И даже Воланд распрощался с Мастером навсегда. Маргарита подчеркивает, что это "вечный дом" Мастера...» [Там же]. Итак, Орфей остается с Эвридикой, путь окончен, Мастер оказался в ловушке вечного покоя.

Тогда в какой роли в романе выступает Маргарита? Возникает ощущение, что перед нами разыгрывается своего рода карнавал (его кульминация — сцена бала). Маски то срываются, то появляются вновь, люди меняются ролями, животные становятся людьми и наоборот, мертвые оживают, а живые умирают. Действие «московских глав» относится [Там же. С. 84] к 1—7 мая 1929 г., на которые пришлась Страстная неделя, т.е. самая строгая неделя для христиан. На концерте в варьете, на балу люди (при содействии темных сил) нарушают табу, все происходящее карнавализируется, амбивалентность чувств и отношений, о которых в свое время говорил М.М. Бахтин, достигает пика.

По словам М.М. Бахтина, «карнавал – это вторая жизнь народа, организованная на начале смеха. Это его *праздничная жизнь*». Сергей Зенкин считает, что оппозиция двух способов жизни столь абсолютна, что может определяться в онтологических терминах, как «двумирность» – понятие, введенное Владимиром Соловьевым и применяемое в литературной критике (в несколько иной форме – «двоемирие») для обозначения романтической двойственности природного и сверхприродного (идеального либо чудовищного) мира. Уже выбор термина указывает на сакральный характер карнавального существования, и исторический карнавал действительно часто пародировал религиозные обряды [13].

В этой связи карнавал на Страстной седмице понимается как кощунство. Смерть обретает черты жизни, жизнь подобна смерти. Маргарита в этом карнавале занимает место мужчины, освободителя. Она выступает в роли Орфея и в буквальном смысле, пройдя инициацию (посвящение в ведьмы, а затем – в королевы), спускается в ад, чтобы спасти возлюбленного.

Основной этап инициации происходит, когда Маргарита выпивает кровь, ставшую вином: «Не бойтесь, королева... Не бойтесь, королева, кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья» [8. С. 267]. Это очередной «перевертыш», зеркальное иска-

жение реальности. Христиане во время причастия принимают вино, которое становится во время литургии Кровью Христовой. Но Маргарите нужно отказаться от всего, что есть в ней от Бога, чтобы спуститься в ад, чтобы стать там своей. Вокруг нее мертвецы: «Толпы гостей стали терять свой облик. И фрачники и женщины распались в прах. Тление на глазах Маргариты охватило зал, над ним потек запах склепа» [8. С. 267].

В этой связи уместно привести наблюдения В.Я. Проппа относительно обряда инициации, представленного в сказаниях и мифах разных народов. Мы имеем в виду употребление протагонистом пищи и питья особого рода. «Еда, угощение непременно упоминаются не только при встрече с ягой, но и со многими эквивалентными ей персонажами»; «Эти случаи совершенно ясно показывают, что, приобщившись к еде, назначенной для мертвецов, пришелец окончательно приобщается к миру умерших» [14. С. 67]. В русском фольклоре «мотив угощения героя ягой на его пути в тридевятое царство сложился на основе представления о волшебной пище, принимаемой умершим на его пути в потусторонний мир» [Там же. С. 69]. В греческой мифологи этот мотив также широко представлен в различных мифах: «Кто вкусил пищи подземных обитателей, тот навсегда причислен к их сонму» [Там же].

Если вернуться к мифу об Орфее, в романе (в сцены на балу и после бала) можно обнаружить мотив очарования героиней жителей преисподней. Цель не меняется: обитатели преисподней должны помочь ее возлюбленному освободиться из плена, покинуть царство мертвых. Но в итоге Мастер получает «покой», который, как уже говорилось, не есть подлинная жизнь, не есть освобождение, а плен в царстве теней. Маргарита не смогла исполнить своего предназначения.

Подобные примеры, когда героиня и герой (Орфей и Эвридика) меняются местами, в литературе имели место (например, в некоторых тургеневских романах). А.А. Асоян считает, что такого рода инверсия встречается в романе «Евгений Онегин». Онегин на определенном этапе становится пленником Аида («Идет, на мертвеца похожий…»), и функция вожатого передается Татьяне [3. С. 131].

Как уже говорилось, в основу нашего исследования лег мотив катабазиса. Если говорить о его итоге в романе, то и Мастер и Маргарита в своем схождении в ад не преуспевают. Мастер приносит миру лишь тень истины, ложную идею. Маргарита обманута: вместо свободы, благодаря ее усилиям, Мастер получает «пытку покоем». Но и судьба Орфея трагична, возвращение в мир живых не является победой. Проведя здесь три года, он погибает, поскольку его жизнь лишена смысла.

По нашему мнению, и сам Булгаков выполняет функцию Орфея, создавая свой роман. А.А. Асоян пишет: «...судьба Орфея мыслится как необходимость исполнить исконную миссию поэта — вывести Психею-Эвридику к свету, найти ее неизреченному, сокровенному содержанию адекватное слово» [Там же. С. 134]. Но тогда возникает противоречие: если Мастер оказался орудием Воланда, то как сам автор романа может вы-

ступать в роли Орфея, если текст «романа о Пилате» снижает сакральный образ? Все дело в том, что ершалаимские главы нужно рассматривать в контексте всего произведения. Мастер шел ошибочным путем и пришел к ложной истине. Булгаков же использует «доказательство от противного»: он допускает, что прав Воланд. Затем с абсолютной хронологической точностью доводит все сюжетные линии до их логического завершения и как большой художник предоставляет читателю право сделать вывод самостоятельно. А вывод таков: Воланд, несмотря на все свое могущество, бессилен перед Истиной (вспомним вопрос Пилата), спешно покидает Москву именно в субботу, до наступления Пасхи, т.е. до торжества Христа, Божественную природу которого он всячески отрицал, представляя Спасителя обычным человеком. Т. Поздняева в культурологическом исследовании «Воланд и Маргарита» пишет: «Тот факт, что Иисус «существовал», в его (Воланда. - B.Г.) устах вовсе не означает доказательства существования Иисуса Христа в Вечности как Сына Божия и Второй ипостаси Святой Троицы. В христианском сознании Иисус Христос есть: Он воплотился, жил как человек на земле, был предан, распят, погребен и воскрес в третий день по Писанию. Таким образом, Воландово утверждение двусмысленно: существовал когда-то, а теперь?» [15. С. 8].

Но и «седьмое доказательство», и странная боязнь креста («Кухарка, застонав, хотела поднять руку для крестного знамения, но Азазелло грозно закричал с седла: — Отрежу руку! — он свистнул, и кони, ломая ветви лип, взвились и вонзились в низкую черную тучу» [8. С. 361]), и спешное бегство из Москвы доказывают, что ершалаимские главы — ложь. Современники М.А. Булгакова этот посыл, безусловно, прочитали бы «между строк», но роман вышел лишь в 1966—1967 гг. (журнал «Москва», № 11 и № 1). В этой связи «неизреченному, сокровенному содержанию» романа, которое по цензурным соображениям автор не облек в «адекватное слово», требуются комментарии (культурологический и литературоведческий).

Таким образом, говорить необходимо не о сходстве коллизий мифа и романа (метафора «погружение во тьму»). Сходство в данном случае концептуальное. Поиск, спасение, освобождение из небытия истины (Психеи, которая есть Эвридика) — ключевой мотив романа, реализуемый в различных сюжетных линиях.

М.А. Булгаков уничтожал готовые главы и вновь возвращался к мучавшей его теме. Он раз за разом предпринимал попытки схождения в ад, в темные глубины культуры и собственного подсознания, и вынес на свет некое тайное знание. Не случайно последними перед смертью были слова М.А. Булгакова о романе: «Пусть знают!».

Литература

- 1. *Бахтин М.М.* Рабочие записи 60-х начала 70-х годов // Собр. соч. М., 2002. Т. 6. С. 424.
- 2. *Философский* энциклопедический словарь / гл. ред.: Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Сов. энцикл., 1983. 840 с.

- 3. Асоян А.А. Семиотика мифа об Орфее и Эвридике. СПб. : Алетейя, 2015. 136 с.
- 4. Исаева В.И., Россиус А.А. Орфизм и Орфей: Обзор докладов коллоквиума «Орфизм и Орфей» // Личность и общество в религии и науке античного мира: реф. сб. М., 1990. С. 60.
- 5. *Яновская Л.М.* Треугольник Воланда: к истории романа «Мастер и Маргарита». Киев, 1992. 185 с.
  - 6. Элиаде M. Аспекты мифа. М.: Академ. Проект, 2000. 222 c.
  - 7. Кураев А. «Мастер и Маргарита»: за Христа или против? М., 2006. 176 с.
- 8. *Булгаков М.А.* Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5: Мастер и Маргарита; Письма. М. : Худож. лит., 1992. 734 с.
- 9. *Блажеев Е.* Роман Булгакова как опыт русской бездны // Грани = Grani. Frankfurt am Main. 1994. № 174. С. 109–125.
- 10. *Зеркалов А.* Иисус из Назарета и Иешуа Га-Ноцри // Наука и религия. 1986. № 9. С. 47–52.
- 11. Гаспаров Б. Из наблюдений над мотивной структурой романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Slavica Hierosolymitana. Jerusalem, 1978. Vol. 3. P. 198–251.
  - 12. Ардов М. Прочтение романа // Столица. 1992. № 42 (100). С. 55–57.
- 13. Зенкин С. Амбивалентность сакрального и словесная культура: (Бахтин и Дюркгейм). URL: http://magazines.ru/nlo/2015/132/8z-pr.html (дата обращения: 29.04.2015).
- 14. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1996. 365 с.
  - 15. Поздняева Т. Воланд и Маргарита. М.: Амфора, 2007. 79 с.

The Motives of the Myth of Orpheus and Eurydice in Mikhail Bulgakov's *The Master and Margarita*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 172–181. DOI: 10.17223/19986645/57/10

Victor V. Gavrilov, Surgut Pedagogical State University (Surgut, Russian Federation). E-mail: victorg12@mail.ru

Keywords: katabasis, Orpheus and Eurydice, myth, ambivalence, *The Master and Margarita*, Psyche.

The aim of this article is an attempt to reveal the motives of the myth of Orpheus and Eurydice in Mikhail Bulgakov's novel *The Master and Margarita*. The key in this case is the motive of Orpheus' entering Hell in order to save his beloved, to set her free from the Kingdom of Darkness.

A serious body of research devoted to the novel by both Russian and foreign literary scholars, theologians, philosophers has been used in the study. The following methods were used: cultural and historical method (it was important to trace the influence of society on the novel, its perception and interpretation), the method of mythopoetic analysis, which is based on the idea of the myth as a decisive factor in all artistic products of the humankind. The author believes that there are many structural and substantive elements of the Orpheus myth in the novel, which are decisive for the understanding and evaluation of this work. Methods of intertextual analysis and literary hermeneutics were also applied.

The study includes a number of stages. At the first of them, an attempt was made to identify the subjects of the novel that, one way or another, make a descent into hell.

Conclusions are drawn on the connection of the novel with this myth. Getting into the underworld, undoubtedly, is always an initiation. The character returns to the world of the living other than he was before. At the end of the novel, the characters are not what they used to be. Katabasis influences the survivors; the chaos of the world of the dead is transferred to our world. The characters of the novel pay for the acquisition of the sacred knowledge.

It is noted that the Master (his going down to Hell for the word) and Margarita (as a result of inversion becomes a leader for her beloved) perform the role of Orpheus at one stage or another.

At the second stage, the author tried to justify the existing, though not universal, view that it was Woland who ordered the novel. He does not have the gift of creativity so he needs an author. The Master is only the medium who is deprived of the will to resist. The Ershalaim chapters describe the Gospel events from Woland's perspective. The reward for the Master and, with him, for Margarita is not the light, but the "torture of rest".

At the third stage, the author tried to prove the thesis that Bulgakov himself plays the role of Orpheus creating his novel. He performs the original mission of the poet – brings Eurydice (Psyche) to light, and tries to find an adequate word for her unspeakable, intimate content.

Thus, it is not the similarity of the conflicts of the myth and the novel (the "immersion in darkness" metaphor) that is observed. The similarity in this case is conceptual. The search, rescue and deliverance from obscurity of the truth (of Psyche, or Eurydice) is the key motif of the novel, which is represented in different plot lines.

References

- 1. Bakhtin, M.M. (2002) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. p. 424.
- 2. Panov, V.G. et al. (eds) (1983) Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Philosophical encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
- 3. Asoyan, A.A. (2015) *Semiotika mifa ob Orfee i Evridike* [Semiotics of the myth of Orpheus and Eurydice]. St. Petersburg: Aleteyya.
- 4. Isaeva, V.I. & Rossius, A.A. (1990) Orfizm i Orfey. Obzor dokladov kollokviuma: "Orfizm i Orfey" [Orphism and Orpheus. Review of the reports of the colloquium: "Orphism and Orpheus"]. In: Isaeva, V.I. & Rossius, A.A. (eds) *Lichnost'i obshchestvo v religii i nauke antichnogo mira* [Personality and society in the religion and science of the ancient world]. Moscow: Nauka.
- 5. Yanovskaya, L.M. (1992) *Treugol'nik Volanda: k istorii romana "Master i Margarita"* [Woland's Triangle: on the history of the novel The Master and Margarita]. Kiev: Lybid'.
  - 6. Eliade, M. (2000) Aspekty mifa [Aspects of Myth]. Moscow: Akademicheskiy Proekt.
- 7. Kuraev, A. (2006) "Master i Margarita": za Khrista ili protiv? [The Master and Margarita: for Christ or against?]. Moscow: Izdatel'skiy sovet RPTS.
- 8. Bulgakov, M.A. (1992) *Sobranie sochineniy. V 5 t.* [Collected Works. In 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Khudozh. lit.
- 9. Blazheev, E. (1994) Roman Bulgakova kak opyt russkoy bezdny [Bulgakov's novel as an experience of the Russian abyss]. *Grani*. 49(174). pp. 109–125.
- 10. Zerkalov, A. (1986) Iisus iz Nazareta i Ieshua Ga-Notsri [Jesus of Nazareth and Yeshua Ha-Notsri]. *Nauka i religiya*. 9. pp. 47–52.
- 11. Gasparov, B. (1978) Iz nablyudeniy nad motivnoy strukturoy romana M.A. Bulgakova "Master i Margarita" [From observations of the motive structure of Bulgakov's The Master and Margarita]. *Slavica Hierosolymitana*. 3. pp. 198–251.
- 12. Ardov, M. (1992) Prochtenie romana [Reading the novel]. Stolitsa. 42(100). pp. 55-57.
- 13. Zenkin, S. (2015) *Ambivalentnost' sakral'nogo i slovesnaya kul'tura (Bakhtin i Dyurkgeym)* [Ambivalence of the sacred and verbal culture (Bakhtin and Durkheim)]. [Online]. Available from: http://magazines.russ.ru/nlo/2015/132/8z-pr.html. (Accessed: 29.04.2015).
- 14. Propp, V.Ya. (1996) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The historical roots of the fairy tale]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- 15. Pozdnyaeva, T. (2007) Voland i Margarita [Woland and Margarita]. Moscow: Amfora.

УДК 82-31

DOI: 10.17223/19986645/57/11

А.О. Задорина

РАННИЙ ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И СОЦРЕАЛИЗМ: ПРОБЛЕМА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РОМАНЕ Л. ЛЕОНОВА «РУССКИЙ ЛЕС»

Исследуются различные стилевые начала в творчестве Л.М. Леонова, авторская манера которого формировалась под влиянием литературных направлений и философских концепций на протяжении всего ХХ в. В рамках мотивного анализа романа «Русский лес» раскрываются связи Леонова с течением традиционалистов, ратующих за возвращение к корням, восстановление прежней гармонии человека и природы, актуализацию исконных ценностей. Прочтение романа с этой точки зрения позволяет оценить прогностический потенциал художника, его позицию по отношению к проблеме сохранения национального достояния.

Ключевые слова: *художественный метод, соцреализм, традиционализм, Русский Север, национальное достояние.*

Религиозно-мифологический дискурс как важнейший источник идей, мотивов в искусстве привлекает современных художников не в меньшей степени, чем столетия назад. Кризис традиционных ценностей, характеризующий современную эпоху, эпистемологическая неуверенность лишают личность защиты от хаоса внешнего мира. Это дает возможность в новом формате культуры внедрять подвижные (интуитивные) модели и практики в систему человеческого познания для выхода из онтологического тупика, в котором оказались сегодняшний мир и человек. Безумию настоящего и стараются противопоставить гармонию мифологического.

Мифопоэтический пласт особенно популярен в литературах, ориентированных на корневые национальные ценности, ибо «препятствует ассимиляционному давлению, возвращает к истокам» [1. С. 31]. Поэтому в литературе 1960-х гг. актуализация данных мотивов во многом связана с текстами «деревенской прозы», где мистические вселенные гибнут вместе с героями, для которых данные миры были единственно необходимы. В произведениях ортодоксального соцреализма эти вселенные показаны самоотрицающей фикцией (монашеский скит в леоновском романе «Соть» — это и заповедное место [2. С. 36], и загнивающее прошлое, сопровождающееся моральным падением монашеской братии [3. С. 31]). Таким образом, тексты, созданные в рамках разных художественных методов и реконструирующие разные картины мира, обнаруживают очевидное сходство в оценке результатов происходящих процессов.

В связи с этим особый интерес представляют «пограничные» произведения, стилевая принадлежность которых не является безусловно очевидной,

вследствие тонкого сочетания признаков самого разного порядка. По тонкому замечанию Н. Полтавцевой, решение вопроса о восприятии художественного текста, его жанровой и стилевой принадлежности определяется не только и не столько спецификой самого произведения, но, скорее, действующей научной парадигмой, «принципиально амбивалентной возможностью интерпретации советского текста» [4. С. 328]. Однако вопрос о способе получения результата имеет значение, ничуть не меньшее, чем сам результат, так как именно в этом случае возможно приблизиться к тайне художника.

В ряду подобных, недифференцированных, текстов свое место занимает роман Л. Леонова, «Русский лес» (1953). Многогранность творчества писателя, сочетающего модернистские, соцреалистические и традиционалистские компоненты, отмечалась давно и большинством исследователей; сегодня ученые все чаще говорят о глубоком национальном подтексте всех произведений мастера, среди которых особое значение придается уже не только «Пирамиде», но и «Русскому лесу». Рассматривая последний в рамках натурфилософской прозы (как можно понять из содержания монографии, еще один вариант обозначения деревенской, традиционалистской литературы), А. Смирнова подчеркивает, что «Русский лес» в этом отношении стал «знаковым произведением», «точкой отсчета» в теме «человек и природа» в русской литературе середины XX в. [5. С. 5]. По словам Т. Вахитовой, роман «являет собой пример постижения философских глубин национальной жизни, художнического предвидения усложняющихся отношений человека и природы» [6. С. 73].

Дискуссия о лесе, развернувшаяся в стране в 20–50-е гг. XX в., отразила сложное отношение советского общества к природным ресурсам. Для новокрестьянских поэтов во главе с Н. Клюевым лес оставался Храмом, писавшейся веками Великой книгой; им противостояли сторонники утилитарного подхода, во главе которых мог бы быть, по мнению Е. Марковой, Увадьев из леоновской «Соти». Для Увадьева «лес — это сырье, из него сделают бумагу и напишут новую Книгу — букварь для девочки Кати» [7. С. 204]. Исследовательница полагает, что «желал того Леонов или нет, но он заложил новый подход в изображении леса как сырья, «зеленого золота», на добычу которого следует бросить все ресурсы» [Там же. С. 205]. Отметим не менее важный факт: этим сырьем был не только лес, но и люди: перед читателем в романе не великий народ, духовному достоянию которого мог бы позавидовать целый мир, а подневольные рабочие и «пережитки прошлого» — монахи.

Роман «Русский лес» является неотъемлемой частью дискуссии о лесе и отражает существовавшую неоднозначность оценок и неоднородность мнений об использовании природных богатств страны. Герои произведения воплощают полярные взгляды на вопрос о лесе — взгляды производственников и хранителей. Вихрову жаль заповедных чащ, но в спорах о судьбе леса с тем же Грацианским он всегда терпит поражение: его аргументация, эмоциональная, вдохновенная, рассыпается, столкнувшись с демагогическими уловками противника. В то же время Вихров осознает, что факт насущной потребности государства в лесных ресурсах для большинства весомее духовной связи челове-

ка с миром природы — вырубка лесов не прекращается; в своей лекции он горестно говорит студентам: «За пять ближайших лет вы получите навыки и знания, оправдывающие ужасную, разящую силу топора» [8. С. 305]; «Совершенно ясна разница между вчерашними лесными тратами, служившими обогащению немногих, и нынешними — на благо поколений. Все жертвы святы в борьбе за советское дело» [Там же. С. 337].

Споры о стилевой принадлежности романа, о мировоззренческой позиции автора продолжаются по сей день. Связь романа Леонова с соцреалистической концепцией (хотя бы в рамках «изображения правдивого, исторически конкретного изображения действительности в революционном развитии») отмечалась неоднократно, свою роль сыграло и получение за него автором Ленинской премии. «Лакировочность», характерную для соцреалистических текстов второй половины ХХ в., 3. Прилепин наблюдает и в «Русском лесе»: «Предвоенная Советская Россия в подаче Леонова... начинает сиять, как асфальтовая дорога, политая в июньский день серебряной водой из поливальной машины» [9. С. 385]. В аналитической работе М. Литовской указывается, что после 40-х гг. ХХ в. важнейшими обязательными свойствами соцреалистических текстов становятся «народность и партийность» [10. С. 20], что актуализирует в существующей сивоспитания («Молодая стеме жанров советский роман А. Фадеева), социально-идеологический роман («Русский лес» Л. Леонова), исторический роман, народную эпопею. Еще один из характерных признаков метода – тип основного конфликта. По словам С. Сухих, «спор Вихрова и Грацианского возник и развивался в условиях строящегося социализма (и не мог возникнуть ни в каких других условиях)» [11. С. 323], а если вынести это противостояние с личностного плана на внешний, то врагом Вихрова становится «капиталистическое безоглядное разбазаривание природных ресурсов» [Там же. С. 326].

На наш взгляд, хотя все эти наблюдения справедливы и имеют место, но говорить о них на фоне существующей разноголосицы в определении самого понятия «соцреализм» можно с немалой долей условности. В «Русском лесе» представлена не совсем типичная для данного метода картина мира: лекции лесника Вихрова в унисон вторят клюевским гимнам, посвященным Матери-Природе, положительные герои встают на защиту леса. Как считает Е. Маркова, внутри этой лекции «дверь в литературную дискуссию – в борьбу за национальные истоки Русского Слова, в борьбу за свое национальное достоинство» [7. С. 214]. Новое обращение отечественной словесности середины века к национальным корням обусловлено в целом изменением историко-политического контекста. Сталинские репрессии, общегосударственный кризис, война, повсеместное горе, тяжелая, с огромными жертвами, победа, которой не было бы без титанической борьбы русского народа, - все это по-своему объясняет поворот художественного интереса к истокам, своей Отчизне. В записях Л. Леонова читаем: «Это память национальная о самих себе, начиная с колыбели, скрепленная мыслью и подвигом прежних, давно закопанных поколений»

[12]. Чтобы не повторять былых трагедий, необходимо понимать свой народ, знать и ценить его прошлое. Безусловно, данное высказывание тесно связывает его автора с идеологией традиционализма.

Не случайно именно Леонову посвящает В. Астафьев свою повесть «Стародуб» – поиски истинно русского, размышления о сущности народа, одухотворение мира природы были присущи этому мастеру изначально. Само посвящение свидетельствует о признании Л. Леонова «идейным вождем всего поколения традиционалистов» [13. С. 79]; о Л. Леонове как писателе-традиционалисте, обращенном к духовным ценностям русского народа, пишет Т. Вахитова [14].

Необходимо отметить, что само понятие «традиционализм» в литературе складывалось стихийно, вопрос о его художественном статусе остается дискуссионным, он, в частности, активно обсуждался на Международном научном семинаре «Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия» (Красноярск, 2015). В итоговом обзоре этого семинара встречается следующее умозаключение: «В строго научном отношении исследование художественного традиционализма позволяет выявить корпус идей, мифологем и архетипов; концептуализировать историю становления, развития данного направления» [15. C. 88]. Построения художников-традиционалистов часто находятся в непрерывном диалоге с религиозно-нравственными учениями старообрядчества и национальными культурными мифами, составляющими мировоззренческое ядро текста. Культурные мифы определяют как «своеобразные скрепы, соединяющие не только мирообразы различных жанров, но и различные литературные направления» [16. С. 6], как мифы, пришедшие к нам не в готовом виде из доисторических времен, а «складывающиеся на исторической почве» [17. С. 103]. Одной из таких мифологем является образ Русского Севера как символ сохраненного национального начала, что обусловлено в первую очередь отдаленностью от стремительно развивающейся цивилизации. Подчеркнем, многие писатели-традиционалисты рассматривают Русский Север как испытывающее, инициальное пространство, в описании которого сочетаются реальные и мистические черты.

К образу Русского Севера Л. Леонов обращался начиная с первых рассказов («Гибель Егорушки», 1922) [18], где очевидно сильное влияние на него крестьянской поэзии. В романе «Русский лес» (1953) этот образ раскрывается наиболее многогранно, в призме экологической, социальной и нравственной проблематики, и в тексте последовательно представлены все в дальнейшем разрабатываемые традиционалистами сюжетные линии.

В творчестве Л. Леонова национальный миф воплощается с характерным разворотом в миф «русского леса», что присуще В. Астафьеву, С. Залыгину, позднему В. Шукшину, в сказке которого «До третьих петухов» Русь изображена в образе дремучего леса. У Л. Леонова читаем: «Мы выросли в лесу, и, пожалуй, ни одна из стихий родной природы не сказалась в такой степени на бытовом укладе наших предков» — эти слова писателя можно назвать по-своему ключевыми [19. С. 68–69]. Проводником главно-

го героя романа, Ивана Вихрова, в поэтический мир природы становится старец Калина Тимофеевич, хранитель леса. Именно по дороге к нему, еще ребенком, будущий ученый-лесник начинает воспринимать лесное пространство как чудесное. У этих одухотворенных пределов есть своя архитектоника: страшный Облог, «край света» [8. С. 74], выступает как граница между мирским и сакральным, неведомым началом. Путешествие к «дедушке Калине» Вихров воспринимает именно как «вызов всем темным силам леса и ночи». Но переход за эту границу приводит мальчика к «великой святыне» — роднику, главному сокровищу Пустошей, т.е. преодоление страха перед неведомыми темными силами выступает в качестве своеобразной инициации юного отрока.

В происхождении главных положительных героев общей чертой является то, что все они выходцы из старообрядческого поселения, живут и молятся по-своему просто, к жизненным неурядицам относятся смиренно и кротко. Идея аскезы в миру реализуется вначале в образе Калины Тимофеевича, а впоследствии и Вихрова-старшего. Автор с легкой иронией описывает «царское имущество» лесного богатыря: «холстинковый рушничок у входа, бараний кожух на гвозде, дымарь и топорище» [Там же. С. 75]. Единственное, что отмечается из обстановки его юными посетителями, – «на двери чернел углем начертанный крест» [Там же. С. 83].

Сам Вихров, став уже известным лесоведом, сохраняет привычную скромность в быту. Автор, обыгрывая читательские ожидания, поначалу называет служебную квартиру Вихрова «аппартаментами» [Там же. С. 37], но, следуя за дочерью главного героя, мы оказываемся в самом что ни на есть скромном жилище. Возле двух каменных четырехэтажных зданий, чуть «на отлете», стоит дом «победнее, о двух этажах, деревянный». На втором этаже постройки Поля останавливается «у самой невзрачной двери без ожидаемой медной таблички с научными титулами Вихрова» – и не ошибается.

Дверь открывает сестра Ивана Матвеича, Таисия, «в темном, пораскольничьи распущенном на плечи платке, как недавно подвязывались все пожилые крестьянки на Енге» [Там же. С. 38]. Девушка, изначально настроенная враждебно по отношению к отцу, шедшая сказать, «что выросла и стоит перед ним налицо, так что не было с маминой стороны какого-либо вымогательства, скажем, на мертвенькую», чувствует себя в этой обстановке неловко, обвинения свои — невозможными: все здесь исполнено искренней нравственности, черты которой присущи и молодому поколению, готовому до конца защищать свою Родину, в частности самой Поле Вихровой.

Одной из главных трагедий в сознании Вихрова-старшего становится гибель мифологического лесного пространства, символизирующего судьбу России в целом. Герой не может поверить в то, что вековая природа, привычная и трансцендентная одновременно, вдруг исчезнет под топорами. Кульминацией становится рубка сосны-матери леса, в сени которой было когда-то сложено жилище Калины. Дерево здесь, как и листвень в «Прощании с Матерой», является связующим стержнем между небом и землей, его гибель неминуемо ведет к падению небес на землю, разрушению рая.

С гибелью заветной сосны связана и десакрализация образа Калины, бывшего в сознании местных ребят святым. На удивление, он не пытается спасти лес от страшной сечи под руководством Кнышева, а, быстро пьянея, жалобно рассказывает всем собравшимся о своей прежней жизни. Эта сцена, выступая своеобразной метафорой будущего страны, очень показательна. Н. Непомнящих отмечает: «За судьбой Калины и русского леса начинает проступать судьба самой России» [20. С. 289]. Известный факт, что и в частной беседе с А. Овчаренко Леонов говорил в том же духе: «Россию спилили, как дуб...» [21. С. 254].

Но Леонов не останавливается на использовании мотива, одного из характернейших для традиционалистской прозы, он вводит в повествование героев-миссионеров, посвящающих жизнь сохранению национального достояния. Уже тогда, заступившись за лес, пытаясь дать отпор губителю Кнышеву, Вихров встает на стезю хранителя лесного мифа — и всю жизнь посвящает его защите. Интересно, что в леоновском сюжете параллельно борьбе за эту культурную традицию проходит нешуточная битва за другую. Ее центральными фигурами становятся Поля и Сережа Вихровы, готовые пожертвовать жизнью за Родину, находящуюся в огне противоборства фашизму.

В статье мы рассматриваем одно из самых значимых произведений отечественной литературы XX в., художественный статус которого до сих пор не определен окончательно, как и истинная позиция его создателя. С одной стороны, общеизвестны лояльность Л. Леонова к советской идеологии, конъюнктурные тексты и высказывания; с другой – в романе, удостоенном Ленинской премии в 1957 г., очевидны обращение к национальным истокам, борьба за сохранность традиционного и мифологического знания. Подобно другим произведениям раннего традиционализма, в «Русском лесе» формируются и разрабатываются основы мифологемы Русского Севера как места, сохранившего духовное ядро всей русской культуры, тем самым закрепляя мифы русского мира.

Безусловно, наличие традиционалистских мотивов в романе Л. Леонова не исключает соцреалистического метода повествования, напротив, присутствие отдельных элементов соцреализма не определяет всецело стилевую принадлежность текста. Очевидно, можно согласиться со словами Х. Гюнтера, что «в фазе деканонизации» (1953—1970 гг.) наблюдается «необратимая тенденция к расширению» художественных задач [22. С. 278], что позволяет соединять в одном произведении разные стилевые и даже идеологические начала.

Литература

- 1. *Киселев В.С.* Мультикультурализм в литературном измерении: проблемы и перспективы развития в российском литературоведении // Проблемы национальной идентичности в русской литературе XX в. Томск, 2011. 307 с.
- 2. *Вахитова Т.М.* Картина мира в прозе Леонида Леонова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 8, вып. 5. 2006. С. 32–40.

- 3. Задорина А.О. Мотивный комплекс, восходящий к текстам Священного Писания, в романе Л.М. Леонова «Пирамида» : дис. ... канд. наук. Красноярск, 2012. 176 с.
- 4. *Полтавцева Н*. «Ряд волшебных изменений милого лица»: соцреализм в современном дискурсе о советском // Труды русской антропологической школы. 2009. № 6. С. 327–339.
- 5. Смирнова А.И. Русская натурфилософская проза второй половины XX века. М.: Флинта-Наука, 2012. 289 с.
  - 6. Вахитова Т.М. Леонид Леонов: жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1984. 128 с.
- 7. Век Леонида Леонова: Проблемы творчества. Воспоминания. М. : ИМЛИ РАН, 2001. 399 с.
  - 8. Леонов Л.М. Русский лес. М.: Современник, 1973. 796 с.
- 9. *Прилепин 3*. Леонид Леонов: «Игра его была огромна». М. : Молодая гвардия. 2010. 576 с.
- 10. *Литовская М.А.* Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 14–21.
- 11. *Сухих С.И*. Специфика конфликта в романе «Русский лес» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 323–329.
- 12. Леонов Л.М. Раздумья у старого камня. URL: http://www.leonid-leonov.ru/razdumia-u-starogo-kamnya.htm
- 13. *Ковтун Н.В.* Природа и религия как основа жизненного уклада в повести В. Астафьева «Стародуб» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 1 (5). С. 71–82.
- 14. *Вахитова Т.М.* Картина мира в прозе Леонида Леонова. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 15–26.
- 15. Ковтун Н.В. Современный русский традиционализм: итоги и перспективы // Филологический класс. 2015. № 4 (42). С. 87–90.
- 16. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы в русской литературе второй половины XVIII начала XIX века. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. 528 с.
- 17. Эпштейн М. Парадоксы новизны: О литературном развитии XIX–XX вв. М.: Советский писатель, 1988. 416 с.
- 18. Zadorina A.O. The Mythologem of the North in the Early Works of L.M. Leonov (on the Example of the Story "the Death of Egorushka") // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences 5. (2014. 7). P. 778–789.
- 19. Головашин В.А. Очерки истории русской культуры (Культурология). Тамбов, 2004. Ч. 2. С. 68–69.
- 20. Непомнящих Н.А. Древо Россия: Истоки мотива поваленного дерева у Л.М. Леонова // Материалы VI Междунар. науч. конф. «Образ России в отечественной литературе: От "Слова о Законе и Благодати" митрополита Иллариона до "Пирамиды" Л.М. Леонова: движение к многополярному миру», 9–11 сентября 2009 г. Ульяновск, 2009. С. 288–296.
- 21. Овчаренко А.И. В кругу Леонида Леонова: Из записок 1968–1988 годов. М.: Московский интеллектуально-деловой клуб, 2002. 296 с.
- 22. Гюнтер Х. Жизненные фазы соцреалистического канона // Соцреалистический канон. СПб. : Гуманитарное агентство : Академический проект, 2000. С. 267–278.

Early Traditionalism and Socialist Realism: The Problem of Artistic Interaction in Leonid Leonov's *The Russian Forest*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 182–190. DOI: 10.17223/19986645/57/11

Alena O. Zadorina, Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: amaltea-20x@yandex.ru

Keywords: literary method, socialist realism, traditionalism, Russian North, national treasure.

The works of Leonid Leonov cover the greater part of the twentieth century. They increasingly attract the attention of modern researchers, with "borderline" works, whose style is not absolutely obvious, being of particular interest. For instance, the novel *The Russian Forest* (1953) became the writer's literary response to the discussion about the forest developed in the USSR in the 1920s–1950s. Disputes about the connection of *The Russian Forest* with this or that literary direction, about the ideological position of its author continue to the present.

This article aims to analyze the interaction of the literary trends of socialist realism and traditionalism in *The Russian Forest*, and to comprehend the nature of their literary embodiment. The sign of the socialist realistic method in the novel is the type of the main conflict; the sign of the traditionalist writing is the pathos of the work (the idea of national identity).

To achieve the aim, the following objectives were set: (1) to investigate the grounds for identifying *The Russian Forest* as socialist realism; (2) to justify attributing Leonid Leonov to traditionalist writers; (3) to identify the features of natural philosophical prose in *The Russian Forest*; (4) to show the interaction of socialist realistic and traditionalist elements in the work.

The material of the study was Leonov's novel *The Russian Forest*, awarded with the Lenin Prize in 1957. The work raises problems significant for the middle of the 20th century: struggle against fascism, development of the economy, preservation of the country's natural wealth. Except for the first point, these issues remain relevant in modern Russia.

The methodological basis of the study was works devoted to the analysis of the poetics of socialist realism (L. Geller, H. Günther, M.A. Litovskaya) and traditionalism (N.V. Kovtun, A.I. Smirnova). Works by L.P. Yakimova, T.M. Vakhitova, N.A. Nepomnyashchikh were also significant for understanding Leonov's ideological position. Methods of research are structural typological, motif analysis.

In the course of the study, the signs of socialist realism were identified in Leonov's novel. First of all, it is the type of the main conflict and the genre specificity (*The Russian Forest* is an upbringing novel that forms national identity and partisanship in the readers). Some works mention the gloss of Leonov's text. Among the characteristic features of a traditionalist writing is the pathos of the work (the idea of national identity), the appeal to national cultural myths. The main attention is paid to the myth of the "Russian forest", the keeper of which is the main character of the novel, the scientist Vikhrov. The image of the forest expert Vikhrov is revealed through the use of such typical traditionalist motifs as the motifs of initiation, the way to the shrine, asceticism, the struggle to preserve the national heritage.

As a result of the study, it should be recognized that the presence of traditionalist motifs in Leonov's novel does not exclude the socialist realistic method of narration, and, on the contrary, the presence of individual elements of socialist realism does not completely determine the style of the text: the multifacetedness of the literary design allows to combine different stylistic and even ideological principles in one work.

References

- 1. Kiselev, V.S. (2011) Mul'tikul'turalizm v literaturnom izmerenii: problemy i perspektivy razvitiya v rossiyskom literaturovedenii [Multiculturalism in the literary dimension: problems and development prospects in Russian literary studies]. In: Rybal'chenko, T.L. (ed.) *Problemy natsional'noy identichnosti v russkoy literature XX v.* [Problems of national identity in Russian literature of the twentieth century]. Tomsk: Tomsk State University.
- 2. Vakhitova, T.M. (2006) Kartina mira v proze Leonida Leonova [Picture of the world in prose by Leonid Leonov]. *Vestnik VolGU. Seriya 8 Science Journal of Volgograd State University. Series 8.* 5. pp. 32–40.
- 3. Zadorina, A.O. (2012) *Motivnyy kompleks, voskhodyashchiy k tekstam Svyashchennogo pisaniya, v romane L.M. Leonova "Piramida"* [The motive complex, which goes back to the texts of the Scripture, in L.M. Leonov's "Pyramid"]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.

- 4. Poltavtseva, N. (2009) "Ryad volshebnykh izmeneniy milogo litsa": sotsrealizm v sovremennom diskurse o sovetskom ["A series of magical changes of a dear person": social realism in modern discourse about the Soviet]. *Trudy russkoy antropologicheskoy shkoly.* 6. pp. 327–339.
- 5. Smirnova, A.I. (2012) Russkaya naturfilosofskaya proza vtoroy poloviny XX veka [Russian natural philosophical prose of the second half of the twentieth century]. Moscow: Flinta-Nauka.
- 6. Vakhitova, T.M. (1984) *Leonid Leonov. Zhizn' i tvorchestvo* [Leonid Leonov. Life and creative work]. Moscow: Prosveshchenie.
- 7. Savateev, V.Ya. (2001) *Vek Leonida Leonova. Problemy tvorchestva. Vospominaniya* [The age of Leonid Leonov. Problems of creativity. Memories]. Moscow: IWL RAS.
- 8. Prilepin, Z. (2010) *Leonid Leonov. "Igra ego byla ogromna"* [Leonid Leonov. "His game was huge."]. Moscow: Molodaya gvardiya.
- 9. Litovskaya, M.A. (2008) Sotsialisticheskiy realizm v literature XX veka [Socialist realism in the literature of the twentieth century]. *Filologicheskiy klass*. 19. pp. 14–21.
- 10. Sukhikh, S.I. (2010) The Peculiarity of the Conflict in L. Leonov's Novel "The Russian Forest". *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.* 6. pp. 323–329. (In Russian).
- 11. Leonov, L.M. (1968) *Razdum ya u starogo kamnya* [Meditations at an old stone]. [Online]. Available from: http://www.leonid-leonov.ru/razdumia-u-starogo-kamnya.htm.
- 12. Kovtun, N.V. (2009) Nature and Religion as Base of Lifestyle in V. Astafjev's "Starodub". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (5). pp. 71–82. (In Russian).
- 13. Vakhitova, T.M. (2005) *Kartina mira v proze Leonida Leonova* [Picture of the world in prose by Leonid Leonov]. St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. pp. 15–26.
- 14. Kovtun, N.V. (2015) Modern Russian traditionalism: results and prospects. *Filologicheskiy klass*. 4 (42). pp. 87–90. (In Russian).
- 15. Prikazchikova, E.E. (2009) *Kul'turnye mify v russkoy literature vtoroy poloviny XVIII nachala XIX veka* [Cultural myths in Russian literature of the second half of the 18th beginning of the 19th centuries]. Yekaterinburg: Ural State University.
- 16. Epshteyn, M. (1988) *Paradoksy novizny: O literaturnom razvitii XIX–XX vv.* [Paradoxes of novelty: On the literary development of the nineteenth and twentieth centuries]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
- 17. Zadorina, A.O. (2014) The Mythologem of the North in the Early Works of L.M. Leonov (on the Example of the Story "the Death of Egorushka"). *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 5 pp. 778–789.
- 18. Golovashin, V.A. (2004) *Ocherki istorii russkoy kul'tury (Kul'turologiya)* [Essays on the history of Russian culture (culture studies)]. Pt. 2. Tambov: Tambov State Technical University. pp.68–69.
  - 19. Leonov, L.M. (1973) Russkiy les [The Russian Forest]. Moscow: Sovremennik.
- 20. Nepomnyashchikh, N.A. (2009) [Tree Russia: The Origins of the Motive of a Fallen Tree in L.M. Leonov]. *Obraz Rossii v Otechestvennoy literature: Ot "Slova o Zakone i Blagodati" mitropolita Illariona do "Piramidy" L.M. Leonova: dvizhenie k mnogopolyarnomu miru* [The Image of Russia in Russian Literature: From the" Word of Law and Grace" by Metropolitan Hilarion to "The Pyramid" by L.M. Leonov: A move towards a multipolar world]. Proceedings of the VI International Conference, 9–11 September 2009. Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, pp. 288–296. (In Russian).
- 21. Ovcharenko, A.I. (2002) *V krugu Leonida Leonova. Iz zapisok 1968–1988 godov* [In the circle of Leonid Leonov. From the notes of 1968–1988]. Moscow: Moskovskiy intellektual'no-delovoy klub.
- 22. Günther, H. (2000) Zhiznennye fazy sotsrealisticheskogo kanona [The life phases of the socialist realist canon]. In: Günther, H. (ed.) *Sotsrealisticheskiy kanon* [Socialist realist canon]. St. Petersburg: Gumanitarnoe agentstvo: Akademicheskiy proekt.

УДК 821.161.1

DOI: 10.17223/19986645/57/12

В.С. Киселев

СЦЕНАРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ В ОСМЫСЛЕНИИ В.А. ЖУКОВСКОГО (ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИЦИСТИКИ И ЭПИСТОЛЯРИЯ 1848–1850 гг.)¹

На материале политической публицистики и переписки 1848—1850 гг. выявляется отношение Жуковского к сценариям объединения Германии, сформировавшимся в ходе революционных событий. Писатель тяжело переживает паралич самодержавной власти в начале революции и приветствует ее дальнейшие меры по ограничению конституционных реформ, а затем по сохранению исторически сложившихся династических традиций. К 1850 г. Жуковский отказывается и от приоритета федерализма в пользу деспотического объединения Германии под властью прусского короля.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, революция в Германии 1848 г., объединение Германии, политическая публицистика, письма.

В середине XIX в. Российская империя и германские государства оказались на периферии охвативших европейские страны процессов национального строительства. Произошло это по разным причинам, но само сходство ситуаций способствовало активному трансферу идей и концепций, посвященных политическому и культурному конструированию национального целого. В случае Российской империи, объединенной принципом династической легитимности, насущной «модернизационной» задачей являлось усвоение национальных категорий в политике, административной практике и культуре, что порождало многочисленные проблемы — в выделении национального ядра империи, в национализации имперской элиты, в примирении самодержавно-сословной иерархичности и эгалитарности нациигосударства [1–3].

Для сообщества германских государств (Германского союза) ситуация была иной: родившийся и укрепившийся в ходе наполеоновских войн концепт единой немецкой нации в первой половине XIX в. противоречил реальной политико-административной разделенности на множество династических целых, что способствовало поддержанию региональных различий. Тем самым ключевым вопросом немецкой «модернизации» выступал поиск государственной модели, способной разрешить этот конфликт на путях самодержавных или республиканских [4. С. 118–139]. Острота проблемы стала одной из причин мартовской революции 1848 г., в ходе

 $^{^{1}}$ Статья подготовлена при финансовом содействии гранта РФФИ № 18-012-00113 и Программы повышения конкурентоспособности ТГУ (проект № 8.1.35.2018).

192 В.С. Киселев

которой ожесточенно столкнулись разные стратегии национального объединения.

Оригинальную рефлексию этих событий и политических столкновений предложил в своем эпистолярии и публицистике их непосредственный наблюдатель В.А. Жуковский, для которого немецкий опыт неизменно проецировался на российский. Категорическое неприятие революции, осмысление ее как падения европейской цивилизации, высказанное в статьях и письмах этого периода, подвигло поэта на поиск исторических и мировоззренческих истоков происходящего. Здесь писатель развивал идеи о революции как результате не только хищного буйства толпы, но и беспечности, глухоты и произвола монархов, забывших истинные указания Промысла, выстраивая цельную историософскую концепцию отхождения европейской цивилизации от духа христианства (веры в святое) с указанием ведущих импульсов и этапов – вплоть до современности.

Революционной Европе противопоставлялся идеал «Святой Руси», вполне сохранившей истинную веру и самодержавные устои, вернее, уверенность в их божественной природе, о чем подробнее Жуковский писал в статье «Самоотвержение власти». В этом пункте писатель развивал оригинальную концепцию нациестроительства, основанную на идее «семейственной монархии», на патерналистском сближении сакрализованной государственной власти (Россия) и народа, хранителя веры и патриархальных устоев (Святая Русь) [5–6]. Осмысление поэтом немецких объединительных тенденций определялось историософскими представлениями, сложившимися еще в 1820–1830-е гг. и реализовавшимися в том числе и в преподавании истории великому князю Александру Николаевичу [7. С. 165–202; 8. С. 43–79]. В них сложно сплелись рефлексы руссоистских представлений об общественном договоре, гердеровского подхода к национальной специфике, порождаемой климатом, ландшафтом, природными условиями, романтической философии истории с ее персонализацией нации как коллективной личности.

Своеобразным ключом к концепции Жуковского могут служить многократно в разных контекстах актуализируемые девизы «Умеренность! Порядок!» из «Всемирной истории» (1811) швейцарского историка Иоганна Миллера. Ими, в частности, поэт завершил свою программную «педагогическую» статью «Польза истории для государей» (1829), где лаконично излагались основные принципы «идеального» самодержавия:

Наконец в заключение слова Иоанна Мюллера, коими он оканчивает свою Всемирную Историю: *умеренность! порядок!* а смысл их: не упускай никогда из виду своей цели; подвигайся вперед, не быстро, но постоянно; строй без спеха, но для веков; исправляй, не разрушая; не упреждай своего века, но и не отставай от него; не будь его рабом, но свободно и могущественно с ним соглашайся: будешь владеть им, когда не презришь его совета; будешь его жертвою, или окружишь себя жертвами, когда захочешь его пересилить [9. С. 223; 10. С. 714].

Основным вектором истории Жуковский считал нравственное совершенствование человека и общества, к которому подвигает Божественное

Провидение. Умение угадать его и органично следовать ему обеспечивает правильное историческое развитие, а единственным легитимным институтом, воплощающим волю Провидения, является самодержавная власть, которая руководствуется законом и совестью и выступает гарантом общественного договора. Именно это идеальное содержание Жуковский вложил в представление о Святой Руси, ставшей образцом медленного, но самобытного и органического развития в публицистике 1848–1850 гг.

Антитезой эволюции выступает быстрое историческое изменение, приводящее неизменно к катастрофе, метафорический образ которой поэт предложил в статье 1833 г. «Две всемирные истории», отзыве на «Историю нашего времени» (1829) К.А. Менцеля, в виде селений швейцарского местечка Гольдау, разрушенных падением горы и за двадцать лет так и не восстановленных:

Вот история всех революций, всех насильственных переворотов, кем бы они производимы ни были, бурным ли бешенством толпы, дерзкою ли властью одного! Разрушать существующее, жертвуя справедливостью, жертвуя настоящим для возможного будущего блага, есть опрокидывать гору на человеческие жилища с безумною мыслью, что можно вдруг бесплодную землю, на которой стоят они, заменить другою, более плодоносною. <...> Время – истинный создатель, мы же в свою пору были только преступные губители, и отдаленные благие следствия, загладив следы погибели, не оправдывают губителей. На этих развалинах Гольдау, ярко написана истина: «Средства не оправдываются целию; что вредно в настоящем, то есть истинное зло, хотя бы и было благодетельно в своих последствиях; никто не имеет права жертвовать будущему настоящим и нарушать верную справедливость для неверного возможного блага» [9. С. 326].

Революция, стремящаяся здесь и сейчас воплотить утопический идеал, своим насилием противоречит логике Божественного Провидения, строящего медленно, но верно. Суть этой «горной философии» точно акцентировал А.С. Янушкевич:

Картина горных обвалов, превращающих цветущие долины в пустыни, рождает символический образ исторических катаклизмов, связанных с проносящимися над человеческой цивилизацией революциями. Горная философия поэта – это утверждение созидательной деятельности человека. «Иди шаг за шагом за временем, вслушивайся в его голос и исполняй то, чего он требует...» - эту историософскую максиму Жуковский наполняет размышлениями о предназначении человека, о Провидении и Божественном Промысле, о соотношении прошлого, настоящего и будущего, о революциях и их последствиях [10. С. 755] (см. также [11. С. 133–143]).

Именно такой катастрофой стал для Жуковского сценарий объединения Германии, который предложили революционные события 1848 г. В плане философских оснований нациестроительства они отразили переориента194 В.С. Киселев

цию с романтических идей на гегелевскую концепцию истории, анализирующей логику мирового исторического развития и разделявшей нации на «исторические», создавшие баланс национального духа и государственной эффективности, и «неисторические», оригинальные, но лишенные политического влияния [12]. В прагматическом плане это требовало поиска новых инструментов для объединения нации и исторического прорыва, когда модернизации самодержавия через новые правовые, социальные и экономические формы (Й. фон Радовиц, Л. фон Штейн, Г. Вагнер, Д.Ф. Лист и др.) оказались противопоставлены разнообразные конституционалистские и республиканские идеи, в том числе социалистическая доктрина К. Маркса и Ф. Энгельса, подразумевающая революционное разрушение старой германской государственности в пользу пролетарского эгалитаризма и интернационализма.

Интерес Жуковского к борьбе нациестроительных идей в предреволюционной Германии высказался в круге чтения 1840-х гг., в частности в отклике на анонимно опубликованную книгу Й. фон Радовица «Gespräche aus der Gegenwart über Kirche und Staat» («Беседы из настоящего времени о государстве и церкви», 1846), которую поэт рекомендовал великому князю Александру Николаевичу в доныне неопубликованном письме от конца августа 1847 г. (см. полный его текст в приложении к настоящей статье). Жуковскому, неоднократно переводившему разнообразные «диалоги», оказался близок избранный Радовицем жанр философской беседы, где персонажами выступили представители «мнения разных партий» — социалисты, республиканцы, монархисты, конституционалисты, излагающие и полемически отстаивающие свою систему взглядов:

Detlev есть представитель в политике *коммунизма*, а в религии – *атеизма*; Oeder есть панегирист в политике механического абсолютного государства, бюрократ, обожествитель так называемого общего блага, общей пользы, а в религии он ничего не представляет: для него религия есть институция, как всякая другая, нужная для сохранения порядка, единства и тишины в государствах. Arnsburg есть представитель неограниченной монархии, аристократизма в политике и позитивной религии, в исповедание американцев истинно, жарко верующий. Crußius представляет конституционную монархию и промыслофила (Judusfiel) в политике и рашионалиста (философахристианина, заимствующего в христианстве только учение, но не приемлет из него откровения). Наконец, Waldheim в политике не признает никакой из вышеозначенных систем, он есть представитель схизма в его высоком значении в его выражении высшей божественной правды и истины на земле, а в религии он пламенно верующий католик без всякой примеси нетерпимости, уродующей и умерщвляющей всякую веру. Каждое из означенных лиц защищает свое мнение со всею силою искуснейшего убеждения <...> но читатель, закрыв книгу и сведя всю ее в один итог, останется согласным с мнением Waldheima, который, очевидно, есть и выразитель убеждений самого автора (ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 196 об. – 197 об.).

Позже, в 1850 г., в брошюре «Иосиф Радовиц», писатель говорил о пророческой верности книги Радовица, отвергающей конституционалистские, республиканские и социалистические сценарии в пользу реформированного самодержавия:

<...> из нее раздается как будто эхо пророческого, никем не услышанного, событиями оправданного голоса; она появилась в свете как гигантская тень беде подходящей, но по которой никто не предугадал близости страшилища <...> читателю должно самому решить, на чьей стороне правда: для него остается очевидным только то, что представитель самого автора, следственно и того, что сам автор почитает истинным, не есть радикал-атеист Детлев, ни бюрократ Эдер, ни рационалист-адвокат представительного правления Крузиус, ни верующий протестант-абсолютист Арнсбург (все, впрочем, честные люди), а строгий католик Вальдгейм, защитник чистой, на Божией правде основанной монархии [9. С. 506–507].

Поддержка последней стратегии и развенчание первых составили основной вектор публицистики и эпистолярия Жуковского 1848-1850 гг. Предметом категорического осуждения выступили в первую очередь основные движущие силы революционного объединительного процесса: народные массы, обобщенно характеризуемые как пролетариат, и третьесословная интеллигенция, ставшая рупором низовых политических движений, в том числе во Франкфуртском общегерманском парламенте. И тем и другим писатель отказывает в легитимности, в возможности самостоятельно представлять национальное целое. Первые, «чернь», «толпа», для него не имеют самостоятельной воли, кроме примитивно эгоистической, и провоцируются на мятеж исключительно внешними силами:

На сцене кричат и действуют одни разбойники, которых истинные намерения выказываются час от часу яснее наружу <...> молчаливая трусость причиною тому, что крикливая трусость их противников кажется мужеством и силою, тогда как она не иное что, как дерзкое буянство пьяных трактирных бродяг, подкупаемых разбойниками высшего класса, поляками и жидами. Пред этими-то врагами в отрепьях молчат с покорностию правители Германии, окруженные войсками еще им верными» (письмо великому князю Александру Николаевичу от 17 (29) сентября 1848 г.) [13. С. 249– 250].

В этом плане для Жуковского оказывается непонятным, в чем-то даже иррациональным, паралич верховной власти как в Пруссии, так и в других германских государствах, которому он способен предложить только нравственное истолкование - желание властителей не применять насилие против своих подданных.

Еще менее приемлемой была для Жуковского роль интеллигенции и журналистики, представлявших общественное мнение и формировавших политическое поле Германии. За ними писатель не признает наличия ре**В.С. Киселев**

альных социальных сил и тем более легитимности, что превращало успех их деятельности в катастрофический исторический казус:

Шумом упадшего французского трона пробуждается несколько крикунов в маленькой области Германского царства; несколько профессоров, адвокатов, лекарей и марателей бумаги, никем не призванных, никем не уполномоченных, предводительствуя маленькою дружиною дерзких журналистов, выходят в бой противу всех законных государей, окруженных сильною армиею, и все они разом, без боя, кладут оружие и принимают безусловно те бессмысленные законы, которыми в чаду своей силы (не действительной, а созданной внезапным страхом их противников), наскоро, без всякой умеренности, без малейшего признания права и правды, толпа анархистов уничтожает всякий авторитет и всякую возможность порядка («Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении "Святая Русь"», 1848) [9. С. 408].

Энтузиазм «нескольких профессоров, адвокатов, лекарей и марателей бумаги» Жуковский готов интерпретировать как субъективное и произвольное теоретизирование либо как сознательный политический эгоизм, для которого недовольство определенных групп населения выступало только поводом достижения собственных корыстных целей:

С одной стороны действуют эгоисты *утопий*, которые во что бы то ни стало хотят изрезать общество в куски, чтобы просторно уложить его в свою Прокрустову постель, искренно убежденные, что не постель создана для лежащего на ней, а лежащий создан для постели. Хуже их *честолюбцы*, которым все равно, погибнет ли общество или нет, только бы полакомиться на пиру власти. Наконец, самые худшие суть претенденты *власти*, которым не *до славы*, не до *первенства* над другими, а просто до чужого добра, до превращения *твоего* в *мое*. Они ищут прибытка: зажигают дом, чтобы пограбить на пожаре (письмо великому князю Александру Николаевичу от 29 января (10 февраля) 1849 г.) [14. С. 530].

Жуковскому был глубоко чужд эгалитаристский подход к нациестроительству, подразумевавший отмену сословных барьеров и признание за каждым гражданином права участия в политической жизни. «Правильное» устройство общества основывалось, скорее, на налаженной иерархии социальных групп, на «соединении всех состояний в одно стройное тело (начиная с вершины от правящего монарха до основания, до трудящегося земледельца и работника)» («О происшествиях 1848 года») [9. С. 430], что в совокупности образовывало национальное целое. Право представлять нацию и ее интересы тем самым закреплялось исключительно за государем, вершиной иерархии и единственным легитимным действующим лицом политики.

Это обусловило в публицистике и эпистолярии Жуковского 1848— 1850 гг. сосредоточение внимания преимущественно на фигуре короля Фридриха-Вильгельма IV. Здесь можно выделить два этапа. В статьях и письмах 1848 г. на первый план выступили проблемы внутреннего политического устройства Пруссии, с 1849 г. спектр интереса сместился на конкурирующие сценарии объединения Германии. Отвергая право за подданными самодеятельно выдвигать требования к монарху, Жуковский безусловно признавал неразрешенность проблем, возникших в момент образования Германского союза в 1815 г.:

«К несчастию, эти обвинительные крики основаны на истине: государи Германии остались в долгу у своих народов. И главная вина их состоит менее в том, что они этого долга не заплатили, нежели в том, что они не оказали надлежащей решительности в его признании («О происшествиях 1848 года») [9. С. 421].

Важнейшей из них являлась конституционная реформа, заявленная как обязательная для всех немецких государств, но так и не проведенная в большинстве из них, в том числе в Пруссии. Даже в 1847 г., созвав объединенный ландтаг, Фридрих-Вильгельм IV не признал за ним права на политические дискуссии и создание проекта конституции. Для Жуковского эта медлительность не оправдывала революционных возмущений, поскольку король, однажды подтвердив свое намерение дать конституцию, последовательно готовил реформы. Его планам не позволило реализоваться анархическое буйство радикализированной толпы, которому Фридрих-Вильгельм противопоставил мужественное, но в большинстве пассивное сопротивление, позволившее выявиться разрушительному влиянию «самодержавия народа».

Согласие монарха в декабре 1848 г. принять конституцию интерпретировалось Жуковским как акт вынужденный, как компромисс, который в дальнейшем должен быть пересмотрен в пользу подлинного и исторически обоснованного договора между государем и подданными, о чем говорилось в финале сконструированной в письме к великому князю «виртуальной» королевской речи Фридриха-Вильгельма:

Итак, призываю вас не к одному утверждению данной мною хартии, но к ее совершенному преобразованию в хранительно-монархическом смысле. Когда же совершится ваш труд, признав его оконченным, я передам его на конфирмацию времени и опыта. Предоставляю себе назначить срок, в который будут снова собраны представители всех состояний государства, чтобы снова пересмотреть и исправить ту хартию, которая выйдет из ваших совещаний, и чтобы ее на все времена утвердить положительно, как закон основный (письмо великому князю Александру Николаевичу от 3 (15) декабря 1848 г. – 19 (31) января 1849 г.) [13. С. 264].

Именно апелляция к историческому опыту, к наследию прошлого, по Жуковскому, отсутствовала в объединительных проектах Франкфуртского собрания, предлагавшего ввести единообразную конституцию (Die Grundrechte) во всех германских государствах: «Die Grundrechte написаны и многими уже правительствами приняты. А он чистый хаос» (письмо ве198 В.С. Киселев

ликому князю Александру Николаевичу от 3 (15) декабря $1848 \, \text{г.} - 19$ (31) января $1849 \, \text{г.}$) [13. С. 270]. Это уравнивание лишало каждую страну собственного характера, олицетворенного в той или иной правящей династии:

Что сказать об этом парламенте с его единством или единицею Германии, производимою из нулей? Хотят Германии без государств германских, без истории, без народной личности, без народной славы, без любви к родине, без исторического благоприобретенного богатства. Не чистый ли это коммунизм? (письмо великому князю Александру Николаевичу от 29 января (10 февраля) 1849 г.) [14. С. 530].

Здесь нужен был иной подход, опровергающий франкфуртскую формулу (0+0+0+0=1):

<...> не только не нужно, чтобы частное исчезло, нужно, напротив, чтобы части, без которых не может быть целого, сохранили свою необходимую самобытность и в стройной своей совокупности составили одно гармоническое целое, но в нем не исчезли. Единство происходит не от мертвого единообразия, а от живого соединения: так и единство Германии; оно может произойти только из соединения, следственно, и из сохранения живых частей ее. Как бы ни красноречиво провозглашали свои теории проповедники церкви св. Павла во Франкфурте, но иного единства им создать для нее не удастся. По их арифметике несколько нулей могут составить единицу; они говорят Петру, Ивану, Карлу, Вильгельму: «Каждый из вас должен сперва сам себя зарезать, потом из ваших мертвых трупов мы составим одного общего, живого человека» («О происшествиях 1848 года») [9. С. 425].

Символическим воплощением подлинного германского единства, основанного на союзе государей, стала у Жуковского встреча прусского короля Фридриха-Вильгельма IV и австрийского эрцгерцога Иоанна Австрийского, провозглашенного 29 июня 1848 г. «блюстителем империи», на празднике 14–16 августа 1848 г. в честь 600-летия строительства Кельнского собора, олицетворения самой немецкой нации. Это подтверждало намерение короля

<...> искренно содействовать тому, чтобы законная свобода народов Германии, возможная только с свободою и самобытностию их государей, на твердых основаниях укоренилась: на это Фридрих Вильгельм IV подал руку эрцгерцогу Иоанну Австрийскому; он хочет достроить, а не разрушить для перестройки, древле начатый великий храм германского народа» («О происшествиях 1848 года») [Там же. С. 426].

Сохранение династического принципа, однако, открывало возможность не только сотрудничества государей, но и их конкуренции за доминирование в обновленном Германском союзе, перипетиям которой было посвящено внимание Жуковского в 1849—1850 гг. Франкфуртскому пангерманизму уже в 1848 г. оказалась противопоставлена сепаратная политика Пруссии и Австрии,

наиболее влиятельных держав. К весне 1849 г. прусским войскам удалось подавить революционное движение, общегерманский парламент был распущен, а Фридрих-Вильгельм IV отказался принять предложенную ему корону императора Германии. В Австрии после подавления Альфредом Виндишгрецем октябрьского восстания 1848 г. в Вене и апрельского «весеннего похода» русских войск 1849 г., разгромившего революционную Венгрию, также была восстановлена власть императора Франца-Иосифа, что поставило крест на возможности вхождения страны в единую Германию. Жуковский, не симпатизируя уравнительному пангерманизму, воспринял эти сепаратные тенденции, особенно со стороны Австрии, болезненно:

Все с тех пор опять перепуталось. Кто главная к тому причина? Не ведаю: я не политик. Но признаюсь, не могу без отвращения смотреть на действия Баварии, Саксонии, Ганновера и Австрии, только что спасенной бескорыстным могуществом Русского Царя, у которого она не потрудилась занять его великодушного бескорыстия. Пруссия же пошла своим путем, против которого в начале не протестовал никто (кроме Баварии и Виртемберга). Может ли она всякую минуту, не угратив своего достоинства, покоряться шаткости других правительств? (письмо великому князю Александру Николаевичу от конца января – начала февраля 1850 г.) [15. С. 345].

Единственной позицией, которую Жуковский готов был одобрить, была прусская - позиция последовательно контрреволюционная, основанная на ликвидации либеральных уступок и возвращении всей полноты исполнительной и законодательной власти монарху. В 1850-1852 гг. прежнее видение Германии как братского союза земель и государей, по сути федеративное, у писателя трансформируется в сценарий объединения под эгидой прусского короля, воплощающего единство немецкой нации как «Германский сборный воевода»:

Чем более думаю о том, что на германской политической сцене творится, тем яснее кажется мне, что дорога, избранная Пруссиею и указанная ею другим, есть самая прямая и верная. Единство Германии и с ним ее сила будут упрочены только тогда, когда и внешняя политика, и внутренняя исполнительная власть будут сосредоточены в одном представляющем их лице (которое не будет ни Прусский король, ни Австрийский император, а Германский сборный воевода), когда не будет ни особенной Прусской, Австрийской, Баварской, Любекской и пр. внешней политики, ни Прусской, Баварской, Австрийской, Франкфуртской армии, а будет Германская политика и Германская армия. Если одно лицо будет представителем целой Германии, унизится ли от этого достоинство каждого Германского государя в особенности? Нимало! Только сосредоточится их внешнее действие, утратится только ненужный суетный блеск личного представительства, за то прекратятся все интриги личного эгоизма и мелочные дипломатические сплетни. <...> И если Прусский король, как сильнейший в союзе (при невозможности остаться в нем для Австрии) имеет право на звание Герман200 В.С. Киселев

ского воеводы, то это не делает его властителем, а только представителем общей воли, которая тем успешнее может быть исполняема, чем сильнее будет тот, кому будет вверено ее исполнение. Теряет ли тут что-нибудь личное достоинство государей Германских?» (письмо великому князю Александру Николаевичу от 14 (26) июня 1850 г.) [15. С. 354–355].

При этом Жуковский даже не чужд апелляции к деспотическому опыту, представляя, как проблему объединения мог решить дед действующего прусского короля Фридрих II:

Было бы великое счастие для Германии, когда бы в оные дни, когда королю Фридриху Вильгельму IV поднесли императорскую корону, наскоро выкроенную из золотой бумаги, во Франкфурте, месяца на три (не более) влез в него его покойный дедушка Фридрих II: он бы разом из бумажного золота короны сделал бы железное золото диктаторства (письмо великому князю Александру Николаевичу от 25 июня (7 июля) 1850 г.) [Там же. С. 363].

Именно этот сценарий реализовался в 1860-е гг., когда под эгидой власти короля Вильгельма I Отто фон Бисмарк «железом и кровью» в войнах с Данией, Австрией и Францией подчинил Пруссии остальные германские земли и создал Второй рейх [4. С. 143–161].

Приложение

Великому князю Александру Николаевичу

Конеи августа 1847 г. Франкфурт-на-Майне

В немногих словах приношу Вашему Императорскому Высочеству мое и всего моего семейства поздравление с днем Вашего ангела¹. Позвольте принести Вам в этот день, по русскому обычаю, подарок – книжку, недавно вышедшую из печати, которую прочитал я с жадностию². Во время этого чтения мне часто приходило желание, чтобы Вы также эту книжку прочитали; и вот к Вашему тезоименитству, как нарочно, вышло второе ее издание (в два месяца уже разошлось все первое). Приношу Вам экземпляр этого второго издания с убедительною просьбою прочитать со вниманием этот небольшой том; я уверен, что и Государыня Великая Княгиня с особенным удовольствием займется этим чтением. Оно же будет для Вас привлекательно: форма сочинения вполне приятная, разговор, слог удивительно ясный. Одним словом, я давно ничего подобного не читал. Я хотел написать к Вашему Высочеству длинное письмо об этой книжке, но теперь я не в таком спокойном расположении духа, чтобы выразить ясно и порядочно свои идеи: моя бедная жена больна, уже третий день лежит в постеле, хотя, по словам доктора, еще нет ничего опасного в болезни, но она идет своим ходом и должна совершить свой путь. К чему она приведет – мы в руке Божией. И как ободрительно знать в такие минуты наверное, что мы в руке Божией... Чтобы, однако, возбудить в Вас любопытство прочитать не мельком посланную мною книжку, скажу, что в ней заключается взгляд на все вопросы, занимающие так сильно наше время, вопросы политические и религиозные. Разумеется, что автор имел в виду одну только Германию – но сии вопросы касаются до всей Европы; в особенности полезно обратить на них внимание стоящим на возвышенной степени правителей. В этой книжке изложены все противоположные мнения разных партий. Лица разговаривающие суть представители сих партий, и представители вышли в лучшем их смысле, так что каждый говорит по одному внутреннему убеждению, в твердой уверенности, что его мнение есть лучшее, самое благотворное для человечества и самое истинное, без всякой задней идеи корысти, эгоизма и пр. Detlev есть представитель в политике коммунизма, а в религии – *атеизма*; Oeder есть панегирист в политике механического абсолютного государства, бюрократ, обожествитель так называемого общего блага, общей пользы, а в религии он ничего не представляет: для него религия есть институция, как всякая другая, нужная для сохранения порядка, единства и тишины в государствах. Arnsburg есть представитель неограниченной монархии, аристократизма в политике и позитивной *религии*, в исповедание американцев истинно, жарко верующий. Crußius

¹ Тезоименитство великого князя праздновалось 30 августа (10 сентября), что позволяет датировать письмо.

² Речь идет о книге Й. Радовица «Gespräche aus der Gegenwart über Kirche und Staat».

представляет конституционную монархию и промыслофила (Judusfiel) в политике и рационалиста (философа-христианина, заимствующего в христианстве только учение, но не приемлет из него откровения). Наконец, Waldheim в политике не признает никакой из вышеозначенных систем, он есть представитель схизма в его высоком значении, в его выражении высшей божественной правлы и истины на земле, а в религии он пламенно верующий католик без всякой примеси нетерпимости, уродующей и умерщвляющей всякую веру. Каждое из означенных лиц защищает свое мнение со всею силою искуснейшего убеждения, всеми средствами искусной диалектики, никто не остается побежденным равно (ибо этого ни в каких существовавших спорах не бывает, следственно, не может быть и в книжном, вымышленном), но читатель, закрыв книгу и сведя всю ее в один итог, останется согласным с мнением Waldheima, который, очевидно, есть и выразитель убеждений самого автора. Этот автор скрыл свое имя, и никто заподлинно <его> не знает. Тем более веры можно иметь к его книге, он писал не для пустой знаменитости, которая в наше время потеряла верную цену, а писал для того, чтобы сказать в глаза своему времени всю полную для него правду и указать, как правителям, так и управляемым, ту бездну, которая перед ногами их раскрывается. Из книги видно, что автор ее – человек опытный в делах государственных, что он практик, в котором опытность на практике стоит на твердых теоретических правилах, без которых она не иное что, как пирамида, стоящая на кратере.

Прошу Вас прочитать эту книжку со вниманием, в ней все для Вас будет полезно, даже и то, с чем Вы сами соглашаться не будете (то есть в чем будете не согласны с Вальдгеймом, который здесь представляет истину).

Когда это письмо придет в Петербург, Государыня Великая Княгиня Ольга Николаевна будет уже, вероятно, в дороге. Я получил, по ее приказанию, маршрут ее, прошу Ваше Высочество благоволить выразить перед нею мою благодарность. Я уже собираюсь поехать в Веймар, чтобы там принести мое поздравление Ее Высочеству; и для меня будет тем радостнее исполнение этого желания, что оно будет в то же время следствием выздоровления жены моей. Да будет угодно Богу, чтобы эта болезнь не лишила меня поездки моей в Веймар и счастия увидеть Государыню Великую Княгиню.

Сохрани Бог Вас и все Ваше благословенное семейство.

Жуковский

Какие вести о нашем бедном Кавелине¹? Семен Алексеевич² не потрудился ответить мне на мой о нем допрос. Благоволите разбудить эту ленивую персону и приказать ей написать ко мне.

Автограф: ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. № 1680. Л. 196–198 об. Датируется: конец августа 1847 г.

¹ Александр Александрович Кавелин (1793–1850), герой 1812 г., один из воспитателей цесаревича, в последние годы жизни страдал от психического заболевания.

² Семен Алексеевич Юрьевич (1798–1865), генерал от инфантерии, преподаватель и впоследствии флигель-адъютант великого князя.

Литература

- 1. Уортман Р. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. М.: О.Г.И., 2002. Т. 1. 607 с.
- 2. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 248 с.
- 3. Maiorova O. From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison: University of Wisconsin Press, 2010. 277 p.
- 4. Данн О. Нации и национализм в Германии: 1770–1990. СПб.: Наука-СПБ, 2003. 469 c.
- 5. Киселева Л.Н. Диалог Вяземского и Жуковского о Святой Руси // «На меже меж Голосом и Эхом» : сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М., 2007. C. 137-147.
- 6. Киселев В.С., Владимирова Т.Л. Творческая история статьи В.А. Жуковского «Письмо к кн. П.А. Вяземскому о его стихотворении "Святая Русь"»: публ. и коммент. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2014. № 3 (29). C. 109-124.
- 7. Виницкий И.Ю. Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 328 с.
- 8. Гузаиров Т. Жуковский историк и идеолог николаевского царствования. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. 153 c.
- 9. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2016. Т. 11 (первый полутом). 1048 с.
- 10. Лебедева О.Б., Янушкевич А.С. и др. Примечания // Жуковский В.А. Полн. собр. соч. и писем: в 20 т. М., 2016. Т. 11 (первый полутом). С. 621-988.
- 11. Янушкевич А.С. «Горная философия» в пространстве русского романтизма (В.А. Жуковский – М.Ю. Лермонтов – Ф.И. Тютчев) // Жуковский и время. Томск, 2007. C. 133-161.
  - 12. Каримский А.М. Философия истории Гегеля. М.: Изд-во МГУ, 1988. 272 с.
  - 13. Русский архив. 1885. № 2.
  - 14. Русский архив. 1885. № 4.
  - 15. Русский архив. 1885. № 7.

Scenarios of the Revolutionary Unification of Germany in Vasily Zhukovsky's Reflection (on the Material of Journalistic and Epistolary Works of 1848–1850)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 191-205. DOI: 10.17223/19986645/57/12

Vitaly S. Kiselev, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kvuliss@mail.ru

Keywords: V.A. Zhukovsky, revolution in Germany in 1848, unification of Germany, political journalism, letters.

On the material of Vasily Zhukovsky's political journalism and correspondence of 1848– 1850, his attitude to the scenario of Germany's unification, formed during the revolutionary events of 1848, is described. The writer believed the main vector of history was man's and society's moral perfection motivated by Divine Providence. The ability to organically follow it ensures the correct historical development, and autocratic power is the only legitimate institution that embodies the will of Providence. This power is guided by law and conscience, and acts as a guarantor of the social contract. The antithesis of evolution is a rapid historical change, which invariably leads to a catastrophe.

For Zhukovsky, such a catastrophe was the scenario of Germany's unification proposed by the revolutionary events of 1848. It was then that the modernization of the autocracy

204 В.С. Киселев

through new legal, social and economic forms was opposed to constitutionalist and republican ideas, including a socialist doctrine.

The subject of Zhukovsky's categorical condemnation was, first of all, the main driving forces of the revolutionary unifying process: the masses, generally characterized as the proletariat, and the common intelligentsia that became the mouthpiece of grass-roots political movements, including those in the Frankfurt German Parliament. The writer denies the legitimacy of the both.

Thus, Zhukovsky's journalism and correspondence of 1848–1850 focused mainly on the figure of King Friedrich Wilhelm IV. Two stages can be distinguished in Zhukovsky's writings. The articles and letters of 1848 brought to the fore the problems of the internal political structure of Prussia (the constitutional reform). Even in 1847, having convened a united Landtag, Friedrich Wilhelm IV did not recognize its right to political debate and to the creation of a draft constitution. His consent to adopt the constitution in December 1848, in Zhukovsky's opinion, was a forced compromise, which was later to be revised in favor of a genuine and historically justified agreement between the sovereign and his subjects.

Since 1849, Zhukovsky's interest shifted to the competing scenarios for the unification of Germany, which also initially welcomed the preservation of historically established forms of statehood, i.e. the federal structure of the German Union. The preservation of the dynastic principle, however, opened up the possibility of not only the cooperation of the sovereigns, but also their competition for dominance. Zhukovsky, without sympathizing with the egalitarian Pan-Germanism, perceived these separate tendencies, especially those from Austria, painfully. The only position he was willing to approve was Prussian. It was a consistently counter-revolutionary position based on the elimination of liberal concessions and the return of the full executive and legislative powers to the monarch.

In the appendix to the article, Zhukovsky's letter to Grand Duke Alexander Nikolayevich of late August 1847 is first published.

References

- 1. Wortman, R. (2002) Stsenarii vlasti: mify i tseremonii russkoy monarkhii: v 2 t. [Scenarios of power: the myths and ceremonies of the Russian monarchy: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: OGI.
- 2. Miller, A.I. (2008) *Imperiya Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essay on the Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 3. Maiorova, O. (2010) From the Shadow of Empire: Defining the Russian Nation through Cultural Mythology, 1855–1870. Madison: University of Wisconsin Press.
- 4. Dann, O. (2003) Natsii i natsionalizm v Germanii: 1770–1990 [Nation and nationalism in Germany: 1770–1990]. Translated from German. St. Petersburg: Nauka-SPB.
- 5. Kiseleva, L.N. (2007) Dialog Vyazemskogo i Zhukovskogo o Svyatoy Rusi [Dialogue of Vyazemsky and Zhukovsky on Holy Russia]. In: Zayonts, L. (ed.) "Na mezhe mezh Golosom i Ekhom": Sbornik statey v chest' Tat' yany Vladimirovny Tsiv'yan ["At the boundary between the Voice and the Echo": A collection of articles in honor of Tatyana Tsivyan]. Moscow: Novoe izdatel'stvo, pp. 137–147.
- 6. Kiselev, V.S. & Vladimirova, T.L. (2014) The creative history of V.A. Zhukovsky's article "Letter to Prince P.A. Vyazemsky about his poem Holy Russia": publication and commentary. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya Tomsk State University Journal of Philology.* 3 (29). pp. 109–124. (In Russian). DOI: 10.17223/1998645/29/10
- 7. Vinitskiy, I.Yu. (2006) *Dom tolkovatelya: poeticheskaya semantika i istoricheskoe voobrazhenie V.A. Zhukovskogo* [Interpreter's House: Poetic Semantics and Historical Imagination of V. Zhukovsky]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- 8. Guzairov, T. (2007) *Zhukovskiy istorik i ideolog nikolaevskogo tsarstvovaniya* [Zhukovsky: a historian and ideologist of Nicholas's reign]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus.

- 9. Zhukovskiy, V.A. (2016) Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t. [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 11(1). Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
- 10. Lebedeva, O.B. et al. (2016) Primechaniya [Notes]. In: Zhukovskiv, V.A. Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 20 t. [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Vol. 11(1). Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
- 11. Yanushkevich, A.S. (2007) "Gornaya filosofiya" v prostranstve russkogo romantizma (V.A. Zhukovskiy – M. Yu. Lermontov – F. I. Tyutchev) ["Mountain philosophy" in the space of Russian romanticism (V.A. Zhukovsky - M.Yu. Lermontov - F.I. Tyutchev)]. In: Yanushkevich, A.S. & Ayzikova, I.A. (eds) Zhukovskiy i vremya [Zhukovsky and time]. Tomsk: Tomsk State University.
- 12. Karimskiy, A.M. (1988) Filosofiya istorii Gegelya [Hegel's philosophy of history]. Moscow: Moscow State University.
  - 13. Russkiv arkhiv. (1885) 2.
  - 14. Russkiy arkhiv. (1885) 4.
  - 15. Russkiy arkhiv. (1885) 7.

УДК 811.134+17.82.32 DOI: 10.17223/19986645/57/13

Е.А. Красина, О.С. Чеснокова

«СЮЖЕТ» Х.Л. БОРХЕСА: ОПЫТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ПРОЧТЕНИЯ¹

Осуществлен комплексный филологический анализ с особым акцентом на интертекстуально-деятельностный подход к тексту, показывающий возможность множественного прочтения микрорассказа Х.Л. Борхеса «La trama / Сюжет» из цикла «El Hacedor / Создатель», что позволило выявить нелинейность композиции и фабулы, охарактеризовать его параболическую структуру, описать иерархию прецедентности, метатекстовые и гипертекстовые связи, выстроить и интерпретировать связи и ассоциации микрорассказа Х.Л. Борхеса «Сюжет», которые очевидно помещают его в глобальный контекст мировой литературы и культуры.

Ключевые слова: *Борхес, микрорассказ, нарратив, интертекстуальность,* прецедентный текст, паратекстуальность, метатекстуальность, гипертекстуальность, принцип параболы, гаучо.

И почему обязательно сюжет, то есть сюжет, как его у нас понимают – чтобы картина чему-нибудь учила и что-то рассказывала. Разве не может быть картина просто красивой? Б.М. Кустодиев (о картине «Вербный торг у Спасских ворот в Москве»)

Введение

Аргентинец Хорхе Луис Борхес (1899–1986) занимает особое место в ряду мастеров слова. Чуждый «магическому реализму», на волне которого латиноамериканская литература стремительно вошла в мировую литературу, Борхес — это писатель-интеллектуал, страстно любивший родную Аргентину, что, помимо литературно-художественного творчества, воплотилось в работах об особенностях испанского языка аргентинцев и в исследованиях субкультуры гаучо. В то же время он уникальный творец, свободно оперирующий сокровищами мировой литературы и создающий из них причудливый рисунок своих текстов.

Объект данной статьи – микрорассказ (исп. *minicuento*) Х.Л. Борхеса «Сюжет» из сборника *El Hacedor* / «Создатель», в другом переводе «Делатель». Задача статьи – через интертекстуально-деятельностный подход к тексту, показывающий, «каким образом в одном и том же произведении сосуществуют разные уровни прочтения» [1. С. 132], выстроить и интер-

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

претировать те связи и ассоциации микрорассказа Х.Л. Борхеса «Сюжет», которые помещают его в глобальный контекст мировой литературы и культуры и обусловливают его собственно лингвистические и семиотические параметры.

Анализируемый текст

Благодаря компактности текста «микрорассказа» [2], доступного также в онлайн-версии [3], считаем целесообразным привести его целиком и сопроводить переводом на русский язык.

La trama

[Minicuento – Texto completo.]

Jorge Luis Borges

Para que su horror sea perfecto, César, acosado al pie de la estatua por los impacientes puñales de sus amigos, descubre entre las caras y los aceros la de Marco Bruto, su protegido, acaso su hijo, y ya no se defiende y exclama: ¡Tú también, hijo mío! Shakespeare y Quevedo recogen el patético grito.

Al destino le agradan las repeticiones, las variantes, las simetrías; diecinueve siglos después, en el sur de la provincia de Buenos Aires, un gaucho es agredido por otros gauchos y, al caer, reconoce a un ahijado suyo y le dice con mansa reconvención y lenta sorpresa (estas palabras hay que oírlas, no leerlas): ¡Pero, che! Lo matan y no sabe que muere para que se repita una escena.

FIN

Сюжет

В довершение ужаса Цезарь, прижатый к подножию статуи разъяренными клинками друзей, видит среди лезвий и лиц Марка Юния Брута, своего подопечного и, быть может, сына; тогда он перестает сопротивляться, воскликнув: – U ты, сын мой! Патетический возглас подхватывают Шекспир и Кеведо.

Судьбе по нраву повторения, варианты, переклички; девятнадцать веков спустя на юге провинции Буэнос-Айрес гаучо, настигнутый другими и падающий под ножами, узнает своего пасынка и с мягким укором и медлительным удивлением говорит ему (эти слова нужно слышать, а не читать): — *Ну и ну, парень*! Его приканчивают, и он не подозревает, что умер, дабы история повторилась [4].

Сюжет в семиотике постмодернизма

Название короткого рассказа Х.Л. Борхеса «Сюжет» предполагает обсуждение понятия «сюжет» применительно к художественному тексту постмодернизма в аспекте нарратива, интертекстуальности и прецедентности

В классическом литературоведении понятие сюжета раскрывается как некоторая последовательность и связь описанных событий и восходит к французскому *sujet*, означающему 'предмет, предмет изображения'. Более точно сюжет — это «событие или совокупность событий в эпических и драматических произведениях, развитие которых позволяет писателю раскрыть характеры героев и суть изображаемых явлений в соответствии с авторским замыслом. <...>. По замечанию С.И. Кормилова, сюжет можно назвать «образом события или цепи событий», в то время как фабула составляет событийную основу повествования и может быть коротко пересказана [5]. Принято исходить из того, что событийное повествование выстраивается линейно — от прошлого к настоящему и будущему, хотя не исключается и ретроспективность: таким образом обеспечивается развитие сюжета.

Как утверждают исследователи художественных текстов постмодернизма, текстовая семантика принципиально не линейна, а её многослойность связана с тем, что «сопоставление множества различных обликов, которые приобретает одно и то же произведение при многократном его чтении тем же самым читателем, а особенно обнаружение того факта, что разные люди разных эпох и даже одной эпохи, по-разному формируют видовой слой одного и того же произведения, приводит нас к мысли, что причина этого кроется не только в разнообразии способностей и вкусов читателей и условий, при которых совершается чтение, но, кроме того, и в определенной специфике самого произведения» [6].

Такое понимание сюжета вполне созвучно идее Х.Л. Борхеса, который разделяет идею нелинейности сюжета, утверждая осмысление событийности как «сада расходящихся тропок»: вечно разветвляясь, время идет к неисчислимым вариантам будущего [7]. Повествование-нарратив развивается не в одном направлении, не линейно, а по принципу сети: узловые точки — это отправные пункты для осмысления, которые различаются от читателя к читателю, тем более если воспринимать текст как гетерогенную и «плавающую» микроструктуру», по Р. Барту, которая не может не учитывать одновременно несколько культурных кодов [8]. Постмодернистская текстология и трактовка сюжета как многослойной динамической структуры не только позволяют реализовать установку на нелинейность сюжета, его ветвление, но и в целом настаивать на несюжетном / внесюжетном вѝдении мира.

Микрорассказ Х.Л. Борхеса «Сюжет» композиционно распадается на две части: эпизод из классической римской истории и эпизод из жизни аргентинских гаучо. Если римская история оформлена как вневременной апокрифический нарратив (хотя и время, и место действия вполне определенны, как и действующие лица — персонажи), который неоднократно использовался европейской историко-литературной традицией (античный римский историк Светоний, яркий представитель испанской барочной литературы золотого века Франсиско де Кеведо, английский драматург В. Шекспир золотого века Елизаветы I), то аргентинская история о гаучо также оказывается вполне определенной с точки зрения хроноса (19 веков спустя) и топоса (на

юге провинции Буэнос-Айрес), хотя и лишена эпической коннотации и представляет некое обыденное и безымянное событие. Оба эпизода симметричны относительно друг друга, но прецедентное событие и текст — это убийство Цезаря Брутом и предсмертное обращение Цезаря к Бруту.

Совсем не случайно в первой части микрорассказа точно обозначены личные имена действующих лиц — *Цезарь* и *Брут* (у В. Шекспира и Фр. Кеведо их даже больше!), а имя *гаучо* отсутствует: оно сведено к именованию с неопределенным артиклем на уровне представителя класса *un gaucho* 'один из гаучо, какой-то / некий гаучо'. При этом слова умирающего гаучо облечены в форму междометия *che* с препозитивным разговорным коннектором *pero* 'но', что создает междометную конструкцию *¡Pero, che!*, сигнализирующую, что умирающий узнал убийцу.

Поскольку этноспецифичный аргентинский колорит текста имеет кульминацией обращение с лексемой *che*, прокомментируем её статус и функцию. Статус лексемы сhe варьируется от междометия до имени. Особенно ярко это проявляется в различных национальных вариантах испанского языка. Как междометие *jche!* / *jché!* характеризуется неоднозначностью. Рассматривая аргентинские междометия, Б. Стилл указывает, что междометие *¡ché! 'че'* используется для привлечения внимания собеседника [9. Р. 14]. Аналогично в значениях привлечения и удерживания внимания, а также выражения удивления междометие *che* регистрируется Словарем Испанской королевской академии с пометой для Аргентины, Боливии, Парагвая и Уругвая [10]. Словарь американизмов 2010 г. указывает, что в Гондурасе, Перу и Чили che является прилагательным и служит для обозначения аргентинцев. В качестве междометия, означающего удивление или неодобрение, данный Словарь регистрирует эту лексему с пометой для Гондураса, Никарагуа, Доминиканской Республики, Боливии, Парагвая, Аргентины и Уругвая [11. Р. 503–504]. Примечательно, что видный американский романист Дж. Липски, указывая на распространенность обращения che в Боливии, подчеркивает, что большинство боливийцев считают его аргентинским заимствованием [12. Р. 213].

Однако именно для аргентинцев лексема *che* стала своего рода символом национальной идентичности: это ёмкое по смыслу имя избрал в качестве прозвища известный харизматичный латиноамериканский революционер, команданте кубинской революции Эрнесто Рафаэль Гевара де ла Серна (*Ernesto Rafael Guevara de la Serna*; 1928–1967), вошедший в историю как *Che Guevara* / Че Гевара.

Относительно восклицания *che* Борхес дает комментарий: *estas* palabras hay que oírlas, no leerlas 'эти слова нужно слышать, а не читать'. Примечателен оксюморон lenta sorpresa 'медленное удивление' перед комментарием, свидетельствующий о том, что эти слова — обращение умирающего гаучо — надо *слышать*, а не *читать*, что выводит на поверхность оппозицию письменной и устной речи при реализации форм обращения и создает особый пафос события, акцентируя внимание на смыслах, которые создаются интонационно.

Своеобразным итогом, резюме или моралью «Сюжета» оказывается заключительная фраза: Lo matan y no sabe que muere para que se repita una escena '... и он не подозревает, что умер, дабы история повторилась'. Таким образом, композиция микрорассказа становится закольцованной и симметричной.

Миниатюра «Сюжет» Борхеса и жанр притчи

На фоне описываемых событий микрорассказ «Сюжет» / La trama развивается как притча: ему присущи краткость, афористичность, широта обобщения; в нем эстетически отображены знаковые характеры — Цезарь и Брут, известные личности римской истории, и этноспецифичный аргентинский мир гаучо.

Имплицитно обнаруживается алгебраический принцип **параболы**, который коррелирует с термином «символическая притча», что не вступает в противоречие с событийным, ситуативным нарративом, а коррелирует с ним, одновременно создавая символичность, многослойность и многозначность текста.

Иными словами, **пара́бола** (от др.-греч. π α ρ α ρ δ δ 'сравнение, сопоставление, подобие, приближение') наглядно представляет особую форму восприятия, которая разворачивается не линейно, а по симметричной кривой и одновременно смещает смысловые акценты на оси «конкретное – абстрактное» [13].

Если обратиться к геометрическому образу, то парабола — это геометрическая кривая, график квадратичной функции $\mathbf{y} = \mathbf{a}\mathbf{x}^2 + \mathbf{b}\mathbf{x} + \mathbf{c}$, где $\mathbf{x}$ — переменная; $\mathbf{a}$, $\mathbf{b}$, $\mathbf{c}$ при нем — это коэффициенты, заданные числа, которые определяют форму кривой и построение графика функции на координатной плоскости. Примеры построения парабол показаны на рис. 1, 2 [14].

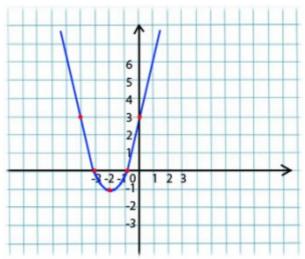

Рис. 1. Парабола, построенная как график функции $y=x^2+4x+3$

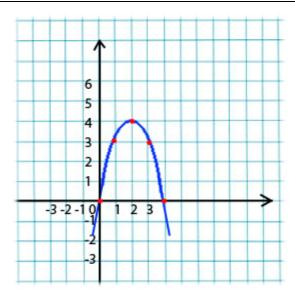

Рис. 2. Парабола, построенная как график функции $y=-x^2+4x$

При самом поверхностном взгляде на образцы парабол становится очевидным, что их фокусы-вершины не привязаны к одной определенной точке на оси координат. Напротив, они свободно перемещаются по плоскости в зависимости от формулы графика-функции и величины коэффициентов. Полагаем, что геометрически парабола наглядно иллюстрирует постмодернистскую идею о многослойности и динамике сюжетов.

Еще один важный момент, на наш взгляд, связан собственно с фокусомвершиной параболы: это точка, которая, свободно перемещаясь по плоскости, с необходимостью организует симметричную кривую и служит для построения внутренней симметрии параболы, не зависящей от осей координат.

Аналогично и в «Сюжете» Х.Л. Борхеса: с одной стороны, общей точкой отсчета выступают известные исторические деятели Рима, а с другой – безымянные гаучо-убийца и гаучо-убиенный. В силу этого нарратив Борхеса может подвергаться множественной интерпретации, в первую очередь со стороны читателя, но также и со стороны авторов, использующих известную историю о Цезаре и Бруте. Очевидно, что принцип параболы способствует перенесению фокуса нарратива в различные плоскости и предлагает в качестве внутренних сюжетных осей параболы попеременное использование то оси «Цезарь – Брут», то «гаучо-убиенный – гаучо-убийца», что обусловливает появление множества смысловых проекций и подтверждает динамизм и многослойность структуры «Сюжета».

Единственное, что затруднительно предпринять, — это трансформировать последовательность двух композиционных частей по причине фиксированного в обеих частях нарратива хроноса и топоса — Рим Цезаря и Брута — I в. (44 г. до н. э.), до и *«девятнадцать веков спустя на юге провинции*

Буэнос-Айрес». Отсутствие привязки вершины параболы к одной точке соответствует подвижности осмысления и интерпретации предсмертного возгласа Цезаря.

Эстетика названия микрорассказа

Названия литературных и публицистических текстов, картин, фильмов и других произведений искусства, например «Евгений Онегин», «Что делать?», «Generation П», «Анкор, ещё анкор!», «Место встречи изменить нельзя», «Время желаний» и др. принято рассматривать и анализировать как прецедентный текст [15]. Анализируемый микрорассказ Х.Л. Борхеса не исключение из правил, однако его название «Сюжет» обладает специфической семантической размытостью, поскольку оно ничего не сообщает о содержании текста, а просто сигнализирует о его наличии.

В единстве возможных прецедентных текстов, аллюзия на которые закономерно реконструируется при интерпретации текста Борхеса, а именно обращение к таким сюжетам и текстам, как: Светоний. «Жизнь двенадцати Цезарей»; Ф. Де Кеведо. «Жизнь Марка Брута»; В. Шекспир. «Юлий Цезарь» (к последним двум Борхес непосредственно отсылает читателя), короткий рассказ «Сюжет» позволяет построить их иерархию как на оси хроноса, так и на оси топоса соответственно:

- **хронос**: Светоний, 70–122 гг. н. э. Кеведо, рубеж XVI–XVII вв. Шекспир, рубеж XVI–XVII вв. литература гаучо, XIX в. Борхес, XX в.;
- **топос**: Древний Рим Испания, золотой век испанской литературы, барокко елизаветинская драма в Англии полиэтничная страна эмигрантов Аргентина XIX в., литература гаучо как исток аргентинской национальной литературы X.Л. Борхес, постмодернизм XX в.

Гаучо (исп. gaucho) — титульная этническая группа Аргентины. Гаучо сыграли в Аргентине историческую роль в борьбе за независимость страны, а становление национальной литературы стало непосредственным продолжением литературы гаучо. 10 ноября — день рождения выдающегося аргентинского поэта и журналиста Хосе Эрнандеса (1834—1886), автора знаменитой поэмы «Гаучо Мартин Фьерро» (1872 г.), отмечается в стране как день традиций гаучо. «Мартин Фьерро» — это один из микрорассказов цикла Х.Л. Борхеса «Создатель», своеобразная отсылка к Хосе Эрнандесу и культуре гаучо [16].

Испанское отглагольное существительное *hacedor* 'делатель', ставшее названием сборника, написанного Борхесом в 1957–1960 гг. в период его зрелого творчества, происходит от исп. глагола *hacer* 'делать', имеет первое значение 'производитель действия', 'активный деятель', 'агент', а второе, обусловленное метафорическим переносом, – 'Бог', 'Творец', 'Создатель' [10]. Многозначность же лексемы *hacedor* выступает как своего рода фон и условие реализации её смыслов в конкретных 55 миниатюрах сборника.

Название всего сборника повторяет название первого рассказаминиатюры — *El Hacedor* [17], посвященного создателю древнейших из сохранившихся памятников греческой литературы — поэм «Илиада» и «Одиссея» Гомера, хотя в рассказе его имя не названо, но однозначно реконструируется из содержания. Повествование же о начинающейся слепоте легендарного греческого автора перекликается с наследственным семейным недугом самого Борхеса, творца и создателя своего космоса текстов.

Симптоматично, что в русском языке существительное «делатель» отмечено книжной окраской [18. С. 381], что как нельзя лучше соответствует передаче многослойности названия сборника Борхеса, соединившего 55 микрорассказов, стихотворений и эссе, открывающих читателю непрерывный диалог культур и цивилизаций и символику Востока и Запада.

Иерархия прецедентности в тексте Борхеса

Иерархия прецедентности качественно основана на сходстве сюжетов, но отличается функционально уже потому, что речь идет об историческом описании Светония «Жизнь двенадцати Цезарей», «политической» литературе классика испанской литературы золотого века, поэта, писателя, драматурга Франсиско де Кеведо, в жанре которой написана «Жизнь Марка Брута», наконец, о драме В. Шекспира «Юлий Цезарь» эпохи Елизаветы I [19–22].

Жизнеописание Марка Брута в произведении Фр. Кеведо структурировано как два постоянно чередующихся фрагмента: *Texto* — это текстповествование и *Discurso* — дискурс как текст-рассуждение, включающий элементы прямой речи. Анализируемый эпизод отнесен Фр. Кеведо к структуре «Дискурса» с отсылкой к Светонию: Suetonio escribe que le dijo en griego: "¿ Y tú entre éstos? ¿ Y tú, hijo?" 'Светоний пишет, что [Цезарь] сказал ему [Бруту] по-гречески: «И ты среди этих = них? И ты, сын?»'.

В драме В. Шекспира Цезарь обращается к Бруту с вопросом и констатирует собственную смерть обращением к самому себе: «*И ты, о Брут*? — Так умирай же, Цезарь!» [20. С. 45].

Сравним в оригинале и в современном переложении на английском языке:

Оригинальный текст (XVI в.):

CAESAR: Et tu, Bruté? - Then fall, Caesar (dies).

Современный текст (ХХ в.):

CAESAR: And you too, Brutus? In that case, die, Caesar (he dies) [21].

И в переводе драмы В. Шекспира на испанский язык также обнаруживается вопрос-обращение: ¿Tú también, Bruto? – Muere entonces, César (перевод Уильяма Макферсона) [22. Р. 36].

Отмеченная сущность параболы, а именно то, что ее вершина не привязана к одной определенной точке на оси координат, позволяет соблюдать гибкость при интерпретации передачи предсмертного возгласа Цезаря у различных авторов и в их переводах на другие языки. Как именно обратился 15 марта 44 г. до н. э. Цезарь к своему приближенному Марку Бруту перед лицом неотвратимой смерти и понимая предательство близких

людей? У Борхеса слова Цезаря – акт восклицания, у Кеведо, со ссылкой на Светония. – вопрос, у Шекспира – тоже вопрос. Отсутствие привязки вершины параболы к одной точке соответствует подвижности смысла реплики и ее насыщения различными смыслами.

Иерархия прецедентных текстов, начиная с названия миниатюры «Сюжет», обнаруживается в пределах всего цикла «Создатель», так как они активно вступают в разнообразные связи с другими миниатюрами цикла, выходя за его пределы в исторические времена Шекспира и Кеведо, на которые указывает Х.Л. Борхес, а далее, благодаря известному произведению Светония «Жизнь двенадцати Цезарей», – в классическую Античность I—II вв. н. э. Такая иерархия и взаимодействие прецедентных текстов являются объективным параметром интертекстуальности.

Сферы интертекстуальности микрорассказа Х.Л. Борхеса «Сюжет»

В конце 1960-х гг. термин «интертекстуальность» был введен Ю. Кристевой применительно к художественным произведениям постмодернизма и носил исключительно литературоведческий характер. С опорой на идеи М.М. Бахтина о диалогичности и полифонии художественных текстов Ю. Кристева отмечает: «Мы будем называть интертекстуальностью <...> текстуальную интеракцию, которая происходит внутри отдельного текста. Для познающего субъекта интертекстуальность — это признак того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее» [23. С. 5]. Иными словами, интертекстуальность интерпретируется как динамика текстов, а интертекст — как пространство схождения всевозможных цитаций, принадлежащих разнообразным дискурсам, из которых и состоит культура как способность любого текста быть переходным звеном от одного текста к другому в некотором едином языковом пространстве с неограниченной возможностью связей: ссылок, референций, цитаций, аллюзий и т.д.

По М.М. Бахтину, монологичность художественного мира автора, авторского слова противостоит слову героя: «Замысел автора о герое – *замысел о слове*. Поэтому и слово автора о герое – *слово о слове*» [24. С. 65]. Подобную точку зрения разделяет и Ю. Кристева, утверждая, что «всякое слово (текст) есть такое пересечение других слов (текстов), где можно прочесть, по меньшей мере, еще одно слово» [25. С. 429].

При понимании интертекстуальности как комплекса параметровусловий функционирования одного текста в его взаимодействии с другим / другими текстами, как правило текстами прецедентными, очевидна возможность интерпретации интертекстуальности как минимум в двух планах: в отношении к художественному тексту вообще и к другим отдельным текстам в аспекте свое — чужое в частности. Так, понимание интертекстуальности в отношении к художественному тексту опирается на теорию диалогизма М.М. Бахтина, его идею взаимодействия автора и героя. В художественном тексте, или слове о слове, важнейшим ресурсом признается цитирование слова: «Роль чужого слова, цитаты, явной и благоговейно

подчеркнутой, полускрытой, полусознательной, бессознательной, правильной, намеренно искаженной, ненамеренно искаженной, нарочито переосмысленной и т.д., в средневековой литературе была грандиозной. Границы между чужой и своей речью были зыбки, двусмысленны, часто намеренно извилисты и запутаны. Некоторые виды произведений строились, как мозаики, из чужих текстов» [26. С. 54]. Очевидно, что интертекстуальность не отрывает художественный текст от культурно-исторического контекста, в который он вписан, а в отдельном художественном тексте сочетаются как предшествующие, так и соседствующие с ним тексты и дискурсы. Именно поэтому в лингвистических исследованиях интертекстуальность рассматривается в качестве важнейшей категориальной характеристики текста, представляющего собой взаимодействие своего и чужого слова.

Подчеркивая семиотическую природу текста, Р. Барт рассматривает взаимодействие текста со знаковым фоном в качестве фундаментального условия смыслообразования, при этом он отмечает: «Основу текста составляет <...> выход в другие тексты, другие коды, другие знаки. <...> Текст – есть воплощение множества других текстов, бесконечных или, точнее, утраченных (утративших следы собственного происхождения) кодов» [27. С. 428]. Таким образом, обнаруживается, что отношения текст – автор и герой, текст – читатель, текст – язык раскрываются как семиотические, а текст всегда предстает как интертекст: «Любой текст – это интертекст: на различных уровнях, в более или менее опознаваемой форме в нём присутствуют другие тексты – тексты предшествующей культуры и тексты культуры окружающей; любой текст – это новая ткань, сотканная из побывавших в употреблении цитат» [Там же. С. 88].

Интертекстуальность опирается на категорию открытой текстовой системы, поскольку текст может вступать или не вступать в отношения с другими текстами. Как правило, автор-писатель сознательно включает в свой текст фрагменты других текстов, а адресат-читатель определяет авторскую интенцию и воспринимает произведение в возможности диалогической соотнесенности. В этом отношении текст в восприятии адресата-читателя становится генератором новых смыслов, в его сознании формируются все новые аллюзии, поэтому понимание и эстетическое «наслаждение для читателя начинается только тогда, когда он сам становится творцом» [28].

В текстологии Ж. Женетта интертекстуальность является разновидностью *транствекстуальности*, подразумевающей «все то, что включает данный текст в явные и неявные отношения с другими текстами» [29. С. 54]. В свою очередь, *транствекстуальность* включает в себя пять типов межтекстовых отношений, при этом постулируется незамкнутость представленных классов и указывается на их взаимопроницаемость [29. С. 76]. Применительно к рассматриваемому нами тексту Борхеса его транстекстуальность будет иметь следующую структуру:

1) архитекстуальность определяется тем отношением, которое конкретный текст поддерживает с родовой категорией, к которой он принад-

лежит: применительно к тексту Х.Л. Борхеса «La trama» / «Сюжет» это короткий рассказ, микрорассказ, миниатюра и даже притча; одновременно один из сюжетов цикла Х.Л. Борхеса «El Hacedor» / «Создатель»;

- 2) паратекстуальность соотнесенность с заглавием, эпиграфом, предисловием, послесловием и др.: этот короткий рассказ Х.Л. Борхеса в первую очередь находится в отношениях прецедентности со своим названием «Сюжет»; кольцевая композиция двухчастной миниатюры. Первый эпизод повествует об убийстве Цезаря Брутом, а второй об убийстве безымянного гаучо другим безымянным гаучо;
- 3) метатекстуальность комментирующая ссылка на собственный предтекст: предтексты, прецедентные тексты в отношении к микрорассказу Х.Л. Борхеса «La trama» / «Сюжет» образуют достаточно широкий спектр взаимодействия с другим произведениями (Светоний. «Жизнь двенадцати Цезарей»; Ф. де Кеведо. «Жизнь Марка Брута»; В. Шекспир. «Юлий Цезарь»), так же как и с другими микрорассказами цикла Х.Л. Борхеса «El Hacedor» / «Создатель», например с миниатюрами о В. Шекспире «Everything and nothing» и «Страничка о Шекспире», с миниатюрой «Мартин Фьерро»;
- 4) **гипертекстуальность** взаимосвязь последующего текста с предыдущим: прежде всего, она обнаруживается и формируется как связь микротекстов внутри цикла Х.Л. Борхеса «El Hacedor» / «Создатель»;
- 5) **интертекстуальность** отношение соприсутствия между несколькими текстами проявляется на основе метатекстуальности и гипертекстуальности.

Внутренняя интертекстуальность микрорассказа-притчи Х.Л. Борхеса «Сюжет» заключается в том, что обе её части соотносятся друг с другом как сюжеты предшествующий и последующий: сначала о Цезаре и Бруте, а потом о безымянном гаучо. С точки зрения нарратива они симметричны, а с точки зрения композиции обе они зеркальны, тем более что косвенно это подтверждается аллюзией зеркала из другого микрорассказа этого цикла «Вещие зеркала» (пер. Б. Дубина): В детстве я знал этот ужас перед удвоением или умножением вещей; причиной его были зеркала (выделено нами. – E.K., O. Ψ .). Их безотказное и безостановочное действие, охота за каждым шагом, вся эта космическая пантомима, как только стемнеет, снова казалась мне чем-то потусторонним. Одна из постоянных моих тогдашних молитв Богу и ангелу-хранителю – не увидеть зеркал во сне. Они достаточно пугали меня наяву. То я боялся, что изображение в них разойдется с явью, то страшился увидеть свое лицо изувеченным небывалой болезнью. Страхи, как я узнал потом, оказались не напрасными. История совершенно проста, хотя и не слишком приятна.

И в продолжение: Ища понимания женщины, ей нередко поверяют настоящие или выдуманные случаи из детства. Как-то мне пришлось рассказать ей о зеркалах, вызвав позднее, в тридцать первом, настоящую галлюцинацию. В конце концов я услышал, что не в своем уме и зеркало у нее в спальне — вещее: глянувшись, она увидела в нем вместо своего

отражения мое. Тут она задрожала, умолкла и выдавила, что я колдун и преследую ее по ночам.

Роковая услуга моего лица, одного из многих тогдашних лиц! Эта тягостная судьба моих отражений тяготит меня и сегодня, но теперь это уже не важно [30].

Симметрия-асимметрия зеркального изображения не разрушает нарратива, напротив, усиливает эстетическое воздействие и восприятие, придавая некоторый мистический оттенок, тем более что в тексте зеркальность предваряется своеобразным введением-аллюзией: Судьбе по нраву повторения, варианты, переклички; девятнадцать веков спустя на юге провинции Буэнос-Айрес <...>. Тем самым достаточно точно обозначены хронос и топос не только во второй части микропритчи, но и в первой части «Сюжета», что поддерживается именами Цезаря и Брута. Поэтому, полагаем, нарратив представляет эпизод из римской истории как прецедентный текст.

Своеобразная перекличка прецедентных текстов обнаруживается непосредственно в цикле «Создатель»: микрорассказы «Страничка о Шекспире», о нём же «Everything and nothing» 'Все и ничто' [31], при этом Борхес говорит: ...el alma que lo habitaba era César 'душа, жившая в нем, была душой Цезаря'. В этом тексте Шекспир ведет диалог с самим Создателем, и Творец ведет диалог с Шекспиром в последние моменты его земной жизни: «История добавляет, что накануне или после смерти он предстал перед Господом и обратился к нему со словами: «Я, бывший всуе столькими людьми, хочу стать одним – собой». И глас Творца сказал ему из бури: «Я тоже не я; я выдумал этот мир, как ты свои созданья, Шекспир мой, и один из призраков моего сна — ты, подобный мне, который суть все и никто» (пер. Б. Дубина).

Переводчик П. Дубин дает комментарий к названию миниатюры «Everything and nothing» со ссылкой на письмо Дж. Китса от 18 октября 1818 г.: «Я ношу в себе все и всех, но сам я ничто и никто», приводится и перевод «Всё или ничто». Известны аналогичные крылатые слова-цитаты на латыни: aut Caesar, aut nihil в буквальном переводе или Цезарь, или ничто, и производное выражение «(de mortuis) aut bene aut hihil», которое буквально переводится как или хорошо, или ничего (об умерших; о мертвых). Сравним их русские аналоги: или грудь в крестах, или голова в кустах, всё или ничего, пан или пропал. Опять точка отсчета, фокус — это антиномия Цезарь — Брут, которая предстает как фокус-вершина параболы нарратива, повторенная далее в антиномии гаучо-убиенный — гаучо-убийца как отраженная фокус-вершина первой части «Сюжета».

Для характеристики внутренней интертекстуальности микрорассказа «Сюжет» симптоматична его связь с миниатюрой «Мартин Фьерро», что подтверждает её следующий фрагмент: Un gaucho alza a un moreno con el cuchillo, lo tira como un saco de huesos, lo ve agonizar y morir, se agacha para limpiar el acero, desata su caballo y monta despacio, para que no piensen que huye [16] 'Некий гаучо наносит удар ножом смуглому парню, бросает его, как мешок костей, наклоняется, чтобы вытереть сталь клинка, отпускает

удила лошади и медленно седлает ее, чтобы никто не подумал, что он сбегает'. В этом фрагменте финал «Мартина Фьерро» Хосе Эрнандеса переосмыслен. В оригинале главный герой скрывает факт убийства, у Борхеса – признает.

Микрорассказ «In memoriam J.F.K.» [32], в названии которого явственно прочитывается аллюзия убийства Джона Фицджеральда Кеннеди, — это философское размышление о насильственном убийстве и его реальных исполнителях-«делателях». У Борхеса нет детальных описаний этих трагических событий. Лаконичный стиль констатации, схожий с библейским повествованием, тем не менее создает у читателя сильнейшее эстетическое переживание. Борхес говорит об убийстве в 1897 г. семнадцатого официального президента Уругвая Хорхе Идиарта Борта простым парнем (возможно, гаучо) из Монтевидео, об убийстве в театре Авраама Линкольна актером, «которого слова Шекспира превратили в Марка Брута, убийцу Цезаря» [Ibid. Р. 144], о гибели короля Швеции Густава Адольфа в сражении при Лютцене 6 ноября 1632 г.

Писатель-«делатель» и творец Борхес размышляет о путях и орудиях насильственного убийства, а заканчивает миниатюру библейской аллюзией: первым в истории убийцей Каином и первой жертвой убийства — его братом Авелем.

Итак, в рамках цикла миниатюр, эссе и стихотворений Х.Л. Борхеса «El Hacedor» / «Создатель» внутренняя интертекстуальность проявляется как метатекстуальность, гипертекстуальность и паратекстуальность (см., в частности, о названии микрорассказа). Однако метатекстуальность охватывает и тематически связанные тексты Фр. Каведо и В. Шекспира, в основе которых известное историческое повествование Светония. Художественная форма, композиция и язык произведений всех названных авторов различаются, но объединяет их повтор общего сюжета, который как бы сохраняет принцип параболического нарратива, но меняет его контуры и конфигурацию, в частности в драме В. Шекспира в фокусе параболы фраза *Et tu, Bruté! / And you too, Brutus?*, в которой обращение-вокатив звучит то на латыни, то почти по-французски.

В произведении Фр. Кеведо фокус нарратива все время перемещается от текста к дискурсу. Выстраивая иерархию прецедентных текстов — от названия микрорассказа до цикла рассказов-миниатюр Х.Л. Борхеса, а далее, с учетом хроноса и топоса, к текстам Кеведо, Шекспира и Светония, одновременно выявляем внешнюю интертекстуальность-метатекстуаль-ность, особую векторную ретроспекцию-референцию, принимая во внимание тот факт, что она может стать и проспективной, обращенной в будущее.

В текстологии интертекстуальность обнаруживает междисциплинарные связи, которые обусловлены не только иерархически организованными прецедентными текстами, цитациями и аллюзиями, метатекстуальностью и гипертекстуальностью: они проявляются в области взаимодействия лингвистической семиотики и прагматики текста, стилистики и поэтики, когнитивной лингвистики, психо- и социолингвистики, теории информации и др.

Заключение

Опыт интертекстуального прочтения миниатюры Х.Л. Борхеса «La trama» / «Сюжет», его комплексный филологический анализ позволили выявить и описать особенности композиции и структуры этого текста Борхеса во взаимодействии с другими микротекстами его цикла «El Hacedor» / «Создатель». Принцип параболы как принцип нелинейного развития нарратива постмодернизма способствует развитию идеи об иерархичности организации прецедентных текстов, исходя из функции десемантизированного названия миниатюры, её особой двухчастной композиции, обозначения хроноса и топоса, введения знаковых персонажей — Цезаря и Брута и безымянных гаучо. Фокусы-вершины параболы не фиксируются, а находятся в движении, постоянно перемещаясь между двумя текстовыми частями «Сюжета». Благодаря финалу «Сюжета» этот микрорассказ обретает форму символической притчи, тем более что мораль утверждает бесконечную повторяемость подобных сюжетов в истории и культуре общества.

Специфический культурный компонент и аргентинский колорит связаны с аргентинским этнотипом гаучо и лексемой *che*, которая по своей природе представляет знак-индекс, регулярно выполняющий дейктическую функцию, а в символической функции представляет анонимного персонажа-гаучо миниатюры Х.Л. Борхеса, служит псевдонимом известному историческому деятелю Э. Че Геваре и способна обозначать жителя Аргентины.

Будучи включенной в цикл «El Hacedor» / «Создатель», миниатюра X.Л. Борхеса «Сюжет» не только обнаруживает глубокие текстовые и смысловые связи с другими его текстами-миниатюрами: по воле автора, она обретает свойства не только внутренней интертекстуальности, но и в целом интертекстуальности художественного текста, вступая во взаимодействие с текстами Фр. Кеведо, В. Шекспира и Светония. При этом иерархия прецедентных текстов усиливается паратекстуальными, метатекстуальными и гипертекстуальными связями. На этом фоне параболический принцип попрежнему действует как принцип нелинейного развития нарратива постмодернистского творчества Борхеса, но уже выходя за пределы отдельного интертекста в широкий общечеловеческий культурный дискурс.

Литература

- 1. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
- 2. Borges J.L. La trama // Borges J.L. El Hacedor, Madrid: Ed. Debolsillo, 2015. P. 35.
- 3. *Борхес Х.Л.* Сюжет. URL: http://ciudadseva.com/texto/la-trama/ (дата обращения: 26.09.2017).
- 4. *Борхес Х.Л.* Сюжет / пер. Б. Дубина. 2014. Библиотека электронной литературы формата fb2. URL: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/borhes-horhe-luis/syuzhet/1 (дата обращения: 27.02.2018).
- 5. *Словарь* литературоведческих терминов. URL: https://slovar.cc/lit/term/2145032.html (дата обращения: 26.02.2018).
- 6. *Ингерден Р*. Исследования по эстетике / пер. с польского А. Ермилов, Б. Федоров. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 552 с. URL: http://hermeneutik.kemsu.ru/Con-

- tent/documents/%D0%98%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%B5%D0%BD%201962.pdf (дата обращения: 05.03.2018).
- 7. *Борхес Х.Л.* Сад расходящихся тропок. URL: https://www.libfox.ru/8180-horheborhes-sad-rashodyashchihsya-tropok.html (дата обращения: 05.03.2018).
- 8. *Барт Р*. Удовольствие от текста / пер. Г.К. Косикова // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М., 1989. С. 452–519.
- 9. Steel B. Diccionario de Americanismos. ABC of Latin American Spanish. Paris, 1990. 445 p.
- 10. *Real* Academia Española. Diccionario de la lengua española. 22^a ed. URL: www.dle.rae.es (дата обращения: 27.02.2018).
  - 11. Diccionario de americanismos. Lima: Santillana, 2010. 2333 p.
  - 12. Lipski J.M. El español de América. Madrid : Cátedra, 2011. 447 p.
- 13. *Словарь* постмодернизма. 2012. URL: https://slovar.cc/isk/postmodern/2478812.html (дата обращения: 26.02.2018).
- 14. Описание построения параболы: URL: https://tutomath.ru/uroki/kak-postroit-parabolu.html (дата обращения: 05.03.2018).
- 15. Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002. 284 с.
- 16. Borges J.L. Martín Fierro // Borges J.L. El Hacedor. Madrid : Ed. Debolsillo, 2015. P. 43–44.
  - 17. Borges J.L. El hacedor// Borges J.L. El Hacedor. Madrid: Ed. Debolsillo, 2015. P. 9–12.
  - 18. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. Т. 1. 698 с.
- 19. *Quevedo F.* La vida de Marco Bruto. Biblioteca virtual universal. 79 p. URL: http://www.biblioteca.org.ar/libros/132249.pdf (дата обращения: 05.02.2018).
- 20. Шекспир У. Юлий Цезарь. Антоний и Клеопатра. Трагедия о Кариолане. Троил и Кессида. М.: Альфа-Книга, 2013. 505 с.
- 21. Shakespeare W. Julius Ceasar. URL: https://www.sparknotes.com/nofear/shakespeare/juliuscaesar/page 104/ (дата обращения: 30.03.2018).
- 22. *Shakespeare G.* Julio César. Versión castellana de Guillermo Macpherson. 70 p. URL: http://www.biblioteca.org.ar/libros/132249.pdf (дата обращения: 30.03.2018).
  - 23. Кристева Ю. Семиотика. М.: Изд-во МГУ, 1970. 218 с.
  - 24. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Э, 2017. 640 с.
- 25. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М., 2000. С. 427–457.
- 26. Бахтин М.М. Из предыстории романного слова // Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках: Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М., 1979. 424 с.
- 27. *Косиков Г.А.* Идеология, коннотация, текст (по поводу книги Р. Барта "S/Z") // Барт Р. S/Z / пер. Г.К. Косикова, В.П. Мурат ; общ. ред., вступ. ст. Г.К. Косикова. М., 1994. С. 277–302.
- 28. *Iser W*. The act of reading: A theory of aesthetic response. Baltimore: John Hopkins University Press, 1978. 238 p.
- 29. Женетт Ж. Палимпсесты: литература во второй степени. М. : Наука, 1989. 372 с.
- 30. Jorge Luis Borges. Из книги «Создатель» / пер. Б. Дубина. 1960. URL: http://lib.ru/BORHES/sozdatel.txt with-big-pictures.html (дата обращения: 13.04.2018).
- 31. *Borges J.L.* Everything and nothing // Borges J.L. El Hacedor. Madrid: Ed. Debolsillo, 2015. P. 55–57.
- 32. Borges J.L. In memoriam J.F.K // Borges J.L. El Hacedor. Madrid : Ed. Debolsillo, 2015. P. 144–145.

Jorge Luis Borges's "La Trama": Evidence of Intertextual Interpretation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 206–223. DOI: 10.17223/19986645/57/13 Elena A. Krassina, Olga S. Chesnokova, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (Moscow, Russian Federation). E-mail: elena_krassina@mail.ru; tchesnokova_olga@mail.ru

Keywords: Borges, micro-story (miniature), narrative, intertextuality, precedent text, paratextuality, metatextuality, hypertextuality, parabola principle, gaucho.

The research undertaken discusses the evidence of an intertextual interpretation of the micro-story "La trama" by Jorge Luis Borges included in the "El Hacedor" cycle of microstories, essays and verses, which makes an integral part of philological analysis. The narrative of both single textual components and the cycle on the whole unwinds as a nonlinear one basing on the net-principle while its node points serve to be certain comprehensive centers. The text makes up a dynamic heterogeneous structure capable of using a number of cultural codes simultaneously. A postmodernist interpretation of the plot as a multilayer structure involves the world view created within the text and beyond its limits which adds proverbial parabolic functional senses. It also helps design the way and means to apply intertextual analysis to explain the multi-purpose interpretation of a text as well as to interpret both linguistic and semiotic textual parameters. The "La trama" subject is treated differently: it is no longer linear, but parabolic, and contains a specific chronos/topos – time-and-place features, the variables adding to the text analysis and its interpretation. The application of the postmodernist parabola principle does not just rest upon the structural linguistic analysis of the form and content, but firstly helps discover and develop contensive senses of a post-modernist text due to parabolic floating free-ranging focal points, centerline narrative "branching" and the like; it also helps structuring and developing complex multiple non-linear semantic associations which bear and reveal the origins and nature of intertextuality, and consequently, a text turns into an intertext. Various types of interpretation explain the understanding of roles and functions of paratextual, metatextual and hypertextual interactions leading to the precedent hierarchy of senses and texts beyond Borges's "La trama" micro-story appealing to world literature and literary works of different times and nations. Borges includes and describes the ethnospecific cultural component through the concept of gaucho, an Argentinian titular ethnic group, in correlation with the background of eternal human values. Another vivid ethnospecific textual component of Borges's miniature "La Trama" is formed through the lexeme che possessing a variable textual status ranging from interiection to noun statuses. It may also function as an adjective to denote Argentinians in several Latin American countries, e.g., Honduras, Peru and Chili. The lexemes gaucho and che serve to the structuring and interpreting of associations and links of the story with other texts of the "El Hacedor" cycle, as well as bevond the texts of the cycle. This interaction and cooperation of intertextuality parameters enables constructing and interpreting associations and links of the "La trama" miniature with the other texts of the cycle, and further on allows it to be introduced to the larger precedent historical and cultural context of the works by Gaius Suetonius, Francisco de Ouevedo, William Shakespeare, and evidently settle "La trama" by Borges into the global literature and culture environment.

On the whole, the intertextuality of Borges's cycle "El Hacedor" and its "La trama" miniature is supported by the category of the open text system while the author purposefully includes some fragments of other texts in his text, and the reader seeks to understand and interpret the author's intention, and perceives the text as a possible interlocutory communication. Thus, the reader acquires the function of a co-author, and the text itself can start generating new allusions and meanings.

References

- 1. P'ege-Gro, N. (2008) *Vvedenie v teoriyu intertekstual 'nosti* [Introduction to the theory of intertextuality]. Moscow: LKI.
  - 2. Borges, J.L. (2015) El Hacedor [Dreamtigers]. Madrid: Ed. Debolsillo. p. 35.
- 3. Borges, J.L. (n.d.) "Syuzhet" [The Plot]. [Online] Available from: http://ciudadseva.com/texto/la-trama/. (Accessed: 26.09.2017).
- 4. Borges, J.L. (2014) *Syuzhet* [The Plot]. Translated from Spanish by B. Dubin. [Online] Available from: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%91/borhes-horhe-luis/syuzhet/1. (Accessed: 27.02.2018).
- 5. Slovar.cc. (n.d.) *Slovar' literaturovedcheskikh terminov* [Dictionary of literary terms]. [Online] Available from: https://slovar.cc/lit/term/2145032.html. (Accessed: 26.02.2018).
- 6. Ingerden, R. (1962) *Issledovaniya po estetike* [Research on aesthetics]. Translated from Polish by A. Ermilov, B. Fedorov. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury. [Online] Available from: http://hermeneutik.kemsu.ru/Content/documents/%D0%98%D0%BD%D0% B3%D0% B0%D1%80%D0%B4%D0%B5%D0%BD%201962.pdf. (Accessed: 05.03.2018).
- 7. Borges, J.L. (1941) *Sad raskhodyashchikhsya tropok* [The Garden of Forking Paths]. [Online] Available from: https://www.libfox.ru/8180-horhe-borhes-sad-rashodyashchihsyatropok.html. (Accessed: 05.03.2018).
- 8. Barthes, R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Selected Works: Semiotics. Poetics]. Translated from French. Moscow: Progress. pp. 452–519.
- 9. Steel, B. (1990) *Diccionario de Americanismos. ABC of Latin American Spanish.* Paris: Sociedad de Ediciones Literarias.
- 10. Real Academia Española. (2001) *Diccionario de la lengua española* [Dictionary of Spanish], 22nd ed. [Online] Available from: www.dle.rae.es. (Accessed: 27.02.2018).
- 11. Association of Academies of the Spanish Language. (2010) Diccionario de americanismos [Dictionary of Americanisms]. Lima: Santillana.
  - 12. Lipski, J.M. (2011) El español de América [Spanish of America]. Madrid: Cátedra.
- 13. Slovar.cc. (2012) *Slovar' postmodernizma* [Dictionary of postmodernism]. [Online] Available from: https://slovar.cc/isk/postmodern/2478812.html. (Accessed: 26.02.2018).
- 14. Admin. (2013) *Opisanie postroeniya paraboly* [Description of the construction of a parabola]. [Online] Available from: https://tutomath.ru/uroki/kak-postroit-parabolu.html. (Accessed: 05.03.2018).
- 15. Krasnykh, V.V. (2002) *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsiy* [Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: Course of lectures]. Moscow: Gnozis.
  - 16. Borges, J.L. (2015) El Hacedor [Dreamtigers]. Madrid: Ed. Debolsillo. pp. 43–44.
  - 17. Borges, J.L. (2015) El Hacedor [Dreamtigers]. Madrid: Ed. Debolsillo. pp. 9–12.
- 18. Russkiy yazyk. (1986) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of Russian]. Vol. 1. Moscow: Russkiy yazyk.
- 19. Quevedo, F. (2009) *La vida de Marco Bruto* [The life of Marcus Brutus]. Biblioteca virtual universal. [Online] Available from: http://www.biblioteca.org.ar/libros/132249.pdf. (Accessed: 05.02.2018).
- 20. Shakespeare, W. (2013) *Yuliy Tsezar'*. *Antoniy i Kleopatra. Tragediya o Kariolane*. *Troil i Kessida* [Julius Caesar. Anthony and Cleopatra. The tragedy of Cariolanus. Troilus and Kessid]. Translated from English. Moscow: Al'fa-Kniga.
- 21. Shakespeare, W. (1599) *Julius Caesar*. [Online] Available from: https://www.sparknotes.com/nofear/shakespeare/juliuscaesar/page 104/. (Accessed: 30.03.2018).
- 22. Shakespeare, Guillermo. (n.d.) *Julio César. Versión castellana de Guillermo Macpherson* [Julius Caesar. Castilian version of Guillermo Macpherson]. [Online] Available from: http://www.biblioteca.org.ar/libros/132249.pdf. (Accessed: 30.03.2018).
  - 23. Kristeva, Yu. (1970) Semiotika [Semiotics]. Moscow: Moscow State University.
- 24. Bakhtin, M.M. (2017) *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Moscow: Izdatel'stvo "E".

- 25. Kristeva, Yu. (2000) Bakhtin, slovo, dialog, roman [Bakhtin, word, dialogue, novel]. In: Kosikov, G.K. (ed.) *Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: from structuralism to poststructuralism]. Translated from French by G.K. Kosikov. Moscow: IG Progress.
- 26. Bakhtin, M.M. (1979) Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Iskusstvo.
- 27. Kosikov, G.K. (1994) Ideologiya, konnotatsiya, tekst (po povodu knigi R. Barta "S/Z") [Ideology, connotation, text (regarding the book "S/Z" by R. Barthes)]. In: Barthes, R. S/Z. Translated from French by G.K. Kosikov & V.P. Murat. Moscow: "Ad Marginem".
- 28. Iser, W. (1978) *The act of reading: A theory of aesthetic response.* Baltimore: John Hopkins University Press.
- 29. Genette, G. (1989) *Palimpsesty: literatura vo vtoroy stepeni* [Palimpsests: Literature in the Second Degree]. Translated from French. Moscow: Nauka.
- 30. Borges, J.L. (1960) *Iz knigi "Sozdatel"* [From the book "Dreamtigers"]. Translated from Spanish by B. Dubin. [Online] Available from: http://lib.ru/BORHES/sozdatel.txt_with-big-pictures.html. (Accessed: 13.04.2018).
  - 31. Borges, J.L. (2015) El Hacedor [Dreamtigers]. Madrid: Ed. Debolsillo. pp. 55–57.
  - 32. Borges, J.L. (2015) El Hacedor [Dreamtigers]. Madrid: Ed. Debolsillo. pp. 144–145.

УДК 882.091

DOI: 10.17223/19986645/57/14

В.Н. Крылов

СТАНОВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ К.Д. БАЛЬМОНТА

Рассматривается проблема литературного успеха и становления, динамики репутации крупнейшего поэта-символиста старшего поколения Константина Бальмонта. Для достижения поставленной цели привлекаются различные историко-литературные источники — прижизненная критика, мемуары, переписка, дневники. Сопоставление материалов литературной критики, свидетельств читательской популярности, пародий и других источников позволяет уточнить и конкретизировать историю поэтического успеха и славы Бальмонта на протяжении 1890—1910-х гг.

Ключевые слова: *К. Бальмонт, символизм, успех, репутация, литературная критика, пародии.*

Литературные репутации модернистов, рецепция их поэзии в читательской среде - одно из малоизученных направлений современного исследования русского модернизма. На эту проблему уже обращалось внимание в литературоведении. А.И. Рейтблат в полемической статье «"<...> что блестит"? (Заметки социолога)» (2002) затронул вопрос о кризисе «серебряновечной» проблематики в российской науке и о необходимости исследовательской парадигмы, наметив направлений: модернисты и русское общество, модернисты и литературные институты, становление литературных репутаций литераторов-модернистов, модернисты и читатель (авторские стратегии; рецепция произведений и т.д.) [1. С. 62]¹. Понятия «успех», «слава», «авторская стратегия» редко применяются к изучению писателей начала XX в., как и в целом к русской литературе, хотя использование подобных социологических понятий способно обогатить литературоведческий инструментарий. Как отмечают исследователи, «представления о том, что такое литературная слава, каковы механизмы ее возникновения и распространения, - это немаловажная составляющая представлений о месте писателя в культуре и обществе в целом» [4. С. 134–135]. Между тем эпоха Серебряного века дает очень богатый материал для исследования механизмов репутаций.

Начало XX в. отмечено важными процессами в литературной жизни, среди которых, прежде всего, выделяются увеличение читательской аудитории, невиданный взлет статуса писателя в общественном сознании, формируются роли писателя-профессионала, «модного автора», «культового автора» [5]. То, что исследователи фиксируют уже в эпоху романтизма

¹ Можно назвать единичные работы по этим проблемам: о репутации М. Кузмина [2], рецепции поэзии И. Анненского [3].

предпосылки конструирования литературного культа (повышение соревновательности на книжном рынке, феномен «модной книги», принцип новизны в литературном процессе, превращение имени автора в бренд) [6], многократно усиливается в эпоху Серебряного века.

Жорж Нива отмечал: «Лишь в начале XX века писатель становится настоящим профессионалом, представителем самостоятельного сословия творческой интеллигенции. Благодаря многочисленным журналам, книгам, литературным вечерам и рецензиям в периодической печати этот литератор нового типа делается любимцем публики, чьи сочинения стремятся напечатать крупнейшие ежедневные газеты, подлинной «звездой» массовой информации» [7. С. 610]. Эти процессы связаны и с бурным развитием журналистики, прессы. Б.М. Эйхенбаум подчеркивал, что в это время «...русская литература обрастала прессой. Писательство становилось распространенным занятием, массовой профессией, обслуживающей разнообразные вкусы и требования общества» [8. С. 120–121].

Постоянными в статьях и переписке современников становятся рассуждения о литературной славе, о моде, о литературных репутациях и о тех механизмах, которые обеспечивают успех писателю. В современных исследованиях социологии литературной жизни эпохи Серебряного века справедливо отмечается, что «публика того времени вообще склонна была к сотворению литературных кумиров и по очереди носила на руках и разрывала на сувениры шляпы и платки Горького, Андреева, Бальмонта, Северянина, Собинова, Шаляпина, Качалова. Потому в каждом случае необходимо определить истинное значение того или иного литературного явления или события в максимально широком контексте»[9. С. 20–21]. Не стоит преувеличивать или преуменьшать значение того или иного крупного писателя в жизни эпохи, поскольку его образ сосуществовал в сознании читателя рядом с образами других писателей и деятелей искусства.

В аспекте отмеченных тенденций можно исследовать и историю литературной репутации К.Д. Бальмонта – первого символистского поэта, добившегося всероссийской известности. Нельзя сказать, что в бальмонтоведении совсем не затрагивается вопрос о его литературной репутации. Все исследователи, кто анализирует творческий путь поэта, говорят о его необыкновенной популярности². В современных авторитетных антологиях

¹ Проблема литературных репутаций становится одной из ключевых в книге А.А. Измайлова «Пестрые знамена» (1913), где он рассуждает о «раздутых» и «пониженных», медленно создававшихся репутациях, а также репутациях, в создании которых наименьшее место отводится удаче. В начале XX в. усиливается роль критики в создании репутации писателя, в возможном усилении средствами критики воздействия произведения искусства на публику, в формировании и закреплении его успеха и вообще судьбы автора (как в положительном, так и в отрицательном смысле).

² См. исследования последнего времени: монография П.В. Куприяновского, Н.А. Молчановой «Поэт Константин Бальмонт. Биография. Творчество. Судьба» (Иваново, 2001), вступительный очерк А.А. Кобринского «Дедушка русского символизма (Литературная судьба Константина Бальмонта)» к сборнику «Солнечная пряжа» в ма-

поэзии Серебряного века Бальмонт представляется таким образом: «...из всех символистов первым получил общечитательское признание и первым его утратил («исписался»), сохранив, однако, славу самого «певучего» поэта эпохи» [10. С. 258]. Однако эта констатация прижизненногоуспеха Бальмонта, как правило, не сопровождается анализом «механизма» его литературной репутации: как она складывалась, как изменялась, какие факторы влияли на нее, каким был образ Бальмонта в восприятии публики (критики, писателей, рядовых читателей) и т. д. В полной мере, полагаем, эта задача трудновыполнима из-за недоступности многих источников, необходимых для понимания всех форм читательской рецепции. Если отзывы критики, затерянные на страницах дореволюционной периодики рубежа XIX-XX вв., можно найти, то свидетельства обычных читателей чрезвычайно редки. Мы будем обращать внимание на те источники (в основном это литературная критика, но привлекаются и пародии, шаржи, свидетельства читательской популярности и т. д.), которые характеризуют роль и место Бальмонта в русской литературе, где так или иначе ставится вопрос о литературном успехе поэта, но ограничимся дореволюционным периодом, не претендуя на исчерпывающую полноту картины.

Автор вступительной статьи к недавно вышедшей книге «Константин Бальмонт глазами современников» Л.Н. Таганов отмечает, что мемуары, дневниковые тексты запечатлели «триумфально-скандальное вхождение Бальмонта в русскую литературу, неимоверный успех его первых поэтических книг, начиная со сборника «Под северным небом» (1894)» [11. С. 11].

Здесь, видимо, следует, внести некоторую корректировку, попытаться выявить эталы истории литературной репутации поэта, ведь «литературная репутация писателя – это всегда процесс, а не что-то статичное и закрепившееся» [10. С. 21]. При этом мы опираемся на определение литературной репутации, сформулированное А.И. Рейтблатом: «...представления о писателе и его творчестве, которые сложились в рамках литературной системы и свойственны значительной части ее участников (критики, литераторы, издатели, книготорговцы, педагоги, читатели). Литературная репутация в свернутом виде содержит характеристику и оценку творчества и литературно-общественного поведения писателя <...> существование литературных репутаций необходимо для структурирования литературной системы, поддержания внутрилитературной иерархии, обеспечивающей ее функционирование и динамику» [12. С. 51–52]. Нужно учитывать не только реакцию внешних интерпретаторов творчества писателя, но и обратную связь читательских мнений и поведения писателя. По мысли Н.А. Богомолова, автор «неминуемо реагирует на крити-

лой серии «Новой библиотеки поэта» (СПб., 2003), сборник «Константин Бальмонт глазами современников» (СПб., 2013). Укажем на единственную известную нам статью, посвященную такой совершенно неизученной проблеме, как соприкосновение жизни и творчества Бальмонта с массовым читательским сознанием, с жизнью рядовой, «низовой» интеллигенции, творчеством поэтов-самоучек: *Таганов Л.Н.* Бальмонтовский сюжет в стихотворных тетрадях Я.П. Надеждина // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2002. Вып. 5.

ческие отклики», «соотнося истинное содержание своего творчества, каким оно представляется ему, с той внешней рецепцией, которая выражается в откликах "литературной общественности"» [2. С. 57].

Показательно, что уже в первых рецензиях на сборники Бальмонта авторы размышляют о его литературном успехе и прогнозируют возможное будущее нового поэта. Откликаясь на выход первой книги Бальмонта «Под северным небом» (1894), А. Волынский писал: «Г. Бальмонт выступает на литературное поприще довольно своеобразно. Соединив несколько коротеньких стихотворений, он выпускает их небольшою книжечкою в изящной обертке, с пышным заглавием: «Под северным небом». <...> В какихнибудь два года можно... опередить на пути славы все современное поколение поэтов. <...> Положительно можно сказать, что в славе г. Бальмонта потонут все мелкие репутации современных деятелей печати. Настоящая книжка — только начало большого литературного предприятия, в некотором роде поэтическая угроза сверстникам и товарищам: вот посыплются, как из рога изобилия, новые и новые книжки, вот г. Бальмонт станет героем дня» [13. С. 383]. Если убрать из этой оценки некоторый иронический тон, то она воспринимается как сбывшийся прогноз.

Множество мемуарных свидетельств доносят до нас впечатления того необыкновенно сильного влияния, которое оказал Бальмонт на молодое поколение любителей «новой» поэзии. Почти все современники говорили о невероятной славе Бальмонта ^{1} .

По свидетельству В. Вейдле, «слава Бальмонта началась в год — 1895 — когда я родился, была уже в упадке, как и его талант, когда я в году девятьсот восьмом или девятом стал приохочиваться к чтению стихов, конечно, я о нем узнал, его читал, но того чувства, с каким его читали чуть постарше современники мои, покуда я пешком под стол ходил, я себе не представлял, и стихи его не то чтобы отталкивали меня, а вовсе меня не задевали» [11. С. 410]. Г. Адамович в статье 1925 г., цитируя «Все мне грезится море, да небо глубокое,/ Бесконечная грусть, безграничная даль», отмечал, что «у людей останавливалось дыхание, когда они читали это, и слезы появлялись на глазах». «Не надо упрекать их, если порой они говорили, что это «выше Пушкина». Они слышали в этих строках то, чего Пушкин им дать не мог» [Там же. С. 133]. И. Эренбург напоминал молодым советским читателям, что в «начале XX века нельзя было найти студента, не знакомого если не со стихами, то, по крайней мере, со славой Бальмонта» [Там же. С. 294].

Можно привести еще немало признаний, передающих воздействие поэзии Бальмонта на читателей (особенно на молодых любителей поэзии и вообще на молодежь, но нельзя не обнаружить такой фактор, способству-

¹ Все эти мемуарные тексты требуют исторической корректировки. Во-первых, все они в большинстве написаны современниками поэта, но начальный этап формирования его известности они не застали. Во-вторых, суждения мемуаристов о славе Бальмонта (понятой как некое уже состоявшееся явление) не совсем соотносятся с тем, что мы знаем об отношении к писателю в критике, где даже внутри одного литературно-критического направления не обнаруживается единства.

ющий популярности поэта, как общность психологического и эмоционального опыта писателя и совпадение «горизонта читательских ожиданий»). Как это выражено в воспоминаниях поэтессы Веры Звягинцевой: «Мне, 15–16-летней провинциалке, не дошедшей до Пушкина, а доведенной сентиментальностью учителей словесности до Надсона и Апухтина, — это было откровением. Во-первых, я тоже не намеревалась жить настоящим, вовторых, в качаньи и легкости этих строк, да еще гонимых почтенным "Русским богатством", мне чудилась какая-то магия» [11. С. 73].

И. Одоевцева назвала Бальмонта первым поэтом-модернистом, «способным очаровать и потрясти» [Там же. С. 426]. В книге «На берегах Сены» она вспоминает, что Бальмонт моментально прославился в 1894 г. на всю Россию своей второй книгой стихов «Под северным небом», «стал настоящим кумиром не только читателей, но и поэтов и критиков», «властителем дум и душ того времени» [Там же. С. 428–429].

Первые стихи Бальмонта оказались созвучны настроениям эпохи, времени переоценки всех ценностей. С.А. Венгеров, говоря о психологическом единстве эпохи 1890-1910-х гг., усматривал общее в таких, казалось бы на первый взгляд, разных его выразителях, как Горький и Бальмонт. «Конечно, Горький – общественник и марксист, а Бальмонт – индивидуалист и символист, но они тем не менее во многом братья по духу. Дерзкий вызов марксизма и бодрая вера в свои силы, с одной стороны, и, с другой – буйные стремления Бальмонта «разрушить здания», его гордое желание «быть, как солнце», его бурные, жгучие страсти – все это объединяется в один вызов традициям, условности и вообще формам буржуазной жизни» [14. С. 23]. Бальмонт был, наряду с Мережковским, Горьким, одним из наиболее известных последователей Ницше. Как отмечала американская исследовательница восприятия Ницше в России Эдит Клюс: «Повальное увлечение ницшеанскими идеями выдвинуло в центр внимания общественности две фигулитературного мира: поэта-«декадента» Бальмонта и писателя-«романтика» Горького» [15. С. 70]. По мысли Э. Клюс, критики всех направлений «придали ницшеанской философии отчетливые и определенные «русские» черты» [Там же], связав ее с именами этих популярных писателей. «Таким образом, эстетический эгоцентризм Бальмонта стал частью массового образа Ницше» [Там же]. В поэзии Бальмонта идея «сверхчеловека» Ницше звучит как идея автономности ее от общества, ее духовного раскрепощения, «позиция надмирности, не человечности, а сверхчеловеческого» [16. С. 62]. Лирический герой Бальмонта нередко встает в позу «сверхчеловека», декларируя свое равнодушие к людям. Как в получившем широкое признание стихотворении «Я ненавижу человечество»:

Я ненавижу человечество, Я от него бегу спеша. Мое единое отечество – Моя пустынная душа [17. С. 239].

Уже в 1890-е гг. можно зафиксировать целый ряд социокультурных показателей популярности Бальмонта, таких как избрание в 1893 г. действительным членом Общества любителей российской словесности¹, успешные выступления с лекциями, участие в концертах и литературных вечерах с чтением своих стихов, он попадает в «Галерею русских писателей» (1901), где характеризуется как «выразитель пассивных, неясных, вечно колеблюшихся настроений, Бальмонт не имеет себе соперников среди современных поэтов» [19. С. 512]. А позднее это и кружки бальмонтистов и бальмонтисток, которые пытались подражать ему и в жизни, и в поэзии; материализацией славы Бальмонта станут портреты Бальмонта (художников М.А. Дурнова (1900), В.А. Серова (1905), Л.О. Пастернака (1913). По свидетельству многих современников и по выводам современного исследователя институциональной стороны символистского движения, книги «Под северным небом» и «В безбрежности» вошли в список наиболее читаемых произведений русских писателей [20. С. 209-210], «Бальмонт стал первым признанным широкой аудиторией символистским поэтом» [Там же. С. 310].

О внимании публики к поэзии Бальмонта косвенно могут свидетельствовать тиражи его поэтических книг. На фоне очень небольших тиражей символистских сборников (200-600 экз.) книги Бальмонта уже в 1890-е гг. выходили сравнительно большими тиражами. Приведем перечень некоторых самых известных книг Бальмонта с указанием тиражей: «Под северным небом» (1894; 2 000 экз.), «В безбрежности» (1895; 1 200 экз.), ² «Тишина» (1898; 1 200 экз.), «Горящие здания» (1900; 1 200 экз.)³, «Будем как солнце» (1903; 1 200 экз.), «Только любовь» (1904; 1 500 экз.), «Литургия красоты» (1905; 1 500 экз.), «Зеленый вертоград» (1909; 1 300 экз.). По свидетельству П. П. Перцова, сборник Бальмонта «Будем как Солнце» «в полгода (вторая половина 1903 г.) разошелся в количестве 1 800 экземпляров – цифра, неслыханная для нового поэта, особенно символической школы!» [21. С. 199] 4. Свидетельством общественного интереса к Бальмонту могут служить также многочисленные переиздания его книг и собрания сочинений. Он был первым символистом, лирика которого стала издаваться в составе собраний сочинений. Первое «Собрание стихов» в двух томах вышло в издательстве «Скорпион» (1904–1905 гг.) тиражом 2 400 экз., второе «Полное собрание стихов» в 10 томах было выпущено «Скорпионом»

¹ Как назовет его позже А. Белый, «академик, с которым считались старцы» [18. С. 102].

² Книга «В безбрежности» была переиздана в 1896 г. тиражом 600 экз.

³ Ср. с тиражами поэтических книг других символистов в 1890-е гг.: «Chefs d'oeuvre» (1895; 600 экз.), «Ме eum esse» (1897; 600 экз.) В.Я. Брюсова, «Natura naturans. Natura naturata» (1895; 200 экз.), «Собрание стихов» (1900; 300 экз.) А.М. Добролюбова. Только в 1900-е гг. книги Брюсова «Tertia Vigilia» (1900), «Urbi et Orbi» (1903) достигли тиража в 1 200 экз.

⁴ Очевидно, П.П. Перцов ошибся, указав тираж 1 800 экз. Показательно сравнить это свидетельство с признанием Брюсова: «Венок» был моим первым сравнительно крупным успехом. Издание... разошлось в полтора года, тогда как прежние мои книги едва расходились в пять лет» [14. С. 121].

(1907—1914 гг.) тиражом 2 000 экз. каждый том. В 1906 г. издательство товарищества «Знание» опубликовало (в серии «Дешевая библиотека т-ва «Знание») сборник стихотворений Бальмонта тиражом 21 000 экз. Дополнительным фактором, способствовавшим его известности в читательских кругах, была активная переводческая деятельность. Собственно, известность пришла к нему первоначально как к переводчику Шелли (сочинения Шелли в переводе Бальмонта выходили с 1893 г.). Читатели, интересующиеся зарубежной литературой, узнавали имя Бальмонта².

Стремясь расширить свое влияние в литературе, Бальмонт старался преодолеть символистскую замкнутость, поэтому сотрудничал в популярных газетах и журналах – «Русских ведомостях», «Жизни», «Ежемесячных сочинениях», «Журнале для всех», «Современном мире» и др.

При изучении механизма читательской популярности нужно, разумеется, принимать во внимание качества самой поэзии и причины интереса публики к стихам Бальмонта. По-видимому, говорить о каких-то имманентно присущих его поэзии чертах невозможно, если не учитывать разнородный состав публики, специфику бытования поэзии в рассматриваемую эпоху, а также его творческую эволюцию. Читатель на рубеже XIX-XX вв. не ограничивается чтением стихов в одиночестве, стихи надо было слушать, т.е. «требовался живой голос поэта, вступающего в живое общение с читателем на широкой площади, в большом зале, чтобы услышать в голосе поэта таившееся в душах целого поколения» [23. С. 7]. «Звучание стихов независимо от их содержания в те времена становилось неотъемлемой частью реального переживания» [24. С. 143]. В этом отношении стихи Бальмонта, как никакие другие, отвечали этой общекультурной потребности. Нина Петровская вспоминала: «Читать Бальмонта одно, слушать совершенно другое» [11. С. 77]. Есть немало воспоминаний современников об исполнительской манере Бальмонта, большинство из них сводятся к тому, что поэт покорял слушателей и зрителей лиризмом, мелодичностью, он завоевывал сердца людей. Выступая перед слушателями, Бальмонт следовал теоретической установке о магической силе поэзии, выраженной им в лекции «Элементарные слова о символической поэзии»: «...подобно музыке и живописи, она возбуждает в душе сложное настроение, – более, чем другой род поэзии, трогает наши слуховые и зрительные впечатления, заставляет читателя пройти обратный путь творчества» [25. C. 120].

¹ И все же в целом Бальмонт не мог по тиражам отдельных изданий приблизиться к С.Я. Надсону, стихи которого расходились тиражом 6 000 экз., а 23-е издание «Стихотворений С.Я. Надсона» вышло тиражом 12 000 экз.

² В юношеском дневнике В.М. Жирмунского повествуется, как студент-репетитор рассказал ему о Бальмонте и школе декадентов, потом будущий филолог начинает читать «Освобожденного Прометея» Шелли в переводе Бальмонта. Критика студентом стихотворных опытов юного Жирмунского приводит его к заключению: «Да, у декадентов нужно поучиться умению пользоваться языком: как гениально переведено, например, Бальмонтом 4-е действие «Освобожденного Прометея» Шелли. Это сплошная музыка!» [22. С. 255].

Любители поэзии Бальмонта составляли значительно меньшую долю публики, по сравнению с интересующимися прозой и массовой литературой. Здесь можно выделить в первую очередь читателей, воспитанных на лирике Некрасова и Надсона (под влиянием Надсона, как известно, находился и ранний Бальмонт). Какая-то ее часть (по-видимому, меньшая, особенно в 1890-е гг.) «остыла» от Надсона и стремилась увлечься новыми кумирами. Ранняя поэзия Бальмонта причудливо сочетала новые (декадентские) мотивы с гражданской риторикой 1870–1880-х гг. В книгу «В безбрежности», с одной стороны, вошел сонет «Лунный свет», вызвавший наибольшие нападки критики за выраженное желание уйти от людей, от их страданий:

Людей родных мне далеко страданье, Чужда мне вся земля с борьбой своей, Я- облачко, я- ветерка дыханье.

[26. C. 80].

Но так ли безоговорочно он был признан? С другой стороны, стихотворение «Уходит светлый май...», пронизанное мотивами жертвенности, гибели за правду во имя любви к людям:

Пусть так. Но я пойду вперед без колебанья — И в знойный день, и в ночь, и в холод, и в грозу: Хочу я усладить хоть чье-нибудь страданье, Хочу я отереть хотя одну слезу!

[Там же. С. 81].

Демократически ориентированному читателю не могли не импонировать такие ранние стихи, как «Зарница», «Родная картина» (написанное в 1892 г. для сборника «Помощь голодающим» (1892), «Памяти И.С. Тургенева», «Грусть», «В поле искрилась река», «В столице».

Ему оказывалось созвучно общее меланхолическое настроение книги «Под северным небом»:

И скорбя о трудном дне, Где-то дух страдал людской, Кто-то плакал в тишине С бесконечною тоской

[Там же. С. 92].

Такому читателю оказывались близки не столько космополитизм Бальмонта и его экстерриториальность, сколько проявление традиционной привязанности поэта к русской почве. Как, например, выраженный в стихотворении «В столице» мотив воспоминаний, возвращение в мир детства, родной природы:

Свежий запах душистого сена мне напомнил далекие дни, Невозвратного светлого детства предо мной загорелись огни; Предо мною воскресло то время, когда мир я безгрешно любил, Когда не был еще человеком, но когда уже богом я был.

Мне снятся родные луга, И звонкая песня косца, Зеленого сена стога, Веселье и смех без конца. Июльского дня красота, Зарница июльских ночей, И детского сердца мечта В сияньи нездешних лучей...

[26. C. 90-91].

Хотя, надо заметить, рядовой читатель вряд ли смог оценить незаурядное ритмическое мастерство поэта (соединение разных метров и сверхдлинных размеров). Но именно этот читатель, в отличие от «элитарной» публики, мог принять и антимонархические стихи поэта («Маленький султан» и др.) и в будущем признать правоту бальмонтовской позиции в отношении нового строя ¹.

Другая часть публики – это читатели из поколения «отцов», настроенные негативно по отношению к новациям «декадентов», это, условно говоря, читатели «буренинского» типа. «Взращенный на идеалах позитивизма и здравого смысла, он категорически не приемлет мировоззрения и поэтики символистов» [28. С. 90-91]. Уникальный пример «следов» чтения такого типа читателя мы нашли в публикации Олега Лекманова [28]. Он приводит пометы неизвестного читателя на экземпляре книги «Будем как Солнце». Исследователь выделяет способы, посредством которых неизвестный читатель стремится дискредитировать символистскую поэзию (ироническая констатация читательского недоумения; обличение многочисленных пороков автора, таких как аморализм, любострастие, хвастовство, легкомыслие, незнание русского языка, вычурность поэтического языка). «Так, к строкам «Но себя мы побеждаем / Нашим сном Безбрежности!» из стихотворения «Снежинки» приписано «Ей-же, ей – рехнулся парень». К строкам «В глухих провалах безрассудства / Живут безумные цветы» из стихотворения «Я полюбил свое беспутство...» приписано: «Не цветы безумны, а вот такие стихоплеты» [Там же. С. 25]. При всей курьезности сурового литературного урока такой утилитаристский подход к поэзии был типичен для значительной части не только публики, но, как увидим, и профессиональной критики.

 $^{^1}$ Об одном из подобных читателей, Я.П. Надеждине, шуйском учителе, рядовом демократе, просветителе народнической закваски, мы узнаем из публикации Л.Н. Таганова [27].

Особую группу рецепиентов бальмонтовской поэзии составляет так называемый элитарный читатель. В начале 1890-х гг. «...зарождается новая, сугубо элитарная по своим читательским установкам группа, опирающаяся на декадентство и символизм. Отношение к литературе ее представителей деполитизируется и эстетизируется, они ждут от книги не поучения, а наслаждения, не рассмотрения социальных проблем, а анализа чувств и переживаний личности» [20. С. 30–31]. В этой среде получают известность первые символисты – Д. Мережковский, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Ф. Сологуб, Н. Минский. Ее ядро составляли высокообразованные читатели, знакомые с новейшей европейской и американской поэзией, философией. В нее входили студенты-гуманитарии¹, но главным образом это были сами литераторы (писатели и критики) или имеющие отношение к литературным институциям (редакторы, образованные меценаты). Этот слой аудитории, существенно меньший, чем у литераторов традиционной народнической направленности, тем не менее составлял то, что принято в социологии называть публикой постоянной. «ориентированной на данный вид, жанр искусства» [29, C. 290].

Круг почитателей Бальмонта пополнялся и непостоянной публикой («ситуативной», публикой конкретного произведения, «здесь и сейчас» его воспринимающего» [Там же]) — молодыми людьми (гимназистами, студентами), которые узнавали о Бальмонте и порой хватались за 1–2 стихотворения, созвучных их внутреннему миру². Тэффи вспоминала, что Бальмонт вошел в ее жизнь в 14-летнем возрасте, когда кадет Коля Нильский подарил ей переписанное на разлинованной бумаге стихотворение Бальмонта:

Тебя я хочу, мое счастье, Моя неземная краса. Ты солнце во мраке ненастья, Ты жгучему сердцу роса [11. C. 230].

И. Одоевцева признавалась, что ей открыл Бальмонта двоюродный брат-студент, она писала «...я восхищалась теми же стихами, что и он, и вся тогдашняя молодежь, особенно женская половина. Тут были и «Я мечтою ловил уходящие тени», «Скользят стрижи в лазуринеба чистой», и «В моем саду мелькают розы красные», а также «Она отдалась без упрека», хотя я не понимала, что это, собственно, может значить, но мое непонимание придавало еще большую прелесть и какую-то особенную остроту этому стихотворению» [Там же. С. 427]. Как можно судить по мемуарам, у

¹ Образ такого студента-«декадента» Г.Я. Красного (1881–1970), в начале 1890-х гг. студента факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, представлен в юношеских дневниках В.М. Жирмунского [22].

² Нужно принимать во внимание, что в рецепции модернистской поэзии немалую роль играл и такой феномен, как «непрямое» потребление искусства [29. С. 190]. Далеко не все читали сборники Бальмонта целиком, но они формировали свои суждения о нем на основе мнения других, в том числе и оценок критики и публикаций в прессе.

рядового читателя, прежде всего, были популярны стихи о любви («В моем саду», «Песня без слов», «Тебя, я хочу, мое счастье...», «Она отдалась без упрека...». В. Вейдле интересно объясняет, чем снискало популярность последнее стихотворение. По предположению В. Вейдле, «повторяющийся контраст интонации вместе с музыкой... внушен был» Бальмонту Верленом, но «тему же, мотивирующую этот контраст, — чуть-чуть грубоватую, очень уж откровенно мужскую — придумал он сам, популярность своим стихам у читателей скорей, чем у читательниц, как раз ею и снискав.

Она не твердила: «Не надо», Обетов она не ждала... [11. C. 413].

Уже в начале XX в. закладывается своего рода «канон» самых известных стихов Бальмонта. Но при этом самые популярные его стихи не всегда были самыми лучшими. Между массовым признанием и оценкой в литературном кругу («элитарной» публики) не всегда наблюдается единство. М. Цетлин в свое время выразил сомнение в ценности знаменитых «Хочу быть дерзким...» или нашумевших аллитерационных стихов «Челн томленья», «Влага» («С лодки скользнуло весло...»). Аллитерация, отмечал М. Цетлин, известная уже Гомеру и Вергилию, в русской поэзии «изумительно использованная Некрасовым и Пушкиным, казалось бы, не нуждалась в открытии. Но так глубок был упадок русской поэзии конца девятнадцатого века, что этот прием приходилось открывать заново и применять его в почти барабанно-примитивном виде» [Там же. С. 97]. «Гораздо больше заслуги Бальмонта в создании по-новому музыкального, гибкого и певучего стиха» [Там же]. Именно за это в первую очередь и ценили Бальмонта поэты разных поколений. По словам Гумилева, К. Бальмонт «...страстно полюбил вещи и выше всего поставил потенциально скрытую в них музыку» [30. С. 110]. Поэтому поэтам нравились другие его стихи. Так, О. Мандельштам выделял «Старый дом», «О ночь, побудь со мной», М. Цветаева – «Безглагольность», «Глаза», И. Анненский – «Колдунью влюбленную», «Слияние», «Отчего мне так душно?» О. Мандельштам в 1923 г. писал: «От Бальмонта уцелело поразительно немного - какойнибудь десяток стихотворений, Но то, что уцелело, воистину превосходно, и по фонетической яркости, и по глубокому чувству корня и звука выдерживает сравнение с лучшими образцами заумной поэзии» [11. С. 47]. Анализ частотного упоминания названий стихов, цитаций поэзии Бальмонта (в положительном контексте) в мемуаристике, дневниках, переписке позволяет выделить примерный список наиболее популярных тогда стихотворений: «Я мечтою ловил уходящие тени...», «Я – изысканность русской медлительной речи...», «Воспоминание о вечере в Амстердаме», «Я не знаю мудрости», «Безглагольность», «Хочу», «Песня без слов», «Ветер», «Фантазия», «В моем саду...», «Влага», «Дождь», «Она отдалась без упрека...», «Тебя, я хочу, мое счастье...», «Лебедь», «Камыши», «Глаза», «Нам нравятся поэты, похожие на нас...», «Тише, тише», «Запах Солнца», «Лесной пожар», «Золотая рыбка» ^{1} . Некоторые стихи, как, например, «Она отдалась без упрека...», были отмечены и рядовым читателем, и литераторами, но ценили они в них разное.

Первоначально культ Бальмонта формируется в символистском кругу. В «Материалах для биографии» А. Белый отмечает, что в июне — сентябре 1897 г. «Бальмонт, мне еще мало известный, становится для меня любимейшим поэтом»[16. С. 43]. В. Брюсов в письме к П.П. Перцову от 19 июля 1896 г. заявляет уже о появлении в литературе «школы Бальмонта» и называет ряд поэтов, которые «перенимают у Бальмонта и внешность: блистательную отделку стиха, щеголяние рифмами, ритмом, созвучиями...» [31. С. 78]. Установка поэтики модернизма на активное соучастие читателя порождает не только творческое подражание Бальмонту (М. Лохвицкая), но и эпигонство, которое все более становилось массовым². В том же письме к Перцову Брюсов называет имена подражателей — В.Г. Голикова, А.А. Курсинского, Е.А. Варженевской, Е.А. Буланиной. В рецензии на альманах «Гриф» Брюсов заметит «слишком... откровенное подражание» Бальмонту в стихах В. Попова:

Лютики желтые, лютики бедные, Дети иссохшей земли, Спите, измятые, грустные, бледные, Спите в дорожной пыли...

[32. C. 137].

Но вместе с тем в 1890-е гг. и Бальмонт разделяет общее для ранних символистов *отморжение* в большей части критики (а также и сравнительно небольшой охват читательской аудитории, отсутствие собственных журнальных изданий и т. д.). Поэтому и появляется в письме Брюсова к Перцову признание в том, что Бальмонта у нас осуждают потому, что истинно современный дух поэзии у нас некому оценить» [31. С. 65].

В уже упомянутой рецензии А. Волынского говорилось о подражательности Бальмонта, отсутствии искренних и глубоких чувств, а в конце прозвучало пожелание: «Мы пожелали бы молодому стихотворцу побольше литературной серьезности, побольше уваженья к своим собственным скромным способностям. Пусть он трудится над отделкою стиха, но пусть не думает, что перезвон рифм и начальных букв, при бедности духовного содержания, может иметь какое бы то ни было значение» [13. С. 385].

Типичным выражением общедемократической рецепции Бальмонта стала развернутая рецензия критика Н. Коробки, где книга «В безбрежно-

¹ Как можно заметить, в этот список почти не попали стихи, написанные после 1903 г. Последующие антологии стихов Бальмонта практически совпадают с этим «отобранным» уже в начале XX в. списком.

² С. Соловьев в письме к А. Блокуот 18 февраля 1904 г. скажет: «...совершенные бездарности подражают посредственным из стихотворений Брюсова и скверным стихам Бальмонта» [11. С. 540].

сти» была названа «талантливым произведением упадочничества» [33. С. 2], но вместе с тем отмечался ее *успех*: «Книга эта в течение года выдержала два издания, что свидетельствует об успехе, редком для наших поэтов. Несомненно, у г. Бальмонта есть поклонники и почитатели, люди, которым близка и понятна его больная поэзия» [Там же]. А причина успеха видится критику в том, что «мы имеем дело не с индивидуальной душевной расшатанностью, а с болезнью известной части общества, выразителем которой явился наш поэт» [Там же]. Одна из характерных черт подобной поэзии — это «культ своего я, который поглощает в себе весь мир» и связанное с этим настойчивое «признание собственного величия» [Там же. С. 9, 19].

А. Горнфельд в рецензии на книгу «В безбрежности» упрекает Бальмонта в сознательном нагнетании неясности, в том, что «ложная» теория символизма тяготеет над его «бесспорным дарованием» [34. С. 42].

На узкоэгоистическом характере поэзии Бальмонта настаивал П. Краснов: «...этот мотив – прославление эгоистической жизни только для себя – повторяется... во многих стихотворениях... и приводит в конце концов к мятежным стремлениям к безбрежному» [35. С. 144] (из рецензии на сборники «Под северным небом» и «В безбрежности»). Однако в начале XX в. П. Краснов вынужден был признать, что «К.Д. Бальмонт блистательно оправдал ожидания, возбужденные первым выпуском его стихов», Бальмонт открыто поднял в России знамя той неоромантической школы, которая цветет на Западе» [36. С. 542], а в 1905 г. сказать, что Бальмонт «из всех современных поэтов наиболее популярный, «...он отразил в своих песнях и образах настроения современного молодого общества – отчаяние под гнетом бессмысленных обстоятельств, жажду забыться в области фантазии красоты и, наконец, потребность в освобождении личности, скованной условной моралью» [37. С. 233]. Однако такая оценка не могла перевесить преобладающий в народнической и либерально настроенной критике начала XX в. подход: стихи Бальмонта стали нередко использоваться в обобщающих статьях, посвященных современной поэзии, как доказательство исключительной, необычайной «самовлюбленности и безумной гордости» [38. С. 562], характеризующей декадентство¹.

В изучении становления литературной репутации Бальмонта нельзя обойтись без выступлений «литературного хулигана» В.П. Буренина. Выступления Буренина продолжали, на наш взгляд, ту линию неприятия, ниспровержения Бальмонта, которую демонстрировал неизвестный чита-

¹ Так, большая часть статьи А.И. Покровского «Современное декадентство перед судом вековечных идеалов» в «Русском вестнике» (1904) строится на примерах именно из Бальмонта. В той же функции стихи Бальмонта используются в обзорной статье Л. Горского «Декадентская поэзия на пути в Россию» (Вестник знания. 1903. № 11). В последней статье, конечно, не был обойден вопрос о самовлюбленности поэта, но он получал некоторое оправдание: «И не простительно ли г. Бальмонту, когда он в наивном восхищении собою заговаривается, что он первый открыл «гневные и нежные» звоны в русской речи. Пусть не первый, но что-то особенно певучее, благородно изысканное, слышится в его поэтической лире…» [39. С. 83].

тель на полях книги «Будем как Солнце». Фельетоны Буренина закрепили в читательском восприятии образ Бальмонта как самовлюбленного поэта, крайнее воплощение эгоцентризма. В 1900 г. большую часть очередного выпуска «Критических очерков» в газете «Новое время» он посвятил книге «Горящие здания».

Новая книга Бальмонта, по словам Буренина, — это проявление все того же «наглого кривлянья и ломанья», которое сегодня в моде. Охотно признавая за Бальмонтом поэтический темперамент, владение стихом и немного поиздевавшись над качеством его переводов («по-каковски это? Как будто по-чухонски? А может быть по-китайски? Вернее всего, по-декадентски. Только во всяком случае не по-русски»), он обращается к оригинальным стихотворениям, относит их к разряду произведений «по ту сторону здравого смысла» [40. С. 562]. Он выписывает отрывок из одного стихотворения (из цикла «В душах есть все»), сопровождая его таким уничижительным комментарием: «Читатели согласятся, что стихотворец, дошедший до сочинения таких хорошеньких куплетов с гнилыми хохотами чумы, тигровыми страстями и змеиными чувствами, с сомнениями в том, его ли создали толпы глупцов с животно-мерзкими лицами, или он создал этих глупцов, с сомнениями в том, что поэт ли он или побег пня, — читатели согласятся, что такой стихотворец внушает серьезные опасения» [Там же. С. 2].

Особое внимание Буренина привлекает стихотворение «Воспоминание о вечере в Амстердаме». Сопроводив полный текст стихотворения в некоторых местах вопросами, Буренин вопрошает: «Очень хорошо, не правда ли? И главное то хорошо, что можно читать эту пьесу и с конца... Попробуйте, и вы увидите, что получится то же самое, т. е. набор случайных фраз для случайных рифм, приходящих в голову стихотворцу... Вот г. Бальмонту почему-то вспомнился Амстердам и он принялся городить вздор об этом почтенном городе. Но для чего было лететь фантазией в далекую Голландию? Поэт мог и о любом русском городе нагородить рифмованный вздор. Положим, ему подвернулся бы Вышний Волочок» [Там же]. И Буренин включает в статью, ставшую потом известной, пародию «Воспоминания о вечере в Вышнем Волочке» (ускоренные строки).

В драматических сценах «Домашний театр «Нового времени. Литературные чтения и собеседования в обществе «Бедлам модерн» Буренин высмеивает в пародийной форме попытки Брюсова объявить Бальмонта лучшим поэтом современности¹.

Когда начинается обсуждение поэтического «шедевра» одного из членов собрания Гордого-Безмордого, то поэт Валерий Противоестественный усматривает в новом сочинении подражание «знаменитейшему шедевру

¹ По существу, это пародия на статью Брюсова «Бальмонт» в «Мире искусства». В статье «Бальмонт» Брюсов писал: «Среди современных поэтов Бальмонт, бесспорно, самый значительный – и по силе стихийного дарования, и по своему влиянию на литературу. Всем его современникам приходится заботиться прежде всего о том, чтобы не попасть в сферу его притяжения, сохранить самостоятельность» [41. С. 36].

величайшего из поэтов нашего века Демона Демоновича Бальмонта «Художник-дьявол» [42. С. 68]. И заключает: «...недаром другой, ему подобный, хотя еще и не равный, гений поэзии, г. Валерий Брюсов, у которого тоже "порядок мозгов" довольно основательно перевернут — недаром он кричит во всю ивановскую, что Бальмонт "среди современных поэтов бесспорно самый значительный — и по силе стихийного дарования, и по своему влиянию на литературу"; что пред ним действительно "все другие поэты предтечи", что "равных Бальмонту в искусстве стиха в русской литературе не было и нет", что даже лермонтовские стихи «совершенно меркнут перед лучшими песнями Бальмонта», что с ним Пушкин даже не может равняться, так как у Бальмонта пушкинский "усовершенствованный" стих» [42. С. 71].

Образ Бальмонта в восприятии современников неотделим от его лирического героя. Нужно признать, что и сам Бальмонт в бытовом поведении предпринимал усилия для артикуляции своего имиджа, усиливающего воздействие творчества на публику¹. Можно вспомнить и его автохарактеристики в стихах, и признания современников о необычной манере поведения, его внешности. По наблюдениям М.С. Сухотина, оставившего впечатления о посещении поэтом Льва Толстого, Бальмонт «похож на портреты каких-то Филиппов испанских», «его испанистая наружность гармонирует с его занятиями» [32. С. 120]. «Своеобычность молодого Бальмонта бросалась в глаза. Он становился легендой еще до начала XX века <...> И таким образом он начинает представлять собой не только новую (символистскую) поэзию, - но само его бытовое поведение воспринимается как *особый текст* жизни, сотворенный новым поэтом» [44. С. 12]. Образ самовлюбленного поэта, когда черты лирического героя переносятся и на биографическую личность, начинает широко тиражироваться в прессе.

Так, в стихотворении Тэффи «Новый год у писателей» дан остроумный групповой портрет современных литераторов, среди которых представлен и Бальмонт. Тэффи, в отличие от Буренина, дает не сниженный, сатирический образ поэта, а юмористический, проникнутый доброй улыбкой. Каждый из писателей, представляясь новому 1902 г., говорят о себе, и с помощью этого приёма Тэффи пародирует их стиль и характеры.

Новый Γod (всматриваясь, в Бальмонта). Кто этот странный господин, Что гордо так стоит — один?

¹ По мнению Б. Дубина, для типологической фигуры «звезды» характерна «потребность в узнаваемом и портретируемом «лице», в последовательно конструируемой биографии (Блок, Маяковский, Есенин, Высоцкий), что чаще всего сочетается с авторским культом собственной личности», «значимой составляющей в образе звезды нередко становится, среди прочего, поведение на грани или за гранью общественных приличий» [43. С. 327]. Несмотря на то, что исследователь не приводит в перечне примеров Бальмонта, есть все основания отметить эти составляющие и в Бальмонте.

Бальмонт.

Я? – Я – Бурениным гонимый, Я – новый бог земли родимой, Я – переплеск, я мрако-свет, Пушистый, чистый, серебристый, Хромой, немой, но голосистый Перебальмонт, перепоэт! Новый Год. Ах, как я рад знакомству с вами; Вы превеселый человек! Украсьте ж мой короткий век Своими вы перестихами

[45. C. 14].

В стихотворении «Весенний отлет» (1902) Тэффи в пародийной форме описывает отъезд писателей в летний отпуск по железной дороге. Здесь остроумно передается диалог Бальмонта, говорящего стихами, и не понимающего поэзию кондуктора, который всякий раз буквально понимает тот или иной образ и пытается определить поэта в определенный тип вагона.

Бальмонт (медленно подходит и, остановившись перед кондуктором, декламирует).

Я как ландыш, бледнея цвету, Я – как ветка сирени мечтаю, Я – как снег, кувыркаясь, лечу, Полежу, полежу и растаю... Я меняю и образ, и форму; Я и лед, и лобзанье, и яд...

Кондуктор (испуганно). На другую пройдите платформу Вас там в ледник-вагон поместят. Бальмонт. Птицей, мощной, полнощной летаю, Я тревожу неправедный сон, Перепелкой по нивам порхаю. Кондуктор. Так, пожалуйте, в птичий вагон.

Когда Бальмонт называет себя «чужеядным растеньем», кондуктор теряет терпение и ничего не может понять, на что Бальмонт с достоинством отвечает:

Мои слова всегда бессвязны, Они дрожат, они алмазны, Как в час предутренний звезда! Они летят и налетают, Как вихрь, как буря, как циклон!...

[46. C. 12].

Традиция представления комического образа Бальмонта активно продолжится в 1900—1910-е гг.: он становится героем различных фельетонов, пародий, шаржей¹, карикатур, само необыкновенное количество которых говорит о его славе в этот период². В начале века его известность выходит за пределы модернистского лагеря, он становится самым популярным модернистским поэтом вне референтной (символистской) группы. И даже длительное пребывание за границей не уменьшило его известности. В воспоминаниях Е.А. Андреевой-Бальмонт приводятся слова дочери поэта Нины о том, как встречали Бальмонта во время приезда в Россию в 1912 г.: «Несколько друзей подошли к Бальмонту, обнимая его и пожимая ему руки, повели к автомобилю, куда мы сели. Молодежь бежала за нами и засыпала цветами. Девочка наша странно была удивлена. «Разве папа такая знаменитость? Я совсем этого не знала», – повторяла она. Потом ее очень занимало, что отца ее приходили интервьюировать и снимать в дом сестры, где мы остановились» [49. С. 363].

В этой связи особенно заметна такая форма рецепции, как пародии на поэта. В известной книге пародий и шаржей А.А. Измайлова «Кривое зеркало» (1908) пародия на К. Бальмонта находится в соседстве с пародиями на 3. Гиппиус, В. Иванова, С. Городецкого, А. Блока, М. Кузмина, А. Белого и др.

¹ В юбилейный для Бальмонта 1912 г. (25-летие литературной деятельности) в постоянной рубрике журнала «Шут» «Галерея наших современников» помещен шарж Яна Тома. Бальмонт изображен играющим на лире, которая стоит на внушительной стопке книг поэта. Шарж сопровождается надписью: «Величайший поэт ХХ-го века. Побил рекорд продуктивности и усидчивости... «Я каждый миг исполнен откровенья, / Всегда пою!» — говорит он про себя. Выпустил несчетное число крупных и мелких сборников своих стихотворений, поэт не выдержал и воскликнул: «Кто равен мне в певучей силе?! И затем сам ответил: Никто! Никто!» (стих. «Я в этот мир пришел, чтоб видеть солнце...») [47. С. 10].

² О своеобразной практической «востребованности» Бальмонта свидетельствует и такой курьезный случай, описанный в «Известиях по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф», озаглавленный «Бальмонт – как средство против зубной боли»: «В селе Островах, Могилевской губ., учительница церковноприходской школы как-то вечером читала вслух сборники стихов Бальмонта "Зовы"; тут же рядом, в кухне, находилась старуха, сторожиха этой школы, у которой как раз в это время болели зубы. Учительница, увлекшись чтением, громко произносила смелые, подчас странные обороты поэта. Старуха внимательно вслушивалась в совершенно непонятные ей слова с уверенностью, что учительница этими непонятными словами "заговаривает" ей зубы, так как только что перед этим она жаловалась учительнице на сильную зубную боль. Каково же было недоумение учительницы, когда через некоторое время старуха вошла в комнату и со слезами начала благодарить: "Помогло, голубушка... помогло, дорогая... Век Богу буду молиться"» [48. С. 135].

Бальмонт становится героем и разных скандальных публикаций, отзвуки одной их которых отражены в книге Е. Венского «Мое копыто (книга великого пасквиля)». З августа 1909 г. на страницах газеты «Речь» К. Чуковский уличил в плагиате Бальмонта, обнаружив в его статье «Певец жизни», которая была опубликована в «Весах» еще в 1904 г., незакавыченные цитаты из книги Джона Симондса об Уитмене. Отголоски обвинений Чуковского в адрес Бальмонта Е. Венский «выплеснул» в «Моем копыте» в пародии на стихотворения «Хочу», «Я – изысканность русской медлительной речи» [50. С. 13].

Многочисленные пародии публиковались не только в столичной прессе, но и на страницах провинциальных газет. Фельетонист газеты «Волжский вестник» из стихов в книге «Будем как Солнце», большей частью «непонятных», по его мнению, выделил, наоборот, такие «светлые» и «прозрачные», «будто автор стихов семилетний ребенок» [51. С. 3]. «Вот, например, занявшее целую страничку «стихотворение», очевидно, навеянное популярным романсом «Чижик, чижик, где ты был? – На Фонтанке воду пил»:

Жизнь проходит, – вечен сон. Хорошо мне, – я влюблен. Жизнь проходит, – я поэт. Душен мир, – в душе свежо. Хорошо мне, хорошо.

Легкость в мыслях необыкновенная, невольно заражаешься на пародию.

Если логику попрать, — Сколь легко стихи писать! Воспевай морей песок Жабры рыб, мечтанья ног. С рифмой весел белый снег. Хорошо мне, — я поэт. Что лишь в голову взбрело, — Все в звенящий стих легло. Я спокоен, весел, тих, — Даст полтинник каждый стих...

[51. C. 3].

Тем не менее в критике (и не только в демократической, но и символистской) примерно с начала 1900–х гг. , а затем все настойчивее муссируется вопрос о «конце» Бальмонта, о его упадке, о том, что его путь идет по нисходящей линии, его дар мельчает, начинается «спуск на тормозах славы» [11. С. 429], он становится «графоманом, страдающим болезнью не-

 $^{^{1}}$ В критике нередко высказывались мнения, что спад Бальмонта начался с книги «Только любовь».

держания стихов» [11. С. 426], «пародистом на самого себя» [52. С. 104], новые его стихи «можно читать только из сострадания» [53. С. 464].

Усиливаются нападки в печати, попытки оспорить прежние заслуги. Характерны в этом отношении статьи К. Чуковского. Оценив по форме стихи Бальмонта как «замечательное явление в русской литературе», Чуковский настаивал: «Теперь они кажутся деланными и однообразными. Но недавно, когда после Надсона и Апухтина литературные вкусы пали и в русской поэзии, наподобие осенних мух, вяло бродили такие ненадежные стихослагатели, как Аполлон Коринфский, Иван Белоусов, Леонид Афанасьев и множество других, не оставивших после себя ни одного стиха, ни одного небанального чувства, – когда после них вдруг затрещали и завальсировали бальмонтовские рифмы и послышались бальмонтовские размеры – поистине произошла литературная революция» [54. С. 47], но «с течением времени открылось еще одно свойство этих городских стихов: они поверхностны» [Там же. С. 48].

Символисты, в среде которых и началась репутация Бальмонта, также принимают участие в этих нападках (за исключением Вяч. Иванова и Ю. Балтрушайтиса). Так, В. Брюсов, испытавший большое влияние Бальмонта, в обозрении 1906 г. «Новые сборники стихов» заявил: «В течение десятилетия К. Бальмонт нераздельно царил над русской поэзией. Другие поэты или покорно следовали за ним, или с большими усилиями отстаивали свою самостоятельность от его подавляющего влияния. Но расцвет творчества Бальмонта уже в прошлом. Высшей точкой, которой достиг он в своем победном шествии, были «Горящие здания» [32. С. 219].

В критике поднимается и такая проблема: поэзия Бальмонта, да и сама его поэтическая репутация пострадала от массового увлечения, от пошлости. Как сказал Чуковский, теперь через десять лет после Бальмонта каждый пишет, как Бальмонт, и, что хуже всего, Бальмонт пишет, как каждый» [54. С. 48].

Одна из причин снижения репутации Бальмонта коренится непосредственно в характере его творческого отношения к своим поэтическим приемам. Бальмонт сам, чем дальше, тем больше, злоупотреблял найденными им в первые годы стихотворными приемами (особенно фоническими открытиями), «...за эту подчиненность звуковой стихии, а также за обилие самоповторений, избыточную продуктивность, нежелание отделить в своих стихотворных россыпях зерна от плевел Бальмонта безжалостно корили даже товарищи и друзья» [55. С. 199]. Объяснение этому нужно искать и в изменении символизма на литературной арене, его своеобразной «демократизации». «На третьем этапе (начиная примерно с 1906 г.) шла инфильтрация символистов в "общую литературу", «символисты становятся «модными», интерес к ним проявляют широкие общественные круги» [20. С. 313].

Вопрос о статусе Бальмонта, на наш взгляд, связан напрямую и с важной проблемой, обсуждавшейся в русской прессе, — о падении интереса к поэзии вообще. В 1913 г. редакция журнала «Вестник литературы» (изд. т-ва М.О. Вольф) организовала специальную анкету, посвященную выяснению положения современной поэзии. В редакционной статье говорилось

о том, «мы являемся свидетелями того факта, что любовь к поэзии падает с каждым днем, что поэтов все меньше и меньше читают, а книги их совершенно не расходятся», хотя «русские поэты достигли небывалого технического совершенства, небывалой виртуозности, издают свои книги с небывалым изяществом, а общество не обращает на них никакого внимания» [56. С. 55–56].

В одном из развернутых ответов на вопросы анкеты, присланной читателем, это явление называлось не новым. «Если не считать короткого периода так называемого «завоевания политических "свобод", когда у общества повысился, между прочим, интерес и к современной поэзии, явление это насчитывает за собою не один десяток лет, и мы едва ли ошибемся, если скажем, что начало его совпадает с развитием в русской литературе пресловутой декадентщины, пересаженной на отечественную почву с Запада еще в 90-х годах прошлого столетия» [57. С. 137]. Автор особенно подчеркивает, что «заметного понижения интереса к "старым" идейным поэтам в современном русском обществе не наблюдается» (курсив наш. – К.В.) [Там же]. Причины читатель видит прежде всего в том, что современные поэты «погрузились в пучину того жалкого (но, повторяю, по форме порою прекрасного), безнадежного, беспринципного индивидуалистического нытья и эстетического кривлянья, которыми набито большинство толстых, серьезных и несерьезных журналов, серьезных и несерьезных газет и тех изящных сборников, что томятся в плену книжных складов и книжных магазинов» [Там же. С. 140].

Нужно учитывать и давление со стороны нового литературного поколения. Принцип новизны, настойчиво внедряемый идеологией нового искусства в лице представителей постсимволистских течений, приводил к закономерному итогу: Бальмонт уже воспринимался как своеобразный «архаист» 1. И если Гумилев все-таки признается, что три книги Бальмонта, «Горящие здания», «Будем как Солнце» и «Только любовь», несмотря на то, что «там есть слабые стихи, навсегда останутся в памяти каждого, прочитавшего их» [58. С. 274], то для А. Крученых «известная строка Бальмонта "чуждым чистым чарам счастья" «звучит скорее слащаво-чавкающе, чем грозно и мрачно!» [59. С. 12]. А Вадим Шершеневич отзыв на сборник избранных стихов Бальмонта назовет «Пошлость на пьедестале»: «Нам не следует забывать заслуг Бальмонта в деле разрушения реалистических чучел, но у нас должно хватить смелости и вкуса, чтобы отвергнуть Бальмонта-поэта, Бальмонта-созидателя» [60. С. 40]. Абсолютизировать подобные высказывания нельзя. Несмотря на отвержение Бальмонта в шумных манифестах, в творческой *практике* новые поэтические течения «помнили» о

¹ И сам Бальмонт, видимо, задумывался над перипетиями поэтической судьбы, успеха. В книге «Только любовь» в разделе «Безрадостность» лирический герой восклицает: «Я знаю, быстрым сном проходит счастье» [17. С. 247]. В известном стихотворении «Тише, тише» звучит признание: «Но и к вам придет мгновенье охлажденья и заката» [Там же. С. 253].

нем. Влиянию Бальмонта на постсимволистское поколение посвящено немало исследований . Показателем продолжающегося успеха Бальмонта может служить и массовое эпигонство конца 1900 — начала 1910-х гг. Несмотря на то, что, как писал в 1910 г. Н. Гумилев, пора подражаний Бальмонту уже прошла» [51. С. 40], текущая поэтическая практика давала немало примеров нетворческого следования Бальмонту. В «Письмах о русской поэзии» названы Е. Курлов, С. Алякринский, К. Подоводский, В. Гофман, К. Большаков, С. Константинов, В. Шершеневич, А. Архангельский.

В этой ситуации Бальмонт вряд ли мог сохранять прежнюю планку популярности и авторитетности, особенно в поэтических кругах. Однако поразительно, что хотя критика и писала о «конце» Бальмонта, падении его таланта, все же и в кругу читателей он продолжал вызывать неподдельный интерес. Несмотря на то, что, как констатировал А. Измайлов, «слава Бальмонта сейчас не на той высоте, на какой она стояла не столь давно» [61. С. 75], но по результатам анкеты «Существует ли интерес к новейшей русской поэзии?», организованной редакцией журнала «Вестник литературы» (1913), Бальмонт признан «наиболее выдающимся», он набрал 2 361 голос, опередив Бунина (2115), Фофанова (2003), Брюсова (1384). Мережковского (1018), Сологуба (917), Блока (429) [62. С. 136]². В сообщениях о возвращении Бальмонта в Россию в 1913 г. можно было прочитать следующее:

«Возвратился 6 мая в Москву из изгнания поэт К.Д. Бальмонт со своею семьею. На вокзале он был встречен В. Брюсовым, Б. Зайцевым и многими другими видными литературными деятелями и массой почитателей. При выходе из вагона Бальмонт был забросан живыми цветами. Полиция предупредила, что никаких речей не будет допущено. Тем не менее одному из встречавших удалось произнести следующий экспромт:

Из-за туч Солнца луч – Гений твой.
Ты могуч,
Ты певуч,
Ты – живой»
[64. С. 95].

¹ Укажем на одно из последних – монографию О.А. Клинга «Влияние символизма на постсимволистскую поэзию1910-х годов» (М., 2010). На связь ранней книги Гумилева «Путь конквистадоров» с поэзией Бальмонта указывал еще В. Брюсов [32. С. 165].

² Как проявление культурной стратегии для поддержания своей литературной репутации можно рассматривать литературные турне Бальмонта, например поездку в 1915 г., в ходе которой он посетил Вологду, Ярославль, Нижний Новгород, Казань, Пензу, Саратов, Самару, Уфу, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Омск. В книге П.В. Куприяновского и. А. Молчановой приводятся особенно тронувшие поэта стихи 13-летнего гимназиста Пети Карасика, посвященные Бальмонту: Звезда полумира, / Поэтов поэт, / Твоя вдохновенная лира / Гремит на весь свет... [63. С. 308].

Но потом, по словам Б. Зайцева, времена изменились, «...все эти чтения, детские чудачества, "бальмонтизм" и бальмонтистки кончились – наступили суровые, страшные годы войн, революций» [11. С. 321].

Справедливости ради нужно заметить, что не вся критика была подвержена мифу о падении таланта Бальмонта. С.А. Венгеров писал о расцвете таланта Бальмонта, о том, что «Бальмонт и Горький родные братья по яркости чувствования, по презрению к окружающему, по уверенности в своей силе» [65. С. 66]. Е. Аничков в юбилейной (к 25-летию литературной деятельности Бальмонта) статье пишет о том, что Бальмонт находится в «беспрерывном движении» [66. С. 681]. О значимости поэзии Бальмонта писал Е. Аничков и одной из монографических глав «Русской литературы XX в. (1890–1910) (под ред. С.А. Венгерова).

Таким образом, литературная репутация Бальмонта складывалась под влиянием разных общекультурных и творческих факторов.

- 1. Ее становление проходило в контексте популярности в России ницшеанства, возрастания интереса к «новой» поэзии, культивирования символизмом жизнетворческих форм поведения, бурного развития прессы, выдвижения в центр общественного внимания личности поэта, стремления поэзии раздвинуть рамки «герметичных» литературных обществ, кружков и вывести «звучащую» поэзию к широкому читателю.
- 2. Его популярности способствовало созвучие основных мотивов поэзии, карактера лирического «я», общей логики эволюции раннего творчества (от декадентского до виталистического мироощущения) общественным настроениям конца XIX начала XX в. Читателей разных слоев привлекали в поэзии Бальмонта экстенсивность художественного освоения мира, повышенное мироощущение жизни, интерес поэта к плотскому, чувственному миру, культмгновения и вместе с тем влечение к вневременному, запредельному.
- 3. В формировании популярности Бальмонта большую роль сыграли его переводческая деятельность, оригинальная исполнительская манера чтения, своеобразие его творческого поведения, неординарность личности (артистизм, позерство, эпатаж).
- 4. Найденные Бальмонтом в лирике приемы суггестивного воздействия на читателя (пронизанность стиха фонетическими созвучиями, приемы звуковой символизации, поэтика намека, неопределенности, лексическое новаторство) в полной мере были восприняты только в кругу поэтов, однако вскоре ставшими общим достоянием, по выражению И. Анненского, «нашим общим поэтическим языком» [67. С. 513] и потому переставшими восприниматься как новаторство.
- 5. Постоянное внимание критики к его поэзии и личности усиливало интерес публики, который, как показал анализ, не снижался на протяжении дореволюционного периода, вопреки мнениям критики об упадке поэтического таланта Бальмонта. Между массовым признанием и оценкой в литературном кругу не всегда наблюдалось единство.

Популярность Бальмонта, конечно, не была столь масштабной, как, например, Чехова, Горького или Л. Андреева. Его известность, собственно, и

не могла быть столь значительной: ведь число читателей символистской поэзии было неизмеримо меньшим, чем у авторов-прозаиков. Но все же именно Бальмонту удалось первым оказаться в пантеоне русских символистов и закрепиться в нем, несмотря на все перипетии поэтической судьбы. «Случай» Бальмонта – это пример «ускоренной» репутации, которыми обогатил литературный процесс Серебряный век. В начале века многие писатели достигали быстрой и шумной известности, несравнимой с темпами XIX в. Вспоминая прежние времена и сравнивая их с нынешними (эпохи так называемых «ускоренных» репутаций), А. Измайлов заметил, что «ни о Пушкине, ни о Гоголе у нас, ни о Гюго во Франции, ни о Диккенсе в Англии – никогда не появлялось сотой доли тех сообщений, слухов, сплетен, выдумок, какими совершенно и со всех сторон обросло имя модного писателя» [68. С. 239] (речь шла о Л. Андрееве). В критических статьях, пародиях, шаржах, огромное количество которых само по себе говорит о славе поэта, в разной форме обыгрывались его автохарактеристики, а представления читателей (критиков) о Бальмонте как о конкретной личности, его бытовом поведении объективно влияли и на понимание его творчества, и тот образ художника, который закреплялся в общественном сознании. Вместе с тем, с одной стороны, его репутация пострадала от массового увлечения, эпигонства, моды, с другой - критика, ненадолго признав Бальмонта самым популярным среди современных поэтов, вскоре стала внедрять в литературное поле суждения об упадке его поэтического таланта, его «конце». Но представления критики и читательское восприятие по отношению к Бальмонту заметно расходились. Сопоставление материалов литературной критики, свидетельств читательской популярности, пародий и других источников позволяет показать, что все же поэзия Бальмонта была востребована на всем протяжении 1890-1910-х гг. В рамках статьи невозможно всесторонне исследовать все аспекты заявленной темы. Необходимо углубленное изучение рецепции Бальмонта в низовой читательской среде, изучение текстов поэта с точки зрения их суггестивного воздействия на публику, а также истории репутации поэта в периоды эмиграции, в советскую и постсоветскую эпохи.

Литература

- 1. *Реймблам А.И*. «<...> что блестит»? (Заметки социолога) // Новое литературное обозрение. 2002. № 53.
- 2. *Богомолов Н.А.* Литературная репутация и эпоха: Случай Михаила Кузмина // Новое литературное обозрение. 1995. № 11. С. 131–141.
- 3. *Тименчик Р.Д*. Поэзия И. Анненского в читательской среде 1910-х гг. // Ученые записки Тарт. ун-та. 1985. Вып. 680. С. 101–116.
- 4. *Потапова Г.Е.* «Все приятели кричали, кричали…»: Литературная репутация Пушкина и эволюция представлений о славе в 1820–1830-е гг. // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1999. С. 134–147.
- 5. Дубин Б.В., Реймблам А.И. Государственная информация и массовая коммуникация // Отечественные записки. 2003. № 4. С. 237–248.
- 6. Вайнштейн О. Конструкция литературного культа в эпоху романтизма // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М., 2001. С. 359–386.

- 7. *Нива Ж*. Статус писателя в России в начале XX века // История русской литературы: XX век : Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Сермана, В. Страды. М., 1995. С. 609–614.
- 8. Эйхенбаум Б.М. Мой временник: Художественная проза и статьи 20–30-х годов. СПб., 2001.
- 9. Бушканец Л.Е. А.П. Чехов и русское общество 1880–1917 гг.: формирование литературной репутации: дис. . . . д-ра филол. наук. М., 2013.
  - 10. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х 1925-го годов в комментариях. М., 1993.
  - 11. Константин Бальмонт глазами современников. СПб., 2013.
- 12. Реймблам А.И. Как Пушкин вышел в гении: Историко-социологические очерки о книжной культуре пушкинской эпохи. М., 2001.
  - 13. Волынский А.Л. Борьба за идеализм. СПб., 1900.
- 14. *Русская* литература XX века (1890–1910) / под ред. С.А. Венгерова : в 2 кн. М., 2000. Кн. 1.
- 15. *Клюс Э.* Ницше в России: Революция морального сознания / пер. с англ. Л.В. Харченко. СПб., 1999.
  - 16. Колобаева Л.А. Русский символизм. М., 2000.
  - 17. Бальмонт К. Избранное: Стихотворения. Переводы. Статьи. М., 1990.
- 18. Андрей Белый: Автобиографические своды. Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов. М., 2016. (Литературное наследство; Т. 105).
  - 19. Галерея русских писателей. М., 1901.
- 20. Реймблам А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
  - 21. Перцов П.П. Литературные воспоминания 1890–1902 гг. М., 2002.
  - 22. Жирмунский В.М. Начальная пора: Дневники. Переписка. М., 2013.
- 23. Акбашева А.С. Читатель эпохи Серебряного века // Материалы ХХХІ Зональной конференции литературоведов Поволжья : в 3 ч. Елабуга, 2008. Ч. 2. С. 4–9.
- 24. *Розенталь* $\mathcal{I}$.В. Непримечательные достоверности: Свидетельские показания любителя стихов начала XX века. М., 2010.
  - 25. Бальмонт К.Д. Горные вершины : сб. ст. Иваново, 2017.
  - 26. Бальмонт К.Д. Стихотворения. Л., 1969.
- 27. *Таганов Л.Н.* Бальмонтовский сюжет в стихотворных тетрадях Я.П. Надеждина // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века : межвуз. сб. науч. тр. Иваново, 2002. С. 82–91. Вып. 5.
  - 28. Лекманов О. Самое главное: О русской литературе XX века. М., 2017.
  - 29. Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и общество. СПб., 2005.
  - 30. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990.
- 31. *Письма* В.Я. Брюсова к П.П. Перцову 1994—1896 (к истории раннего символизма). М.: Гос. академия худож. наук, 1927.
  - 32. Брюсов В.Я. Среди стихов. М.: Сов. писатель, 1990.
  - 33. Коробка Н. Очерки литературных настроений. СПб., 1903.
- 34. Γ орнфельд A. Γ . К. Бальмонт. В безбрежности // Русское богатство. 1896. № 3. С. 41–44.
- 35. *Краснов П*. Неоромантическая и мистическая поэзия // Книжки недели. 1897. № 11. С. 140–150.
- 36. *Краснов П*. Русский неоромантизм (характеристика К.Д. Бальмонта) // Литературные вечера «Нового мира». СПб. 1903. № 9. С. 541–547.
- 37. *Краснов П*. Новые стихи Бальмонта // Вестник литературы. 1905. № 11. 8 июня. С. 234–238.
- 38. *Покровский А.Т.* Современное декадентство пред судом вековечных идеалов ∥ Русский вестник. 1904. № 6. С. 543–594.

- 39. *Горский Л.* Декадентская поэзия на пути в Россию // Вестник знания. 1903. № 11. С. 78–84.
  - 40. Буренин В. Критические очерки // Новое время. 1900. № 8777. 4 (17) авг.
- 41. *Брюсов В.Я.* Бальмонт (Бальмонт К.Д. Будем как солнце. Книга символов. М,. 1903) // Мир искусства. 1903. № 7–8. С. 29–36.
  - 42. Буренин В.П. Горе от глупости. СПб., 1905.
- 43. Дубин Б.В. Классик звезда модное имя культовая фигура: О стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М., 2001. С. 324–330.
  - 44. Шифман И. Л. Толстой и К. Бальмонт // Русская литература. 1970. № 3. С. 118–125.
  - 45. Тэффи. Новый год у писателей // Звезда. 1901. 29 дек. № 52. С. 14–18.
  - 46. Тэффи. Весенний отлет // Звезда. 1902. № 22. С. 11–17.
- 47. *Галерея* наших современников. К.Д. Бальмонт. Шарж Яна Тома // Шут. 1912. № 34. С. 10.
- 48. *Бальмонт* как средство против зубной боли // Известия по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф. 1913. № 8. С. 135.
  - 49. Андреева-Бальмонт Е.А. Воспоминания. М., 1997.
  - 50. Венский Е. Мое копыто: Книга великого пасквиля. СПб., 1910.
- 51. *Б.п.* Литературные заметки. В безднах декаданса («Будем как солнце», книга символов К.Д. Бальмонта) // Волжский вестник. 1903. 19 июля (1 авг.). № 156.
  - 52. Эллис. Русские символисты. Томск, 1996.
  - 53. Чуковский К.И. Собрание сочинений: в 15 т. М., 2003. Т. 7.
  - 54. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений : в 15 т. М., 2002. Т. 6.
- 55. Корецкая И.В. Литература в кругу искусств (полилог в начале XX века). М., 2001
  - 56. Наша третья анкета // Вестник литературы. 1913. № 2. С. 55–56.
- 57. *Барышевский К.* Русское общество и русские поэты // Вестник литературы. 1913. № 5. С. 137–140.
  - 58. Гумилев Н.С. Письма о русской поэзии. М., 1990.
  - 59. Крученых А. Кукиш пошлякам. М., 1992.
- 60. Аббам Фанферлюш Пошлость на пьедестале («Звенья» К. Бальмонта. Избранные стихи) // Крематорий здравомыслия. Вып. 3–4: Мезонин поэзии. М., 1913. С. 38–41.
- 61. *Существует* ли интерес к новейшей русской поэзии Результаты анкеты «Вестника литературы» и «Известий» // Вестник литературы. 1913. № 5. С. 133–136.
  - 62. Измайлов А.А. Пестрые знамена. М., 1913.
- 63. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Поэт Константин Бальмонт: Биография. Творчество. Судьба. Иваново, 2001.
- 64. *Известия* по литературе, наукам и библиографии книжных магазинов т-ва М.О. Вольф. 1913. № 6.
- 65. Венгеров С.А. Основные черты истории новейшей литературы с прибавлением этюда «Победители или побежденные?» (о модернизме). 2-е изд. СПб., 1909.
  - 66. Аничков Е. Бальмонт // Запросы жизни. 1912. № 11. С. 681-687.
  - 67. Анненский И.Ф. Избранные произведения. Л., 1988.
  - 68. Измайлов А.А. Литературный Олимп. М., 1911.

Establisment of Konstantin Balmont's Literary Reputation

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 224–252. DOI: 10.17223/19986645/57/14

Viacheslav N. Krylov, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russian Federation). E mail: krylov77@list.ru

Keywords: K. Balmont, symbolism, decadent, success, reputation, literary criticism, parodies.

The article is devoted to the analysis of the establishment of the literary reputation of the prominent first-generation Symbolist poet Konstantin Balmont. The article touches upon such issues as the problem of the poet's literary success, dynamics of his reputation, its fluctuations, reception of Balmont's poetry and personality in criticism and literature. The chronological scope of the research is limited to the pre-revolutionary period. The study involves a set of historical and literary sources: lifetime criticism, memoirs, correspondence, diaries, evidence of readers' popularity (questionnaires), parodies. A considerable part of the sources is first introduced into scientific discourse. Analysis and comparison of all available sources of Balmont's reception allow to clarify and specify the history of Balmont's poetic success and glory from the 1890s to the 1910s.

The article shows that the formation of Balmont's literary reputation took place in the context of the growing popularity of Nietzscheanism in Russia, the growing interest in "new" poetry, the cultivation of the symbolism of creative life forms of behavior, the rapid development of the press, public attention to the poet's personality, the desire of poetry to expand the framework of "impermeable" literary societies and circles, and to bring poetry to general readers. The author tried to reconstruct the types of Balmont's readers and reveal reasons for their attitude to his poetry. The article contains quantitative (circulation of publications, the most popular poems among readers and writers) and qualitative (parodies, mass epigonism) indicators of Balmont's success. It was found that there was no unity in the recognition and evaluation of Balmont's works in the literary circle and among readers.

Balmont, like other early Symbolists, was rejected in much of the criticism, and had a relatively small number of readers. But, at the beginning of the century, his fame went beyond the limits of the modernist group. He becomes the most popular modernist poet. Numerous satirical speeches about the poet (feuilletons, parodies, cartoons) made the reader's perceive Balmont as the ultimate embodiment of egocentrism.

The constant attention of critics to his poetry and personality intensified the interest of the public. According to the analysis, this interest was permanent during the pre-revolutionary period, contrary to the critics' opinion about the decline of Balmont's poetic talent.

The author concludes that Balmont's popularity was not as great as that of Chekhov, Gorky or L. Andreev. His fame could not be that great: the number of readers of Symbolist poetry was immeasurably smaller than that of prose writers. But it was Balmont who was the first to enter the pantheon of Russian Symbolists and gain a foothold in it. Balmont's "case" is an example of the so-called. "accelerated" reputation, which enriched the literary process of the Silver Age.

References

- 1. Reytblat, A.I. (2002) "<...> chto blestit"? (Zametki sotsiologa) ["<...> what glitters"? (Notes of a sociologist)]. *Novoe literaturnoe obozrenie New Literary Observer.* 53.
- 2. Bogomolov, N.A. (1995) Literaturnaya reputatsiya i epokha: Sluchay Mikhaila Kuzmina [Literary reputation and epoch: the case of Mikhail Kuzmin]. *Novoe literaturnoe obozrenie New Literary Observer*. 11, pp. 131–141.
- 3. Timenchik, R.D. (1985) Poeziya I. Annenskogo v chitatel'skoy srede 1910-kh gg. [Poetry of I. Annensky in the reading environment of the 1910s]. *Uchen. Zap. Tart. Un-ta*. 680. pp. 101–116.
- 4. Potapova, G.E. (1999) "Vse priyateli krichali, krichali...". Literaturnaya reputatsiya Pushkina i evolyutsiya predstavleniy o slave v 1820–1830-e gg. ["All the friends shouted, shouted . . .". Pushkin's literary reputation, and the evolution of ideas about fame in the 1820s–1830s]. In: Virolaynen, M. (ed.) *Legendy i mify o Pushkine* [Legends and myths about Pushkin]. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
- 5. Dubin, B.V. & Reytblat, A.I. (2003) Gosudarstvennaya informatsiya i massovaya kommunikatsiya [State information and mass communication]. *Otechestvennye zapiski*. 4. pp. 237–248.

- 6. Vaynshteyn, O. (2001) Konstruktsiya literaturnogo kul'ta v epokhu romantizma [The construction of a literary cult in the era of romanticism]. In: Nad"yarnykh, M.F. & Urakova, A.P. (eds) *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel'* [Cult as a phenomenon of the literary process: author, text, reader]. Moscow: IWL RAS.
- 7. Niva, Zh. (1995) Status pisatelya v Rossii v nachale XX veka [Status of a Writer in Russia at the Beginning of the 20th Century]. In: Niva, Zh., Serman, I. & Strada, V. (eds) *Istoriya russkoy literatury: XX vek: Serebryanyy vek* [History of Russian Literature: The 20th Century: The Silver Age]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
- 8. Eykhenbaum, B.M. (2001) *Moy vremennik. Khudozhestvennaya proza i stat'i 20–30-kh godov* [My time book. Art prose and articles of the '20s-'30s]. St. Petersburg: Inapress.
- 9. Bushkanets, L.E. (2013) *A.P. Chekhov i russkoe obshchestvo 1880–1917 gg.: formirovanie literaturnoy reputatsii* [A.P. Chekhov and the Russian society of 1880–1917: the formation of literary reputation]. Philology Dr. Diss. Moscow.
- 10. Gasparov, M.L. (1993) Russkie stikhi 1890-kh 1925-go godov v kommentariyakh [Russian verses of the 1890s–1925 in commentaries]. Moscow: Vysshaya shkola.
- 11. Romanov, A.Yu. (ed.) (2013) *Konstantin Bal'mont glazami sovremennikov* [Konstantin Balmont through the eyes of contemporaries]. St. Petersburg: Rostok.
- 12. Reytblat, A.I. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskie ocherki o knizhnoy kul'ture pushkinskoy epokhi* [How Pushkin became a genius. Historical and sociological essays on the book culture of the Pushkin era]. Moscow: NLO.
- 13. Volynskiy, A.L. (1900) *Bor'ba za idealizm* [The struggle for idealism]. St. Petersburg: Izd. Molostvova.
- 14. Vengerov, S.A. (ed.) (2000) *Russkaya literatura XX veka (1890–1910). V 2-kh kn.* [Russian literature of the 20th century (1890–1910). In 2 books]. Book 1. Moscow: XXI vek Soglasie.
- 15. Klyus, E. (1999) *Nitsshe v Rossii. Revolyutsiya moral'nogo soznaniya* [Nietzsche in Russia. The revolution of moral consciousness]. Translated from English by L.V. Kharchenko. St. Petersburg: Akademicheskiy proekt.
- 16. Kolobaeva, L.A. (2000) *Russkiy simvolizm* [Russian symbolism]. Moscow: Moscow University.
- 17. Bal'mont, K. (1990) *Izbrannoe: Stikhotvoreniya. Perevody. Stat'i* [Selected Works: Poems. Translations. Articles]. Moscow: Pravda.
- 18. Lavrov, A. & Malmstad, J. (eds) (2016). *Andrey Belyy. Avtobiograficheskie svody. Materialy k biografii. Rakurs k dnevniku. Registratsionnye zapisi. Dnevniki 1930-kh godov* [Andrei Bely. Autobiographical summaries. Materials for the biography. Perspective to the diary. Registration records. The diaries of the 1930s]. (Literaturnoe nasledstvo [Literary heritage]. Vol. 105). Moscow: Nauka.
- 19. Ignatov, I. (ed.) (1901) *Galereya russkikh pisateley* [Gallery of Russian writers]. Moscow: Izd. S. Skirmunta.
- 20. Reytblat, A.I. (2009) Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoy sotsiologii russkoy literatury [From Bova to Balmont and other works on the historical sociology of Russian literature]. Moscow: NLO.
- 21. Pertsov, P.P. (2002) *Literaturnye vospominaniya 1890–1902 gg.* [Literary Memories of 1890–1902]. Moscow: NLO.
- 22. Zhirmunskiy, V.M. (2013) *Nachal'naya pora: Dnevniki. Perepiska* [Initial time: Diaries. Correspondence]. Moscow: NLO.
- 23. Akbasheva, A.S. (2008) [Reader of the Silver Age]. Proceedings of the XXXI Zonal Conference of Volga Literary Critics: In 3 parts. Pt. 2. Elabuga: Elabuga State Pedagogical University. pp. 4–9. (In Russian).
- 24. Rozental', L.V. (2010) *Neprimechatel'nye dostovernosti. Svidetel'skie pokazaniya lyubitelya stikhov nachala XX veka* [Unremarkable authenticity. Witness testimony of a lover of poems of early 20th century]. Moscow: NLO.
- 25. Bal'mont, K.D. (2017) Gornye vershiny: Sbornik statey. Iskusstvo i literatura [Mountain Peaks: Collection of articles. Art and literature]. Ivanovo: Izd. Ol'ga Episheva.

- 26. Bal'mont, K.D. (1969) Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
- 27. Taganov, L.N. (2002) Bal'montovskiy syuzhet v stikhotvornykh tetradyakh Ya.P. Nadezhdina [The Balmont plot in the poetic notebooks of Ya.P. Nadezhdin]. In: *Konstantin Bal'mont, Marina Tsvetaeva i khudozhestvennye iskaniya XX veka* [Konstantin Balmont, Marina Tsvetaeva and the literary search of the 20th century]. 5. Ivanovo: Ivanovo State University. pp. 82–91.
- 28. Lekmanov, O. (2017) *Samoe glavnoe: O russkoy literature XX veka* [Most important: On Russian literature of the 20th century]. Moscow: Rosebud Publishing.
- 29. Zhidkov, V.S. & Sokolov, K.B. (2005) *Iskusstvo i obshchestvo* [Art and Society]. St. Petersburg: Aleteya.
- 30. Gumilev, N.S. (1990) *Pis'ma o russkoy poezii* [Letters about Russian poetry]. Moscow: Sovremennik.
- 31. Bryusov, V.Ya. (1927) *Pis'ma V.Ya. Bryusova k P. P. Pertsovu 1994–1896 (k istorii rannego simvolizma)* [Letters from V.Ya. Bryusov to P.P. Pertsov, 1994–1896 (on the history of early symbolism)]. Moscow: Gos. akademiya khudozhestvennykh nauk.
  - 32. Bryusov, V.Ya. (1990) Sredi stikhov [Among the verses]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
- 33. Korobka, N. (1903) *Ocherki literaturnykh nastroeniy* [Essays on literary moods]. St. Petersburg: Tip. Tov-va "Obshchestvennaya pol'za".
- 34. Gornfel'd, A.G. (1896) K. Bal'mont. V bezbrezhnosti [K. Balmont. In vastness]. *Russkoe bogatstvo*. 3. pp. 41–44.
- 35. Krasnov, P. (1897) Neoromanticheskaya i misticheskaya poeziya [Neo-romantic and mystical poetry]. *Knizhki nedeli*. 11. pp. 140–150.
- 36. Krasnov, P. (1903) Russkiy neoromantizm (kharakteristika K. D. Bal'monta) [Russian neo-romanticism (a characteristic of K.D. Balmont)]. *Literaturnye vechera "Novogo mira"*. 9. pp. 541–547.
- 37. Krasnov, P. (1905) Novye stikhi Bal'monta [New verses of Balmont]. *Vestnik literatury*. 11. 8 June. pp. 234–238.
- 38. Pokrovskiy, A.T. (1904) Sovremennoe dekadentstvo pred sudom vekovechnykh idealov [Modern Decadence before the judgment of everlasting ideals]. *Russkiy vestnik*.6. pp. 543–594
- 39. Gorskiy, L. (1903) Dekadentskaya poeziya na puti v Rossiyu [Decadent poetry on the way to Russia]. *Vestnik znaniya*. 11. pp. 78–84.
- 40. Burenin, V. (1900) Kriticheskie ocherki [Critical Essays]. *Novoe vremya*. 8777. 4 (17) August.
- 41. Bryusov, V.Ya. (1903) Bal'mont (Bal'mont K. D. Budem kak solntse. Kniga simvolov. Moscow, 1903) [Balmont (Balmont, K.D. Let us be like the sun. Book of symbols. Moscow, 1903)]. *Mir iskusstva*. 7–8. pp. 29–36.
- 42. Burenin, V.P. (1905) *Gore ot gluposti* [Woe from stupidity]. St. Petersburg: Izd. A.S. Suvorina.
- 43. Dubin, B.V. (2001) Klassik zvezda modnoe imya kul'tovaya figura: O strategiyakh legitimatsii kul'turnogo avtoriteta [A classic a star a trwndy name a cult figure: On the strategies of legitimizing cultural authority]. In: Nad"yarnykh, M.F. & Urakova, A.P. (eds) *Kul't kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel'* [Cult as a phenomenon of the literary process: author, text, reader]. Moscow: IWL RAS.
- 44. Shifman, I. (1970) L. Tolstoy i K. Bal'mont [L. Tolstoy and K. Balmont]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 118–125.
- 45. Teffi. (1901) Novyy god u pisateley [New Year of the writers]. *Zvezda*. 29 December. 52. pp. 14–18.
  - 46. Teffi. (1902) Vesenniy otlet [Spring departure]. Zvezda. 22. pp. 11–17.
- 47. Shut. (1912) Galereya nashikh sovremennikov. K. D. Bal'mont. Sharzh Yana Toma [Gallery of our contemporaries. K. D. Balmont. Caricature of Jan Thom]. *Shut.* 34. p. 10.
- 48. Izvestiya po literature, naukam i bibliografii knizhnykh magazinov t-va M. O. Vol'f. (1913) Bal'mont kak sredstvo protiv zubnoy boli [Balmont as a means against toothache]. *Izvestiya po literature, naukam i bibliografii knizhnykh magazinov t-va M. O. Vol'f.* 8. p. 135.

- 49. Andreeva-Bal'mont, E.A. (1997) *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow: Izd. im. Shabashnikovykh.
- 50. Venskiy, E. (1910) *Moe kopyto. Kniga velikogo paskvilya* [My hoof. The Book of the Great Pasquil]. St. Petersburg: Izd. M.A. Aver'yanova.
- 51. B.p. (1903) Literaturnye zametki. V bezdnakh dekadansa ("Budem kak solntse", kniga simvolov K. D. Bal'monta) [Literary Notes. In the abysses of decadence ("Let us be like the sun," a book of characters by K.D. Balmont)]. *Volzhskiy vestnik*. 19 July (1 August). 156.
  - 52. Ellis. (1996) Russkie simvolisty [Russian symbolists]. Tomsk: Vodoley.
- 53. Chukovskiy, K.I. (2003) *Sobranie sochineniy: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols]. Vol. 7. Moscow: Terra.
- 54. Chukovskiy, K.I. (2002) *Sobranie sochineniy: V 15 t.* [Collected Works: In 15 vols]. Vol. 6. Moscow: Terra.
- 55. Koretskaya, I.V. (2001) *Literatura v krugu iskusstv (polilog v nachale XX veka)* [Literature in the circle of arts (polylogue at the beginning of the 20th century)]. Moscow: Nasledie.
- 56. Vestnik literatury. (1913) Nasha tret'ya anketa [Our third questionnaire]. *Vestnik literatury*. 2. pp. 55–56.
- 57. Baryshevskiy, K. (1913) Russkoe obshchestvo i russkie poety [Russian society and Russian poets]. *Vestnik literatury*. 5. pp. 137–140.
- 58. Gumilev, N.S. (1990) *Pis ma o russkoy poezii* [Letters about Russian poetry]. Moscow: Sovremennik.
- 59. Kruchenykh, A. (1992) Kukish proshlyakam [Nothing to the cunning]. Moscow; Tallin: Gileya.
- 60. Abbot Fanferlyush. (1913) Poshlost' na p'edestale ("Zven'ya" K. Bal'monta.Izbrannye stikhi) [Vulgarity on a pedestal ("Links" by K. Balmont. Selected Poems)]. *Krematoriy zdravomysliya*. III–IV. pp. 38–41.
- 61. Vestnik literatury. (1913) Sushchestvuet li interes k noveyshey russkoy poezii Rezul'taty ankety "Vestnika literatury" i "Izvestiy" [Is there an interest in modern Russian poetry? Results of the questionnaire by Vestnik Literatury and Izvestiya]. *Vestnik literatury*. 5. pp. 133–136.
- 62. Izmaylov, A.A. (1913) *Pestrye znamena* [Bright banners]. Moscow: Izd. Tov-va I.D. Sytina.
- 63. Kupriyanovskiy, P.V. & Molchanova, N.A. (2001) *Poet Konstantin Bal'mont. Biografiya. Tvorchestvo. Sud'ba* [Poet Konstantin Balmont. Biography. Creative work. Fate]. Ivanovo: [s.n.].
- 64. Izvestiya po literature, naukam i bibliografii knizhnykh magazinov t-va M. O. Vol'f. (1913) 6.
- 65. Vengerov, S.A. (1909) Osnovnye cherty istorii noveyshey literatury s pribavleniem etyuda "Pobediteli ili pobezhdennye?" (o modernizme) [The main features of the history of modern literature with the addition of an etude "Winners or Losers?" (About modernism)]. 2nd ed. St. Petersburg: [s.n.].
  - 66. Anichkov, E. (1912) Bal'mont [Balmont]. Zaprosy zhizni. 11. pp. 681–687.
  - 67. Annenskiy, I.F. (1988) Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Leningrad: Khud. lit.
- 68. Izmaylov, A.A. (1911) *Literaturnyy Olimp* [Literary Olympus]. Moscow: Izd. Tov-va I.D. Sytina.

УДК 821.111.1.09:821.161.1.09 UDC 821.111.1.09:821.161.1.09 DOI: 10.17223/19986645/57/15

Yu.A. Tikhomirova

Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation) E-mail: yat77@mail.ru

TRANSLATING A FACT, CREATING A MYTH: ROSA NEWMARCH'S IMAGES OF RUSSIA*

The article explores a relatively new domain of poetic translation – vocal (or music-linked) translation, through the study of translations made at the beginning of the twentieth century by the British poet and writer Rosa Newmarch, who began translating Russian poetry into English due to her professional interest in Russian music. A case study of two vocal translations is used to demonstrate how the poetics of translations are affected by the existence of their musical embodiments.

Keywords: poetic translation, vocal translation, translation shifts, Russian poetry in English, Rosa Newmarch.

The turn of the twentieth century was an unusual period in British–Russian cultural relations. In spite of the diplomatic tension grounded in rivalry in the international arena, the flourishing of Russian music and art led to the rise of interest on behalf of both British cultural activists and the public. Cultural recognition and appreciation in general were also facilitated by Russian émigrés in Britain and America who translated Russian poetry and prose, published books, and lectured on Russian literature. Diagilev's "Russian seasons" arrested the attention of ballet and music lovers, prompting an overall favorable response to Russian culture.

Thus, the cultural and translational activities of Rosa Harriet Newmarch (1857–1940), a poet and writer, musicologist, and translator, were within the general trend of a marked interest by the British in Russian culture. Newmarch's translation activities, spurred by the appreciation of Russian music (on which she wrote and lectured extensively), evolved into a lifetime adventure of search for self-identity and self-expression, as I will try to show.

Newmarch's translations of Russian art songs were originally made to demonstrate the best specimens of Russian vocal music, and her translations from Russian classical poetry followed The latter were presented in her book *Poetry and Progress in Russia* in 1907 as illustrations of the poetics of A. Pushkin, V. Zhukovskii, I. Kozlov, and M. Lermontov [1].

^{*} This work has been done in the framework of TSU Competitiveness Enhancement Programme 2013–2020.

Apart from Russian art songs, Newmarch is known to have introduced Russian folk pieces into English singing repertoire. Her "Ei, Ukhnem" ("Song of the Haulers on the Volga"), "Sredi Doliny Rovnyia" ("Amid a Lowland Valley Green"), and "Utushka Lugovaia" ("Duck of the Meadows") were published with musical scores [2]. For instance, the beginning of "Ei, Ukhnem" can be perfectly sung to the same melody as the Russian text, and sounds like this:

Pull a-way lads, pull a-way lads, A long strong pull all to-ge-ther...

Her translations from Russian bespeak both the poetic talent and the utmost musicality of the author. They are distinguished by unique harmony and masterful command of poetic form, although not all of them are identical in translation approaches. Newmarch's undoubtedly keen sense of language, style, and rhythm are apparent through the conscious diversity of translation strategies: some of translations show a very high degree of fidelity to original poems in both form and meaning, others are overtly adapted for English-speaking readers. This approach, apart from the influence of English poetic tradition, indicates a conscious intention to "transplant" Russian originals onto English soil, and make them part of English-speaking word culture, "of which she herself was independently part" [3. P. 399].

In her review of *Horae Amoris: The Collected Poems of Rosa Newmarch* [3], Catherine Brown validates the high cultural and historical value of Newmarch's poetic oeuvre, along with elucidating the connection of her translation poetics with the English poetic tradition, thus making intelligible some startling aspects of her translation shifts. Philip Ross Bullock, in turn, explores Newmarch's background in aestheticism, for which she was largely indebted to Walter Pater, and centers his discussion on her adherence to inter-art analogies and the notion of reciprocal influence of art forms that informed her literary techniques in prose writing [4].

A solid point of departure for this inquiry is also provided by the introduction of John Holmes and Natasha Distiller, the editors of the recently published collection of Newmarch's poems [5. P. 13–48]. Exploring Newmarch's translations, Holmes and Distiller ground her choice of poems for translation in her life-building program and prove her translations to be an interpolation to and an extension of her original poetry. Also, they mention a vitally important fact of Newmarch's creative program, namely, that poetry, including translations, had no hard demarcation line with music, and that music was profoundly associated with Russia [Ibid. P. 35]. This love triangle with no odd element dominated Newmarch's poetic activities until 1917, when her interest in Russia lessened after the October Revolution and she turned to studies in Czechoslovakian music.

Yet, there is another important fact to complete the points of departure for this paper. Rosa Newmarch has been discussed for her queer poetics, and Holmes and Distiller make a point about it in the introduction [Ibid. P. 16–34]. According to them, it is most explicit in Newmarch's original sonnet sequences and less obvious in her translations. In search of her identity as a love poet, she

explored the possibilities of self-expression in the Petrarchan sonnet tradition, which had been inherently the tradition of men's love poetry addressed to an idealized, unavailable woman. Engaging herself with this tradition, poetically expressing the unrequited passion for a woman, or, rather, women, as we encounter several in all her sonnet sequences, she aroused talk by her readers of lesbian love and even prompted attempts to find a real prototype of Newmarch's beloved among her contemporaries. This had nothing to do with her reality but was relevant only to her poetic imagination and the emotional aim of her sonnet sequences.

Still and all, to my knowledge, the present article is the first view of Newmark's work by an insider in the Russian cultural tradition and explores Newmarch's translations from a slightly different standpoint than previous works by mostly British scholars. It exploits tools of imagological research along with comparative study of translations and their originals, with elements of musicological analysis to elucidate the changes in the poetics of translation of texts that are aimed at vocal presentation and are closely associated with Newmarch's awareness of their existing melodies.

The most striking aspect of Newmarch's creativity is the choice of poetic texts (complete ones or fragments). More than two-thirds of forty-four translations from Russian are bound with music in one way or another. The great bulk of the texts had had a real melody, being art songs set to music by renowned Russian composers: Glinka, Tchaikovskii, Dargomyzhskii, Balakirev, Rimskii-Korsakov, Rubinshtein, Viardo, and others, and, as a musicologist, Newmarch could not but know all of these vocal pieces.

Here belong A. Pushkin's "Eastern Song," "The High Road in Winter," A. Tolstoi's "The Ballroom meeting" and "A Benediction," Maikov's "Lead Me, O Night" and "Modern Greek Song," A. Plescheev's "Night," E. Baratynskii's "Elegy," A. Zhemchuzhnikov's "The Desert," A. Kol'tsov's "Come to Me," "Song" ("Nay, my lips may not tell"), M. Lermontov's "Prayer," "Circassian Song," "The Dream" ("At noon, in the valley of far Daghestan"), "The Palm Branch of Palestine," "Lines to –," and V. Zhukovskii's "To a Floweret" and his dramatic song "The Midnight Review." Both "Tatyana's Letter" and "The Prophet" were also set to music, the former by P. Tchaikovskii in his opera "Evgeny Onegin," the latter as an arioso by N. Rimskii-Korsakov. Others have imaginary melodies, and are named for vocal genres such as *songs* and *serenades*, including A. Kol'tsov's "A Song of Olden Times", N. Nekrasov's "The Convict's Song", and N. Minskii's "Serenade."

Some of the translated texts seem to have no direct reference to music at first glance. "The Demon's Consolation to Tamara," Newmarch's translation of a fragment from M. Lermontov's "The Demon," bears no reference to music in the title. Nonetheless, the study of its poetics bespeaks the highest degree of the text's harmony and musicality; its soothing rhymes and particular rhythm, together with an abundance of parallel constructions and alliterations, clearly make this text a song, or, rather, a spell, a lullaby. Presenting this excerpt in *Poetry and Progress in Russia*, Newmarch notes that the words in which the De-

mon consoles Tamara "are indeed a little commonplace in sentiment, yet – thanks to the poet's art – as exquisitely musical as anything in the Russian language" [1. P. 97].

There are still other ways to refer to music in text that have no direct musicality involved: A. Khomiakov's "Lines written in Glinka's Album" conveys the whole range of associations brought forth by the name Glinka, one of the composers whom Newmarch, after Cui, named "the Father of Russian song," and highly favored his music and gave him a garland in art song writing [6. P. 377].

Ivan Krylov's "The Quartet," a satirical piece about "musicians", a mockery of people who have attempted to engage themselves with things they are not suited or unskilled for, turns, under Newmarch's pen, into a lecture on music, due to the disproportion caused by the four short lines in the original turning into the whole 10-line stanza voiced by the nightingale in translation. What is more, there are several texts that, as I argue, were not translated by Newmarch in full because of her propensity to behold real or imaginary music in any piece of poetry. This, of course, requires changes in a text structure and length, as lyric song is a genre that is much more emotional and suggestive than lyric poetry in general. That is how Pushkin's "The High Road in Winter" comes to lose three of its seven stanzas, becoming a nice, short, and quite dynamic song, as does his "Eastern Song" in Newmarch's translation.

No doubt, the type of text under translation depends greatly on the function of the collection it was aimed at. It is much more likely that we can find art songs in *The Art Songs of Russia* collection rather than in *Poetry and Progress in Russia*. Yet, even in the latter, which, by universal consent of scholars and Newmarch's own words in the introduction, was aimed at giving an account of the most influential Russian poetry, the rate of "musical" texts is much higher than would be generally expected, with some of the texts being unpopular or unknown even among Russian readership. Some of the texts included in *Poetry and Progress in Russia* could not be representative of Russian writers' poetics; clearly, they attracted Newmarch for other reasons. Such is, for instance, Lermontov's "The Nun's Song", a piece of an earlier version of "The Demon" that is absent in a later version and, consequently, unknown to the wide public.

Another passage translated from M. Lermontov, "The Deserter. A Legend of the Caucasus," includes a large piece that presents an inserted song called "Selim's Song". Importantly, "Selim's Song" was made into an oriental song by M. Balakirev, although Newmarch chose to translate not only the song itself but also the context from which it was taken [7].

To conclude my general comments on Newmarch's "Russian" oeuvre, it is after this inventorying of Newmarch's translations from Russian (in light of their musical engagement) that a general statement by Distiller and Holmes acquires full sense and can be extended. The poet-translator drew no hard line between poetry and music [5. P. 35]. Moreover, she perceived poetry through music and translated mostly those pieces that could linger in her head, supported by their real or even imaginary melodies.

Thus, Rosa Newmarch, not the first, but definitely one of the most productive and talented translators of Russian poetry into English, brought vocal translation, as I will argue, to a new, almost unattainable level. Vocal translation, a syncretic art, is one of the most complex and sophisticated types of aesthetic activities. When a text is linked to music (there exists another term, musiclinked translation, or MLT), the quality of perception of a poetic text undergoes tremendous change. To agree with the melody and satisfy its primary aim – to render audio-textual images, to enhance their complex perception by a listener – translations of such texts ought to be not merely poetic translations. The most obvious requirement of such translated texts is to allow singing to the same music without clear disruptions in the rhythm; the dynamic stress should be on the proper syllables assigned by the logic of musico-verbal interrelationship. Still, translators must take into account much more than that: when the music creates an image, the text has to follow; when the text creates an image, music must support it and allocate the proper emphasis to the elements that bear the largest semantic burden, which are capable of bringing the meaning and the artistic value of the text across to the listener. Everything above is of particular importance for art songs. Because of the artistic nature of this genre, its utmost characteristic feature is the full merging of music, text, and voice.

Although it was a reality and everyday practice for Newmarch at the beginning of the twentieth century, vocal translation has only recently acquired scholars' support as a separate subject of poetic translation. This idea has been increasingly emphasized in works on translation in which scholars began to acquire understanding of the philosophical and psychological foundations of translation, along with the expansion of translation practice. Among scholars supporting the idea of a special status for vocal translation are M.P. Alekseev [8], D. Gorlee [9], M. Snell-Hornby [10], and P. Newmark [11]; all of them have made significant contributions to theoretical and/or practical exploration of the phenomenon. Yet, vocal translation remains terra incognita in translation studies. The low degree of theorization in vocal translation research may be partially due to the complexity of the subject, which requires a wide, cross-disciplinary approach.

The question arises whether it is at all necessary to make translations of vocal pieces if they can be, and often are, performed in the original language. Despite the longtime argument on whether music is a special language capable of rendering more than pure emotions*, in modern scholarly, particularly musicological, discourse, the answer is rather no than yes, in the sense that music can enable listeners to *imagine* pictures and meanings evoked by music, but not to *comprehend* or *see* them clearly. Scholars are quite unanimous in accepting the fact that any vocal performance begins with a close philological overview of the text in the vocal piece to be presented. Discussing this question, Peter Newmark points out that there are two (I would say, at least two) aims for making vocal translations [11. P. 59–60]. Because vocal performance is an *expressive* art, per-

^{*} See Langer [12], Cooke [13].

formers must ascertain their understanding of the text imagery. On the other hand, for the audience not to find themselves in a difficult situation when they have to take for granted the beauty and strength of the imagery rendered through some cryptic language, they must understand the words. And not only to understand (as mere understanding can be ensured through subtitles or surtitles, or interlinear translation in the program, for instance, which is not necessarily poetic), but they are to feel how words are attuned to music and how they merge with it, creating a meaningful whole [11. P. 59]. Thus, whatever Newmarch intuitively felt righteous to do with poetry that had musical support has become a universal truth almost a century later, and in this respect she is certainly a forerunner of this now generally accepted translation method.

Another important observation made by Holmes and Distiller that, in Newmarch's consciousness, music was profoundly associated with Russia, or, rather, Russia was associated with music, also presents itself when cataloguing her oeuvre. The image of Newmarch's Russia is of a singing country where everyone expresses their world perception through songs: mowers, gentry, convicts, and, of course, lovers of all sorts, to imply no irony. Music and song are the most natural way of expressing all the range of possible human feelings and emotions. Such a perception of Russia, as Distiller and Holmes note, correlates closely with Newmarch's image of Russia as a country where wild and unruly instincts can be naturally expressed beyond "formal social codes" [5. P. 45], and the queer poetics of her original poetry and her search for the means to voice the pain of unrequited love can be noted here.

Two questions arise from the observations above. The first is, what are we left with apart from the musical (mostly, vocal, as I will show later) translations? The second is, how does the fact that they are musical (vocal) translations affect their quality?

The answer to the first one seems quite obvious. Newmarch's Nadson, for instance, is thematically and especially emotionally very close to the atmosphere of the sonnet sequence "In Modo Tristi". Figuratively speaking, translating him, she translated herself. Also, she paid tribute to several "exclusively Russian" poets and themes that could be of particular interest to the British public due to the obvious national coloring: I. Nikitin, a Slavophil A. Khomiakov, and others*.

To answer the second question, a close comparative study had to be undertaken. The choice for this case study was the translations that are most evidently associated with their music in Newmarch's consciousness. The two translations to be discussed here are "Elegy" from E. Baratynskii [Ibid. P. 182] (set to music by M. Glinka in 1825) and A. Tolstoi's "A Ballroom Meeting" [5. P. 229] (the music by P. Tchaikovskii, 1878). To begin with, both original texts have different names from those given by R. Newmarch. E. Baratynskii titled his text "Razuverenie" (1821), whereas A. Tolstoi's poem is named by its first line: "Sred' shumnogo bala..." (1851). Both texts were first published in New-

^{*} For more on this see [5. P. 47–48].

march's collection Art Songs of Russia and later reprinted in Poetry and Progress in Russia in her discussion of Russian poets.

Glinka's art song to Baratynskii's lyrics hasproved to be so popular in Russia that it supplanted the poem itself; it is even hard to remember the real title of the poem, as the art song is titled by the first line. Newmarch chooses to give her translation a genre name, *Elegy*, which is commonly recognized to be a poetic genre equivalent to the musical genre of art song.

Because this was one of Glinka's most effective art songs by the universal consent of musicologists, the essence of Baratynskii's poem changed quite significantly. At first look, the poem is basically about a heart that is dying emotionally, about a bitter disillusionment in life and love, and sweet oblivion that the heart longs for.

Baratynskii does not divide stanzas graphically; however, the text is clearly divided into two parts. The starting point for the development of Baratynskii's lyric plot is a rebuff expressed in imperatives (*ne iskushai*, *ne mnozh*, *ne zavodi*, *ne trevozh*). Then, the rebuff is followed by a subtle analysis and dissection of emotions. Exactly the same structure is repeated in the second part of the poem.

In Glinka's two-part art song with a clear *ab ab* structure, the sentimentality and excitement of a lyric hero burst out in the *b*-parts in C-major, bringing joyful and even playful intonations, and this significantly complicates the interpretation of the poem as the confession of a dying heart. In addition, the recitative melody in the *a*-parts changes to a lively arioso melody in the *b*-parts, and *cantilena* penetrates it, involving stressed and unstressed vowels in cantuses. The heart of the lyric hero revives; as B. Asafiev, a musicology professor and composer, notes, "The negations in this Baratynskii's poem actually conceals a wish: I wish temptations, wish to daydream, I wish to believe in love. A surrendering obedient heart still yields challenges" [14. P. 252]. The real meaning of the poem becomes evident through Glinka's music.

Newmarch's translation, no doubt, was made from Glinka's art song, not Baratynskii's poem per se. Apart from the title corresponding to Glinka's art song rather than to Baratynskii's poem, there is more evidence: Newmarch's translation is graphically a two-part piece, and the translated text contains the same changes that Glinka made in it for his own artistic purposes (for instance, "nemoe stradanie" [silent anguish] instead of "slepoe stradanie" [blind anguish]).

Newmarch was aware of the architectonics of the contrastive parts of the art song. Emotional coldness and the death of the heart are intensified in the art song by the cold recitative melody in a minor key, and it bursts out in translation at the lexical level: "grown cold", "perished", "languish", "dead", "Too late..!" Baratynskii's images of daydream, oblivion, alienation from the pleasantries of life are explicitly replaced by images of death, grave coldness, in translation.

^{*} All the translations of literature citations in this article are made by the author (Y.T.), unless stated otherwise.

Interestingly, the emphasis shifts from the inability of the attempts of the lyrical subject's former beloved to revive his feelings about the impossibility of such attempts by anyone:

For *even you* may not discover A charm to bring love back to life.

This emphatic "Even *you*" bespeaks the heart that is dead to *any* expression of feeling.

When the original exposes a high number of sonorants which alliterate the text creating a sound image of "sladkii son": "spliu," "sladko usyplenie," "byvalye mechty," "volnenie," "liubov'," Newmarch's ear discerns the importance of these audial images and employs equally notable findings: "I sleep; 'tis sweet...", "A charm to bring love back to life." The strict alternation of alliterations in the translation of the last line creates an overwhelming expressiveness, emphasizing and multiplying the culminative effect of the final phrase by melodic replication.

Generally speaking, presented without its musical score, Newmarch's text does not produce the effect of an equivalent translation, because the translation exposes quite a different emotion; yet, the reasons for transformations become apparent through juxtaposition of the translated text and the musical setting.

Another case of Newmarch's translation being affected by the existing melody is Alexei Tolstoi's "Sred' shumnogo bala" (set to music by P. Tchaikovskii). Tolstoi's poetry has proved very attractive for composers because of its unique properties of poetics and the ultimate melodiousness of his texts. A good half of his poems have been set to music.

There are some preconditions to analyzing the translation. The poem is written in amphibrach trimeter, and is a perfect example of a pure meter with its ultimately regular sequence of measures and feet. There is not a single pyrrhic in the entire poem (which, of course, sets quite a challenge for any translator). The amphibrach, the classical meter for "water" plots (due to its balanced structure), is also associated with Russian balladic tradition, including Tolstoi himself [15. P. 180]. Using the amphibrach implies an important meaning: the moment of the ball meeting is presented as a romantic ballad, a halo of mystery, an enigmatic cover, something *divine* enters the picture.

The plot of the ball meeting and the amphibrach trimeter used by the poet gave Tchaikovskii ground to introduce the waltzing rhythm into the music. Although the waltzing meter is rather dactyl because of its first stressed foot, the use of an off-beat settles the matter, and the first unstressed syllable is perceived as the anacrusis. Together with the waltzing rhythm, the piece acquires "the squareness, periodicity, characteristic of dancing forms" [16. P. 85]. The art song is cemented by repetitive rhythmical phrases that are perceived as spinning, whirling in a dance.

The recapitulation shows new melodic turns emerging to render subtle shades of the development in the lyric plot. In regard to the lyric subject matter, Tolstoi's poem is divided into two parts: a recollection of the meeting at the ball (1-3 stanzas), and the lyric hero's introspective analysis of his own feelings regarding the Unknown Beauty (4-5 stanzas). This division is largely emphasized by means of poetics: the emergence of the visual image of the ball in the first part is greatly due to the sound imagery – the s, sch, tch alliterations, which create an audible image of dresses swishing in the dance, and the rustling of fans and curtains. In melody, the piece is narrated as a story of the meeting at the ball, with several stages of development: first, a beautiful unknown lady is emerging as a vision, hidden behind the curtain of mystery. The vision gradually acquires real features in the poetic text: her traits become clearer, there appear a "tonkii stan" [slender figure] and a "zadumchivyi vid" [pensive look]. In support of this change toward clear and tangible reality, the music breaks out in the Ddur (against h-moll as a principal tonality), at first in the way of a cadence, later as the main mode in the middle stanza [16. P. 115]. This third stanza, written in a major key, becomes the compositional center of the poem, after which there is a shift in the mood (in both the music and the text):

> V chasy *odinokie* nochi Lyubliu ya, *ustalyi*, prilech <...> (In the lonely hours of night Being tired, I like to lie down <...>) I *grustno* ia tak zasypaiu <...> (And sadly I fall to sleep <...>)

The image of the beautiful unknown lady dissolves in a sad half-sleep, turning into a vision, and the music again supports this idea by reintroducing the melodic phrases that were characteristic of the beginning of the art song. The recapitulation (in the final stanza) irrevocably blurs the line between reality and half-sleep. These nuances are rendered through changes in the melody and harmony of the second phrase in the complex double period. The words "zasypaiu" ("I'm falling asleep"), "no kazhetsia mne, chto liubliu" (but I seem to love you) are accompanied by stiffening recitative musical phrases that arouse the feeling of torpidity, submerging into sleep, to substitute for lively arioso-like phrases characteristic of the first part. Thus, the music and the poetry create a common semantic field, interplaying at the level of poetics that are intrinsic to these two kinds of art.

The vital role of the melodic stress, that is, emphasizing a syllable by the height of pitch, is worth a special mention. The text involves additional accentuation of several particular elements (especially in the combination with the following caesura, which makes it even more emphatic). In this case, the strongest positions (of all the dynamically stressed elements) are occupied by the following: "bala" ("ball"), "sluchaino" ("accidentally"), "mirskoi" ("worldly"), "uvidel" ("saw"), "taina" ("mystery"), "pechal'no" ("sadly"), "divno" ("divinely"), "zadumchivyi" ("pensive"), "otdalennoi" ("remote"), "odinokie" ("lonely"), "ustalvi" ("tired"), "pechal'nye" ("grievous"), "grustno" ("sad"), "nevedomyh"

("unknown) and it all resolves in "liubliu" ("I love"). This chain of lexemes arranges a very specific romantic line in this art song, as if to subdue all the other senses in this logic: the motif of a mystical cover, a curtain, inherited from the first Russian romantic poet Vasilii Zhukovskii, becomes especially clear and plot-binding only in interplay with the music. And the fact that this chain resolves into "liubliu" ("I love") cancels all the doubts explicated in the poetic text.

The study of Newmarch's "A Ballroom Meeting" to explore the influence of this syncretic semantic field on the translation has shown the following. Newmarch chooses to begin by describing the hustle and bustle of the waltzing ball ("noisy", "the whirl") with its glaring light and shimmering jewels ("glowing", "glare"). The picture is clearly suggested by the melody, not the original text itself, as there is no explicit description of the ball whatsoever in Tolstoi's poem, and the only adjective employed in the original is "shumnyi" (noisy). Newmarch develops this scene into a panoramic picture. Such perception appears quite characteristic of Newmarch: she saw music as *musical pictures*, and she described them in her texts in her capacity of a musical concert programme writer. Newmarch's peculiar syncretic perception of arts caused a number of translation shifts in the poetics and the imagery of the text. Thus, the audio-visual image of the ball reinforced by the music makes the image of a waltzing crowd burst out in the words of the translation: "We met in the *whirl* and the *glare*."

In the situation of the ballroom light and glare, Newmarch finds it important to emphasize the motif of peering. She adds "And *gazed* on your features..." that departs from the original, for in the latter the dominating motif is of a mystical cover or a curtain. It prevents the lyric hero from seeing and distinguishing traits of the unknown beauty. Nonetheless, the logic of Newmarch's text justifies this transition, and the substitution of the motifs is perceived as being natural.

The description of the heroine's voice acquires a dramatically different tone in translation. The original compares it with "zvon otdalennoi svireli" ("the ringing of a distant flute"); in translation it becomes "fifes tuned to *triumph* and *gladness*" and "wavelets that *laugh* as they fall". The reason for such change clearly does not rest in the poetic text, but in the musical one. This very passage of the melody acquires a major tone, and the major chords begin to break though the minor melody, resolving in the full major of the next stanza. That is how "triumph" and "gladness" penetrate the translation, thus providing the necessary link of the poetic expression to the musical one.

Newmarch substitutes the description of the beauty's traits (slender figure, pensive look) by the lyric hero's pondering: "For joy of for grief are you fitter? / A vision of woe or delight?" These two questions become the compositional center of the art song in translation. The melody in the major key, making this stanza stand out from the rest of the poetic-musical text, emphasizes these doubts as the most important issues, ones which gather all the other poetic meaning around them.

As was mentioned above, it was quite natural for Newmarch to explicitly describe her *musical* impressions in *words*. The return to the minor in the fourth

couplet of the art song produces an anticipated impression on Newmarch: the text is amplified by "solitude *dreary*" that appears on the account of the tonality that changes back to the minor. The darkness and solitude are emphasized through introducing additions "through the *silence*". Nevertheless, due to her professional ear for music, Newmarch manages to notice a concurrence of several types of stress (melodic and dynamic) on the word "love" and resolves all the doubts of the hero by employing the equivalent device in English.

To conclude, the rhythm of Newmarch's translation presents as clear and perfect an example of the meter as the original poem itself, with absolutely correct alternations of feet and verses. Like A. Tolstoi, Newmarch does not use a single pyrrhic, rather the rhythmical and metrical picture of the translation is completely identical to the original. Not a full semantic equivalent to the original poem, Newmarch's translation is clearly a good functional equivalent of Tchaikovskii's art song, and a brilliant English poem in its own right.

Rosa Newmarch's creative works are an apparent expression of her lifelong passions and pains: poetry that strives to become music, and music that assimilates poetry, erasing boundaries between the two arts, and a queer poetic voice conveying the pain of an unrequited love that can be fully and freely vented in an imaginary realm. Ascribing the features of a singing country to Russia, Newmarch seemed to be aware of the line between the real and the imaginary, having undertaken a study of Russian poetry in her *Poetry and Progress*. But the poetic texts, the most immediate expression of her artistic nature, flawed the attempts to classify, to prescribe, to draw boundaries, as she was too much a woman with an irrepressible stream of creative power, very much akin to the element of music itself.

References

- 1. Newmarch, R. (1907) *Poetry and Progress in Russia*. London: John Lane the Bodley Head, New York: John Lane Company.
- 2. Newmarch, R. (1917) Fourteen Russian Folk-songs with pianoforte accompaniment. Translated from Russian by Rosa Newmarch. London: J. & W. Chester.
- 3. Brown, C. (2011). Review of "Horae Amoris": The Collected Poems of Rosa Newmarch. Edited by John Holmes and Natasha Distiller. 293 pp. (High Wycombe: Rivendale Press, 2010). *Translation and Literature*. 20(3). pp. 397–403.
- 4. Bullock, Ph.R. (2010) "Lessons in sensibility": Rosa Newmarch, Music Appreciation, and the Aesthetic Cultivation of the Self. *The Yearbook of English Studies*. 40(1/2), pp. 295–318.
- 5. Newmarch, R. (2010) *Horae Amoris: The Collected Poems of Rosa Newmarch*. High Wycombe: Rivendale Press.
- 6. Newmarch, Rosa. (1902) The Art Songs of Russia. Sammelbände Der Internationalen Musikgesellschaft. 3(2), pp. 377–387.
- 7. Tikhomirova, Yu.A. (2016) [Russian Poetry as a Musical Metatext: Singing Russia of Rosa Newmarch]. *Russkii iazyk v polikkul'turnom mire* [Russian Language in Polycultural World]. Process of the X International Conference. 8–11 June 2016. Vol. 2. Simpheropol: IT "ARIAL". pp. 530–537. (In Russian).
- 8. Alekseev, M.P. (1981) Angliyskaya poeziya i russkaya literatura [English poetry and Russian Literature]. In: Alekseev, M.P. et al. (eds) *Angliyskaia poeziia v russkikh perevodakh (XIV–XIX veka)* [English poetry in Russian translations (14th–19th centuries)]. Moscow: Progress.

- 9. Gorlee, D. (ed.) (2005) Song and Significance: Virtues and Vices of Vocal Translation. *Approaches to Translation Studies*. 25. Amsterdam; New York: Rodopi.
- 10. Snell-Horbny, M. (2006) *The Turns of Translation Studies: New paradigms or shifting viewpoints?* Benjamins Translation Library. Amsterdam: Benjamins.
- 11. Newmark, P. (2012) Art Song in Translation. In: Minors, H.J. (ed.) *Music, text and translation*. (Bloomsbury Advances in translation). London: Bloomsbury.
  - 12. Langer, S.K. (1953) Feeling and Form: a theory of art. NY: Charles Scribner.
  - 13. Cooke, Deryck. (1959/2001) The Language of Music. Oxford: Clarendon Paperbacks.
  - 14. Asafiev, B.V. (1978) M.I. Glinka. Leningrad: Muzyka. pp. 247–257. (In Russian).
- 15. Gasparov, M.L. (2000) *Ocherk istorii russkogo stikha* [Essay on History of Russian Verse]. 2nd ed. Moscow: Fortuna.
- 16. Ruchyevskaya, E.A., Ivanova, L.A. & Shirokova, V.P. (1988) *Analiz muzykal'nykh proizvedeniy* [Analysis of Musical Works]. Leningrad: Muzyka.

Переводя факт, создавая миф: образы России в творчестве Розы Ньюмарч * $HO.A.\ Tuxomuposa$

Ключевые слова: поэтический перевод, вокальный перевод, переводческие трансформации, русская поэзия на английском, Роза Ньюмарч.

Предлагается новый, междисциплинарный подход к исследованию переводческой деятельности Розы Ньюмарч, поэтессы, писательницы и музыковеда рубежа XIX—XX вв., которая, начавшись с любви к русской музыке, эволюционировала в поиски путей самопознания и самовыражения через переводы русской поэзии. На материале английских переводов Ньюмарч из русской поэзии, предназначенной для музыкального воспроизведения (песни, романсы), исследуется проблема взаимосвязи переводческого выбора и метода с ее жизнетворческой программой; доказывается, что ее переводы являются продолжением как профессиональной музыковедческой деятельности, так и собственной оригинальной поэзии, где поэзия и музыка не имеют строгих границ, а музыка глубоко ассоциируется с Россией.

Инвентаризация переводов Ньюмарч из русской поэзии с позиций их принадлежности или соотнесенности с музыкальным контекстом выявила, что две трети текстов так или иначе связаны с музыкой. Обнаружено несколько типов связей: у некоторых существуют реальные мелодии, у других – воображаемые жанровые инварианты (они имеют жанровые названия – песня, серенада). Часть из них не имеют прямого отношения к музыке, но показывают высокую степень мелодичности текста: специфические ритм и рифма, стилистические приемы (параллельные конструкции, аллитерации и др.) делают их песенными. Остальные связаны с музыкой при помощи сюжета. Образ России Ньюмарч – образ поющей страны, где музыка – наиболее естественный способ выражения человеческих чувств.

Сосредоточившись на анализе переводов, имеющих реальную мелодическую основу, удалось доказать, что Ньюмарч воспринимала поэзию через музыку и наиболее адекватно переводила то, что имело свойство задерживаться в сознании при помощи мелодии. Сложность и комплексность материала, принадлежащего как литературоведческому и компаративному, так и музыковедческому полю, предопределили междисциплинарный подход к его изучению: комбинация имагологического, компаративного и музыковедческого видов анализа позволила выявить и объяснить переводческие трансформации в текстах, предназначенных для музыкального воспроизведения.

Изучение переводов Ньюмарч "Elegy" (романс Е. Баратынского – М. Глинки) и "A Ballroom Meeting" (А. Толстого – П. Чайковского) показало, что переводческие

^{*} Настоящая работа выполнена при поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности Томского государственного университета на 2013–2020 гг.

трансформации возникли как результат комплексного восприятия музыкальнословесного произведения; среди изменений – графический облик стихотворений, лексические и фонетические изменения, подсказываемые мелодиями, сдвиги в эмфатических ударениях и т.д. Не будучи полными семантическими эквивалентами русских романсных текстов, переводы Ньюмарч являются их блестящими функциональными эквивалентами, рассмотренными в комплексе поэтико-музыкальных свойств.

ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УДК 372.881.1

DOI: 10.17223/19986645/57/16

Л.Т. Леушина

ПРОФЕССОР Л.Д. ТАРАСОВ О ПРЕПОДАВАНИИ ДРЕВНИХ ЯЗЫКОВ В ИТАЛЬЯНСКОЙ СРЕДНЕЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ

Представлены факты научно-педагогической деятельности Льва Дмитриевича Тарасова, талантливого филолога-классика, который в течение двух десятилетий преподавал в Томском государственном университете латинский язык, античную литературу и факультативно — римскую сатиру. Рассматриваются основные положения его информативно-аналитического доклада на Первом Всероссийском съезде преподавателей древних языков о постановке классического образования в школах Италии и взгляд на ситуацию в отечественном образовании.

Ключевые слова: Тарасов, латынь, древнегреческий язык, Античность, задачи и методы преподавания.

Лев Дмитриевич Тарасов, яркая личность, известный филолог-классик, специалист по римской сатире, талантливый переводчик, с 1949 по 1962 г. преподавал латинский язык и античную литературу в Томском государственном университете. Л.Д. Тарасов был энциклопедически образованным человеком, великолепно знал латынь и древнегреческий язык, свободно владел французским, немецким и английским, знал итальянский, древнееврейский и славянские языки. Его лекции, насыщенные большим фактическим материалом, были увлекательными по форме и с неподдельным интересом воспринимались студентами. Годы, проведенные Л.Д. Тарасовым в Томске, – яркие, незабываемые страницы в истории университета и в жизни каждого человека, которому довелось общаться с ним или учиться у него.

Л.Д. Тарасов окончил классическое отделение Санкт-Петербургского историко-филологического института и в 1911 г. был отправлен в длительную зарубежную командировку (Германия, Франция, Италия) по линии Министерства народного просвещения для подготовки к учёному званию магистра. В течение июня и июля этого года он побывал во многих городах Италии — Милане, Болонье, Флоренции, Неаполе, Равенне, Вероне, Падуе, Венеции. В это время он изучал постановку преподавания древних языков в классических мужских школах Италии. В конце декабря 1911 г. в Санкт-Петербурге состоялся Первый Всероссийский съезд преподавателей

древних языков, на котором он выступил с обстоятельным информационно-аналитическим докладом «Древние языки в итальянской средней классической школе». В докладе приведены учебные планы с таблицами, расчасовкой, перечнем греческих и латинских авторов, министерские и авторские программы.

Съезд школьных преподавателей древних языков был уникальным и масштабным событием в истории российского образования: ни до, ни после ничего подобного не случалось. Состав участников насчитывал 269 человек, которые представляли 129 городов. Активность делегатов во многом определялась тем, что в результате реформы 1902 г. практически отменили уроки древнегреческого языка в гимназиях (с рекомендацией преподавать его на факультативных началах) и значительно сократили количество часов на латинский язык. Докладчики предлагали свои проекты по изменению преподавания классических языков, обсуждали целый ряд важных проблем методики. Доклад Л.Д. Тарасова — это не только подробный анализ постановки классического образования в Италии, это ещё и взгляд тогда ещё молодого учителя, но уже прошедшего годичную научную стажировку в Европе на ситуацию в отечественном образовании.

Л.Д. Тарасов отмечает общий упадок воспитательного и образовательного значения родной классической школы, вызванный реформой, которая нанесла ей «(utinam vates falsus sim!) immedicabile vulnus (хотел бы я оказаться лживым пророком!) неизлечимую рану», когда «окончательно порвалась цепь великая <...> Я имею честь представить вашему вниманию плоды моих наблюдений, сделанных летом ныне истекающего года, над итальянской классической школой, в которой эта великая цепь держится особо твёрдо и крепко уже в силу исторического преемства культуры древнего единого Рима и новой... Италии» [1. С. 289]. Классическая средняя школа Италии с восьмилетним обучением в те годы (5 лет гимназии и 3 года лицея), по сути, классическая гимназия с обязательным изучением двух древних языков, латинского в течение 8 лет, греческого от 3 до 5 лет. Л.Д. Тарасов приводит таблицы с количеством недельных часов по всем предметам, и получается, что итальянская школа 1/3 своего времени уделяет древним языкам. Он высоко оценивает школьную систему Италии с её высокими целями и рациональными путями достижения этих целей. В докладе приводится цитата из министерского циркуляра от 10 ноября 1894 г. № 150: «Из лицея должны выходить не филологи, не литераторы, не учёные, должны выходить юноши, приобретшие сознание своей нравственной ценности, которые были бы готовы вступить в жизненную борьбу во всеоружии прямизны, благородства, честности <... > Наше испытание зрелости должно быть для современных юношей тем, чем была для древних римлян toga virilis» [Там же. С. 291]. Этот документ на первое место ставит гуманитарное значение изучения Античности.

Для того чтобы подтвердить, насколько широко поставлено изучение древних языков, особенно латинского, в итальянской школе, Л.Д. Тарасов перечисляет античных авторов и их сочинения, предлагаемые для чтения в

1910/11 уч. г. в королевской гимназии-лицее Марко Фоскарини в Венеции, и затем сравнивает с программой родной классической школы, в которой отсутствуют Плавт, Лукреций, элегики, Квинтилиан, Тацит, сравнение происходит не в пользу последней. Превосходство итальянцев в области классического образования Л.Д. Тарасов объясняет особыми историческими условиями, «благоприятствующими изучению её (итальянской школы) питомцами поучительных примеров проявления всего лучшего в человеке, этого наиболее гуманизирующего фактора занятий античностью» [1. С. 291]. Он называет три благоприятных, на его взгляд, условия: 1) итальянский язык – прямой потомок латинского; 2) Италия – непосредственная наследница великой культуры Рима; 3) язык латинский для католической Италии доселе ещё lingua viva, язык её церковной молитвы.

Далее Л.Д. Тарасов представил министерские программы по латинскому языку и литературе, по греческому языку и литературе, по истории греческой культуры и сделал следующий, поучительный, на наш взгляд, вывод: «Из официальной программы видно, что в Италии министерство намечает весь материал обучения самым общим образом, представляя выбор тех или иных авторов и произведений личному усмотрению учащих, что (разумеется) в умелых руках служит немаловажным пособием к возможно обстоятельному ознакомлению ученика с древним миром» [Там же. С. 296]. В начале учебного года каждый преподаватель подаёт в дирекцию официальные заявления, programmi didactici, в которых, кроме предлагаемого к прочтению курса, излагает свой взгляд на предмет, предлагает нужный, по его мнению, метод и в соответствии с этим распределение учебного материала. Л.Д. Тарасову удалось не только изучить эти программы, но и побеседовать со многими преподавателями-классиками. «К этим ценным источникам я получил доступ благодаря отменной любезности заведующего канцелярией министерства г. Казалья, который, когда я явился к нему с письмом из нашего посольства и переводом на итальянский язык моего открытого листа, снабдил меня своего рода carte blanche и тот же час послал директорам римских гимназий соответственное оповещение, так что уже на другой день повсюду я видел радушный приём...» [Там же. С. 300].

Перейдя к анализу авторских программ, Л.Д. Тарасов особое внимание уделил дидактической программе опытного профессора римской гимназии-лицея Эннтио Квирино Висконти Каччолянца, по словам директора, «заслуженного латиниста» un latiniste de merite, которая поразила Л.Д. Тарасова знанием дела. Формулировка задач преподавания латинского языка и для современной методики представляется вполне актуальной. «Чтение авторов, которое должно, как мне кажется, образовать скелет или главное ядро классического образования, ту часть его, от которой требуют и ожидают несомненной и преимущественной пользы, состоит в том, что юноши, усваивая одну идею автора за другой, передают её хорошим родным языком. Чтение прозаиков будет сопровождаться необходимыми примечаниями стилистического характера, чтение поэтов, и главным образом Горация, сверх того нужными сведениями из метрики. Краткий комментарий,

освещение главных вопросов грамматики, истории, археологии; при удобном случае – переход к словообразованию латинскому и греческому, с указанием наиболее ясных корней общего арийского языка; сближение явлений классической грамматики вообще с родной итальянской (в нашей практике – русской) – такова в самых общих чертах моя задача» [1. С. 300—301]. Программа проф. Каччолянца указывает на роль греческого языка в классическом образовании: «...без совместного изучения обоих древних языков классическая школа теряет большую долю своего значения». Этот наболевший вопрос русской школы вызвал дружный отклик участников съезла.

Далее Л.Д. Тарасов коротко говорит о других программах и приводит выдержки из них, «...чтобы показать, насколько мало (разумеется, относительно) связан итальянский педагог-классик в своём понимании и практическом применении официальной министерской программы». В качестве примера он ссылается на программу заслуженного ординарного профессора римского лицея Торквато Тассо Ахилла Коссатини, в которой высказаны суждения, противоречащие принципам, заложенным в министерской программе. «Долгий мой опыт преподавания древних языков указывает мне не давать юношам слишком большого разнообразия авторов, от которого в конце года, как я заметил, получается какое-то расслабление. Лучше читать немногих авторов целиком или большими отрывками» [Там же. С. 303]. Вопрос об отношении Министерства просвещения к гимназиям, по-видимому, также волновал участников съезда, не случайно через некоторое время Л.Д. Тарасов возвращается к теме свободы, которой пользуется итальянская школа по отношению к доверенным ей воспитанникам. Он приводит мнение заслуженного итальянского педагога Аматуччи, который говорил, что не представляет себе, как какая-либо организация помимо школы (вопрос шёл о родительских комитетах) могла бы играть в её жизни решающую роль».

В заключительной части доклада речь идёт об учебных пособиях и экзаменах. Л.Д. Тарасов отметил обилие школьных изданий латинских и греческих авторов, а что касается экзаменов, то они показались ему «чересчур обстоятельными». В целом доклад Л.Д. Тарасова с подробным описанием традиций итальянской школы вызвал интерес и одобрение участников съезда.

В самом конце доклада он излагает идею, заимствованную у итальянских учителей-классиков, которая поразила его своей грандиозностью: «Исторический процесс идёт по пути объединения всего человечества в единую великую семью. У этой единой семьи должен быть единый язык. (Позволю себе напомнить воляпюк, эсперанто, так рекламируемый ныне, и менее известные попытки этого рода.) Для нас, филологов, ясно, что все эти попытки не могут иметь никакой практической ценности, — язык не создаётся личностью, даже гениальной, ибо он есть коллективный плод долгого развития той или другой человеческой группы. Это во-первых. Вовторых, только язык, имеющий литературу и литературную историю, язык,

наименее задевающий самолюбие главных культурных народов, только этот язык и может сыграть историческую роль единого общего языка. И нет сомнения, милостивые государи, что наиболее удовлетворяющий всем этим требованиям, имеющий 3-тысячелетнюю историю, бывший до конца XVIII в. исключительным органом европейской научной мысли, lingua Latina, vivida, viva, ac semper victura и будет этим единым языком объединённого человечества, как некогда был единым владыкою мира создавший его римский народ...» [1]. Прошло столетие, как мы видим, прогнозы филологов-классиков не оправдались, но существует «живая латынь», на которой публикуются научные исследования по классической филологии, издаются журналы на латинском языке (один из самых авторитетных - VOX LATINA в Германии), сочиняются стихи, создаются тексты в прозе, например биографии, хроника новостей, делаются переводы, издаются словари и разговорники и т.д. Но пророчество Л.Д. Тарасова относительно неизлечимой болезни нашей школы оправдалось: в стране существуют всего две классические гимназии, в школах древние языки не преподаются, из вузовских программ вытесняется даже латынь (на исторических и юридических факультетах и т.д.). Хочется надеяться, что наша образовательная система со временем найдёт место для Античности, чтобы молодые люди в России приобщались к основам общей европейской культуры и тем самым более глубоко понимали родной язык с его греколатинскими связями и родную литературу в её истории.

Л.Д. Тарасов сочувственно принял Октябрьскую революцию, долгое время состоял на дипломатической службе: в качестве первого секретаря полпредства РСФСР в Турции и Персии, уполномоченного при зарубежных миссиях в РСФСР – миссии Папского престола и др. В середине 20-х гг. Л.Д. Тарасов возвращается к преподавательской работе. Решением ГУС Наркомпроса РСФСР от 12 января 1923 г. он утверждён в учёном звании профессора по кафедре классической филологии Донского университета. Л.Д. Тарасов снова был направлен, на этот раз Наркомпросом, в заграничную командировку (Италия, Греция), где собирал материалы для докторской диссертации.

При всём многообразии интересов Л.Д. Тарасова основным направлением его научной деятельности стала римская сатира, ещё студентом он заинтересовался античной литературой. Учителями его в Санкт-Петеристорико-филологическом институте бургском были В.В. Латышев и профессор римской словесности И.И. Холодняк, специалист по литературе Древнего Рима. В популяризации Античности, которой Л.Д.Тарасов занимался на протяжении всей жизни, образцом стал Ф.Ф. Зелинский. Под его влиянием Л.Д. Тарасов начал переводческую деятельность: ещё в 1908 г. опубликовал в журнале «Гермес» (№ 18-20) свою первую работу-перевод с латинского анонимной поэмы «Пробуждение весны», приписываемой поэту Флору. В 1912 г. в «Гермесе» (№ 1) опубликован его перевод оды Горация «К Манлию Торквату» (IV, 7). Научным руководителем магистерской диссертации Л.Д. Тарасова, посвящённой римским сатирикам, которая называлась «Очерки по истории римской са-

тиры: Луцилий – Гораций – Ювенал», был профессор М.И. Мандес, видный специалист в области греческого источниковедения. Тема диссертащии на соискание учёной степени доктора филологических наук - «Гай Луцилий – римский сатирик», защита которой состоялась уже в период Великой Отечественной войны в 1943 г., когда Л.Д. Тарасов находился в эвакуации в Ташкенте (утверждена ВАК 8 мая 1948 г.). Л.Д. Тарасов много занимался редакторской работой в издательстве «Академия», в том числе редактировал перевод А.Ф. Лосевым сочинения греко-римского философа и врача Секста Эмпирика «Против учёных», наиболее значительного памятника античного скептицизма. Под редакцией Л.Д. Тарасова в 1939 г. вышли две большие книги: Нилендер В.О. «Греческая литература в избранных переводах» (в разделе «Народные песни» опубликована «Песня горшечников» в переводе Л.Д. Тарасова [песня14] и Кондратьев С.П. «Римская литература в избранных переводах» (редакторы А.В. Мишулин и Л.Д. Тарасов). В этом издании опубликован перевод Л.Д. Тарасова из «Фарсалии» Лукана (кн. 3. ст. 1-35) «Сон Помпея». В Томске он работал над монографией «История римской сатиры» и опубликовал несколько статей на эту тему. Научные труды Л.Д. Тарасова по римской сатире до сих по не утратили своего значения (см.: [3, 4]).

Преподавательскую работу Л.Д. Тарасов не прекращал до последних дней жизни.

Литература

- 1. *Тарасов Л.Д.* Древние языки в итальянской средней классической школе // Труды 1-го Всероссийского съезда преподавателей древних языков. СПб., 1912. С. 289–311.
- 2. *Леушина Л.Т.* Лев Дмитриевич Тарасов // Двойной портрет (филологи-классики о филологах-классиках) : сб. ст. / сост. М.Н. Славятинская. М., 2011. С. 130–135.
- 3. *Тарасов* Лев Дмитриевич // Профессора Томского университета: биографический словарь (1945–1980) / гл. ред. С.Ф. Фоминых, Томск, 2001. Т. 3. С. 416–419.

Professor Lev D. Tarasov on the Teaching of Ancient Languages in the Italian Secondary Classical School

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 266–272. DOI: 10.17223/19986645/57/16

Lilia T. Leushina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: leushina@vtomske.ru

Keywords: Tarasov, Latin, Greek language, antiquity, tasks and methods of teaching.

The aim of the work is to study the origins of pedagogical skills of a great scholar Lev D. Tarasov, his views on the problems of classical philology that were formed largely under the influence of the European school of classical philologists, which allows drawing attention to the problem of the place of antiquity in modern Russian education.

Tarasov was a bright person, a famous classical philologist, a specialist in Roman satire, a talented translator, who taught Latin and ancient literature at Tomsk State University from 1949 to 1962. Tarasov was a pansophically educated person, knew Latin and Greek well, was fluent in French, German and English, knew Italian, Hebrew and Slavic languages. Tarasov's lectures were full of great factual material and fascinating in form and thus were perceived with genuine interest by students who adored him.

The work was done on the basis of Tarasov's information and analytical report at the First All-Russian Congress of Teachers of Ancient Languages (St. Petersburg, December 1911): "Ancient Languages in the Italian Classical Secondary School". Tarasov graduated from the Classical Department of St. Petersburg Historical and Philological Institute, and in 1911 he was sent on a long trip abroad (Germany, France, Italy) through the Ministry of Public Education to prepare for the academic title of the master. During June and July 1911, he visited many cities in Italy (Milan, Bologna, Florence, Naples, Ravenna, Verona, Padua, Venice) studying the methods of teaching ancient languages in classical male schools in Italy. The report presents curricula with tables, calculations, the list of Greek and Latin authors, ministry and author programs.

Tarasov's report represents not only a detailed analysis of the organization of classical education in Italy, but also the opinion of still a young teacher at that time, who has already completed a one-year scientific internship in Europe, on the situation in Russian education. He highly praises the Italian school system, where the emphasis is on the humanitarian significance of studying antiquity. Many aspects of teaching ancient disciplines, its role and organization discussed in Tarasov's report are still relevant for modern education. In addition to a number of issues of methods of teaching ancient languages, the subject of the discussion is the instructional and educational value of the classical school, which primarily forms the personality of the student.

Tarasov's report leads to a conclusion that the origin of the crisis of the Russian educational system refers to the beginning of the 20th century. For example, limiting the teaching of Greek, and even the rejection of it, is the result of the misunderstanding of its importance for Russian culture, no less, and probably even more than that of Latin. It seems that the Russian educational system will eventually find a place for antiquity, so that young people in Russia could become familiar with the basics of the common European culture and thus more deeply understand the native language with its Greek-Latin connections and native literature in its history.

References

- 1. Tarasov, L.D. (1912) Drevnie yazyki v ital'yanskoy sredney klassicheskoy shkole [Ancient Languages in the Italian Classical Secondary School]. In: *Trudy pervogo Vserossiyskogo s''ezda prepodavateley drevnikh yazykov* [First All-Russian Congress of Teachers of Ancient Languages]. St. Petersburg: Sever.
- 2. Leushina, L.T. (2011) Lev Dmitrievich Tarasov. In: Slavyatinskaya, M.N. (ed.) *Dvoynoy portret (filologi-klassiki o filologakh-klassikakh)* [Double Portrait (classical philologists about classical philologists)]. Moscow: MGKhPA im. S.G. Stroganova.
- 3. Fominykh, S.F. (ed.) (2001) Tarasov Lev Dmitrievich. In: *Professora Tomskogo universiteta: Biograficheskiy slovar' (1945–1980)* [Professors of Tomsk University: Biographical Dictionary (1945–1980)]. Vol. 3. Tomsk: Tomsk State University.

РЕЦЕНЗИИ, КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ

УДК 372.881.1

DOI: 10.17223/19986645/57/17

НЕМЕЦКИЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ В.А. ЖУКОВСКОГО

Репензия на книгу: Собрание немецких сочинений и автопере-Жуковского B.A. волов Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen V.A. Žukovskij / подгот. текстов, коммент. и прил. Н.Е. Никонова (гл. ред.), П.А. Ковалев, К.И. Дубовенко. Е.А. Вишнякова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. -348 c.

Издание впервые представляет под одной обложкой все доступные на сегодняшний день и ранее неизвестные отечественному читателю немецкие сочинения и автопереводы В.А. Жуковского параллельно с русскими текстами. Собрание снабжено подробными комментариями и иллюстра-

тивным материалом.

Для всех интересующихся историей русской литературы, художественного перевода и русско-европейских межкультурных контактов.

В рецензируемом издании предпринята удачная попытка представления немецкого текста в творчестве В.А. Жуковского с позиций современного переводоведения, источниковедения и компаративных исследований [1]. Составители уникального издания в качестве основной исследовательской задачи видят необходимость выявления характерных особенностей деятельности Жуковского-переводчика, редактора и издателя, а также расширения представлений о европейских связях русской литературы, в укреплении которых очень важную роль сыграл Жуковский [Там же. С. 15]. При этом исследователи отмечают, что информация данного сборника не дублирует сведения о сочинениях и письмах поэта, включенных в Полное собрание сочинений и писем В.А. Жуковского в 20 томах, 11 из которых были опубликованы к 2016 г. томскими филологами под руководством А.С. Янушкевича.

Издание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского продолжает серию работ, созданных томскими учеными-компаративистами в

274 Рецензия

области исследования французской и немецкой семиосфер творчества поэта (см., например: [2, 3]). Необходимость осмысления текстов русского поэта в контексте мировой литературы в настоящем собрании сочинений и автопереводов Жуковского представлена с помощью его переводов художественных и публицистических текстов с русского языка на немецкий. При этом составители издания полчеркивают различие сфер использования французского и немецкого языков в системе художественного билингвизма поэта: «Французский был преимущественно языком письменного и устного общения с окружением, немецкий – в первую очередь языком чтения, языком книг, языком оригинала для Жуковского-переводчика, а в итоге – и языком, на который он переводил свои тексты. Этим различием культурных сфер определяется и специфика жанров французских и немецких сочинений Жуковского: в первом случае это главным образом маргинальные жанры (макароническая поэзия, домашняя литература, эпистолярий); в последнем преобладают поэтические тексты и автопереводы, манифестарные с точки зрения высокой литературы эпохи романтизма: «Видение» («Die Erscheinung», 1828); «Воспоминание» («Von den Geliebten, die für uns die Welt...», 1838); «Море» («An die See», 1849). К ним примыкают автопереводы прозаических сочинений на актуальные политические темы: «О происшествиях 1848 года» («Deutschland. Vom Main, den 27. August 1848»); «Русская и английская политика» «Englische und russische Politik», 1850)» [1. C. 6].

Немецкий текст в творчестве В.А. Жуковского достаточно разнороден. К нему относятся поэтические посвящения-автопереводы людям, являющимся для него аксиологическими образцами в литературе (И. В. Гете) или «провиденциальными собеседниками» в жизни (Юлия фон Эглоффштейн. Елизавета фон Рейтерн, великая герцогиня Мария Павловна, графиня Ольга Бобринская). Данные тексты проникнуты романтическим мироощущением, которое, по словам Ю.М. Лотмана, «тогда было еще не традицией, а витающим в воздухе живым литературным (и, шире, - культурным) переживанием» [4. С. 57–58]. К немецкому тексту в творчестве Жуковского относятся и прозаические тексты на немецком языке, связанные с одной из главных публицистических тем его творчества, – революционным движением 1848 г. в Европе (см., например: [5]). Инокультурное, инолитературное в данных текстах позволяет Жуковскому со- и противопоставить положение России. Англии. Франции и Германии в эпоху революций, выявить аксиологические приоритеты во внутренней и внешней политике европейских стран в середине XIX в. Именно поэтому немецкоязычные тексты Жуковского оказываются аксиологически значимыми для критического осмысления роли художника и политика в 1820–1250-е гг., с одной стороны, а с другой стороны, вписывают русский текст того времени в более широкий имагологический и исторический контекст эпохи. Более того, по справедливому мнению составителей сборника, именно в немецкорусском транслингвальном континууме происходит «не только появление "немецкого Жуковского", но возникновение и реализация принципиально Рецензия 275

новых художественных замыслов, ставших событиями в русской литературе (например, перевод «Одиссеи»)» [1. С. 7]. Становление и развитие Жуковского-переводчика с изменением основных аксиологических стратегий его переводческой деятельности наглядно представлено в сборнике с помощью размещения автопереводов поэта в форме texte en regard.

Методологическая ценность рецензируемого издания несомненна: оно востребовано в учебном процессе при изучении истории русской и зарубежной литературы, истории и теории перевода, истории отечественной журналистики. Инструментарий имагологии и компаративистики позволяет ученым-филологам Томского государственного университета представить немецкий мир Жуковского-поэта, переводчика, редактора и публициста в аспекте транскультурного взаимодействия России и Германии в первой половине XIX в.

Успешно продолжая зарубежные и отечественные исследования в области имагологии и сопоставительного изучения разных литератур, томские компаративисты выстраивают аксиологически важные соответствия между русским текстом Жуковского и текстом европейским, и подобный опыт исследования, вне всякого сомнения, обладает научной и методологической новизной, поскольку представленные в издании немецкие сочинения и автопереводы Жуковского в сопровождении переводческого и культурологического комментария дают возможность по-новому оценить характеристики немецкоязычных текстов Жуковского, в рамках культурного трансфера вновь пришедших в семиосферу русскоязычного читателя.

С нашей точки зрения, основные результаты многолетней скрупулезной источниковедческой и переводоведческой работы томских исследователей-компаративистов, которые представлены в рецензируемом издании, несомненно, являются актуальными и практически значимыми на современном этапе изучения наследия В.А. Жуковского в России и за рубежом.

Литература

- 1. Собрание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского // Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij / подгот. текстов, коммент. и прил. Н.Е. Никонова (гл. ред.), П.А. Ковалев, К.И. Дубовенко, Е.А. Вишнякова. Томск, 2018.348 с.
- 2. Вяткина И.А., Лебедева О.Б. Диглоссия эпистолярия В.А. Жуковского // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 7–11.
- 3. *Никонова Н.Е.* В.А. Жуковский и немецкий мир. М. ; СПб. : Альянс-Архео, 2015. 496 с.
  - 4. Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 1995. 847 с.
- 5. В.А. Жуковский в воспоминаниях современников / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. О. Б. Лебедевой, А.С. Янушкевича. М. : Наука : Школа «Языки русской культуры», 1999. 726 с.

276 Рецензия

German Text in the Works of Vasily Zhukovsky. Book Review: Nikonova, N.E. (ed.) (2018) Sobranie Nemetskikh Sochineniy i Avtoperevodov V.A. Zhukovskogo / Gesammelte Deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij [Collection of German Works and Self-Translations of V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 57. 273–276. DOI: 10.17223/19986645/57/17
Viktoriya N Karpukhina Altai State University (Barpaul Russian Federation)

Viktoriya N. Karpukhina, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

The book first presents all available German compositions and self-translations by V.A. Zhukovsky in parallel with the Russian texts. The collection is provided with detailed commentaries and illustrative materials.

The book is for those interested in the history of Russian literature, literary translation and Russian-European intercultural contacts.

References

- 1. Nikonova, N.E. (ed.) (2018) Sobranie nemetskikh sochinenii i avtoperevodov V.A. Zhukovskogo / Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij [Collection of German works and self-translations of V.A. Zhukovsky]. Tomsk: Tomsk State University.
- 2. Vyatkina, O.A. & Lebedeva, O.B. (2007) Diglossiya epistolyariya V.A. Zhukovskogo [Epistolary diglossy of V.A. Zhukovsky]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta Tomsk State University Journal.* 294. pp. 7–11.
- 3. Nikonova, N.E. (2015) *Zhukovsky i nemetskii mir* [Zhukovsky and the German world]. Moscow; St. Petersburg: Alyans-Arkheo.
  - 4. Lotman, Yu.M. (1995) Pushkin. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russian).
- 5. Lebedeva, O.B. & Yanushkevich, A.S. (eds) (1999) *V.A. Zhukovsky v vospomimnaniyakh sovremennikov* [V.A. Zhukovsky in the memoirs of his contemporaries]. Moscow: Nauka; Shkola "Yazyki russkoy kultury".

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АКСАРИНА Наталья Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тюменского государственного университета.

E-mail: ctvfvnbr@yandex.ru

БАСОВА Лариса Валерьевна — канд. филол. наук, и.о. зав. кафедрой русского языка Тюменского государственного университета.

E-mail: l.v.basova@utmn.ru

БАТЮШКИНА Марина Владимировна – канд. пед. наук, ст. консультант отдела лингвистической экспертизы и систематизации законодательства Законодательного собрания Омской области.

E-mail: soulangeana@mail.ru

БЕЛЯЕВА Елизавета Сергеевна – аспирант кафедры русского языка Кемеровского государственного университета.

E-mail: lis.ens@yandex.ru

БУТЕНИНА Евгения Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток).

E-mail: eve-butenina@yandex.ru

ГАВРИЛОВ Виктор Викторович – канд. пед. наук, доцент кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета.

E-mail: victorg12@mail.ru

ДЕДОВА Ольга Викторовна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: ov.dedova@gmail.com

ДЕКТЕРЕВ Сергей Борисович – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка для обществоведческих факультетов Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: aries03@mail.ru

ЗАДОРИНА Алена Олеговна – канд. филол. наук, доцент кафедры культурологии Сибирского федерального университета (г. Красноярск).

E-mail: amaltea-20x@yandex.ru

КАРПУХИНА Виктория Николаевна – д-р филол. наук, профессор кафедры германского языкознания и иностранных языков Алтайского государственного университета (г. Барнаул).

E-mail: vkarpuhina@yandex.ru

КИМ Лидия Густовна — д-р филол. наук, зав. кафедрой русского языка Кемеровского государственного университета.

E-mail: kimli09@mail.ru

КИСЕЛЕВ Виталий Сергеевич – д-р филол. наук, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Томского государственного университета.

E-mail: kv-uliss@mail.ru

КРАСИНА Елена Александровна – д-р филол. наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: elena krassina@mail.ru

КРЫЛОВ Вячеслав Николаевич – д-р филол. наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: krylov77@list.ru

КУЗНЕЦОВА Наталья Владимирована — канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тюменского государственного университета.

E-mail: nvkouznets@gmail.com

ЛЕУШИНА Лилия Трофимовна — канд. филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: leushina@vtomske.ru

МОЛОДЫЧЕНКО Евгений Николаевич – канд. филол. наук, доцент департамента иностранных языков Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: e.molodychenko@gmail.com

НЕКРАСОВА Елена Дмитриевна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. лаборатории лингвистической антропологии Томского государственного университета.

E-mail: nekrasovaed@yandex.ru

ОСОКИНА Наталья Юрьевна – канд. филол. наук, доцент кафедры английского языка для обществоведческих факультетов Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: osnat@inbox.ru

ПАЛИЙ Валерия Евгеньевна – студентка филологического факультета Томского государственного университета.

E-mail: picture perfect@mail.ru

ПЕТРУХИНА Елена Васильевна – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: petrukhina.elena@gmail.com

ПОЧТАРЁВА Ольга Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Тюменского государственного университета.

E-mail: olga2476@mail.ru

РЕЗАНОВА Зоя Ивановна — д-р филол. наук, профессор, зав. кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета.

E-mail: rezanovazi@mail.ru

ТИХОМИРОВА Юлия Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры романогерманской филологии Томского государственного университета. Email: yat77@mail.ru

ЧЕСНОКОВА Ольга Станиславовна – д-р филол. наук, профессор кафедры иностранных языков Российского университета дружбы народов (г. Москва). E-mail: tchesnokova_olga@mail.ru

ОТ РЕДАКЦИИ

Научный журнал «Вестник Томского государственного университета. Филология» был выделен в самостоятельное периодическое издание из общенаучного журнала «Вестник Томского государственного университета» в 2007 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29496 от 27 сентября 2007 г.), ему присвоен международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-6645).

«Вестник ТГУ. Филология» выходит 6 раз в год и распространяется по подписке, его подписной индекс — 44041 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию; рукописи не возвращаются. Публикации в журнале осуществляются на некоммерческой основе.

Ознакомиться с требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала: http://journals.tsu.ru/philology

Редакция не вступает с авторами в переписку по методике написания и оформлению научных статей и не занимается доведением статей до необходимого для публикации уровня.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей. Ответственность за содержание публикуемых материалов несёт автор. При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

Адрес редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет, филологический факультет.

Телефон 8(382-2)52-96-67

Ответственный секретарь редакции журнала – Д.А. Катунин.

E-mail: katunin@mail.tsu.ru

Научный журнал

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ФИЛОЛОГИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOLOGY

2019. № 57

Редактор Т.В. Зелева Редактор-переводчик В.В. Кашпур Оригинал-макет А.И. Лелоюр Дизайн обложки Л.Д. Кривцова

Подписано в печать 25.02.2019 г. Формат $70\times100^{-1}/_{16}$. Печ. л. 17,6; усл. печ. л. 22,9. Цена свободная. Тираж 50 экз. Заказ № 3678.

Дата выхода в свет .03.2019 г.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36 Томский государственный университет

Журнал отпечатан на оборудовании Издательского Дома Томского государственного университета, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 52-98-49 http://publish.tsu.ru; e-mail; rio.tsu@mail.ru